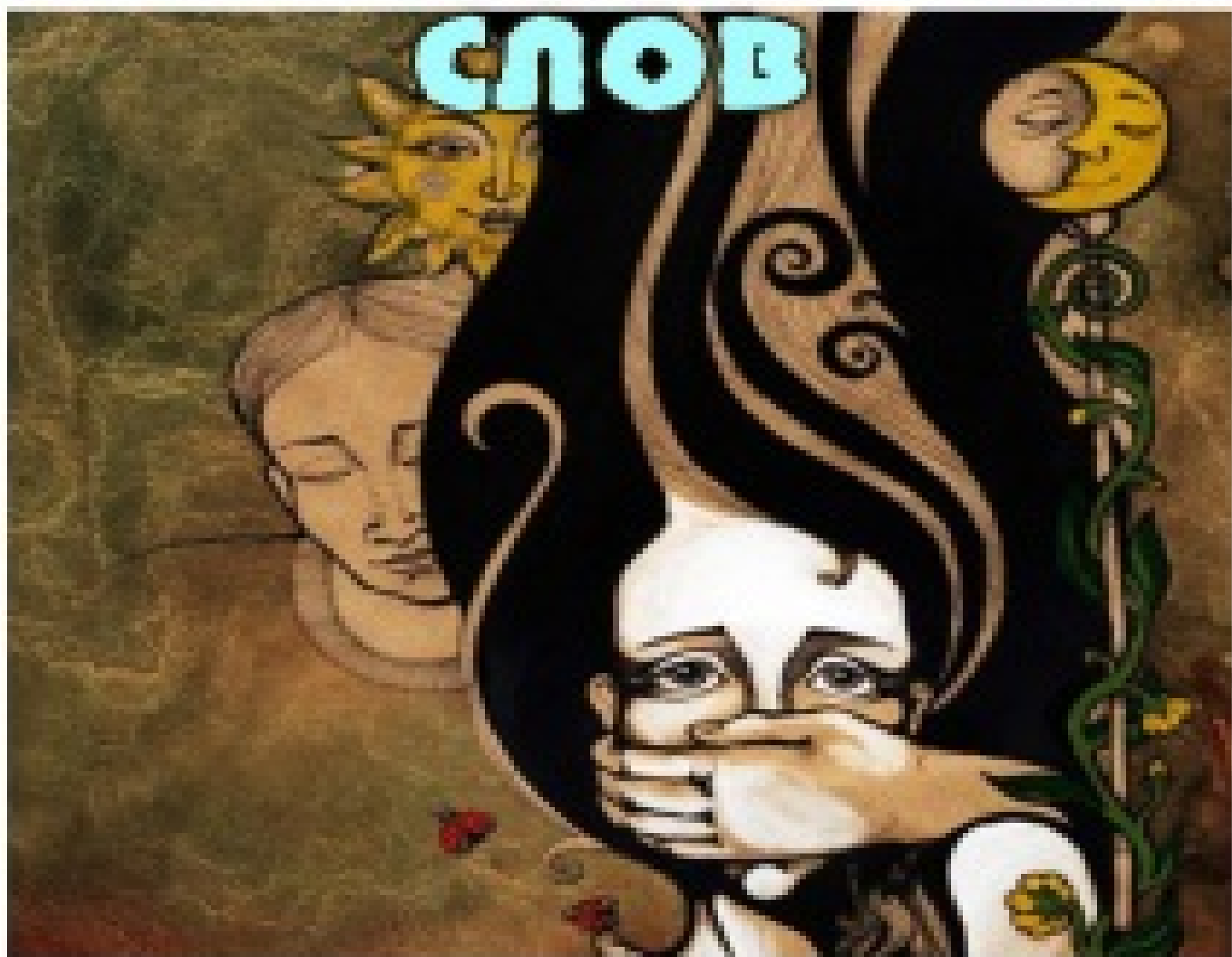




НЕВЫСКАЗАННЫХ



Варваре Трубецкой 17 лет, она только окончила школу, но уже успела пережить смерть отца, предательство лучшего друга и потерю первой любви. Она вынуждена оставить свои занятия танцами. Вся ее давно распланированная жизнь — поступление на факультет журналистики и переезд в Санкт-Петербург — рухнула, как карточный домик, в одну секунду. Теперь она живет одним мгновением — отложив на год переезд и поступление, желая разобраться в своих чувствах, она устраивается работать официанткой, параллельно с этим играя в любительском театре. Ее некому осуждать и некому хвалить — мама много работает и появляется дома слишком редко, у бабушки своя жизнь с карточными играми с подружками по средам. Варвара дала себе слово продержаться в ненавистном Воронеже еще год, и за это время она поймет, чего стоит.

Часть 1. Доверие. I

...Когда-нибудь я напишу о нем.

Я стану старой и никому ненужной, и целыми днями только и буду печь диковинные пироги и писать сладкие до ломоты в зубах истории, которые не будет читать никто, кроме меня и моих подружек — таких же старых перечниц, как и я. Да, я буду этакой элегантной бабушкой с высокой прической и идеальным маникюром в сиреневой шали, с сигарой в зубах и платье, больше подходящим для какого-нибудь приема, чем для дома. Я буду сидеть у огня (да, у меня дома будет камин), задумчиво смотреть на огонь, стряхивая пепел с длинной сигары в пепельницу и писать свои жуткие истории, больше похожие на безудержный поток воспоминаний, недостоверный и приукрашенный до невероятности. Рядом будет сидеть мой огромный ленивый кот, а лучше кошка. Я буду почесывать ее за ухом и сетовать на то, что вот, мол, какая я старая и никому ненужная...

А может быть, все будет не так, не знаю. Но как бы ни было, я все равно однажды напишу о нем. Хоть что-то, хоть самую малость, чтобы, наконец, понять.

Но это случится не скоро. Лет через пятьдесят, не раньше.

Пока же я стою под этим глупым несносным дождем, еще больше испортившим и без того паршивое настроение, и смотрю ему вслед. Смотрю, как он уходит. Вот кто-то берет меня за руку и осторожно пожимает ее, словно боясь, что я вырвусь. Но у меня даже нет сил обернуться.

Всю свою недолгую сознательную жизнь я обожала портреты. Мне нравилось смотреть на людей (порой даже незнакомых), запечатленных в самых разных позах и одеждах с самыми различными эмоциями на лицах. Казалось, эти люди живут совсем в другом мире. Они живут в мире власти мгновения. Одного мгновения. Неважно сколько времени прошло с момента запечатления на фотографии — минута, день, неделя, год — это мгновение (каким бы оно не было) навсегда останется в истории.

Даже если на эту фотографию с твоим изображением больше никогда никто не посмотрит.

Даже если ты станешь единственным, кто будет лицезреть себя из «внешнего мира».

Ты будешь жить даже после смерти. И кто-то однажды достанет твою фотографию из пыльных коробок вместе с другим хламом и увидит эту девушку со слегка вымученной улыбкой — буквально за минуту до снимка ты поругалась со своими родителями — и добрыми сияющими глазами.

... И если бы у меня был фотоаппарат, я бы немедленно сфотографировала эту удаляющуюся спину, едва различимую в струях сумасшедшего дождя.

Слезы стекают по лицу вместе с гримом, застилают глаза, и кажется мне, все рябит передо мной, даже фигура, удаляющаяся по кривой улочке чужого города.

Я ощущаю свою холодную руку в руке своего друга и снова начинаю чувствовать. Слова, краски, шум машин, музыку из ближайшего дома и человека рядом...

Оборачиваюсь, обнимаю его, и вместе мы идем назад к автобусу. Марк что-то напевает и чудится мне, что все вернулось в тот далекий странный день год назад — тот же дождь, люди, автобус, Марк и та песня...

...Откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Снаружи идет дождь, там мокро и

прохладно, а внутри запотевшее стекло и бешено веселящиеся подростки. Мои товарищи по несчастью, которых я очень люблю, но от которых, к сожалению, иногда устаю. Безумные, безусловно, сумасшедшие театралы-любители, с огромным фонтаном идей в голове и полным отсутствием контроля.

Запертые в одном душном автобусе, вынуждены терпеть друг друга и всеобщее сумасшествие.

В такие минуты мечтаешь только об одном — о тишине, которая кажется как никогда недостижимой. Атмосфера же буйства накалена до такого предела, что, кажется, можно пощупать ее пальцами. Единственное спасение — представить, что все уже закончилось, и я уже лежу в своей постели. Но и это кажется невозможным, особенно когда рядом с тобой сидит...

— Варька! Варька! Послушай, такая классная мелодия! — моя соседка Инга протягивает мне наушник, но в принципе, в этом нет необходимости — музыка, льющаяся из плеера, слышна и так. И слишком знакома она, чтобы я не могла угадать ее с первых аккордов.

И опять меня погружает в какую-то пучину, из которой нет выхода. Я знаю все пассажи, они пропитывают мои руки, готовые совершать привычные движения пальцами, голову и мое тело, которое уже не может находиться в прежнем положении.

— Инга, привет. Варь, пошли, нужно поговорить. — От погружения меня отвлекает мой друг Марк и его приятель Максим. А последнему-то что здесь надо? Раз, что не переносит меня, два — что ухмыляется так, как будто это я притащила его сюда силой.

— Что за секреты? — удивляюсь я.

— Просто мне нравится вид из заднего окна, — мило улыбаясь, разводит руками мой дружок.

— Ну, что? — я облакачиваюсь на заднее кресло, рядом примащиваются мои товарищи, выкраивая себе место среди сваленных кое-как костюмов и реквизита. Вся основная масса веселится в начале автобуса.

Но ни Марк, ни Максим не горят желанием начать разговор.

Я молча смотрю сквозь мутное от разводов стекло на залитую дождем дорогу, по которой снуют машины.

— Слушай, Варь, — мнется Марк, — откажись от роли в новой Яшиной постановке.

— ...

— Мы слышали, он говорил с тобой, но понимаешь, Анжела бесится.

— Простите?..

— Ты же слышала. — Вступает Максим.

Я закашлялась.

— Простите, но не кажется вам, что это уже перебор? С какой стати?

— Ты же знаешь, как долго она напрашивалась на главную в этом новом Яшином проекте! С тех пор, как он начал об этом говорить... теперь же, если она узнает, что все переменялось, то...

— Что будет? Конец света? — фыркнула я. — Во-первых, ничего еще неизвестно. Он упомянул об этом вскользь, всего раз. Да и то, ясно было, что он будет еще полгода все это обдумывать. А, во-вторых, не понимаю, почему я должна кому-то что-то уступать, только потому, что у этого кого-то может случиться истерика!

Дождь за окнами пошел сильнее, но я лишь мельком взглянула в окно.

— Ладно, Максим, от него я ожидала чего угодно, но ты, Марк!..

Я развернулась и, покачиваясь, двинулась к своему креслу.

— Слушай, — предложила я Инге. — Давай поменяемся местами. Поспать хочется.

— Давай, — как мне показалось, с удовольствием согласилась Инга.

Новенькая и немного бестолковая, Инга пришла к нам в труппу совсем недавно, но уже успела поразить всех своим наивным отношением к жизни. Она выкладывала свои идеи и впечатления так, как будто впервые открывала для себя этот мир. Как будто каждый день был для нее новостью.

Она мне нравилась, но временами ужасно раздражала, особенно если учесть, что в последнее время постоянно ходила за мной хвостом.

Нацепив наушники, я уставилась в мутное от разводов стекло. Спать я не собиралась. Все эти маневры были сделаны лишь ради того, чтобы Марк или Максим не вытащили меня снова с места со своими глупыми предложениями.

Марк и Максим не были друзьями. Приятелями, самое большое. Кажется, у Максима вообще не было друзей, по крайней мере, среди театралов.

Единственное, что я знала о нем — много лет он был пловцом, достаточно серьезным, хотел посвятить себя спорту, но пару лет назад получил травму и больше не смог заниматься плаванием. Оборвал все свои прежние контакты с пловцами, среди которых было множество его друзей, и ударился в область совершенно противоположную — театр. Не каждый может так рубить сплеча, однако он смог. И все мое знание о нем сводилось лишь к этой скудной информации и к внешности, которую он скрывал за гримом и прочими масками так часто, как только мог.

Он высокий, худой; со светлыми, выгоревшими на солнце волосами; с бровями, упрямо сводящимися к переносице, когда он над чем-то размышлял; у него нос с горбинкой, губы разъезжаются в непередаваемую полуулыбку, зеленые глаза из-под темных бровей насмешливо блестят; у него серьга в ухе и множество браслетов на темной от загара руке. Да, и еще одна существенная деталь, говорящая нечто о его характере — он встречается с Анжелой.

И вместе они терпеть не могут меня. Примерно, с тех самых пор, как я пришла в эту труппу.

Меня зовут Варвара Трубецкая. Мне немного-немало семнадцать с половиной, почти восемнадцать лет. Я всю жизнь прожила в славном шумном городе-герое Воронеже.

В «Молодежной труппе любителей-театралов» — так шутливо называло себя данное сообщество — я оказалась в конце выпускного класса, в апреле. Пришла, шутки (а точнее спора) ради прошла отборочные испытания, отходила целый месяц на занятия и потом ушла, решив, что все это ни к чему, раз я все равно собиралась уезжать из города. Всю жизнь меня притягивает Питер, своей свежестью, мостами, которыми я грежу с детства, и просто ощущениями, которые почему-то упорно не появляются в моем родном городе.

Я мечтала поступить на факультет журналистики в Петербурге, я готовилась к этому, как к желанному празднику, который планируют днями и ночами. А потом... потом все изменилось. Всего в одну ночь, выпускную.

По дороге домой с аттестатом в одной руке и золотой медалью в другой, я вдруг осознала, что это не то, что мне нужно в данный момент. Между «нужно» и «хочу» большая разница, не правда ли? Мечта отодвинулась на год, а пока я решила заработать денег на будущий переезд и хоть немного разобраться со своей жизнью, которая так круто изменилась в последние месяцы перед прощанием со школой. А кто еще поможет

разобраться, как ни театр, в котором можно примерить на себя множество масок, прежде чем понять, что единственная подходящая тебе — твое собственное лицо?

И я вернулась. А может, и приползла — не знаю, как это выглядело со стороны — обратно, плюхнулась в ноги руководителю Якову Андреевичу Смирнитскому и осталась под бурные рукоплескания зала. Рукоплескания, которые я пока еще только воображала себе.

Все были в шоке. Или в ужасе. Неважно.

Бабушка взывала к моему благоразумию, одноклассники крутили пальцем у виска, Марк поинтересовался, хорошо ли я позавтракала, а потом склонил передо мной свою буйную шевелюру.

Я приняла решение и каждое утро интересовалась у себя самой, а не сошла ли я еще с ума... Кажется, нет. Вроде бы нет. Да нет, точно.

В любом случае, уже слишком поздно сомневаться. Все сроки подачи документов в ВУЗы закончились, и эту дату я встретила сегодня на обратной дороге из Старого Оскола в Воронеж.

...Я все еще была зла на Марка, когда мы въезжали в город, поэтому и вышла раньше времени, а не вместе со всеми и пешком пошла по проспекту Революции до ближайшей остановки. Все это подозрительно напоминало мне историю о том, как мужик повесился на воротах барина, чтобы отомстить. По крайней мере, себе я воздала должное за находчивость, пока тащила тяжеленную сумку по жарким воронежским улицам.

В конце концов, я решила зайти в ближайшее кафе. Выбор пал на недавно открытое новое с вполне себе музыкальным названием «Армстронг». На самом деле, мне было плевать, куда заходить — ноги уже почти не держали меня — но едва я пересекла порог этого места, и вглубь помещения прозвонил маленький колокольчик, я почувствовала себя так, как будто все мои детские желания сбылись.

Случалось ли у вас такое, что один сон повторяется несколько раз? И даже не подряд — просто повторяется. Ощущение дежавю, только во сне.

Это ощущение я часто испытывала в детстве.

Мне снилось... кафе на старой улочке города в большой праздник. Дверь постоянно хлопает — входят и выходят люди, звенит колокольчик, слышится музыка. Внутри все украшено гирляндами и зелеными листьями, все в карнавальных костюмах и все знают друг друга. Просто поразительно, что знают.

Я всегда туда хотела.

И вот, я здесь.

Правда, как будто кто-то по моему заказу устроил здесь это место, родом из детства.

Я так и замерла на пороге с сумкой в руках. Достаточно вместительный уютный зал; стены, заполненные старыми снимками разных лет, на которых совершенно разные люди со своими судьбами; зелень во всех углах, живые цветы на широких подоконниках; укрытые длинными вишневыми скатертями круглые столики с разномастными стульями и креслами и крохотные кабинки на двоих. В конце зала прямо напротив входа — барная стойка, за которой улыбающийся светловолосый парень протирает высокие тонкие стаканы и подпевает какой-то песне вечных битлов. А слева, в глубине еще одна неожиданность — теплый уголок с диваном и креслами, столиком и камином. Рядом — импровизированная сцена с фортепьяно и микрофоном, которая сейчас скрывалась за вишневой шторой.

Подвинув меня плечом, мимо протиснулась тетка лет, этак, «за пятьдесят» с огромной копной волос и в цветастой юбке, стройная, но с внушительным бюстом и выражением лица.

«Воронье гнездо», — подумала я.

— Эй, Анатолий! — неожиданно громко гаркнула она и прошла в зал. — У меня эти ливерпульские мальчиши-кибальчиши уже в печенках сидят. Смени-ка на что-нибудь посолиднее, pronto!

Обращалась она, по всей видимости, к бармену.

На его месте я бы не стала спорить с «Вороньим гнездом». Однако Анатолий лишь расхохотался. Он, кажется, совсем не боялся тетки.

— А мне вот они не надоели, — лениво процедил он, ставя поднос со стаканами под барную стойку. — Биттлз — лучшая группа на свете.

— Это что, реклама? — хмыкнула тетка, убирая посуду с ближайшего к выходу столика. — Уволю вас к чертовой матери, что тогда будете делать? Совсем распустились...

Народу в этот послеобеденный час было немного. Но даже и они не обратили внимания на своеобразную манеру общения тетки с барменом.

Я прошла к бару, взгромоздилась на табурет, скинула тяжелую сумку на пол.

— Меню, — невесомо проговорил бармен и сунул мне под нос перевитую зеленую папку.

— Спасибо.

Едва я раскрыла папку, раздался оглушительный хлопок по барной стойке и совершенно непередаваемый бархатистый голос пафосно провозгласил:

— Шампанского, Анатолий! Празднуем!

— Это по какому-такому поводу? — бармен и не спешил выполнять поручение.

Я обернулась — слева от меня стоял, слегка облокотившись о стойку, высокий мужчина лет тридцати пяти с грустными глазами бассета в синем костюме в тонкую полоску. Вся поза его говорила о прекрасном осознании своего превосходства, как минимум, над этим миром, а широчайшая улыбка могла сразить барышень всех возрастов.

Практически тут же справа раздался еще один хлопок по стойке, и с другой стороны от меня приземлилась Воронье гнездо.

— Так. Мишка, подлый трус! Прекрати отвлекать от работы моего бармена! Вы что, сговорились все сегодня трепать мне нервы?

— Подожди, а что... Анатолий, так ты тут что, барменом работаешь?!

— Очень смешно.

— Владушка, — Мишка-подлый-трус простер руку в сторону тетки, едва не стукнув меня по носу.

— Это что еще за фамильярности? — нахмурилась Воронье гнездо и погрозила ему пальцем. — Сил моих больше нет вас терпеть!

— Владушка, что ты делаешь? — ужаснулся бассет. — Ты же мешаешь девушке.... Девушка, мы вам не мешаем?

— Нет, — едва сдерживая смех, пробормотала я. Они мне понравились. — Спасибо, вы мне настроение подняли.

— О, поднятое настроение — это всегда, пожалуйста! Это даже бесплатно, безвозмездно, то есть даром!

— Девушка, вы уже выбрали? — невозмутимо поинтересовался у меня бармен.

— Да, горячий шоколад, пожалуйста.

— О, — протянул Мишка многозначительно и как-то забавно повел глазами. — Это интересно...

— Что тебе интересно, леший?

— Да так... Скажите девушка, а вы горячий шоколад очень любите или просто что-то навеяло сегодня?

— Я вообще люблю, но именно сегодня что-то навеяло. — Ответила я.

— Вот как. А сколько вам лет, если не секрет?

— Восемнадцать. Почти.

— Студентка?

— Школу в этом году закончила, — удивленно проговорила я, принимая от бармена горячий шоколад и помешивая ложечкой в чашке.

— Поступаешь, значит, в этом году? — как-то разочарованно поинтересовался Мишка.

Я мгновение помедлила.

— Нет, не поступаю. Решила год подождать. Поработать...

— О! — «подлый трус» расцвел и снова как-то загадочно повел глазами.

— У тебя что, косоглазие? — незамедлительно поинтересовалась Воронье гнездо.

— Да нет же. — Мишка с досадой махнул рукой. — Девушка, вы не хотите поработать в этом кафе официанткой?

— Подлый трус! — Воронье гнездо так и опешила. — Ну надо же... и тебе в голову приходят мудрые мысли.

Я непонимающе перевела взгляд с Мишки на Воронье гнездо. Та сейчас же проговорила:

— Послушай... как тебя зовут?

— Варвара.

— Соглашайся, Варвара. Место новое, а официантов не хватает. Мне сейчас в первую очередь нужны люди, которые не на месяц решили устроиться, а на более долгий срок. Ты как раз ищешь работу...

— Да, соглашайся, Варвара! — влез Мишка Подлый трус. — У нас отличный коллектив, хоть и новый. Я вот здесь пою каждый вечер — я бы, конечно, и не стал бы работать в новом непроверенном месте, если бы не моя любовь к Владилене, — простер он руки к Вороньему гнезду, — и если бы не музыкальное название. Все дело в Армстронге. Луи — кумир моего детства, и я уверен, он бы не отказался от возможности спеть со мной.

— Все? — хладнокровно перебила это извержение хозяйка кафе. — Ты его не слушай, он, если заведется, может так долго продолжать. Истории про Луи Армстронга у нас вообще в ходу...

Сзади раздалось покашливание. Все обернулись.

С подносом в руках стояла девушка — моя ровесница — и укоряюще смотрела на собравшихся.

— Эй, товарищи, вы сегодня вообще работать будете?

— Непременно-с, — насмешливо поклонился Миша.

Девушка не обратила на него ни малейшего внимания.

— Ты сама главное работай, Тонь, а я сейчас подойду. — Махнула рукой хозяйка.

— Работница, — захохотал Мишка вслед девушке.

— Она, между прочим, работает больше всех вас, вместе взятых.

— Вообще-то у меня рабочие часы — лишь вечерние. И я не официантка, — обиженно заметил Миша.

— И ты знаешь, я этому несомненно рада, — заметила хозяйка. Мишка скорчил в ответ

рожу. Они одновременно повернулись ко мне. — Ну что?

— Работать каждый день? — выпалила я.

— Эту неделю придется поработать без выходных, — развела руками хозяйка. — Мне еще не хватает двух человек на вечернюю смену. Со следующей будешь работать через день. Устраивает?

Я кивнула.

— А зарплата?

— Хорошая, — всунулся бассет.

Хозяйка назвала сумму.

Плюс чаевые. Делятся в конце каждого дня между персоналом. Согласна? Да. Да. И еще раз.

— Пойдем, оформлю тебя. — Улыбнулась хозяйка. — Меня, кстати, зовут Владилена Аркадьевна. Думаю, тебе это пригодится.

Я выбежала из кафе, размахивая еще совсем недавно тяжелой сумкой. Стояла жуткая жара, и я не хотела начинать искать работу сейчас, но раз работа сама нашла меня — глупо было отказываться. Это было то, что нужно сейчас, когда все мои одноклассники сдают вступительные экзамены, а театр, похоже, уже не спасает, как раньше.

И это место... Я вернулась бы сюда, даже если бы никто не предлагал мне работу.

Концерт слышался еще на лестничной площадке. Я открыла дверь своим ключом и осторожно вошла, пиная перед собой тяжелую сумку.

Вошла я вовремя. Раздался внушительный проигрыш, знакомый с детства, и знакомый же голос затянул арию из оперы «Кармен». Волна известной (до тошноты) классической музыки внушительно, подобно Кармен, проплыла по комнатам. Покорно дослушав до окончания, я заглянула в кухню.

Сковородки гремели, переставляясь, радио вещало о перерыве, а бабушка, то есть простите, графиня Трубецкая, руководила парадом.

— О, явилась не запыхалась! — фыркнула она, закуривая. — Что так рано?

— Ах, простите, что помешала вашему тет-а-тет, — любезно заметила я, снимая обувь. — А ты, как я погляжу, времени зря не теряешь. Распеваешься... Хоть бы сменила репертуар.

— Я уже слишком стара для перемен! — манерно откликнулась она. Подошла — высокая, худощавая, с безупречно прямой спиной и шикарной прической — и клюнула в щеку.

— Но не стара для вредных привычек, — заметила я ядовито, возвращаясь в коридор и затаскивая сумку в комнату. Наш ежедневный спектакль послушно катил по привычному руслу.

— Не учи меня жить, мелочь! — вытряхнула графиня Трубецкая. — Заведи свои привычки и отстань от тех, кто хоть что-то понимает в жизни! А, кстати, как все прошло? — уже нормальным голосом крикнула она из кухни. — Приз зрительских симпатий?

Она не верила ни в мои способности, ни в том числе, в успех нашей труппы, которую она считала «пустым прожиганием времени, которое можно было посвятить поступлению в ВУЗ».

— Приз Смирнитскому — в номинации «Открытие года». Гран-при нашей «Собаке на сене».

— Да ты что?! — графиня Трубецкая пришла из кухни с половником в руках. С

половника капали капли борща. На моей памяти она лишь раз поступила так опрометчиво и бездумно, но тогда и причины-то были посерьезнее. — Шутишь!

— Многоуважаемая госпожа... — начала я.

— Ох!.. — бабуля махнула на меня рукой и, заметив свою погрешность, унеслась в кухню.

— А мать где? — крикнула я вглубь комнат, выходя в коридор и заглядывая в зеркало. Зеркало отражало худющую мою физиономию, обрамленную черными беспокойными волосами. Синяки под глазами удачно оттеняли голубые глаза, которые на похудевшем лице казались еще больше. Одежда висела мешком и, признаться, мне это не доставляло особого удовольствия. Даже когда я занималась танцами, я не могла добиться таких результатов, а тут — на тебе.

— Приехал некий граф и увез ее в неизведанном направлении! — провозгласила бабуля из кухни. Мы всегда разговаривали так друг с другом.

— Граф? Это что же такое? — недоуменно переспросила я, показывая себе язык. Мне показалось, что я ослышалась.

— Граф — это человек. Вот приедет она и сама тебе все расскажет.

— Ну конечно, как же, жди. — Я не заметила, как бабушка возникла у меня за спиной.

— Боже ты мой! Как похудел ребенок! Иди, ешь немедленно!

— Не мешала бы ты мне соснуть вечным сном в своей комнате! — скорчилась я, зная, что она все равно не отстанет.

— Иди-иди! Успеешь соснуть еще!

Я бросила последний взгляд в зеркало и отправилась в кухню.

II. Июль

Так я начала работать в кафе. И прошло некоторое время, прежде чем я смогла воспринимать эту работу не просто как неприятную, но обязательную ступень к воплощению задуманного плана; воспринимать людей, которые меня окружали не просто «коллегами по несчастью», не просто симпатичными, но далекими от моей жизни людьми, а кем-то большим. Кем-то, кто совершенно не задумываясь, перечеркнул мою прежнюю, как оказалось, очень «детскую» жизнь.

Прошло время, да....

А пока я все еще роняла дурацкие неподъемные подносы, с которых посуда так и норовила соскользнуть и разбиться о холодный пол... Я роняла подносы, ловила насмешки Мишки-певца и сочувственные взгляды бармена Анатолия; училась не горбиться и передвигаться с тяжелой кладью одновременно, и притом быстро; выдерживала безумную энергию Владилены и высокомерную жалость официантки Тони, — словом, втягивалась в работу «на полную катушку». Я знала, что Мишка за моей спиной заключает пари о том, сколько я еще смогу продержаться, пока хозяйка не выдержит и выгонит меня, и что победит: неуклюжесть или профессионализм.

Я хотела поставить ставку, но передумала. Вместо этого взяла себе горячий шоколад и уселась за Толину барную стойку, где коротала время перерывов. Оттуда я периодически подавала голос, жалуясь бармену на свою никчемность — тот лишь смеялся и советовал не принимать все так близко к сердцу.

Бармен Анатолий — вот кто, пожалуй, с самых первых минут внушил мне четкое ощущение, что я здесь нелишняя, что даже в этом кафе, где я еще ничего не умею, мне рады не просто как постороннему человеку, который уйдет отсюда через некоторое время с легким сердцем, без привязанностей и терзаний.

Ведь все мы, в сущности, собрались здесь совершенно случайно, и вряд ли бы встретились в обычной жизни — настолько разными мы были. А это чувствовалось во всем — в манере говорить; в историях из жизни, которые здесь, как на исповеди, выкладывались в редкие свободные минуты; в отношении к самой жизни и в проблемах, которые у каждого были свои, невыдуманные и не менее серьезные.

О некоторых проблемах здесь же, наоборот, старались умолчать, хотя хвостики этого «умолчания» все равно прорывались наружу.

Вообще, это было удивительное место. Никогда еще я не встречала столько интересных людей, а секрет был лишь в том, что все они приходили сюда, где обстановка просто располагала к доверию и вот таким посиделкам при уютном свете и негромкой живой музыке.

Но это я поняла не сразу.

— Шампанского, Анатолий! Празднуем! — раздался знакомый голос и послышался удар ладонью по барной стойке. Не нужно было быть большого ума, чтобы догадаться, кто это.

— И что же? — лениво откликнулся бармен. — Твой приход на работу вовремя — впервые за эту неделю, кстати?

— Нет, дурашка! Вашего покорного слугу пригласили петь на открытии кинофестиваля. Как тебе это? Кто-то, наконец, сможет сделать что-то полезное в этом городе, — я

представила, как Мишка на этих словах поклонился, и усмехнулась, когда услышала, как что-то (вроде головы) стукнулось о барную стойку. — Кстати, о деле и пользе. Где это наша мышка-птичка-стрекоза рабочая? Почему она не порхает между столиками, норовя разбить очередной дорожный сервис?

Я вылезла из-за стойки и красноречиво посмотрела на певца полей.

— Ну, и что еще скажешь?

— Варвара! — раздался оклик Владилены.

— Варвара! — пискляво подхватил Мишка. — Иди быстрее, хозяйка зовет!

— Мы еще не закончили.

— Не сомневаюсь! — пропел он мне вслед.

Владилена стояла у входа в подсобку.

— Итак, прохлаждаемся?

— Уклоняемся от тяжких поручений, — сдувая челку с глаз, поправила я.

Владилена хмыкнула.

— На днях к нам должен зайти журналист, будет писать о нашем кафе. Вряд ли он представится в свой визит, скорее смешается с толпой посетителей. Поэтому я очень надеюсь, что ты уже вполне готова не уронить поднос кому-нибудь на голову.

— Что-то не припомню, чтобы когда-нибудь я это делала. — несколько обиженно заявила я.

— Ну что ж, кто знает, может быть, ты поднялась на новую высоту, — усмехнулась хозяйка.

Прозвенел колокольчик, в кафе ввалилась небольшая толпа посетителей.

— За работу, — подбодрила меня Владилена.

Я направилась к кабинкам, в которых располагались новоприбывшие, когда позади громко окликнули:

— Девушка, девушка, увижу я меню, наконец, или нет?!

Я быстро повернулась. За столиком, пару минут назад еще пустующим, сидел посетитель. Я вернулась, протянула меню.

— Простите, мне показалось, что вы только что вошли.

Посетитель демонстративно взглянул на часы на запястье. Нехотя открыл меню, казалось, тщательно просчитывая каждое свое действие по часам. Терпеть не могу таких клиентов! Сейчас будет полчаса резину тянуть, выбирать, переспрашивать по двадцать раз. В результате закажет совсем не то, о чем спрашивал, выскажет сотню наставлений и наградит порцией чаевых в виде пренебрежительного взгляда, как будто я вовсе не человек. Конечно, опыта у меня было еще маловато, но таких посетителей видно сразу.

— Хорошо, можете выбирать, я пока отойду, — проговорила я, заметив пожилую пару, устроившуюся в другом конце зала.

— Нет, постойте, — лениво заметил посетитель, переворачивая страницу. Я вернулась, удерживая себя от какого-либо жеста, вроде закатывания глаз.

— Да?

— Вот, тут у вас написано «Жаркое по-домашнему». А из чего оно состоит?

Ну вот. В меню прекрасно прописаны все ингредиенты, между прочим! Я начала перечислять, поглядывая на пару в другом конце зала. Тоньки поблизости не было, в зале я была единственной официанткой. Владилена может подумать, что я специально копаюсь, она и так уже раз сделала выговор за мое длительное общение с посетителем.

— Хорошо, хорошо... — рассеянно заметил посетитель, и я повернулась к нему.

Он перелистнул еще одну страницу.

— А из напитков у вас...

— Все, что предоставлено в меню, есть в наличии: соки, фреши, коктейли, чай (черный, зеленый), кофе, фирменный напиток кафе — горячий шоколад — с мороженым, взбитыми сливками. Вы хотите чего-то определенного?

— Надо подумать.

— Простите, вы пока выбирайте, я отойду принять заказ. Когда сделаете свой окончательный выбор, позовете.

Посетитель мельком взглянул на меня и вновь вернулся к своему меню.

— А что, у вас всегда так с посетителями обращаются? — догнал меня в спину его вопрос.

— Простите? — Внутри у меня все закипело. Я быстро вернулась назад, привлекая внимание Владилены, и показывая на столик пожилой пары. Та поняла меня и направилась к ним с меню.

— По-моему, я вас не отпускал.

— Извините, конечно, — заметила я тихо, — Но кроме вас у меня есть еще несколько посетителей, а официантов мало. Мне сложно простаивать у каждого по полчаса и контролировать каждый выбор.

— Если я не ошибаюсь, это ваши прямые обязанности, — все также будто рассеянно заметил посетитель. — А если бы у вас был полный зал, вы каждому бы говорили: «простите, но у меня есть другие посетители»?

— Почему вы переворачиваете с ног на голову мои слова? — сказала я. — Я же имела в виду совсем другое...

— Девушка, вы кажется новенькая?

— У меня что, на лбу написано? — уже откровенно злилась я.

— Нет, почему же. — Посетитель наконец оторвал взгляд от меню и посмотрел мне прямо в глаза. Глаза у него оказались ярко голубые, почти синие. И я с удивлением признала, что они похожи на мои глаза. Он вообще оказался молодым парнем, хоть и с неприятным характером. — Просто вы не умеете держать себя в руках. Матерым официанткам это не свойственно. Они непоколебимы и уверены в себе. А вы ведете себя так, как будто боитесь, что поднос с едой, который стоит у вас на голове, сейчас свалится.

— Послушайте, вы собираетесь сделать заказ? — почти попросила я. Никогда еще я не желала отделаться поскорее от посетителя.

— Конечно, иначе я бы не пришел сюда.

Зря вы не решили поесть дома, — заметила я про себя.

— Нет, знаете, совсем необязательно меня ненавидеть, — болтал между тем посетитель, заговаривая мне зубы. Он продолжал это делать даже во время еды, когда я приносила ему заказ.

— Ненависть — сильное чувство, — заметила я беззлобно, ставя перед ним сок. — У вас слишком высокая самооценка.

— Друзья часто мне это говорят.

— Они честны с вами.

Посетитель засмеялся, отпил сока.

— Девушка, вам не место здесь. Официантка — слишком просто для вас.

— Ах, оставьте, вы рушите мои детские мечты! — Ирония в моем голосе практически не чувствовалась, и посетитель усомнился было — посмотрел на меня и усмехнулся.

— Счет, пожалуйста, — судя по предыдущим его высказываниям, я вновь ожидала реплики не по делу. Но здесь посетитель оказался точен — положил деньги и ушел, не забрав сдачу.

Я решила передохнуть, но не тут-то было. Начался послерабочий гвалт и пришлось метаться между столиками несколько часов, не разгибая спины.

И лишь когда я снова оказалась на своем любимом месте — рядом с Анатолием — с телефоном в руке, тогда обнаружила пять пропущенных звонков от Марка. Я вздохнула и решила отложить до конца рабочего дня.

С Марком я не разговаривала. Все последующие после конкурса репетиции мы едва перекидывались парой-тройкой слов. О новой постановке никто пока не заговаривал, а мне это было на руку. Совершенно не было настроения участвовать в каких-то ссорах сейчас! А уж тем более в закулисной борьбе. А уж тем более с Анжелой.

Но в этой истории пока наблюдались одни загадки, которые было бы неплохо отгадать. Например, зачем Марку просить за подружку Максима? Да они с Максимом еще на прошлой неделе и не думали общаться! И зачем это нужно Максиму — тоже интересный вопрос. Хотя нет, вру. Не очень интересный.

Я решила не тянуть резину и позвонила Марку на выходе из кафе. Тот долго не брал трубку, и у меня — уж простите, за паранойю — возникло ощущение, что он раздумывал, брать или нет.

— Алло. — Голос был ровный, не запыхавшийся... Я будто ждала чего-то от этого первого «алло» и, поняв это, отбросила свое пристальное отгадывание.

— Ты... звонил мне? Прости, не могла ответить, не было времени.

— Да нет, ничего. В сущности, это уже вообще неважно, — ровно отозвался Грозовский. Давненько я уже не слышала, чтобы он разговаривал со мной так ровно, почти отстраненно.

— Что неважно? Марк, мне это надоело. Если ты думаешь, что я буду вымалывать какое-то там прощение, то глубоко ошибаешься. Я вообще не хотела тебе звонить первой, если уж хочешь знать!

— Никто тебя не просит делать какие-то уступки, наступать на горло своей песне...

— Грозовский, прекрати нести чушь! Лучше скажи, в чем дело, или я брошу трубку! Мне правда надоела эта глупая ситуация.

— Ситуация и правда глупая, вот тут ты в точку попала, — хохотнул он. — И самым глупым в ней является твое поведение.

Я в замешательстве отвернулась от остановки, до которой не дошла десяти шагов.

— И что же я сделала такого глупого?

— Ты хочешь знать? Уверена? Ладно, это, конечно, твое дело, отдавать или не отдавать кому-то роль, все правильно. Но вот ты постоянно болтаешь о том, что тебе все равно плевать на этот театр, плевать, участвуешь ты в постановках или нет, тебя не прельщает эта закулисная борьба за роль и уж точно безразлично, кто будет играть в новой постановке Яши! А сама — уперлась и не хочешь передать эту роль Анжеле. И только из чистого упрямства и неприязни к ней, я считаю! Ты просто как собака на сене, вот каламбур, да?

— Постой, постой... - остановила я этот поток. — Когда это я постоянно твержу о своем безразличии к нашему театру? Да, я говорила, что не хочу опускаться до закулисной

борьбы и лучше отдам роль, чем буду устраивать какие-то козни, но... я не говорила, что мне плевать. И уж точно ничего не говорила о постановке Яши, да я вообще услышала о ней всего два раза — когда он сам упоминал об этом и когда вы с Максимом что-то болтали об этом в автобусе! Все. Я еще ничего не знаю, я не назначала себя на роль, а отказалась от вашего предложения лишь потому, что меня возмутила сама абсурдность этой ситуации — меня просят отдать мифическую роль, потому что претендентка может взбеситься по этому поводу!.. Кто тебе наплел про постоянные мои выкрики?

— Но Максим подходил к тебе дважды на последних репетициях, и ты каждый раз отвечала ему...

— Марк, что ты несешь? — я слишком устала, чтобы спорить и мне жутко не нравилось оправдываться. — Не подходил ко мне Максим. Ни разу.

Он помолчал.

— Ну раз ты так говоришь...

— Подожди... Что значит «раз ты так говоришь»? Ты мне не веришь?

— Я не знаю.

— Иди ты знаешь куда, Грозовский... — я остановилась, сделала глубокий вдох. — Можешь ко мне больше не подходить и не звонить, а прямо сейчас бежать к своему прекрасному честному новому другу, за которым ты так боишься не успеть. И не говори мне потом, что он тобой пользуется! Кажется, это были твои слова? Нет, я ослышалась. Это сказал один мой друг, а ты тут совсем не при чем!

Я нажала на «отбой» и пошла по тротуару мимо остановки и цветных вывесок.

Навстречу шагали веселые компании, парочки, подружки, летя на блеск и шум центральных огней города: клубов, магазинов, кафе и ресторанов. Я усмехнулась, глядя им вслед, потому что — увы — когда-то тоже летела на этот блеск; но та Варвара Трубецкая исчезла, испарилась, скрылась, когда, держа в одной руке золотую медаль, а в другой — аттестат, встречала рассвет в городе детства.

Той Варвары больше нет, как нет и того мальчика, которого мама записала в театральную студию, боясь, что он запишется на занятия по боевым искусствам (отец Марка — дальнобойщик — погиб в драке в каком-то баре).

Правда, тот мальчик — я имею в виду Марка — нисколько не страдал по этому поводу и не разделял страха мамы. Он был в своей стихии. И именно поэтому ему было все равно, будут ли над ним смеяться из-за его так называемого «девчачьего» увлечения. А я? Я тоже поступила так, как считала нужным, но в своей ли стихии я находилась сейчас — заперев себя еще на один год в Воронеже, между двух огней — работой и театральной студией? Пожалуй, нет.

Я прекрасно помню, когда захотела уехать. Можно сказать, что на это меня сподвиг Марк, и никто иной, хотя мы учились в параллельных классах и едва тогда общались, а после того случая, который я имею в виду, он едва мог меня переносить.

Это был десятый класс, практически перед самым Новым годом. Марк играл в театральной постановке, в «Разбойниках» Шиллера. Главная роль, серьезная постановка, в зале — вся школа и руководитель известной в городе «Молодежной труппы любителей-театралов» Яков Андреевич Смирнитский.

Но... легкомысленная Варвара Трубецкая, занятая в то время исключительно своими проблемами, о масштабе события и не догадывалась. Она ввалилась в зал со своими друзьями — весьма сомнительными личностями — как раз в тот момент, когда Карл Моор,

то есть Марк Грозовский произносил один из важнейших за всю пьесу монологов.

Ввалилась, чем сбила потрясающе начавшуюся речь и уселась на задних рядах, обширно привлекая внимание доброй части зала.

Марк сбился, потом, заволновавшись, сбился еще раз и с некоторой ненавистью уставился прямо на меня, хотя в ряду нас сидело человек шесть, и я была самой спокойной из них.

Его взгляд, как живой укор, на миг оторвал меня от мрачных мыслей по поводу своих великих проблем — это тоже отдельная история — и заставил по-новому взглянуть на свою прекрасную компанию, которая и не думала угомониться.

Марк продолжил, я же встала и под пристальные взгляды учителей и свистящий шепот своих приятелей, выбралась из зала и закрыла за собой дверь.

С того момента я поняла, что не хочу так больше. Я быстро завязала со своей компанией, — моим временным утешением во все тяжелые моменты — а немного позже поняла, что хочу уехать после школы уехать из города.

Возможно, это были события не связанные друг с другом, город ведь был совсем не при чем, но я захотела большего. И поняла, что Воронеж это «большее» мне дать не может.

А Марк... что ж, Марк тогда все же отыграл спектакль и Смирнитский пригласил его в свою студию, заметив, что играл он хорошо, но трактовка Моора могла бы быть и поувереннее.

Нельзя было Варваре Трубецкой после этих слов влюбленному в театр Марку надеяться, что он будет хорошо к ней относиться. Впрочем, тогда мне было все равно.

Свет фар ослепил меня, и я осознала, что, задумавшись, едва не пошла по проезжей части. Я дошла до светофора и перешла дорогу, в ком-то веки как примерный пешеход.

Впрочем, это была не последняя наша с Марком дружеская встреча. В 11-м классе после Нового года я начала заниматься с репетитором по русскому языку. Каково же было мое удивление в один из дней, когда, придя на занятие, я обнаружила там Марка.

Естественно мы оба успешно сделали вид, что не знаем друг друга («Как, говоришь, тебя зовут?»), хотя по глазам Марка я прочитала самое «положительное» мнение о себе. Он не забыл, ну, разумеется.

И от репетиторши мы выходили тоже вместе. Обгоняя его на лестнице, я быстро сбежала по ступенькам, желая поскорее скрыться от него, и обмерла, когда услышала, что ему нужен тот же автобус, что и мне.

Собираясь мужественно преодолеть высоченные сугробы, я решила пойти пешком.

— По морозу через полгорода? — насмешливо поинтересовался он мне вслед. Приятно было также узнать, что он в курсе где я живу!

— А что, я люблю ходить пешком, — пропищала я.

И тут, и признаться, я никогда этого уже не забуду, этот «мой голос совести» улыбнулся и сказал:

— Ну пошли, что уж с тобой делать! — И пристроился идти рядом со мной.

И наверно эта улыбка, самая невероятная и обаятельная, какую я только встречала в жизни, была виной тому, что мы стали друзьями. В тот день мы нарезали с ним немало километров, но никогда еще мне не было так тепло в мороз. Мы болтали без умолку, спорили, забегали в магазинчики погреться и продолжали спорить, и обменялись телефонами, наверное, специально, чтобы уже не прекращать этот спор.

И именно этот человек, который открыл для меня новую дверь в жизни за

захлопнувшейся старой, привел меня в «Молодежную труппу любителей-театралов». В студию Смирнитского. Того самого, что присутствовал на том злополучном спектакле.

Я проспорила желание. Грозовский долго смеялся, но я прекрасно знала, что однажды это произойдет. Расплата.

Он притащил меня на весенний отбор, на котором я должна была не попасть в студию — на мои способности мой новоявленный друг и не рассчитывал, нет — а хотя бы не опозориться.

Впрочем, выступление мое началось как раз с обратного.

Я споткнулась, поднимаясь на сцену, чем уже вызвала смех в зале. Я бросила взгляд туда, но лица Марка не различила, увидела лишь, как он выбросил вверх кулак, показывая, что я отлично начала. Он сидел сразу за тем рядом, где сидел Смирнитский.

Вот его я еще не видела. Он был молод (лет двадцати восьми), с тонким умным лицом, в хрупких, слегка затемненных очках, в рубашке с закатанными рукавами и синем свитере, легко наброшенном на плечи. Уже бросив на него один лишь взгляд, у меня создалось впечатление, что этот человек умнее меня раз в сто, мелкой, посмеившей прийти сюда, чтобы «не опозориться». Я всего лишь одна из многих и, к сожалению, ни капельки пока не интересна ему. А мне вдруг захотелось вызвать у этого человека ну хотя бы любопытство. Что изначально, разумеется, не входило в мои планы.

Я подошла ближе к краю сцены.

— Как вас зовут? — рассеянно поинтересовался он.

— Варвара Трубецкая.

— Отлично, — резюмировал он. — Варвара, почему вы пришли в мою студию?

Я недолго подумала.

— Если честно, я пришла сюда не из-за великой любви к театру, хотя мне нравится сюда приходить, нравится эта атмосфера и особый дух сцены. Я пришла сюда, потому... — я помедлила, боясь реакции, — потому что я проспорила одному человеку. Это было... дело принципа, не игра.

— Хм, интересно и честно, — усмехнулся Смирнитский. — Ну с этим все ясно, а почему такие странные условия спора?

— Потому что однажды я чуть не помешала ему попасть сюда. Я, можно сказать, возвращаю должок.

— Забавно, — похоже, Смирнитского искренне веселила эта ситуация — я бросила взгляд на тех, кто еще только ждал своей очереди, и увидела на их лицах насмешку к явно пролетевшей конкурентке. — Ну, а ваш товарищ, что он-то получил или получит от того, что вы пришли сюда?

— Да он уже все получил много раньше. Еще когда я так мешала ему.

— И что же?

— Ну, кроме места в этой студии, — я неудачно махнула рукой и умудрилась задеть реквизитный муляжный меч. Тот рухнул со стула, жалобно звякнув (звук этот потонул в новом смехе зала). — Он получил несомненно самое важное. Дружбу со мной. — Я улыбнулась Смирнитскому и больше уже ничего не боялась.

И дальше, по сценарию, монолог. Карл Моор в действии. Смирнитского несколько удивил мой выбор, ведь это был мужской персонаж, но он не мог помнить, что именно этот монолог я однажды чуть не завалила Марку.

Кажется, им понравилось. Впрочем, я не могу ручаться, но тишина в зале стояла такая,

будто кроме меня здесь больше никого не было. Марк — и я, наконец, смогла различить ту самую его непередаваемую улыбку — почему-то качал головой и смотрел так... будто не верил тому, что происходило. Я знала, какой монолог выбрать. Определенно не прогадала.

И потом, выходя из студии после окончания прослушивания:

— Варвара...

— Да? — я уже почти прошла мимо Смирнитского и его группы, когда они меня позвали.

— Ну что ж.... Если вы не против, приходите завтра к пяти часам сюда. Мы будем репетировать «Собаку на сене». Посмотрим, возможно, вас это заинтересует...

Именно такими словами, оказывается, принимают нынче в театральные студии.

Я остановилась у своего подъезда, но вместо того, чтобы пройти внутрь, села на лавочку. Вокруг никого не было, стояла тишина летней ночи и, недолго подумав, я легла, закинув руку за голову, и устала в звездное небо.

«Лунная ночь... — вспомнились мне слова рождественской иностранной песенки, — тихая ночь...», — возможно перевод был недостоверен, но мне всегда пелось именно этими словами.

Если бы я сейчас пропела это Марку, он бы привычно хохотнул и сказал:

«Так и знал, что ты пропоешь это...»

«Это потому что я так предсказуема?»

И он бы уверенно ответил:

«Нет, просто момент для этой песни самый подходящий!»

Я быстро поднялась с места, прошла к подъезду. Невозможно, невозможно было так больше. Все, как всегда, происходит очень вовремя. Или это только в моей жизни такая пуганица?

Ответом мне была захлопнувшаяся железная дверь.

Я плохо спала этой ночью. Мне все снился липкий, душный ночной кошмар без лиц и эмоций. Ненастная туча все ходила и ходила над моей головой, то обдавая брызгами, то накрывая с головой. Потом появился поезд, уходящий от знакомого вокзала, быстрые шаги по перрону, букет ромашек, мерзлое дыхание...

Я открыла глаза. На часах было десять минут восьмого.

Больше не уснуть.

Посидела на подоконнике, глядя в открытое окно, как редкие прохожие бредут на работу. Затем, когда их стало больше, спрыгнула с подоконника и отправилась на кухню.

Проволокла за собой шлейфом по комнатам длинное одеяло, которым укрывалась, обнаружила, что квартира пуста, обнаружила на столе записку («Опять вернусь поздно, не жди, ложись без меня, целую, мама») и бесплатное к ней приложение — список продуктов, которыми нужно пополнить холодильник.

Подумала: если спихнуть список бабушке и сказать, что это ей от мамы, она купится? Вздохнула тяжело, потому что знала, что бабушка не купится.

На холодильнике вчерашнее послание от бабушки: «Радио «Маяк», 15:00, опера Евгений Онегин. Не пропусти». Оценила бабушкино чувство юмора, пока смеялась, машинально налила себе остывшего чая и опустила три ложки сахара. Перемешала, выпила, вспомнила, что не пью с сахаром, вспомнила, что терпеть не могу зеленый, который заваривает мама, вылила в раковину, с неприязнью взглянула в зеркало, обнаружила синяки под глазами. С досадой хлопнула дверью своей комнаты. Потом открыла ее и подвигала туда-сюда. Дверь

заскрипела, я вздохнула.

Надо было собираться в театр.

В театр не хотелось из-за бессонной ночи, из-за Марка и непонятных интриг, которые начали там плестись. Интриги плелись, разумеется, не сами по себе, но паук спрятался за ширму, и хохочет беззвучным смехом.

Нацепила огромные солнечные очки в пол-лица, вздохнула, когда поняла, что этим все равно скрыться не удастся. Хлопнула дверью на весь подъезд.

Утро, в общем-то, задалось.

Я пришла раньше. Народу было мало, Максим читал книжку и не обращал на меня никакого внимания, голос Марка слышался из-за кулис. Ему вторил голосок Инги.

С самого прихода в студию Смирнитского, то есть с начала апреля до конца мая (до начала выпускных экзаменов), меня постоянно мотали из спектакля в спектакль. Никто из новичков больше не подвергался таким пыткам, хотя издевались над всеми конкретно.

Так, например, я с ходу оказалась во втором составе в двух спектаклях: «Тени» Шварца и «Собаке на сене» Лопы де Веги. Затем девочка десятиклассница, исполнявшая роль Марселы в первом составе, заболела и меня вклинили на ее место. Анжела скрипела зубами — она исполняла главную роль — и высокомерно указывала мне на мое место. Кроме того, никто из новичков так быстро не попадал в первый состав, а я протиснулась, да и с успехом.

Потом девочка вернулась, меня понизили вновь до второго состава, но в этот раз я играла мужскую роль — Тристана. Все мы здорово посмеялись над этим. Затем меня назначили сразу на две роли второго состава. А в качестве заключительного аккорда — на зло врагам — меня вернули в первый состав и отдали мне уже почти родную Марселу. Но на этом все не закончилось.

Так меня постоянно убирали и ставили в «Тень» Шварца, добавляли к ним периодически Мольерового «Тартюфа», где меня почему-то тоже ставили на мужскую роль. Пока я не ушла в конце мая, Яша (так мы звали Смирнитского за глаза) мстительно заявлял о том, что хочет поставить что-нибудь рыцарского характера — адаптировать Айвенго или Робин Гуда, и все приписывал мне небывалые мужские роли. Потом останавливал сама себя и говорил: «Ну нет, здесь на мужские не пойдет. Здесь вещи посерьезнее, а она будет всех смешить, как с Тартюфом и Тристаном, например». Прослушав эту тираду, Анжела почему-то долго смеялась и говорила, что в театре родилась новая звезда комических ролей.

Правда, смеялась она ровно до тех пор, пока Яша задумчиво не высказался, что неплохо бы меня поставить на главную женскую роль в этих, пока еще мифических постановках. Понятно, почему Анжела так нервничала и из-за этой новой постановки. Но мне все ее истерики как шли, так и ехали.

Я, если честно, не особенно понимала, почему Анжела так суетится — я не была ей конкуренткой. Я была в студии без году неделю, я не могла тягаться с ее «послужным списком», да и ролей мне главных никто не давал. Реальных ролей, я имею в виду. А что касается Яшиных попыток вымотать меня на этих постоянных сменах ролей, то в этом я видела лишь проверку на прочность новичка. Ну уж ни в коем случае ничего серьезного.

Все ребята, занимавшиеся в этой студии, играли на уровне. Все они пришли достаточно давно, многому научились, прошли вместе огонь и воду, даже самые младшие мальчики и девочки — как правило, восьмиклассники, — играли достаточно хорошо. Они тоже начинали со вторых составов, с этюдов, миниатюр, участвовали в массовых сценах в главных спектаклях, также Яша некоторых особо отличившихся назначал в главные спектакли на

второстепенные роли. Фальшивящих пытались научить, исправить, давали возможность самим исправляться — и не проходило и месяца, как бывшие мученики делали успехи, у них выравнивался голос, становилась четче дикция. Все это были реальные изменения, происходившие на моих глазах.

И я уже не говорю о «старших». О десятиклассниках, одиннадцатиклассниках. А также о выпускниках — Марке, Максиме, Анжеле и Игоре. Кроме них были и еще ребята, но они ушли, разъехались, поступили в ВУЗы, отыграли. А эта четверка, к которой причислилась автоматически и я, по воле случая осталась. И бесспорно они были лучшими из всех, даже не в силу возраста.

Это было не иначе как насмешка судьбы, о чем Яша уже не раз говорил. Самым заядлым театралом был, пожалуй, Марк. Он единственный из всех решил поступать на актерский. И он поступил. Во ВГИК и в ГИТИС в Москве. Но... не поступил в мечту своего детства — МХАТ. Мало того, что не поступил, но еще и мама не смогла отправить его на свою зарплату в Москву. Это было слишком для матери-одиночки. Но Марк... не то, чтобы расстраивался. Он оптимистически усмотрел во всем этом знак свыше.

— Значит, поступлю в следующем году, — весело улыбался он, и это улыбка была неподдельной. — Подзаработаю денег, продолжу играть в студии, чтобы не потерять навыков, и поступлю. В следующий раз должно получиться.

Вторым на очереди был Максим. Тот, по совершенно непонятным нам причинам, подал документы в МГУ на юрфак с отнюдь не маленькими балами, и забрал их оттуда, даже не узнав о результатах. И как рассказал мне Марк, вроде бы после этого он съехал от родителей. Но... хм, не мне говорить о подобных странностях.

Анжела... эта красавица прекрасно играла, но не мечтала покорить подмостки. Она мечтала въехать в Москву за спиной Максима. Как она не раз заявляла нам с Марком, она мечтала переехать в Москву, но как мы домысливали уже без нее, Максима она по приезде рано или поздно бросила бы, усмотрев себе что-то (точнее, кого-то) более перспективного. Поэтому раз не поступил Максим, осталась и Анжела, довольствуясь местом на экономическом факультете ВГУ.

Игорь — вот кто был не амбициозен, не рассматривал Москву, как единственное место, где человек планеты Земля мог бы жить, и этим мне очень нравился. К Москве он относился скептически, смеялся над дивными мечтами Анжелы и советовал ей выбрать другого кандидата для покорения столицы на случай (вполне вероятный, кстати), если Макс передумает вообще туда ехать. Вот уж кто не потонет вместе со своими мечтами, не захлебнется в своих амбициях. Я ему завидовала, потому что он не только знал, чего хотел, но и шел к этому. Такой ясности в мыслях, планах и действиях большинству из нас как раз и не хватало.

Театралы чертовы, что с нас взять?!

— Итак, всем здравствуйте! — в зал влетел Смирнитский, и все начали медленно собираться с разных сторон. — Ну что ж, начнем с «Собаки». Нам ее в августе еще на конкурс везти, так что вперед! Марк, Варвара, Анжела. Сцена у фонтана, пожалуйста.

Ну да, думала я, вяло тащась на сцену, самое то. Марсела пришла к Теодоро мириться, Теодоро холоден — бросает ее, Диана наблюдает. Все как в жизни. Даже играть почти не нужно.

Но я ошиблась. Это оказалось сложнее, чем я думала. Марк был собран, четок, резок. Все как надо.

И он... прекрасно играл. Даже злясь на него, я понимала это ясно и четко. Он выше меня, худощавый, с огромной копной кудрявых волос (чем напоминает мне молодого Макаревича) и большими шоколадными глазами. У него спокойная обезоруживающая улыбка, которая миглом способна остудить любой накал страстей. Но все это... очень поверхностное впечатление. Вот он выходит на сцену и мягкая наивная улыбка его становится снисходительной усмешкой, а в глазах мелькает холодный блеск, который не терпится разгадать — он обольститель, деланно скучающий донжуан, на которого девицы вешаются толпами. А вот он разочаровавшийся в жизни и людях путник, и в глазах его мрачное удовлетворение, а в словах горечь, пытающаяся укрыться за равнодушием. И он наделяет своего персонажа не ненавистью к людям, а надеждой, что все будет хорошо. А вот он разбойник, протестующий мошенничеством против действительности и пытающийся расшевелить людей.

Он был разный, когда того хотел. И сегодня был другим. Не самим собой. А уж со мной-то и подавно.

И я чувствовала, что пытаюсь в этих его сценарных словах рассмотреть что-то относящееся ко мне лично. Эти изыскания вряд ли могли довести до чего-то хорошего.

— Марк, Варвара, в чем дело?! — Смирнитский постучал какой-то папкой по краю сцены, выразительно прося сидящих в зале заткнуться. — Ну-ка, идите сюда.

Машинально переглянувшись, мы подошли к краю сцены.

— И что это было? Марк, что у тебя с движениями, что это за неестественные позы? У меня сейчас было чувство, что я в плохом театре кукол... Варвара, что за пассивность? Почему ты на Грозовского смотришь так, как будто он тебе денег должен? — ага, значит, не только меня настроение выдает, с некоторой мстительностью подумала я, но тут наша Диана решила высказаться.

— Может быть, Варваре стоит еще поиграть во втором составе, она ведь только недавно начала здесь играть! Вот и не может сработаться с Грозовским...

— А может тебе стоит заткнуться, — тихо прошептала я, так что слышала только наша троица. Мне показалось, что по губам Марка помимо воли скользнула улыбка.

Смирнитский повернулся к Анжеле.

— Я понимаю, Могилева, что тебе очень нравится эта роль, все-таки не каждый день играешь саму себя в блеске графского величия... Но режиссер здесь все-таки я, поэтому позволь уж мне самому решать, что делать в таких ситуациях.

Мы молча стояли на сцене. Смирнитский рассматривал нас.

— Не нравится мне все это... Слышите?!

Он снял очки, потер переносицу пальцами.

— Ох, ладно, идите все сюда.

Мы спустились вниз, встали полукругом перед сценой. Сонно спустилась остальная часть труппы. Смирнитский уселся на сцену.

— Ну что ж, хочу объявить вам новость — уж не знаю, радостную или не очень... В общем, здесь у меня — он показал на папку в руке, — Сценарий пьесы, которую написал один молодой автор, мой знакомый. Я уже упоминал как-то раз об этом, но не разъяснял. Дело тут, конечно, не в знакомстве, а по большей части в том, что пьеса — новая. Значит, мы с вами будем первооткрывателями. Я почитал — мне понравилось, захотелось — впервые, заметьте! — добавить в спектакль танцевальных и песенных элементов. Я хочу, чтобы спектакль получился у нас как для детей, так и для взрослых. Здесь очень интересная,

сама по себе недетская история, немного с фантастически уклоном — куда уж сейчас без этого! Но мы постараемся на это как раз не напирать, история должна быть естественной. Рассказывать в подробностях, я думаю, нет смысла. Почитайте, все поймете. К завтрашнему дню я размножу сценарий, чтобы все смогли ознакомиться.

Пока лишь оговорюсь, что главная героиня — девочка, выросшая в приюте, пытается найти своих родителей — достаточно небедных, как выяснится потом. Ей помогает юноша — мелкий мошенник, талантливый аферист. Там будет много второстепенных персонажей, будут и злодеи, но основная канва в том, что оба главных героя окажутся во власти собственных душ. Им придется задавать друг другу и самим себе вопросы и срочно искать на них ответы. Все это выражено во внутренних монологах, которые я еще подумаю, как обставить. Пока что я вижу в главной роли Варвару. Максим — второй главный герой, но это тоже надо обдумать.

Он помолчал, и эту паузу заняли громкие перешептывания всех членов труппы. Задело за живое, ну конечно. Марк смотрел в сторону, о чем-то перекидывался репликами с Игорем. Анжела молчала, руки скрещены на груди — жди беды. Максим смотрел на меня.

Я отвернулась. Началось.

— Да, кстати, под танцевальными и песенными элементами я подразумеваю вполне самостоятельные песни и танцы. Чтобы все это поставить нам потребуются профессионалы. Я поищу среди своих знакомых и...

— Яков Андреевич... — до меня только дошло.

— Да? — он резко повернулся ко мне.

— То есть, я так понимаю, что все, кто будут задействованы в постановке, будут танцевать.

— Да, массовых танцев или сольных номеров — но это никто не избежит.

Я помолчала. И тут чужой какой-то голос (потом оказалось, что это все же была я) сказал:

— Я не буду участвовать в этом спектакле.

— Что, прости? — переспросил Смирнитский, уже повернувшийся к кому-то другому и отвечая на его вопрос. Все сразу замолчали и уставились на меня с любопытством.

— Я не буду исполнять главную роль.

— Почему? Это еще что за новости? — пожал плечами Яша.

— Я не могу танцевать. Я не буду танцевать. — Четко и отдельно проговорила я.

Прошло несколько долгих секунд или минут, когда Смирнитский проговорил:

— Это твое окончательно решение?

— Да.

— Я не принимаю этого ответа.

— Можете выгнать меня из коллектива, — я кашлянула. — Но я уже все сказала. Возьмите Анжелу на главную роль, простите, что я причиняю вам столько неудобств, но...

— Ты просто боишься? Боишься, что не потянешь? — высказался Максим. Я посмотрела на него.

— Помолчи.

— А, конечно, как скажешь! — бросил Максим надменно.

— Значит, вот зачем я организовал все это, — медленно и отдельно начал выговаривать Смирнитский — похоже, он уже серьезно злился, и все это поняли, — для того, чтобы каждый мне говорил, что он будет делать, а что нет! Все сами за себя решают.

Назначают на главные роли, высказываются, что именно и как именно они будут исполнять, советуют за других!.. Вот так, да? Однако напоминаю вам, что мы работаем в коллективе. А коллектив, если вы все забыли, предполагает нечто коллективное, например принятие решений! Если вы, как пока еще стадо баранов, не можете принимать коллективных решений, а только устраиваете какой-то сброд, то я принимаю все решения за вас. Как руководитель я имею некоторые обязанности, о чем вы все постоянно забываете. И раз вы с этим не согласны, то у нас с вами ничего не получится. Можем прямо сейчас разойтись и не встречаться больше! Я, поверьте, найду, чем заняться!

— Яков Андреевич... — начал кто-то.

— Все. Монолог окончен. Поговорим, когда научитесь работать в коллективе! — он стремительным шагом пересек зал и вышел, громко хлопнув дверью.

Хорошо, еще не выбежал. Обычно Смирнитского очень легко вывести из себя. Вот и наглядный пример.

Я вздохнула. Я не хотела, Яков Андреевич, я правда не хотела.

— Ну, может быть, ты выскажешься, в чем дело? — ледяным тоном начала Анжела.

Я ей ничего не обязана, — повторила я про себя. — я никому ничем не обязана!

— О, вы можете смело поинтересоваться у Максима. Он, судя по всему, лучше меня все знает!

Я вышла из зала через другую дверь.

Прошла по коридору на автопилоте. Но на ступеньках дело застопорилось. Прошла половину и остановилась. Постояла минуту и села, спрятав голову в коленях. Ноги и правда не держали. Дрожали, как будто я снова, как много лет назад, стояла посреди танцкласса под пристальными взглядами всего коллектива. У нас были распространены публичные расправы. Потом он — лучше не вспоминать подробности, лучше не вспоминать! — выходит незаметно, даже для меня, берет за руку. Вдвоем не так страшно.

Вдвоем сердце не бьется, как полоумное, ноги не дрожат.

— Может быть, все-таки расскажешь, в чем дело?

Поднимаю голову. Я снова сижу на ступеньках.

— Кому? Тебе?

— Смирнитскому. Я думаю, дело лишь в тебе. И объяснения он примет только от тебя, ты же его знаешь...

Максим лениво облокотился о перила лестницы.

— Почему всем что-то от меня надо?

— Ну прости, твое заявление сейчас выглядело страннее некуда. Если заявляешь такое, по крайней мере придумать причину ты можешь... Так нельзя.

— А ты? Тебя что, заслали гонцом? Что ты так об этом печешься?

— Я хочу еще походить в студию...

— Ах, главная роль, как же я забыла, — хлопнула я себя по лбу. — Неведомый приз, который посулил тебе Смирнитский.

— Почему ты так меня ненавидишь? — поинтересовался он.

— А ты меня?

— Я первый задал вопрос, но все же отвечу, раз уж ты так хочешь. Я отношусь к тебе нейтрально. Прости, что не ползаю вокруг и не восторгаюсь твоим талантом.

— Синдром Анжелы? — осведомилась я. — Сразу видно, что вы встречаетесь... Что-то не помню, что спросила чем-то там восторгаться. Такое чувство, что за моей спиной меня

активно обсуждают, как будто я корчу из себя невесть какую актрису. Сдается мне, что это все кто-то придумал, только зачем и кто, я не знаю. — Я посмотрела на него в упор, но Максим не поддержал визуального диалога. Лишь слегка поменял позу.

— И все же, ты не ответила на мой вопрос.

— Так вот что тебя волнует... Ладно. Я не ненавижу тебя, я тебя просто не знаю. И с каждым днем все сильнее в этом убеждаюсь. Как можно испытывать какие-то чувства, а особенно негативные, к человеку, который держит всех на расстоянии вытянутой руки?..

— Мы очень похожи, Трубецкая, ты даже представить себе не можешь, как...

— Весьма сомнительно.

— Ты абсолютно такая же в том, что касается вытянутой руки. Держишь всех на расстоянии.

Я отвернулась. Не хотела выносить его взгляд. Не могла отвечать на его невысказанные вопросы.

— Так зачем ты сказал Марку про эту роль, которой я якобы не хотела делиться? — перевела я тему. — О постановке мы наконец-то услышали, хм... ваши совместные опасения подтвердились, вот только я сама отказалась от этой роли. Не пришлось прилагать никаких усилий...

Он помолчал. Но про Марка он мне так и не ответил.

— Может быть, тебе это покажется абсурдным, но сейчас я бы не хотел, чтобы ты отказывалась от этой роли просто так.

— Интересно, Максим, а какую роль играешь сейчас ты? — закипая от злости, поинтересовалась я. — Ты просишь меня уступить роль Анжеле, врешь Марку, затем, когда я отказываюсь сама, приходишь ко мне и говоришь, чтобы я не отказывалась просто так... Что происходит вообще? Если тебе так нужно от меня что-то получить, то расскажи, зачем ты это делаешь!

— Ну как ты не понимаешь?!

— Ты издеваешься? Это не смешно.

— Все дело в Анжеле, — выдохнул он. — Ей взбрело в голову, что она должна играть главную роль, понимаешь? Она боится, что ты займешь ее место, она видит в тебе сильную конкурентку, которой до твоего прихода у нее не было. Теперь она постоянно достает меня разговорами об этом, того и гляди, какие-то коварные планы строит начнет!

— Так, — помолчав, ответила я. — Ну а тебе-то что? Ну будет она строить коварные планы, ну и что? Тебе-то ничего не будет. Или ты переживаешь за свои бедные уши, на которые она навешивает лапшу?

— Ну... считай, что да.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Я покачала головой.

— И... больше ничего не скажешь?

— Пока нет.

— Так, ладно. Я сама отдаю роль, чем тебя не устраивает этот расклад? Анжела автоматически получает, что хотела. Все счастливы.

— Так нет же. В том-то и дело. Это же Смирнитский, он абсолютно непредсказуем. Он может отдать эту роль Анжеле, а может предложить ее какой-нибудь девятикласснице! Поступить наоборот, не так, как от него ждут... И все об этом знают. И Анжела в том числе. Теперь она будет говорить, что из-за тебя Смирнитский поступил назло, своими руками испортил постановку.

— Ну да, — кивнула я. — Я и забыла, что лучше нее главную роль никто и не сыграет... Максим усмехнулся.

— И что ты от меня хочешь? Я не буду танцевать, я уже сказала об этом.

— Ты же все равно пойдешь к Яше... Уломай его устроить отбор на эту роль. Когда выбор будет происходить честным путем из всех девчонок студии, то провал Анжелы, если он случится, будет выглядеть вполне справедливым образом. И она отстанет. А на самом деле, я не верю, что в этом случае, она провалится.

— А ты уже все продумал, я смотрю. — прищурилась я. — Много времени тебе не потребовалось. Всего лишь нужно было пройти от зала до лестницы.

Максим не ответил.

— Ладно, хотя бы здесь все понятно, — вставая со ступенек и отряхиваясь, проговорила я. — Вот только... Максим, не думай, что я поверила в твои мифические мотивы. Сомневаюсь, что ты это делаешь из чистых побуждений, ради Анжелы. Настолько чистых, что боишься, что тебя в этом заподозрят. И сомневаюсь также, что ты проворачиваешь это, только чтобы не слышать ее нытье.

— Здесь много всяких причин, ты права.

— Только вот не понимаю, зачем я иду у тебя на поводу, учитывая, что из-за тебя я сейчас не разговариваю с Марком.

— В конце концов, я думаю, тебе это выгодно так же, как и мне.

Я усмехнулась.

— Ладно, Вересаев, пока.

— Так мы договорились?

Я спустилась, наконец, со злополучной лестницы и пошла по коридору.

— Посмотрим.

На мой стук в дверь никто не ответил. Ну естественно, разве в этом кабинете кто-нибудь кого-нибудь вообще слышит?

Прислонившись ухом к двери, я услышала клекот попугая, шум закипающего чайника и негромкое напевание. Напевание?

Это хороший знак.

Ну ладно, не говорите потом, что я не предупреждала.

Кабинет Яши представлял собой довольно-таки интересное зрелище. Непосвященный человек, попавший сюда впервые, вполне может почувствовать себя здесь как на складе или на чердаке со старыми ненужными забытыми вещами. Это и правда был склад. Сдается мне, что он сохранялся здесь с тех пор, как Яша впервые решил использовать это место под кабинет. Возможно (и это вполне на него похоже), он и выбрал-то эту комнату под кабинет, потому что здесь был самый ужасный беспорядок, который только может быть.

Но близорукий Смирнитский искренне уверял, что это порядок. Вещи-то лежат на своих местах, о чем вы?

Прямо на входе, ну то есть напротив двери всяк сюда входящий натыкался на круглый столик, забитый папками, файлами, бумагами, дисками, расположенными внушительной шаткой горкой. Между слоями торчали невесть откуда взявшиеся перья, кажется, голубиные, сломанные ручки и цветные фломастеры.

Да, пока мы не двинулись дальше, хочу предупредить, что самый бессмысленный вопрос, задаваемый в этих стенах: «Откуда все это?»

Ответы об этом кабинете известны лишь Богу.

Итак, кабинет был как бы разделен на две половины. Изначально, это был ляп строителей, советских архитекторов или тех чудо-людей, проектировавших сие здание. Кабинет был последним на этаже и представлял собой некое изломанное пространство. В этом, также возможно, кроется вторая причина, почему Яша взял эту комнату под свой кабинет.

Справа у стены, ближе к окну стоял старый, несколько продавленный диван, укрытый множеством пледов и усыпанный несуразными подушками. Возможно, Смирнитский стащил их из кабинета кройки и шитья, тоже неизвестно. Рядом с диваном еще один столик, но уже намного меньше. Окна здесь были высокие и тянулись вдоль всей стены. По положению штор на этих окнах было понятно, когда приходила уборщица. Эта добрая женщина-реалистка, попав впервые сюда, наверно сразу поняла, что есть места, в которых бесполезно бороться с грязью. Как, например, если кому-то вдруг захочется прийти с пылесосом и половой тряпкой на свалку. Вот так и здесь. И это без преувеличения. Когда она приходила, то старательно вычищала грязь на подоконниках, вытряхивала пепельницы, поливала цветы, убирала пустые и полупустые кружки (о них я еще скажу), а также опускала с подоконника и расправляла шторы, чтобы хоть как-то прикрыть этот ужас, потому что до конца это все убрать было, повторюсь, невозможно.

Итак, не свалив с места столик и обойдя его кругом, обзрев чудный диван у стены и одно из окон, вы поворачивали налево, обходили парочку стульев, переступали через стопки книг или еще какую-нибудь рухлядь (каждый раз что-то новенькое), на мгновение-два замирали перед советского вида стеллажом, в котором помещались не уместившиеся на полу, подоконнике, столиках и диване книги, некоторые части реквизита и старый потрепанный горн, и, наконец, видели стол владельца кабинета.

Думаю, необязательно упоминать, что он тоже был захламлен. Кажется, из предыдущего описания понятно, что избежать этого не удалось ни одной горизонтальной поверхности в кабинете.

За столом (осталось немного, честное слово) располагался еще один диванчик, поменьше, кресло, и столик с электрическим чайником, чаем, печеньями — ну в общем, понятно, всем в таком духе.

Это было самое свободное, я бы сказала незахламленное место в кабинете.

И напротив письменного стола висела огромная клетка, которую ни в коем случае нельзя было (но постоянно получалось) задевать головой. Там жил попугай с нетривиальным именем Мартын. Он не любил учить слова, но знал их много, а еще он любил пикировать на головы своим знакомым (то есть на все головы).

Кажется, все. Ах, да, еще чашки. Чашки, кружки, стаканы — это был главный атрибут Яшиного кабинета. Кто-то однажды решил, что это лучший подарок «главному». С тех пор все и дарили. У каждого сюда входящего было по одной (а то и по две) своих кружки. Они были самых разных цветов, размеров, с разными надписями, и стояли везде. Ну просто везде в кабинете.

Опять же, на всех горизонтальных поверхностях.

Едва не споткнувшись о перевязанную лентой стопку книг, которой в прошлый мой приход еще не было, я сразу оказалась у письменного стола, соответственно у Яши перед носом.

Закинув ноги на стол, он сооружал самолетик из бумаги в клеточку и напевал.

Я не ошиблась.

Не сказала бы, что он особо удивился, увидев меня, впрочем, угадать, о чем он думает, всегда было невозможно.

Я села в кресло перед столом, удержавшись от соблазна также закинуть ноги, как Смирнитский.

— Как думаешь, он взлетит? — он показал готовый самолетик.

— Мне кажется, нужно его раскрасить в красный цвет.

— Тогда он взлетит наверняка? — поинтересовался руководитель.

— Уверена, шансы увеличатся.

Смирнитский подкинул самолетик — тот взлетел вверх и, описав небольшую дугу, упал. Попугай проследил за ним взглядом, даже замолчал — кажется, усмотрел в нем конкурента.

— Повешу Мартыну в клетку, пусть играет, — решил Смирнитский.

— Мартын хорошая птица... хорошшшая, — был дан ответ попугая.

Смирнитский посмотрел на меня. Я посмотрела в окно.

— Знаете, помню, мне было лет семь, меня уже год как отдали на танцы, и весь этот год я ужасно их боялась. Я боялась свою руководительницу, она внушала мне небывалый ужас... Но я же не могла показать, что боюсь! Поэтому все думали, что я отродье дьявола, что я специально ее не слушаю и ничему не хочу учиться. А я просто... замирала и не могла ничего делать всякий раз, как на меня орали. И только один мальчик, новенький, мой партнер, посмотрев как-то на наши «публичные расправы», как мы это называли, сказал, что я похожа на испуганного хомячка... он, видите ли, разводил хомячков и видел как-то, как мать пожирает своих детенышей. Помню, после этого он получил от меня фингал, но... это неважно. Важно, что с ним я перестала бояться танцев и полюбила их, и мы протанцевали вместе десять лет. И когда недавно мне пришлось бросить танцы по... некоторым причинам, я решила для себя, что не буду больше танцевать. Слишком болезненно было все это и мне, уж простите, совсем не хочется к этому возвращаться.

— Ясно, — помолчав, ответил Яша. — Не думай, что я такой зверь и буду заставлять тебя... но, мне кажется, тебя еще не раз к ним вернет, я буду не единственным.

— Может быть потом мне будет легче с этим справляться. Скажем, через несколько лет, все забудется, уляжется, но сейчас... я говорю «нет», простите.

— Хм... причуды, истории, капризы... — пробормотал Яша, закидывая руки за голову и отклоняясь на задних ножках стула, — Что же мне теперь делать? — спросил он у потолка. — Назначить Анжелу? Выгнать тебя? Распустить студию, сбежать на Гоа, жениться, построить там бунгало и завести детенышей и огород?

— Вы могли бы устроить отбор. — Предложила я альтернативу всему вышеперечисленному. — Чтобы не было претензий к вашей... предвзятости. Ну то есть, чтобы никто не говорил, что вы ставите только старших на главные роли.

— Хм. Отбор. Отбор? Когда ж в последний раз с нами эта беда случалась-то? Не помню, нет. Отбор — это дело хорошее, конечно, но дотошное... Ох, — он приземлился ножками на место, сел прямо. Улыбнулся обезоруживающе, — Значит так. Я согласен на отбор, но при одном условии. Если ты, Варвара моя Трубецкая, придешь на него тоже. Просто попробуешь.

— Что? — Я задохнулась, закашлялась. — Яков Андреевич...

— Тебе сложно, что ли? Чего ты боишься? Никто не говорит о главной роли, но может быть, я присмотрю для тебя роль без танцев, движений....

— А заодно уж и без слов, что мелочиться-то!

— Вот, — он кивнул. — Я рад, что ты все поняла. Мы договорились, правда? Можешь передать сейчас этим дуралеям, что сидят в зале, чтобы завтра пришли за сценариями. А через два дня отбор. В 11 утра.

Я — делать нечего — встала и пошла в зал, но еще не выйдя за дверь вернулась:

— Ох, и чудите вы, Яков Андреевич.

— Так в этом же и состоит моя работа.

— Так вот в чем секрет всех этих наград, — я повела рукой на стену, облепленную грамотами.

— Только никому не рассказывай, а то обойдут.

— Ну что вы, я молчок, — открестилась я.

III. Все еще июль

— Смотрите-ка, опять пришел. Ох, чует мое сердце по твою душу, Варенька, ох, по твою!

— Слушай, ну почему сразу по мою! — тихо обругала я Мишу, чтобы посетитель не слышал.

— Поверь мне, старому морскому волку, а я и не такое на своем веку повидал! Что это он на тебя вечно косится, даже сейчас!

Я пихнула певца в бок.

— Да он не на меня, на тебя косится! Потому что ты причитаешь на все кафе и пялишься на него в открытую!

— Прекратите оба. Сейчас Владилена выйдет и устроит вам! — оторвался от коктейлей Анатолий и подтолкнул ко мне поднос с бокалами.

Я отправилась разносить напитки.

— Выбрали уже что-нибудь? — обратилась я к давешнему парню со странными синими глазами. Именно на его счет сейчас разорялся Михаил.

— Да, мне, пожалуйста, солянку, отбивную, салат «Цезарь», капучино. Только... все сразу, если можно.

— Конечно, — я уже повернулась, чтобы отойти:

— Да, и... — он вытянулся, пытаясь рассмотреть мое имя на блузке. — Варвара, вы не скажете, что это за странный мужчина сидит у барной стойки. Вы его знаете?

Я быстро обернулась. Миша активно подавал Тоне какие-то знаки в другой конец зала. Она, как обычно, гордо его игнорировала.

— Это не странный мужчина, он вообще-то нормальный, — я быстро улыбнулась. — Это Михаил, он поет по вечерам после восьми. Как правило, песни знаменитых джазовых исполнителей.

— И за Эллу Фицджеральд? — улыбнулся посетитель.

— За Эллу поет хозяйка, — рассмеялась я, представляя сей странный дуэт на сцене — Мишка Подлый трус и Владилена, и в этот момент увидела саму Владилену, выходящую из кухни. Посетитель тоже ее увидел и кажется, как и я, живо вообразил себе эту картину.

— Это шутка, — прыснула я. — Хотя, наверно, это привлекло бы постояльцев в новое кафе.

— Да, Варвара, я уже говорил вам, что вам не место среди официантов.

— Интересно, может быть, вы хотите предложить мне другую работу? Отвергая — предлагают, знаете ли...

— Рад бы, но никому не посоветую своей работы. Иногда лучше официант.

— А что у вас за работа?

— Я журналист.

— А я собираюсь поступать на факультет журналистики в следующем году. Извините, меня ждут.

Я спохватилась, что еще не отнесла заказ на кухню, и быстренько откланялась. Пока дошла до барной стойки, в голову пришла интереснейшая мысль.

— Слушайте, — прошептала я, улучшив минутку. — Кажется, этот парень, что уже второй раз приходит сюда, и есть тот журналист, о котором говорила Владилена.

— Да ну, — протянул Мишка, намереваясь крутануться на стуле и посмотреть на новоявленного журналиста, но я не дала — потянула за рукав и заметила:

— О тебе он тоже, между прочим, спрашивал.

— И что же? — любопытно спросил певец.

— Спрашивал, в качестве кого тебя тут держат. Он, кажется всерьез, опасался, что ты буйный, — предвосхищая следующий его вопрос, я без слов изобразила, как Миша подает знаки официантам.

— А ты молодец, — похвалил певец, ничуть не расстраиваясь. — Занятия в театральной студии не прошли даром.

— Будет приятно вычитать в газете, что главной достопримечательностью нового кафе является буйный по прозвищу Мишка Подлый трус, которого держат в этом самом кафе в качестве певца.

— Приятно, — согласился Михаил. — Живенько и наконец-таки по делу. Нигде больше таких, как я и не держат.

— Они определенно многое теряют, — закатила я глаза, беря поднос.

— Скажите... — я выставяла тарелки на стол и между делом вела допрос.

— Борис, — подсказал он.

— Да, Борис, почему вы спросили про Мишу?

— Просто любопытно. Я и в прошлый раз обратил на него внимание и сейчас он мне почему-то снова бросился в глаза.

— Ну, как раз «почему» — тут все вполне понятно, — улыбнулась я. — Если хотите, оставайтесь на его выступление — он хоть и шут, но... в общем, вы не пожалеете.

— Ох, — он вскинул руку, посмотрел на запястье. — Вряд ли я смогу.

— Тогда как-нибудь в другой раз. Мне кажется, на это стоит взглянуть.

Борис кивнул.

— Хорошо, обещаю, если я не уеду, зайду сюда специально взглянуть на вашего певца.

— Уедете?

— В Москву. Я, если честно, не воронежец.

— Простите... — я подумала, что это уже действительно превращается в допрос. — Мне нужно возвращаться к своим обязанностям. Не подумайте, я не с каждым посетителем вот так... точу лясы. Ну если, вдруг...

— Да нет, ничего. Этим мне здесь и нравится.

— Правда?

— Вот поэтому я и сказал, что вам нельзя быть официанткой. У вас слишком неформальное общение.

— Хорошо, что это не слышит Владилена. Меня и так пока на каждом ляпе здесь ловят. Как новенькую.

— Передайте ей мнение одного журналиста, который почему-то не считает это ляпами. И был бы не против, если бы все официанты так мило общались с посетителями.

— Если меня не уволят после первых же слов «по мнению одного журналиста», я все передам. — Улыбнулась я.

— Что с тобой? На тебе лица нет! — осведомился бармен, когда через полчаса, освободившись, я подошла к барной стойке.

— Толя, я кажется так подставилась! — сказала я, прикрывая голову руками. — Мне так стыдно.

Слово за слово — рассказала историю своего падения.

— Да брось ты! Ну что ты такого ему сказала?

— Вела себя не как официантка, вот что! Он теперь подумает, что...

— Он же тебе сказал, что именно поэтому ему здесь и понравилось.

— Это он мне сказал, а что он завтра напишет в своем материале — это уже другой вопрос!

— Ладно, успокойся. Может быть, это вообще не наш журналист! Не будем ничего говорить Владилене и все. Что ее зря волновать...

Я тяжело вздохнула.

— Это не наш, а наш, значит, где-то бродит еще. Может быть, уже записывает в свой листочек, что я треплюсь с тобой сейчас!

— И бродит он бедный, стучит кандалами, как тень отца Гамлета, — зловеще проговорил Михаил, подошедший к барной стойке и подслушавший часть разговора.

— Кандалами стучало Кентервильское приведение, а не тень отца Гамлета, ты ошибся! — Ледяным тоном отреагировала я.

— Да успокойся, Варвара, золото мое! Не уволит тебя никто! А если уволят, то нас вместе, поскольку звездами данного материала будем мы оба!..

Я оторопело взглянула на него.

— Сомневаюсь, что это сейчас были слова утешения, ну да ладно... Хорошо тебе так рассуждать, у тебя место всегда под боком найдется!

— Смотри проще на проблемы, которых еще нет, — он хохотнул. — Я помогу тебе устроиться, — он приобнял меня за плечи, простер руку. — и будут из кафе в кафе ходить легенды и предания о бедной синеглазой официантке и ее спутнике трубадуре, несчастных, неприкаянных, погрязших в пучине жизни.

— Послушай, трубадур, — поспешно вмешался Анатолий, поймав мой взгляд, — почему бы тебе ни отправиться, наконец, на сцену, а?

Я устало втащилась домой, обнаружила мамино отсутствие — в очередной раз — поставила чайник на огонь и, подумав, достала из сумки сценарий, который со вчерашнего дня таскала с собой.

Сейчас он лежал на столе и раздражал мое внимание. Итак, завтра отбор, придется на него пойти, поэтому нужно хотя бы прочесть сценарий.

Часы-ходики в виде котенка отбивали секунды. Я уныло думала, что пока дочитаю, будет часа два ночи, а то и три. Да, скорее всего три. А в 11 уже все начнется.

Так, лучше приступить прямо сейчас.

Задумчиво я перевернула первую страницу.

И... я уже не помнила, как выключила чайник, во сколько дочитала. С трудом вспомнила, как ходила по кухне и разговаривала сама с собой! Хорошо, что была одна дома. Иначе мама подумала бы, что я еще и свихнулась по молодости-то лет.

Вроде бы это... была обычная история, но как она была непохожа на все подобные ей истории! Это был рассказ о девочке-сироте, ее воспоминаниях — весьма смутных — и тех, которые еще только должны были стать воспоминаниями. Эта пьеса сплошь состояла из мыслей, чувств, мечтаний, — но как она, несмотря ни на что, была динамична и подвижна! Читалась на одном дыхании.

История одинокого ребенка, который вырос и пытается попасть в мир взрослых, найти свою семью. История понимания, что семья — это не обязательно люди, которые считаются

твоими биологическими родителями, не те, кто взял на себя опеку за тебя. Семья — это люди, попавшие с тобой на одну орбиту, случайные знакомые, с которыми тебе хорошо, с которыми ты смотришь на мир одними глазами. Которые, как и ты, пытаются разобраться в этом мире и не пропасть в одиночку. Так эта идея сводит вместе сироту и молодого мошенника, которого научили жить по определенной схеме и не рассказали, что есть правильное и неправильное.

И их путешествие, встреча с разными людьми, и настоящая семья, которую, в конце концов, найдет главная героиня — все это ставит вопросы, на которые герои пытаются найти ответы по ходу своего пути.

Юмор и позитивное отношение к жизни, а в сочетании с песнями, танцами — должен был получиться мудрый и глубокий спектакль.

Я, наконец, поняла, почему Яша загорелся этой идеей, и кажется, поняла, зачем он заставил меня взять сценарий и прийти на отбор... Ах, проныра, знал же, что я не смогу отказаться от этой роли после прочтения! Я действительно не могла.

И если так, Анжела действительно получит завтра сильную конкурентку. Кажется, у нее просто отлично развита интуиция, раз она с самого начала, с самых первых слов так хотела получить эту роль, даже не зная сути...

Я долго еще ходила по кухне, пила чай, смотрела в окно, пролистывала страницы, разбирала монологи и диалоги. Когда же, наконец, утомилась и легла, долго, немислимо долго не могла уснуть.

А в 10:40 уже сидела в зале, свернутым в трубочку сценарием, похлопывая себя по ноге.

Всех, кто ни входил, кажется, тоже слегка потряхивало.

На улице шел дождь, и девчонки, мокрые, как куры, вопили, что из-за испорченной прически им теперь не получить роль. Мне было смешно. Я завязала начавшие кучерявиться волосы в тугий узел, взглянула на себя в зеркало — это вряд ли прибавило мне красоты, но глаза на осунувшемся за первые месяцы лета лице казались большими, еще из-за синяков под глазами.

Да, узник Бухенвальда, подумала я пряча зеркало в сумку и тут же забывая обо всем.

— Идет, идет! — прокричал кто-то из малолеток, врываясь в зал.

В зале поднялся небольшой шумок, поспешно утихающий. В этой тишине Анжела проговорила достаточно громко:

— И где же наша мадемуазель Трубецкая, не возжелавшая благосклонно принять главную роль?

— Я здесь, не волнуйся, одну тебя не оставлю, — невозмутимо проговорила я, спускаясь в третий ряд. Анжела, не видевшая меня до этого, бросила на меня дикий взгляд и отвернулась.

В глубине души, она наверно все же надеялась, что я не приду.

Смирнитский остановился в дверях:

— О, да у нас аншлаг. — И спокойно прошел на свое любимое место — пятый ряд, центр. Он был сосредоточен, очки в тонкой оправе блестели. — Ну что ж, дамы и господа, вы сами захотели этого. Начнем с юношей. Как вы понимаете, я отбираю не только исполнителя главной роли, но и попутно могу назначать и на второстепенные роли.... Если увижу чье-то подходящее исполнение, разумеется.

...И именно потому, что весь этот отбор устраивался из-за большого ажиотажа вокруг главной женской роли, он начала отбор с мальчиков. Девочки тихо тряслись.

Но признаться, часто меня увлекало чье-то исполнение, и я уже думала о том, каково было бы играть с тем или иным партнером на сцене. По негласной установке основными претендентами на главные роли все же были выпускники. Особенно в этом спектакле. Уж не знаю, с чего все это пошло. Я не сомневаюсь, что если бы среди десятиклассников кто-то отлично исполнил роль, Яша бы взял его «в оборот», но Марк и Максим были намного сильнее любого десятиклассника, и признаться честно, многих выпускников.

В конце концов, Смирнитский сразу отобрал многих «младших» на второстепенные роли, Игорю безоговорочно (отбор проходил с помощью поднятия рук и окончательного вердикта Яши) присудили роль друга-шута, фокусника-странника. На главную роль остались два претендента. Марк и Максим. Я, если честно, тоже не могла решить для себя, кто из них лучше.

Они были... разными, вот в чем дело. У них была разная трактовка, разная подача, а в сочетании с прекрасной игрой, выбрать одного было очень трудно. Если один из них выбирался на главную роль, второй должен был автоматически получить роль злодея — очень колоритного персонажа. Так что я бы даже не стала особо расстраиваться, если бы меня не выбрали.

Я бы даже поспорила, кто из них главный в этом случае.

Марк... что ж, Марк бы отлично сыграл мошенника. Его мошенник напоминал мне разбойника Карла Моора, чем навевал на сентиментальные мысли, так что оценка моя была достаточно субъективной.

Максим... сказать по правде, вот он меня очень удивил. Я не раз видела, как он играл персонажей самых разных, неоднозначных, без примесей черного и белого. Он каждую свою роль стремился облачить в эти одежды, когда к злодеям испытываешь добрые чувства, а положительные персонажи могут вызвать омерзение и отвращение. И при этом, никогда нельзя было угадать, каким будет его следующий герой.

Его мошенник Дмитрий был тоже весьма необычным. Он захотел его сделать достойным счастья, но не верящим в самого себя. В самом начале. Затем менять его безверие на веру, прибавить герою сознательности и желания получить это самое счастье во что бы то ни стало.

Он читал монолог «Что счастье для меня в ненастный день?». Тот монолог, где стихи, понравившиеся Дмитрию, перемешивались с его собственными мыслями о счастье.

— Если кто-то мне сегодня скажет: «Тебе счастья ждать не стоит...», — я не особо расстроюсь. Не знаю я, что это такое, слово весьма сомнительно, несколько не красивое — счастье, — он так и произносил с «щ», растягивал гласные, отчего счастье становилось похожим на змею, свернувшуюся кольцом в траве. — Трудно мечтать о том, чего никогда не знал и не имел. Вот удача!.. О ее пропаже я бы серьезно пожалел. Я молод, и это лишь миг, так что нужно ловить его, ловить вместе с удачей. Пока она с тобой, пока ты в силах совершать невероятное и совершаешь это, ты молод! Пока она с тобой, ты ценишь этот самый заветный миг, но только...шшш...не говорите об этом никому, — он понижал голос до шепота, — удача не любит, когда ее зовут по имени. А это самое счастье, о котором так привыкли твердить, — оно для стариков. Для тех, кто уже разочаровался в жизни и цепляется за счастье возможное, будущее, как за то, чем можно утешить себя на старости лет. Когда я буду счастлив, я уже ничего не буду хотеть! Я достигну всего, чего так хотел в молодости. Но вот если ты, — теперь он обращался к невидимой Ане — сироте, голос его понижался, он становился смертельно уставшим, — если ты сегодня мне скажешь: «Завтра я

пойду своим путем, а ты своим», — тогда я не стану несчастным (потому что наш путь вместе никак нельзя назвать счастливым), я лишь пойму, что моя удача мне изменила. И никогда мне, теперь уже действительно никогда, не прийти к этому счастью. Даже мечтать не о чем. Старик, не испытавший счастья. Не самый редкий, но самый худший расклад.

Зал прослушал в молчании.

Но я поняла, что никто больше, даже Марк, не понял Дмитрия, как Максим.

И Смирнитский это знал. Но он лишь блеснул стеклами очков, что-то помечая у себя в блокноте, и проговорил:

— Ну что ж, теперь дамы.

Все страхи, жившие до выхода на сцену Максима, пробудились снова.

Девушки шли одна за другой. Сначала восьмиклашки, которые всегда терялись, когда приходилось выступать после старших, затем девятиклассницы — многих Яков Андреевич сразу распределял на мелкие роли, на танцевальные номера.

Сейчас объясню. В студии Смирнитского это не считалось зазорным — получить роль маленькую или получить возможность лишь танцевать в спектакле. Это было потрясюще. Раз — что тебя уже выделили, значит, в следующий раз ты получишь что-то масштабнее, два — сам Смирнитский не раз говорил, что нет незначительных ролей, и хороший актер может незначительную роль сделать самой запоминающейся.

С крупными ролями оказалось намного сложнее. На главную роль претендовало много девочек, и многие действительно ее заслуживали. Это было не как с ролью Дмитрия, где почти сразу было ясно, что есть только два основных претендента — Максим и Марк. А может быть, я так думала, потому что сейчас сама боролась за главную роль, а у страха, как известно, глаза велики.

Но только у кого-то я замечала явные недочеты и промахи, а чья-то игра мне действительно нравилась, я могла представить себе их сиротой Аней. Вот и Анжела. Очень неплохо, очень. Особенно для нее, ее амплуа обычно было связано с хищницами, стервами, злодейками. А здесь совсем другой типаж.

Пора и мне.

— Ты же вроде бы не собиралась претендовать на главную роль? — насмешливо поинтересовалась Анжела. — мы все это слышали!

Кто-то из девчонок захихикал.

— Потихе, пожалуйста, — сухо заметил Яша.

Я снова не волновалась, стоя на сцене. Но в этот раз я боялась, что меня не захотят слушать, не захотят услышать то, что я поняла про нее.

— И самое важное, что сделало ее такой, какой она появляется перед нами в конце, — говорила я взволнованно (кажется, никто не понимал, что я говорила). — Ее сформировало не это путешествие, не новые друзья, хотя и они тоже, несомненно, а то, что она поняла в Дмитриии за время путешествия, за время тех их разговоров. Как и его сформировала она, то есть то, что он увидел в ней. Увидев, какой он внутри, ей захотелось открыть это ему и стать такой же. Это те качества, которых, ей казалось, ей самой же и не хватало. Стремление к свободе, стремление ощутить вкус жизни, взять от нее все сполна. — я чувствовала себя странно, щеки горели, привычно я подошла к краю сцены. Прядь выбилась из пучка — я не стала ее поправлять. Кажется, я говорила долго, но никто не болтал, все слушали, и даже вроде бы с заинтересованными лицами.

— Это... мало? — осторожно спросила я, нарушая тишину.

— Если бы, Трубецкая, если бы... — засмеялся Смирнитский, что-то помечая в блокноте. На дрожащих ногах я спускалась после прочтения отрывка в зал.

Поймала взгляд Анжелы — отстраненный, удивленный — Марка.

Почти не слышала, как выступала последняя девочка, не слышала ее монолога. Пыталась унять волнение, не понимая, откуда, ведь я, кажется, действительно не собиралась претендовать на главную роль, ведь я же не буду танцевать?!

Вот и голосование. Руки, руки — это за Хромову Вику. Пытаюсь пересчитать. Сбиваюсь. Много.

Старцева, Гудилина, Могилева — где же я?

Колесникова, Кротова, Трубецкая — наконец-то. Руки есть, много рук.

Смирнитский записывает голоса. Хоть он-то не сбился? Подсчет. Долгое до невозможности ожидание.

— Итак, первое место делят между собой — Могилева, Трубецкая, Хромова. Интересно весьма. Ну что ж, на сцену, дамы. Проиграем диалоги с Грозовским и Вересаевым.

Спокойно, казалось бы, встаю. Спокойно — разве нет? — иду к сцене. Пробегаю глазами страничку с диалогом. Ну да, тот самый.

— Грозовский — Трубецкая, пожалуйста.

Марк смотрит на меня. Кажется, секунды эти тянутся вечность, и все в зале отсчитывают их.

Он поворачивается, идет по сцене, садится на какой-то стул верхом.

— Ну да, откуда тебе знать? Ты же... ничего не помнишь о себе. Вот такая незадача... — издевательство слышится в его голосе, он поглядывает на меня, ожидая реакции.

Я потираю пальцами лоб.

— Да, ты прав, конечно, прав... — я поднимаю голову. — Но кое-что все-таки помню. Это странно, но...

— И что же? — начинает он, но осекается, увидев мое лицо.

— Я помню музыку, — смеюсь, вытягиваю руку и шевелю пальцами. — Бабушка делает вот так — говорит, что «щупает» музыку. Кто-то наигрывает на пианино и смеется, я, сидя под стулом, подглядываю, затем не выдерживаю — врываюсь внутрь. Затем... затем, — пытаюсь вспомнить, прохожу мимо Марка, сажусь на край сцены, свешиваю ноги. — Она подхватывает меня, и мы начинаем кружиться. Быстро-быстро. Я откидываюсь на ее руках, запрокидываю голову, и все начинает кружиться вверх ногами под музыку: пианино и человек за ним, кошка, стол и стулья, и... мальчик.

— Мальчик? — быстро спрашивает он, внезапно изменившимся голосом. Таким изменившимся, что я оглядываюсь. Сияющее видение исчезает.

— Да, мальчик. Мальчик, просунул голову в дверь и стоит-наблюдает. Рот у него раздвинут в улыбке, и я... А почему ты спрашиваешь?

Выражение лица Дмитрия меняется, он отворачивается, скучающе смотрит в сторону.

— Да нет, просто интересно. Этот эпизод у тебя во всех подробностях, а остальное... вообще ничего.

— Да. — Я встаю с места, обхватываю себя руками, ухожу вглубь. — Да. Это странно.

— Спасибо, — говорит Смирнитский. — Вика и Максим. Прощу вас.

Марк отодвигается со своим стулом вглубь сцены и глазами указывает мне на него, приглашая сесть. Я отворачиваюсь, сажусь на импровизированную гору из старых покрывал

в темноте сцены.

Жду. Анжела, отыгравшая уже с Максимом, тоже ждет.

— Итак. — Произносит, наконец, Смирнитский. Впятером мы стоим в ряд, ждем вердикта. — Итак. Максим — Дмитрий. Варвара — Аня. Марк — дух. Вика, Анжела, Мар — после отбора подойдите к моему кабинету. Обсудим ваши роли.

— Так мы же... не назначены. — проговорила Вика тихо.

— Правильно. Я не знаю, кого из вас назначить на оставшиеся женские роли, как раз обсудим это.

Я молча стояла на сцене. Это свершилось. Господи, неужели...

Максим спускался по ступенькам последним. Внезапно, словно почувствовав мой взгляд, обернулся.

— Не так, как ты хотел, правда? — проговорила я.

— Совсем не так, — тихо покачал он головой.

Вечером я буквально ввалилась в дом. Бессонная ночь дала о себе знать часу так на втором работы. Оставшиеся часы я передвигалась по кафе с переменным успехом: напиваясь кофе, носилась, как угорелая, затем наступал спад, затем — снова.

Бросила сумку на пол, вошла в кухню. Села на стул и поняла, что больше не встану, хотя, кажется, нужно было еще и поесть. Естественно, никто ничего не готовил — а кто-то вообще был дома? — но оставалась еще надежда, что приходила бабушка.

Но чтобы это проверить, требовалось совершить некое усилие — встать, например, и подойти к холодильнику.

Котенок отсчитывал секунды, стреляя глазами, я покачивала ногой со сползающей тапкой и вяло размышляла о мировом господстве. Об амбициях, которые, кажется, когда-то присутствовали в моей голове, еще до того, как я навек связала себя сценарием и работой в кафе. Каждым новым действием, мне казалось, я привязываю себя к Воронежу, так крепко, что потом не разорвать.

Может, все-таки встать и поесть? Тогда есть шанс, что мысли перенаправятся в какую-нибудь другую сторону. Менее тревожную.

Зазвонил телефон и, глубоко вздохнув, я рывком встала, взглянула на часы, удивилась, захватила телефон и даже умудрилась проверить воду в чайнике, произнося «алло».

— Девушка, перестаньте мне звонить! Вы что, не понимаете, что мы с вами слишком разные величины — где я и где вы...

— Надо было бросить трубку, еще когда ты в первый раз додумался набрать мой номер.

Открыв холодильник, я обнаружила, что там даже есть еда, которую не нужно готовить.

— Тогда сколько счастливых минут ты могла бы уделить не телефону и мне, а экзаменам!

— Вот именно. Как ты все хорошо понимаешь.

— Ну так...

— Добрый вечер, кстати.

— Я бы сказал, доброй ночи, — хохотнув, поправил Марк.

— А ты не думаешь, что я могла бы спать? Или мама, к примеру.

— Ха, ну конечно. — Что-то он был слишком бодр сегодня. — Ты только что (точнее нет, не только что) притащилась с работы, дома у тебя как всегда никого нет. Ты свалилась на стул и долго думала, стоит ли сначала поесть или можно пойти спать без ужина. Но особой разницы ты в этом не усмотрела, потому что и в том и в другом случае пришлось бы

вставить со стула. А это место почему-то именно сегодня полюбилось тебе настолько, что ты могла бы заснуть прямо на нем. А еще...

— Послушай, чертов человек, где ты есть? — тревожно поинтересовалась я. — И кто ты, человек ли ты?

— Нет, я злобный дух, который контролирует твои мысли, милая моя. А что, я угадал?

— Ты наверно слишком хорошо меня знаешь.

— И когда же это я успел? Я надеюсь, не тогда, когда кое-кто ввалился на спектакль и мешал моему триумфу?

— Нет, когда ты умолял меня решить тебе часть Ц в ЕГЭ, а я призналась тебе, что отличница, отчасти липовая.

— Да-да, конечно тогда. — Мы помолчали. Он заметил через какое-то время: — Ты ведь... простила старого барана?

— Барана, вот именно, — поддакнула я, наливая чай в чашку.

— Знаешь, я торжественно обещаю, что больше не буду верить Максиму на слово.

— Да хватит, — рассмеялась я. — Это все глупости. Ты же не знал, что он преследовал в этом деле какие-то свои цели. И боюсь, ты не единственный, кто купился на его... инсинуации.

— Какое ты слово-то подобрала! — восхитился Марк. — Подожди, что ты имела в виду, под этим «ты не единственный»?

— О, мой друг, это такая история, такая! Без которой я, возможно, не получила бы сегодня роль.

— Да что ты...

— Может, не рассказывать тебе, а? — я зевнула. — И спать вроде как хочется.

— Да уж нет! Спать тебе совсем не хочется! — проговорил он убежденно.

— О, я так понимаю, к делу опять подключается злой дух?

— Вот именно, — многообещающе проговорил Марк.

— Ты спишь? — спросил он.

Я сидела на полу своей комнаты перед открытым балконом.

— Уже расхотела, — вздохнула я. — Вот странность, правда?

— Что именно? — усмехнулся он.

— Когда я сегодня после отбора сказала ему, что это не то, что он хотел, он сказал: «Нет, совсем не то». Понимаешь? То есть, я так понимаю, дело было в том, что роль получила я, а не Анжела.

— Ну, и что? Он же с самого начала к этому стремился! И ничего не вышло.

— Ну да. Только что вот так расстраиваться? Он же не Анжела. Какая ему, в конце концов, разница, с кем играть! Когда он уговаривал меня, все сводилось к тому, что «боже, она меня достала, но лучше она получит роль и успокоится. Правда, не думаю, что она не получит ее, но если все же нет, то так по крайней мере будет честно!». То есть главной задачей для него было заставить меня устроить этот отбор, а не сделать так, чтобы Анжела получила роль! Но по его лицу было видно сегодня, что плохо как раз это. Причем, это не то, чтобы моя вина, а как будто его просчет в плане! — проговорила я убежденно. — Что ты скажешь?

Марк помолчал.

— Слушай, это какая-то ерунда. Ты слишком сложно его воспринимаешь. Мне кажется, все его мотивы лежат на поверхности! Ну хотел он, чтобы его подружка играла главную

роль, это было бы так романтично! Он и она вместе forever! Но ему же невыгодно рассказывать какой-то Трубецкой, что он хочет именно этого. Вот и сделал из себя такого скучающего мачо, который своими хитросплетениями с барского плеча делает для своей девушки все, что капризная леди ни попросит!

— Хм, не знаю, — засомневалась я, хотя аргумент Марка пробил существенную брешь в моих мыслях.

— В любом случае, я тебя поздравляю! Надо это отметить как-нибудь! — он зевнул на другом конце провода.

— Да, только я бы не сказала, что это было так уж сложно, Марк. Это было здорово, интересно, весело, захватывающе, но... не сложно. Поэтому готова пройти еще пять таких отборов. И Анжела, я уверена, прошла бы тоже с легкостью, если бы... не знаю. Если бы эта роль ей больше подходила, наверно.

— Ну, так бы она не прошла! — усмехнулся Марк.

— Хм, как это «так»? — засмеялась я.

— Боже мой, Трубецкая! Я в следующий раз запишу видео, чтобы ты хоть раз на себя посмотрела со стороны. Видела бы ты себя!

— Да я вроде как все это говорила, так что зачем мне смотреть?

— Глупая какая! Твое выступление на отборе — уже был спектакль. Наверное, лучшее, что я видел в твоём исполнении.

— Прекрати, — я была убеждена, что он так издевается.

— А когда мы стояли на сцене и обыгрывали тот диалог! У меня мурашки бежали — я будто не в отборе участвовал, а действительно с тобой вел такие разговоры.

— Ну здорово, вжился в роль, значит! Большая дорога у тебя, Марк.

— А тебе большой удар по лбу, вот что! — рассердился Марк. — Ты думаешь, почему Яша так с тобой носился и заставлял, буквально заставлял принять эту роль и поставил условие на отбор прийти?! А почему он таскал тебя из спектакля в спектакль, пока ты была новичком? А почему, опять же, пока ты еще была новичком, он запихнул тебя Марселой в «Собаку» в первый состав?! Подумай.

— Ну... Анжела бы сказала: «любимчика завел!».

— А ты, что сказал бы ты?

— Я не знаю, Марк, — я несколько растерялась от его напора. — Я правда не знаю.

— Это потому что ты балда! — сердито отозвался Грозовский. — Я просто... не знаю, цветы себе возложу за то, что заключил с тобой весной пари!

— И опять же себе, да? Почему не мне? — я попыталась перевести разговор в шутку.

— Не достойна ты не цветов моих, не оваций, — с холодком отозвался Марк.

— Ладно, слышали бы тебя наши театральные барышни, они бы давно меня подкараулили и избили бы наверно.

— Что еще раз подтверждает все вышесказанное. — Чопорно провозгласил Марк.

— Да иди ты! — отозвалась я. — О, кстати, а что тебе сказал Смирнитский? Про твою роль?

— О, — с явным удовольствием откликнулся Марк. — Сказал, что я молодец.

— Нет, серьезно?

— Серьезно. Сказал, что я могу взять на себя детали моей роли, подобрать костюм, вырисовать образ. Сам себе режиссер.

— Вот это да! Он никогда никому такое не позволяет. А что Анжела и Вика?

— Им он тоже сказал, что они молодцы. Он им предложил взять по две роли, они выбежали почти такие же довольные, как если бы получили главную. Еще бы! Зато мороки с этим будет...

— Ничего, справятся. По крайней мере, я рада, что они не остались вообще ни с чем. Они достойны были...

— Ну не главной, конечно.

— Все, прекрати! Эгоцентрик, блин!

Марк рассмеялся.

— Вот люблю тебя, Грозовский, за твой вечный оптимизм, — неожиданно заявила я.

— А я то все гадал, что ты со мной водишься, — рассмеялся он снова.

Мы помолчали. Я слушала, как поет сверчок где-то рядом с моим окном. Было уже, наверно, около часа ночи.

— Знаешь, что странно?

— Опять? — тихо спросил он.

— Да нет, я не о том, — я помолчала. — В детстве нам не разрешали разговаривать до ночи по телефону.

— Что ж тут странного, мне и сейчас не разрешают! Я скрываюсь по балконам и ванным комнатам.

— Да, в этом-то все и дело. Мне бы тоже не разрешали. Если бы кто-то дома хоть изредка появлялся.

— Что, все так плохо?

— Да нет, Марк, — я рассмеялась, но как-то нервно. — Это не плохо, это уже вошло в привычку. Это нормально. В детстве мы мечтали болтать по телефону до полуночи, делать все, что хотим; мечтали, чтобы родители оставили на одних на несколько дней, а мы бы устраивали безумные вечеринки, жрали бы только шоколад и хот-доги, открывали бы все окна настежь, врубали бы на всю музыку, телевизор в другой комнате, а сами валялись бы на полу и читали книжку поинтереснее! Можно было бы даже ходить в школу и все такое, но при условии, чтобы делать уроки всем классом.... Это была бы не жизнь, а кайф! Полное ощущение свободы!

— Свободы! — почему-то уныло отозвался Грозовский.

— Но в детстве нам почти никогда не удавалось остаться дома одним на несколько дней, а если и удавалось, то все было не так красочно и свободно, как мы мечтали. Теперь же...теперь я почти всегда одна дома. Я люблю иногда открывать окна настежь и сидеть на подоконнике, слушая, как во дворе идет привычная возня: дети бегают, мужики играют в шашки и шахматы, а бабульки всех обсуждают и лаются с мужиками. Я люблю включать телевизор и радио вместе — это создает эффект... наполненной квартиры, что ли. В 11 классе как-то не было возможности устраивать безумные вечеринки, но остальной долей так называемой свободы я насладилась сполна. Пока не приелось. Пока не поняла, что это мираж. Голоса из телевизора и радио не вернут меня в детские мечты и не заставят маму появляться с работы почаще. Пустая квартира не даст ощущения свободы и не заставит прелюбимых родственников проявить интерес к тому, почему я не стала поступать в этом году, а осталась работать. Все это... мираж. — Стрекот сверчка усилился. — Взросление оказалось не таким веселым. Лучше остаться в детстве, там, по крайней мере, была уверенность, что мечты, даже не исполнимые, обязательно исполнятся!

Марк усмехнулся, но тоже как-то невесело.

— Варь...

— Да?

— Знаешь, я ведь тоже в этом году остался здесь.

— Да.

— И я тоже, и все мы... ну, пытаемся с этим справиться, что ли... Боремся или хотим бороться. Пытаемся казаться взрослыми, но в глубине души все еще мечтаем, что нас пожалеют и посоветуют нам, как правильно. Это было бы нужно, ну хотя бы просто для того, чтобы в ответ на совет, хлопнуть дверью и сделать все наоборот....

— Да, — прошептала я. — Иногда так хочется, и обидно, что нельзя.

— Но зато в детстве мы всегда хотели вырасти, и теперь... все и случилось. — Бодро закончил Марк. — Так что глупо жаловаться на самих себя.

— Это все сверчок, — ответила я. — Ну что, спать?

— О, да. Завтра, как никак, первая репетиция. Придешь?

— Очень смешно, — отреагировала я. — Спокойной ночи, тыковка моя.

— И тебе, солнышко, и тебе.

Август (середина)

Почему-то когда я только устроилась на работу, мне казалось, что этот год будет тянуться долго, слишком долго. День за днем я буду ходить в театр, вечер за вечером коротать в кафе.

Уныло...

Никаких отклонений, жизнь по расписанию. Из этого расписания я выпустила самое главное — людей. А люди между тем и составляли основную часть моей жизни. В театре меня окружали люди. Люди знакомые, интересные, отчасти эгоцентричные, приятные и не очень, с разными интересами и целями — но между тем свои. По большей части это были школьники, окруженные своими проблемами, планами, и их интересы, как кто-то мог бы подумать, крутились не только вокруг школы. Их всех связывало то, что ради будущей постановки, которая была еще только на первых стадиях репетиций, они остались в городе, не разъехались по деревням, курортам и лагерям. Это дорогого стоило. Все они обсуждали, мимоходом, легко и просто, какую битву выдерживали с родителями ради такого вот отклонения от нормы. Учитывая, что многие их знакомые, друзья и одноклассники все же уехали из города, они постоянно торчали в театре, или ходили тесными компаниями, устраивали пикники, «выгуль», вечеринки, совместные походы в кафе и кино.

Так за лето отношения стали в сто раз крепче, чем они были за год. Я приходила каждый день в театр и попадала в удивительный мир, который больше не встречала нигде и никогда, даже еще учась в школе. Здесь было невозможно скучать и томиться; здесь мимоходом обсуждались всевозможные выставки и конкурсы, новинки искусства; здесь каждый девятиклассник знал наперечет всех актеров и режиссеров театрального Воронежа, здесь заводились споры о тяжеловесности фильмов Феллини и глубине и бесшабашности Кустурицы; здесь каждый легко ориентировался в истории кино и театра, а любой фанат «Ранеток» был бы избит и с позором выгнан не то, что из студии — из города.

Еще один удивительный мир ждал меня по вечерам в кафе. Если в студии Смирнитского я была в центре интеллектуальной жизни города, то в кафе меня сполна накрывала реальная жизнь со всеми ее победами и поражениями, мелочностью, тяжестью, неприкаянностью, ошибками, и земной, но такой глубинной философией.

Здесь о себе рассказывалось между двумя чашками кофе, вшивый уверенный в себе

бизнесменчик сидел бок о бок с опустившимся на дно, спившимся учителем, или спортсменом, который после травмы потерял веру в себя и в свою жизнь. Молодые парочки, счастливые до безобразия, с жалостливым и сочувственным высокомерием наблюдали за разведенными бесшабашными тетками, которые, напившись, пускались в длинные и заунывные истории об утерянной молодости.

Я привыкла ловить обрывки разговоров, не вслушиваясь в них, поражалась между тем, тому, насколько мало мы зависим от всех людей, от всего общества в планетарном масштабе, если можно так сказать. Для каждого из нас существует только один круг — наш собственный. Сюда входят наши родственники, друзья, коллеги, одноклассники, одногруппники, однокурсники. Наши истории, их истории, истории друзей наших друзей и знакомых наших знакомых. И несмотря на обширность этого круга для нас самих, он, как ни странно, достаточно обособлен. Я поняла это, попав в кафе. Кусочки этих обособленных кругов стекались сюда, наполняя их смыслом. Я видела смех, слезы, страх, грусть, тоску. Здесь праздновали Дни Рождения, пару раз я видела, как молодые люди делали предложения своим девушкам.

Этот мир, нахлынувший на меня, вчерашнюю школьницу, просто потрясал и ошеломлял. Мне хотелось смеяться вместе с этими людьми и разделять их слезы, хотелось знать, живут они здесь всю жизнь или переехали откуда-то, хотелось узнать, о чем они мечтают и о чем мечтали, когда были такими, как я.

Анатолий, которому больше всех доставалось от этих «рассказчиков», лишь посмеивался в ответ на мои рассуждения.

— Это ты пока об этом мечтаешь. Вот поработаешь еще пару месяцев и перестанешь воспринимать каждую историю так близко к сердцу. Ты... как бы это сказать... выявишь определенную закономерность. Когда человек подсаживается к моему бару, я с первого взгляда могу определить, легко его разговорить или нет. Кто-то садится на стул уже с открытым ртом и, не успеешь подать ему винную карту, он начинает рассказывать всю свою жизнь, начиная с младенчества. Кто-то никогда в жизни не будет трепаться с незнакомым человеком неизвестно о чем, а кому-то достаточно пару бокалов пива или рюмки чего-нибудь покрепче. Я привык не допускать эти истории близко, потому что у меня, как это ни странно, тоже есть своя жизнь за пределами кафе, и я хочу хоть иногда думать о своих проблемах, а не о том, как быть тетке, чей сын пьет и выносит вещи из дома.

— Подожди-ка, — серьезно заметил внимательно слушавший его Миша, — вот ты сказал: «у меня, как это ни странно, тоже есть своя жизнь за пределами кафе», — только не говори, что это правда! Я думал, что ты родился, протирая барную стойку и подливая пиво алкашам.

Толя покачал головой, даже не улыбнувшись Мишиной шутке.

— Если бы мои родители увидели воочию, что я делаю здесь каждый вечер, они бы вызвали спасателей, чтобы выудить меня из этого адского болота. Они, видите ли, считают, что я сижу в каком-нибудь офисе, выполняю мелкую канцелярскую работу. Прожигаю, так сказать, в Воронеже жизнь.

— А они сами кто, британские нефтяники?

— Почему британские? — хохотнула я.

— Нет, — насмешливо улыбнулся Толя. — Всего лишь московские бизнесмены.

— Так что ж ты тогда делаешь здесь? — изумилась я.

— Ну... наверно, прожигаю жизнь, — усмехнулся Толя.

Владилена разогнала нас и, забирая со столика счет, я думала о том, что жизнь других людей — бесспорно интересная штука, но не менее интересной может оказаться жизнь твоих близких.

У меня, видимо, был какой-то нездоровый пунктик к интересу, потому что я сама, своими руками захотела сделать свою, и без того нескучную жизнь, еще более интересной. В театральной студии.

Итак, история падения принципов Варвары Трубецкой началась с того, что Смирнитский нашел хореографа. Молоденькая девочка лет 22-х с радостной улыбкой ворвалась однажды к нам в студию и возвестила, что «призвана постичь с нами основы танца!»

Все безусловно помнят, как своеобразно я была настроена к танцевальным номерам в спектакле, так вот отношение мое к этому вопросу не изменилось, но пришлось смириться, ничего не поделаешь. Из-за этого я, как оказалось, не могу отказаться от роли.

И на первую танцевальную репетицию я явилась уже настороженной. После первых воздушно-очаровательных речей хореографа я стала несколько взвинченной.

— Я прочитала ваш сценарий. Это просто прекрасная, прекрасная история! Мне кажется, здесь нам поможет классика, и только классика! Я уже кое-что подобрала для ваших танцев!

Первым делом после этих слов она залезла на сцену и показала!

Я всю жизнь танцевала балльные танцы, мало имевшие отношения к современным, но все же могла отличить движения для начинающих в возрасте пяти-шести лет от движений, предназначенных для постановки танцевальных номеров для спектакля.

Мы долго объясняли ей сюжетную канву, пытаюсь доказать, что зритель не дурак, его не прельстят эти движения для начинающих, ему нужно что-то поярче, поинтереснее, и вместе с тем, не настолько сложное, чтобы все мы не смогли это станцевать.

Девочка-хореограф кивала головой, соглашалась, переспрашивала, но, собрав нас на следующий день и выстроив в один ряд, предложила учить ту же связку, что показывала вчера.

Первые минут десять мы еще топтались на сцене, пытаюсь не умереть со скуки, потом черт дернул меня вылезти и попытаться объяснить еще раз, что все это не годится.

— Но Яков Андреевич, — надменно вздернув подбородок, возвестила хореографша, — пригласил меня, значит, был согласен с любыми моими действиями.

— Но Яков Андреевич не видел этой связки, иначе я уверена, он бы не одобрил это.

— Девушка, вам не кажется, что вы не в том положении, чтобы указывать мне? — заметила мне девочка-одуванчик.

— Вам не кажется, что к нам лучше прислушаться, иначе с нами у вас ничего не получится? — поинтересовалась я. — Мы не будем учить ваши движения.

— Это что, протест?

— Так и будет, если вы не захотите прислушаться к нашему мнению. Нам это не нравится, мы хотим сделать хороший спектакль, а не отделаться двумя прихлопами и тремя притопами.

— Ну что ж, если это только ваше мнение... — она насмешливо оглядела меня, потому что я стояла впереди остальной труппы и высказывалась одна.

— Нет, мы все так считаем. — Это Максим неожиданно вылез из задних рядов и встал рядом. Следом подтянулись некоторые «младшие», образуя один полукруг.

Насмешка сползла с лица девочки.

— Ну что ж, раз вы такие дружные, то я думаю дружно сможете поставить все танцевальные номера без помощи хореографа!

Она вздернула подбородок, подхватила сумку и сделала ноги, хлопнув напоследок дверью.

— Так, — в полной тишине проговорила Вика Хромова. — От этой дуры мы избавились, что же нам теперь делать?

— А вот Варвара, — ядовито растеклась Анжела. — Варвара определенно могла бы помочь нам с этим вопросом. Она же так долго занималась танцами!

Я взглянула на нее, все еще не понимая, что она имеет в виду.

— А ведь точно, Варька! — Это Игорь выскочил откуда-то сбоку. — Ты же сама этим занималась, лучше всех хореографов понимаешь, что нам нужно, почему бы тебе ни взяться за это дело?

— За это дело? — переспросила я.

— Да, — подхватила Анжела, — почему бы тебе ни поставить эти танцы самой? Мы, конечно же, будем помогать по возможности. А с тебя... ну, так сказать, идея.

— Да вы что? — оторопела я. — Самой поставить все танцы?

— Ну мы же поможем, — заметила Вика, которой эта идея, похоже, тоже начала нравится. — Ты, мне кажется, будешь отличным хореографом.

— И к тому же, кто как не ты выгнала эту дуру отсюда? — подхватил еще кто-то сзади.

— Но вам же она сама не нравилась!

Но меня уже никто не слушал. Все восхитились этой идеей и теперь активно ее обсуждали. В своих разговорах они уже, похоже, были на премьере!

— Слушайте, вы не понимаете, как это сложно одному человеку...

— А эта девочка-одуванчик тоже сама все собиралась ставить! Ты же не глупее ее!

— Да причем тут глупость... — тихо проговорила я.

— Ты же понимаешь, что Смирнитский не будет искать новую хореографшу, особенно если узнает, что она нам просто не понравилась. Он скажет, что уже искал, еще раз делать это не собирается, — это Анжела проговорила спокойно. Вот кто был инициатором всего действия.

— Я же прекрасно понимаю, что никакой помощи я не увижу — это только слова, — ответила я. — когда дойдет до дела, все сразу разбегутся!

— Ты что же, не веришь в нас? — насмешливо поинтересовалась Анжела.

— Ну как вы не понимаете, я не смогу! — они не хотели видеть очевидного. Им нужно было лишь избавиться от проблемы.

— Ты едва не отказалась от главной роли из-за танцев, но однако прошла по отбору и осталась. Значит, решила, что сможешь танцевать. Если так, сможешь поставить и номера.

Я покачала головой.

— Это совсем другое.

— Разве?

Я только махнула рукой и вышла из зала. Что я могла сказать? У меня не было аргументов.

Я была зла на себя. Ну, кто просил вылезать вперед?

Да нет, все правильно. Мы бы не смогли сработаться с той девочкой. Рано или поздно кто-нибудь все равно бы высказался! И потом, Трубецкая, признайся честно, тебя бы не

устроила ни одна кандидатура хореографа! Ты бы непременно вмешивалась в это дело сама — это же танцы, как ты не понимаешь?!

Я понимала. И понимала своих «театралов». И понимала, что неправа. Выгнала эту тетку и теперь в кусты? А отвечает пусть кто-нибудь другой?

Все было тихо. Телефон мой молчал — никто не звонил и не устраивал истерик по поводу моих самовольных выходов. Скорее всего, все было неспроста. Группа просто устроила мне бойкот. Я не знала, как выкрутиться.

Дело было в танцах, опять же в них. Камень преткновения. Не только в том, что ответственность и большая работа для хореографа, но и обещание, которое я дала себе. Не танцевать. Просто и ясно. Только вот держаться не удастся и месяца — похоже, где-то там наверху все решено за меня.

С этими пагубными мыслями в одно утро я выглянула в окно и обомлела, увидев на асфальте надпись: «ВАРЬКА! ТЫ НАШ ХОРЕОГРАФ!»

— Боже мой, — проговорила я. — Боже мой.

В тот же вечер я пришла в зал, где по договору у нас должна была быть танцевальная репетиция.

Все уже были на своих местах. Переговаривались, шутили, смеялись — особенно не волновались судя по всему. При моем появлении замолчали.

— Хорошо, — сказал я и остановилась перед сценой. — Я согласна. Но только при одном условии — уж не обессудьте.

Несколько человек кивнули.

— Если вы поручает мне должность хореографа, то будете слушаться меня, договорились? Никаких отклонений, нытья, жалоб, что слишком сложно, слишком долго репетируем, слишком глупые движения, понятно?

— Понятно-то понятно, только как нам быть, если движения и правда будут глупые? — это Анжела высказалась. Я, собственно говоря, и не ждала, что она будет молчать.

— В таком случае, — я посмотрела на нее. — Выбирайте другого хореографа. Я сложу с себя все полномочия. И это будет честно, потому что нам придется поставить не менее десяти танцев, а я у нас еще обыкновенные репетиции, плюс у всех еще свои дела, работа, школа и так далее. Так трепать себе нервы я не согласна. Договорились?

— Да, конечно, — нестройным хором отвечали все.

— Отлично. — Я закинула сумку на сцену, села сама. — А теперь давайте подробно посчитаем, сколько нам нужно поставить танцев, и какими они должны быть.

Я вышла из кафе, чувствуя себя навьюченной лошастью.

— Варвара! — я обернулась.

— Борис. Привет.

— Привет. Вот уж не думал, что еще увижу тебя.

— Хм, ты стоишь в... — я вскинула руку, — в 11 часов вечера у дверей кафе, где я работаю, и сомневаешься, что такое возможно?

— Да, просто... я уже завтра с утра уезжаю, не думал, что придется увидеться.

— Ах, в Москву... — заметила я.

— Ну да. Слушай, что мы стоим? Давай я тебя подвезу.

Я только сейчас обратила внимание, что он облакачивается на машину.

Я прищурилась.

— Не волнуйся, в лес я тебя не завезу и расчленять не буду, — заметил он, открывая

передо мной дверцу.

— Подобное замечание не может не радовать, — чопорно откликнулась я. Он засмеялся, уселся рядом.

— Так куда тебя?

Я назвала адрес. Поставила себе на колени свой груз.

— Что это у тебя за поклажа? — поинтересовался он.

— А, это... бабушка варенье варит, все просила привезти ей ее банки, которые она у нас дома оставила. Ну а нам все некогда, я вот только сейчас после работы и собралась.

— А тебе не кажется, что бабушки в такое время уже спят?

— Моя не спит, — хмыкнула я. — У нас сегодня что, среда? Она по средам с подружками режется в преферанс на деньги. Играют допоздна.

— С трудом представляю, если честно, — засмеялся Борис.

— Ну да. Они много курят, ругают друг друга, обличают в мошенничестве, а между делом ведут культурные разговоры об опере и прошлых временах.

— Ну и бабушка! Вот ты в кого наверное пошла!

— Ну да. По крайней мере, мама моя утверждает, что у нас одна и та же аферистская порода.

— Аферистская! — фыркнул Борис, останавливаясь на светофоре. — А что отец по этому поводу думает?

Я посмотрела в окно.

— Мой отец умер. — тихо сказала я. — Да и до того-то с нами не жил.

— Прости, пожалуйста. Мой отец тоже умер. А я даже не был на его похоронах.

Я взглянула на него. У него было задумчивое лицо, глаза казались почти синими.

— Слушай, — заметила я. — Я только сейчас поняла, что мы с тобой видимся третий раз в жизни! А до этого встречались в довольно странных формальных обстоятельствах.

— Да уж, формальных! — усмехнулся он, отвлекаясь от видимо тяжелой для него темы. — Не знаю, почему, но мне с того первого раза кажется, что мы знакомы всю жизнь. Как будто, знаешь, в детстве я был на правах старшего брата!

— Да, есть такое ощущение, — неожиданно согласилась я. — Жаль, что ты в Москве живешь. А то... могли бы и почаще общаться.

— Ну да... но все равно странно это.

— А что ты забыл в Воронеже?

— Да, у шефа бзик! Решил послать меня в командировку по некоторым провинциальным городам.

— Зачем?

— Дал задание походить по разным кафе-ресторанам и сравнить их со столичными. Уровень обслуживания, меню, кухня, способы привлечения клиентов!..

— Значит, я все же была права... — покачала я головой. — Ты не представляешь...

Я пересказала ему все свои страхи.

— Знаешь, это какое-то совпадение. Я не должен был писать именно о вашем кафе, просто так сложилось. А ваш журналист, видимо, где-то затерялся. Или уже пообедал инкогнито.

— Вот это меня и пугает, — засмеялась я. — Очень опасаясь за себя, то есть за то, как я могла напортачить при нем.

— Я уже говорил тебе, Варька, мне кажется, в вашем случае это даже интереснее, когда

сохраняется такое обслуживание... живое, что ли. Нет этого снобизма, нет отстраненности и назойливости.

— Это, тем не менее, противоречит всем канонам жанра, — улыбнулась я. — Буду вспоминать об этом, если придется еще искать работу официантки.

— Радуйся. Есть люди — официанты по призванию. Таких уже не спасти. И тебе это не грозит, к счастью.

— Да уж. Официант по призванию — это страшно, — ужаснулась я.

— Приехали.

Я оглянулась. Мы действительно стояли у бабушкиного дома.

— Я помогу, — решительно заявил он, забирая у меня тяжелую сумку. Я только с удивлением посмотрела на него.

У бабушки было накурено. Как всегда по средам. Да еще и дверь открыта. Заходите, люди добрые, берите, что хотите!

Внутри царил гвалт. Опера, крики, кто-то орал:

— Ты, Клавка, ты мошенничаешь!

— Сама ты жулишь, Александра!

— Так! — это бабушкин голос прорезался. — Всем молчать. Сейчас принесу вино, начнем партию заново. И это последняя, учтите!

Я посмотрела на Бориса. Тот, удивленно, на меня.

Я качнула головой:

— Не обращай внимания.

Графиня Трубецкая показалась в коридоре. Я заметила:

— А если бы воры?

— И кому я такая старая нужна? — гаркнула она, заходя в соседнюю комнату и не доходя до нас пару шагов.

— И кто ты у нас сегодня? Моряк? Портовый грузчик?

— Грузчик — не камильфо, — откликнулась вредная старуха. — Банки принесла?

— А ты думаешь, я сюда на преферансик заглянула к полуночи?

— Ну да, ну да. Мальчики и клубы, как я могла забыть! — заметила она, показываясь в дверях с бутылкой в руке.

— Проницательно.

— Так ты не одна?

Я щелкнула выключателем. Вспыхнул свет.

— Познакомься — Борис, мой личный шофер и почти что брат! — ухмыльнулась я.

Бабушка шагнула было вперед с протянутой хищной лапой, но, увидев Бориса, вдруг отшатнулась.

— Не может быть! — прошептала она.

— Ты что? — удивилась я.

— А что? — она перевела взгляд на меня, перехватила бутылку с вином, будто успокоилась.

— Ты как-то странно...

— Приятно познакомиться, Борис, — величественно откликнулась она, не глядя на моего спутника. — Извините, меня ждет партия преферанса и пять выживших из ума старух.

Развернувшись, она стремительно удалилась.

Мы вышли на площадку, где было странно тихо и свежо.

— Что-то я не понял... — задумчиво проговорил Борис, пока мы спускались.

— Не поверишь, но я тоже, — ответила я.

С улицы я оглянулась на окна бабушкиной квартиры. И мне показалось, но только на мгновение, потому что в этот момент меня отвлекла проехавшая мимо машина, что графиня Трубецкая смотрит в окно.

Секунда — и окно снова было пустым.

— Ты едешь? — поинтересовался Борис.

IV. Конец августа

— И, похоже, скоро придется переходить на утреннее время, — заявила я в один из вечеров, оглядывая зал.

— Почему?

— Начало учебного года, Смирнитский перенесет репетиции в студии на вечер, когда все относительно свободны.

— А чем тебя не устраивает утреннее время? — Анатолий как всегда метался между посетителями, и разговаривали мы урывками.

— Да всем устраивает, но... вставать рано! Ты не представляешь себе, как я ненавижу рано вставать!

— О, а что бы ты заговорила, если бы пришлось ходить в школу или в универ...

— Да, но мне-то не нужно... — я с усмешкой обернулась к бармену.

Раздался звонок колокольчика.

— О, все я пошла, — обреченно сказала я. Сегодня был тяжелый вечер — народ валил валом.

— Не надо, — остановил меня Толя, вглядываясь в зал.

— Почему? — я попыталась обернуться, но мне не дали.

— Варвара, солнышко мое, — это Мишка положил мне руку на плечо.

— Вот почему, — кивнул Анатолий.

— Ты опаздываешь, — заметила я, взглянув на часы.

— Разве? — он был, видимо, не очень обеспокоен по этому поводу.

— Владилена уже грозилась всеми проклятьями.

— О, она просто тает от звуков моего голоса. Стоит мне только запеть: «Summertime...»

— Ты бы лучше шел к микрофону, — заявила подошедшая Тоня. — Толя, в чем дело? Я еще час назад просила достать мне ту коробку из подсобки! Если Владилена увидит, что посуда еще не на месте...

— Ты видишь, что творится? — он выразительно посмотрел на тех, кто сидел у бара.

— Я-то вижу... — заметила она.

— Слушай, что ты постоянно придираешься? Думаешь, я работаю меньше тебя? Так ты встань на вечерок к стойке...

— С удовольствием простою весь вечер на одном месте и не буду метаться по всему залу!

— Сейчас, я достану твою коробку, подожди!

— Ну уж нет, спасибо, уже Никиту попросила! — Никитой звали третьего официанта, работавшего в нашей смене.

— Тогда в чем вообще проблема? — расстроено поинтересовался он.

— Ни в чем. На меня всем плевать. — Тоня резко развернулась и отошла.

Анатолия отозвали.

Мы с Мишей, молчавшие весь диалог, выразительно переглянулись.

— Что делается, что творится! — заметила я.

— О да, — Миша задумчиво улыбнулся.

Тоня меня не любила. Не знаю, в чем причина, но при моем появлении она всегда делала своими глазами нечто такое, от чего мне хотелось оглядеть себя, оправить кофту и

проверить чистоту манжет.

Ей будто приходилось принимать меня в свою команду, что она и делала с превеликим одолжением.

Не знаю, что она там говорила, про то, что на нее всем плевать, но это была неправда. По крайней мере, ее любила Владилена, что давало существенные бонусы в такой работе, только вот, видимо, не хватало чьей-то определенной любви, иначе... Я хотела засмеяться, но не смогла. Может быть, я отлично ее понимала.

Вообще, что касается коллективной работы, то здесь у нас проблем не было. Мы все отлично общались друг с другом, правда, вот Тоня не очень переваривала Мишу и меня, но с этим, пожалуй, можно было смириться, как обоюдно решили мы с ним.

Со всеми легко было работать. Владилена была шикарна и неповторима. Все говорили, что такую хозяйку еще поискать надо. Тоня беспрекословно выполняла свои обязанности и, за исключением редких случаев, не пыталась делить территорию. Миша веселил и разбавлял атмосферу. Анатолий...

О нем, пожалуй, можно рассказать и отдельно.

Если, входя в кафе, вы видели жизнерадостного и улыбчивого парня, вечно что-то напевающего, настроение ваше стремительно взлетало вверх. Быстрее, чем температура в термометре, поверьте. А если вы видели его каждый день, то настроение ваше начинало улучшаться уже по дороге на работу.

Он, внутри себя, не иначе, относился к этой жизни как-то так, что иногда хотелось положить ему руку на плечо и впитывать его энергию и тепло, как от солнечного света или от батареи. Правда, не хотелось его самого лишать этой энергии, но я была уверена, что этой жизненной силы ему хватило бы на всех.

Его светлые волосы всегда стояли на голове ежиком, и мы много раз шутили, что это антенна, по которой он получает энергию от самого солнца. Единственным его недостатком — если это можно считать недостатком — была лишь, пожалуй, придирчивая любовь к стильным вещам, на которых он был помешан еще с тех времен, когда не работал в баре, да и вообще ни в чем не нуждался. Он был москвичом, «в четвертом поколении», — как шутливо замечал он, и родители были против, когда их сын заявил, что уезжает в Воронеж.

— Они не знали, на какой срок я еду, почему не могу остаться, не знали, как меня вернуть. Но я, признаться, и сам не хотел возвращаться. Все было так странно! Даже для меня, но для меня это была прекрасная странность, о другом я и не мечтал, а они видели в этом лишь попытку загубить свою жизнь. И из-за этого мы постоянно ссорились.

Они и сейчас находились в состоянии постоянной ссоры-примирения, и мне почему-то хотелось встать на сторону его родителей, хотя я и не могла не уважать причины, из-за которых он здесь оказался.

Из-за девушки. Из-за девушки перевелся с очного отделения МГУ на заочное, из-за девушки переехал в Воронеж. Из-за нее зарабатывает на жизнь барменом. Уже год.

Только вот девушка эта, судя по рассказам Толи о ней, совершенно была недостойна таких жертв. Он то сам, понятное дело, жертвой это не считал....

Иногда я смотрела на него и думала, что есть люди, обычные люди, по которым никогда не скажешь, на что они способны, даже пообщавшись с ними, а между тем они готовы совершать столько безумств ради любимых людей!

Вероятно, я была не очень хорошим работником, особенно в первое время, когда постоянно «зависала», задумываясь о людях вокруг. Все это... ну не знаю, учило меня

жизни, наверно. Когда постоянно видишь и слышишь такое, начинаешь думать о том, как бы ты поступил в подобных ситуациях. Хотелось бы, чтобы правильно. Вот только кто и когда устанавливал все эти правила?

— Это место убивает во мне личность, — заявила Владилена, когда поздно вечером я приблизилась к барной стойке, за которой она что-то вписывала в какой-то журнал.

— Неужели все так плохо? — поинтересовалась я.

Она мельком взглянула на меня.

— Да нет, конечно, неплохо. Но придется, вероятно, нанимать еще одного официанта на утреннюю смену, а доходы наши не так чтобы уж очень высоки. Скажи мне, когда найдешь мужа-миллионера, пусть спонсирует наше кафе.

— Устройте какую-нибудь рекламную акцию.

— Устройте! — сердито предложила мне Владилена. — Дай денег и устрой! Свободных нет.

— Вам нужно что-нибудь не дорогостоящее, но действенное, — задумчиво сказала я, обводя глазами зал.

— Варвара, ты не хочешь вернуться к работе? — предложила мне хозяйка.

— Да-да, конечно, — протянула я.

— Сделай мне кофе, Анатолий. — Мишка спускался со сцены.

— Вот. — я щелкнула пальцами в Мишкину сторону. Он с интересом посмотрел на меня. — Вот кто вам может помочь.

— И как же? — не отрываясь от записей, поинтересовалась Владилена.

— Да Мишка просто находка! Он прекрасно умеет подделывать голоса известных джазовых исполнителей! Он же просто король джаза! Если все будут знать об этом, все будут приходить слушать местную знаменитость! И можно устроить что-то вроде «стола заказов». Каждый может заказать определенную джазовую песню определенного джазового исполнителя! Вы понимаете — да сюда стечется вся интеллигенция.

— Таковая еще осталась в этом городе? — отхлебывая кофе, проговорил Мишка. Но я смотрела на Владилену, которая, словно заслушавшись, оторвала голову от расчетов.

— Послушать живую музыку, и не просто непонятно что и непонятно как исполненное, а исполненное прекрасно, практически в оригинале. Не знаю, как это его еще не «сцапали» с таким талантом? — все больше убеждаясь, говорила я. — Надо устроить это быстрее, иначе каждый захочет устроить у себя что-то вроде этого!

Мишка, кажется, обалдел от собственной значимости.

— Знаешь, — покусывая карандаш, обратилась ко мне Владилена. — А ведь в этой идее что-то есть!

— Идея супер! — поддержал Анатолий. — Лучшая бесплатная рекламная акция в данном случае.

— Если все выйдет, мои услуги подорожают, — лукаво отметил Мишка.

— Если все выйдет, подлый трус, я сама заплачу тебе вдвое больше! — загорелась хозяйка. Она повернулась ко мне. — Надеюсь, за идею ты с меня денег не снимаешь?

— Первая услуга в подарок, — широко улыбнулась я. — а вообще обращайтесь. Друзьям — скидки!

Мы бились над этим танцем уже два часа.

— Все! Баста! Я больше не могу... — Максим сел прямо на пыльную сцену, вытянул ноги.

— Ты даже не стараешься, а этот танец — один из важнейших.

— Послушать тебя — так у тебя все важнейшие!

— Послушать тебя — так это будто все мне одной надо! — я спрыгнула со сцены и села в кресло, мрачно уставившись в потолок.

Чем дальше шел август, тем больше у меня складывалось впечатление, что этот зал — мой дом родной. Сегодня я задержалась на 2 часа после репетиции, а уходить мы, видимо, еще не собирались, судя, хотя бы, по тому, что Максим выполняет слабо даже самые простые движения.

— А я вот считаю, что невозможно научить танцевать того, кто не рожден танцевать! Я никогда не танцевал прежде и меня поздно учить! — тон Максима — вальяжный и беззаботный — еще больше вывел меня из себя.

— Ты издеваешься? К чему ты ведешь этот разговор: танец поставить все равно придется!

— И самое главное, что танцевать мы будем только вдвоем: только ты... и я... — кажется Максим действительно издевался.

Я вскочила с кресла, пнула беззащитную сцену, взвыла от боли, и взлетела на сцену, резко затормозив перед валяющимся Максимом.

— Я всю ночь придумывала вчера этот танец, у нашего режиссера, кажется, началась допремьерная истерия, и он требует уже готовый танцевальный материал, и при этом никто ничего не хочет учить! Всем так нравится говорить, какие они неумехи и сваливать ответственность на меня! Я вообще не нанималась быть хореографом! К черту эти танцы, к черту спектакль, к черту студию!

Я выдохлась. Накричавшись, поняла, что стало легче. Хотя не до конца.

Максим, вставший во время моего монолога, протянул руки и решительно потряс меня за плечи.

Я ошарашенная.

— Трубецкая, тебе надо немного расслабиться.

— Я слышу это от тебя?

— Как ни странно, да, — он резко отвернулся, и, покопавшись в дисках, выбрал один и поставил в музыкальный центр. Полилось танго — не мое любимое, правда, но все же...

Вернулся Максим еще быстрее, схватил меня за руку, подтянул к себе. Крутанул вокруг своей оси и прогнул до пола. Я засмеялась. Он сделал мне страшные глаза, а затем начал...

Двигаясь плавно, как настоящий танцор — ни чета его жалким попыткам до этого — он направлял меня, вел, прогибал, крутил, поддерживал, повторяя все мои движения (а может быть, это я повторяла его?).

Впервые после того, как бросила танцы, я действительно наслаждалась танцем, я действительно ощущала, что это такое.

Казалось, ему не нужно было прилагать малейших усилий, казалось, он ни секунды не раздумывал над следующим движением, казалось, он «растворялся» в танце....

И все же, я остановилась первой.

Глубоко вздохнула, продолжая слушать звучащую мелодию, встретилась взглядом с Максимом, и сказала, прогоняя паузу:

— А говорил, танцевать не учился.

— Так я и не учился, — садясь на сцену, просто ответил он, — это у меня тетка — бывшая чемпионка по бальным танцам — как-то показывала мне пару движений.

— Зачем? — сказала я, садясь рядом, прежде чем успела подумать, что он вряд ли ответит.

Он улыбнулся сбоку.

— Да так... хотелось проучить одну девушку, которая меня не замечала... — медленно договорил он. — Чурбан бесчувственный — так она меня называла... чурбан бесчувственный.

Он смотрел куда-то вперед, словно видел там что-то.

— Вот бы никогда не подумала, что у тебя были подобные истории!

— Почему же нет?

Я пожала плечами.

— Да, — раздался откуда-то сзади знакомый голос. — Почему бы нет?

Мы, словно застигнутые врасплох школьники, одновременно и быстро повернулись.

По проходу от двери зала шла Анжела. При полном параде — прикид, солнечные очки, распущенные волосы.

Я, в своей простой темной футболке и бриджах, с растрепанным хвостом сразу почувствовала себя не очень уютно.

Не знаю, как много она видела и слышала. Хотя... здесь же не было ничего такого, из-за чего стояло смотреть на нас, как на изменников.

Максим потянулся и спокойно выключил орущее на весь зал танго.

— И давно ты здесь? Мы тебя не видели.

— Сомневаюсь, что вы вообще хоть что-нибудь видели, — ядовито отозвалась Анжела.

— Анжела, ну что ты... — он поморщился.

— Лучше помолчи, Вересаев, эти все твои приемчики, чтобы затащить девушку в постель, давно уже известны!

— Анжела, ты не права. — Спокойно отозвался Максим.

— Ну да, я не права, а ты белый и пушистый.

— Анжел, ну правда, что ты всполошилась? Мы с этим танцем сидим здесь уже два часа. Присели отдохнуть. — проговорила я.

— Я все знаю об этих отдыхах, Варвара. У тебя-то хоть совесть есть? Едва-едва ее парень бросил, — она блеснула глазами, глядя прямо на меня, — как она практически тут же принимается другого кадрить!

Я почувствовала, как горят щеки.

Почувствовала заинтересованный до невозможности взгляд Максима.

— Не смей говорить о вещах, о которых ты понятия не имеешь.

— А то что? — усмехнулась она. Плевать ей было, говорит она правду или нет, ей нужно было лишь досадить мне побольнее. Ну что ж, ей это удалось.

— Да ничего, — по возможности спокойно произнесла я. — Я уйду, доделаем все завтра.

Я соскочила со сцены, прошла мимо Анжелы, подхватила сумку и вышла вон.

На улице шел ливень. Прохожие разбегались, спешили к ближайшим укрытиям, и кажется, с ужасом и недоумением смотрели на девушку, которая брела по улице, никуда не спеша, загребая кроссовками воду.

В конце концов, эта девушка, о которой мне даже не хочется думать, дошла до арки, где замер народ, и спряталась там, хотя сухого места на ней уже не было.

Она прошла в другой конец арки, где было пусто, и, набрав номер телефона, высунула

свободную руку из-под навеса.

— Алло.

— Ваш заказ: два платяных шкафа, круглый стол и колченогий табурет, — готов. Я повторяю: го-тов.

— Прости, мама, но я сейчас занят.

— Занят? И чем ты таким сейчас занят?

— У меня свидание.

— Очередную блондиночку подцепил?

— Кхе-кхе...

— Значит, правда блондиночку. Ну и как, она тебе уже рассказывала о новых приобретениях из летней коллекции, или дело пока до этого не дошло?

— Мам, зачем ты мне звонишь? — слегка раздраженным голосом поинтересовался Марк.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне починить платяной шкаф, понимаешь, сынок?! Ты всегда помогал мне и сегодня мне непременно нужна твоя помощь. — Тихо сказала я, меняя тон.

Он помолчал.

— Что-то случилось?

— Ничего такого, отчего ты не мог бы завершить свое романтическое свидание, но если все же найдешь время, приходи ко мне.

— Что-нибудь купить? — спросил он.

— Батон не забудь. А там — что хочешь.

Я едва успела переодеться и поставить чайник на огонь, когда раздался звонок в дверь.

— А дома кто-нибудь есть? — широко улыбаясь, поинтересовался Марк.

— Нет. А что, это тебя остановило бы?

— Ну не знаю, — улыбнулся он, проходя внутрь. С хулиганским видом передал мне пакет, который держал в руке, а потом наклонился и затряс головой — с его буйной кудрявой шевелюры потекла вода. Я стукнула его по лбу.

— Дурачина. Батончик захватил?

— А то как же... — он вытаскивал из пакета две бутылки пива. — Хлебец свежий, знатный.

— Да уж, — усмехнулась я.

— Я так понимаю, нас ждет душещипательный разговор?

— Не такой уж душещипательный... Скорее поучительный.

— Это тоже неплохо. Так что же произошло на сегодняшней репетиции? — сядясь за стол, поинтересовался он.

— Как ты догадался?

— Никаких знаменательных событий сегодня в твоей жизни вроде не было, кроме репетиции, разумеется.

— Ну ладно, — я вздохнула. — Да.

И рассказала ему про Анжелу и Максима.

— И что, тебя взволновало, что сказала эта дура?

— Нет, просто... не знаю. Она говорила, чтобы просто сказать, я знаю. Правда ей была не нужна, но... Я не люблю, когда пытаются влезть ко мне, ну, без меня, что ли...

— Как и все люди, — кивнул Марк.

— Я хочу рассказать тебе все это больше, наверное, для себя, понимаешь? Никому еще не рассказывала. Но мне самой нужно в этом разобраться. Ты можешь меня даже не слушать, и...

— Прекрати, Варька. — Марк улыбнулся. — Тебе же не все равно, кому рассказывать. А мне не все равно, когда ты будешь рассказывать. К тому же, всегда мечтал проникнуть в тайны твоего ледяного сердца...

Я улыбнулась.

— Иногда я думаю, что есть отношения, заложенные самой судьбой. Встречи, избежать которых невозможно. Люди, отделаться от которых кажется невыполнимым.

Вот я люблю примеры, и потому рассказывать буду исключительно лишь с ними. А точнее, с ним. С примером. Этот пример пробежался канвой по моей жизни (хочется сказать, золотой, да только это весьма сомнительно).

Мне было шесть, когда меня водворили в коллектив бального танца. Вероятно, против моего желания, потому как своего робкого голоса в решении этого вопроса я не помню. Я была маленькой, упрямой... и худшей ученицей великолепного хореографа Марии Дмитриевны Полонской — дамы исключительной во всех отношениях. Около меня сменилось два партнера — и с каждым из них я не могла стоять, без того, чтобы впоследствии они не сбегали с ревом, жалуясь на меня родителям и Марии Дмитриевне. Я так и видела, как ее тонкие ноздри раздуваются от гнева, осанка становится каменно-прямой, а взгляд решительно-холодным.

— Вы меня разочаровываете, Трубецкая, — цедила она. — Очень разочаровываете.

И это ее «разочаровываете» было хуже любого крика. Разочаровавший находился в опале и становился невидимкой. Другие дети тоже не стремились со мной общаться, потому как быть в опале за компанию со мной им не хотелось. А я не могла танцевать, когда чувствовала всеобщее презрение. Тех дураков, которых ставили со мной в пару, и которые начинали задирать меня и потом же за это получать, я искренне не могла считать своими партнерами.

— Я начинаю подозревать, Трубецкая, что все дело в вас, а не в ваших товарищах. Вы просто не умеете вести себя в коллективе! И может быть, вам вообще не стоит сюда ходить?

Я держалась, как могла. И ходила на занятия, скрепя сердце.

А потом в нашем танцевальном коллективе появился новенький, и Мария Дмитриевна решила дать мне еще один шанс.

— Последний, — заметила она.

Худенький, встрепанный, похожий на воробья паренек встретил меня озорной улыбкой. Держался уверенно, подружился с мальчишками, девчонкам корчил рожи и хихикал над ними.

Андрей Краснов.

Первое, что мы сделали, встав в пару, — подрались. Ему рассказали, как я отпугиваю мальчишек, — он обозвал меня ведьмой. Я потребовала извинений, он высмеял меня. Я едва не поставила ему фингал под глазом. А он сказал, что я на самом деле испуганный хомячок. Диалогу помешала Мария Дмитриевна.

Растащила и велела родителям явиться на «поговорить». Смотрела при этом только на меня.

Беседа состоялась в дружеской форме. Моя мама, если и была недовольна моим поведением, только усмехалась. Мама Андрея тоже была настроена весьма иронично.

Недовольна была, кажется, одна лишь Полонская.

Но и она не стала выгонять меня. Что-то удерживало ее от этого шага, и меня до сих пор удивляет — что именно, поскольку ее терпение уж точно давно было на пределе.

Андрей Краснов... Репей, вцепившийся в ногу! Банный лист! Огрызок карандаша! Пятно на моем рукаве! Мы научились сдерживать свои дружеские порывы во время занятий, но стоило нам выйти на улицу... Начиналась кровопролитная битва.

Я ненавидела его всеми фибрами своей шестилетней души. Он обижал меня как только мог, а моих сил, казалось мне, не хватало на то, чтобы обидеть его также сильно. Не знаю, в чем была причина? Возможно, в том, что он один видел, какая я на самом деле слабая, никчемная, никуда негодная, готовая в любую минуту расплакаться на месте.

Полонская всегда была к нам строга, но со мной она обходилась еще строже. Она считала меня лентяйкой и возмутителем спокойствия. Единственную в классе ругала за неправильную постановку рук и не уставала на каждом занятии напоминать, что даже этой мелочи мне не осилить. Она не могла выгнать меня и хотела, чтобы я ушла сама.

— Трубецкая! — орала она с другого конца зала. — Вы тормозите процесс! Вы мешаете занятию! Трубецкая, вы знаете, в какую сторону должна быть повернута ваша голова? Трубецкая! Куда вы шагаете, вы останавливаете весь ваш круг! Вы мешаете партнеру, вы не растягиваетесь дома!

В ответ я еще сильнее поднимала голову и стискивала зубы. Пальцы мои в руке Андрея сжимались еще сильнее, так, что костяшки белели от напряжения. А весь класс молчал и слушал, как меня ругают. Если упоминалось чье-то имя, то мое незамедлительно появлялось рядом. Это был позор, стыд — чувствовать себя хуже, ничтожнее всех. Все, и особенно Полонская, были уверены, что я даже не допускаю эту информацию до ушей. Или настолько тупа, что не могу справиться ни с одним из ее замечаний. Единственный, кто видел, как мне на самом деле плохо — Андрей. Он всматривался в мое лицо и сжимал мою руку, но не мог не указать мне на мои слабости после занятий. В ответ начинались кровопролитные события.

Однажды эти сражения начались до занятий. Мы встретились по дороге на танцы и, естественно, подрались. Явились оба злые и умудрились сцепиться из-за какой-то ерунды прямо посередине репетиции.

Полонская, по обыкновению, накинулась на меня.

Она схватила меня за косу и вытащила из класса. Я была так ошарашена и испугана, что даже не смогла возразить. Зато Андрей смог. Неожиданно он вылетел вперед и заявил, что это несправедливо и его надо выставить вместе со мной тоже.

Полонская разозлилась. А когда она злилась, добиться ее прощения было сложно.

Мы сидели под дверью хореографического класса и наверно впервые за все время мирно разговаривали. Обсуждали случившееся и строили планы покаяния перед руководительницей.

В конце концов, и прощения просили вместе. И возможно это суровое испытание, когда над нашими склоненными головами возвышалась строга Полонская, сплотило нас до такой степени, что мы решили стать друзьями. Без малого на десять лет.

Я, если честно, не могу сказать, что любила тогда танцы. Уж скорее наоборот. Я шла туда, как на каторгу. Вторники и четверги — дни, когда проходили репетиции — были усеяны моим страхом. Утром в день занятий я мучительно притягивала к себе время до репетиции и боялась, что оно придет скоро. Уходя на танцы, я говорила себе: «А представь,

всего через несколько часов ты вернешься домой, и все будет уже кончено».

Я ставила перед собой невыполнимые задачи — справиться со всем этим. Так было, пока мы с Андреем ни стали друзьями.

И потом как-то так вышло, что справляться стало и ненужно. Впервые за все время я начала получать удовольствие от танцев и оказалось, что пара наша стала одной из лучших в коллективе.

А потом пришла школа и принесла нам учебу в одном классе и временное сидение за одной партой, вплоть до тех пор, пока учительница не рассадилась решительно «эту парочку». Впрочем, это ни капли не помешало нашим отношениям. Особенно остро они чувствовались на набившей оскомину фразе «тили-тили тесто, жених и невеста!» Малейший кивок в нашу сторону и вот мы уже бросаемся на обидчиков, летим с разных концов класса, чтобы отомстить. Но на самом деле, чем дальше, тем больше мы уставали от совместных репетиций, и никаких школьных отношений нам не было нужно, кроме, пожалуй, записок в виде корабликов, пускаемых через весь класс с приветами и насмешками над учителями и учениками.

Свернутый бумажный кораблик, усыпанный полосочками и квадратиками, был лучшим показателем нашей дружбы. Больше никто в классе таких кораблей не делал. Эти корабли вплоть до окончания школы высыпались из всех моих тетрадок и обнаруживались во всех возможных местах.

И наши ежедневные посылки были также необходимы, как наша дружба, которая нередко попадала в бурю или садилась на мель.

Что значит, расти с кем-то вместе? Вместе воспитываться, учиться жить по одним законам, на одних книжках и фильмах; иметь по две пары родственников на двоих и на каждого по отдельности; сотни дней вместе и первое щемящее чувство, когда вы расстаетесь на несколько дней, и ты чувствуешь, что в твоей жизни перестало чего-то хватать...

Что значит, расти с кем-то вместе? Это значит, больно ударится, когда все закончится. Только ты об этом пока не знаешь.

— Ты уверен, что не уснешь?

Марк зашевелился, устроился поудобнее. Мы сидели перед открытым балконом, где вот-вот должен был появиться сверчок.

— Не беспокойся, я лучший слушатель в мире. И ты все-таки не мантры читаешь.

Я мрачно усмехнулась.

— Но предупреждаю, это была только прелюдия. Сама история только сейчас начнется.

— Продолжай, — прошептал Марк.

Ну что ж. Мой День Рождения, 16 октября. Мне исполняется 16 лет, я в десятом классе.

— А как же Андрей? — спрашивает меня мама, глядя в зеркало, как я накрываю на стол. Она собирается уходить и специально телится, чтобы успеть рассмотреть моих гостей. — Он же собирался прийти раньше, помочь.

— Собирался, — корчу рожу. — Но ты его не знаешь, что ли? Пятьсот изменений в планах. То у него похороны золотой рыбки назначены на это время, то надо ехать за соленьями к бабушке... Вроде все, уже договорились, так нет, надо было позвонить и с дикими извинениями сказать, что придет вместе со всеми гостями. Ненавижу его.

— А ты с ним не разговаривай, — блестя глазами, предложила мама. — Вот придут гости, а ты всем — здравствуйте, а ему — ни шиша.

Я обернулась к ней. Она улыбалась.

— Издеваешься, да? Ой, мам, иди уже, куда собиралась, пожалуйста!

Мои слова заглушил звонок в дверь. Пришла первая партия гостей.

Я не знала, как празднуются Дни Рождения дома. Я их просто дома никогда не праздновала. Всегда это происходило в кафе или по дороге из очередного города, куда мы ездили с танцами. Или по дороге в очередной город, куда мы ездили с танцами.

Поэтому сейчас я жутко боялась, что что-то пойдет не так, всем будет скучно, все будут пялиться друг на друга и не будут знать, что сказать. Деланности и наигранности я не терпела.

Да еще и Андрей, который обещался поддержать морально, все перенес.

А впрочем, он заявился, правда, когда все уже танцевали и отчаянно веселились. Наверно, я ошибалась. На таких праздниках не бывает скучно.

Андрей притащился не один. С незнакомой красивой девушкой.

— Счастлив тебе представить, моя дорогая Варвара, эту девушку. Ее зовут Татьяна!

Я насмешливо приподняла бровь и перевела взгляд на смутившуюся девушку. Она явно не ожидала такого яркого представления.

— Поздравляю! — проговорила она и, краснея, вручила подарок. — Извините, что без приглашения.

— Это глупости, ты же с Андреем, — я провела их к гостям и представила Таню всем, кто ее не знал. С лучшим другом мне разговаривать совсем не хотелось и мама, глядя на это, могла бы довольно потирать ручки. Конечно, ведь я сама воспользовалась ее советом.

— Мне кажется, мы слишком долго общаемся, — заявил он, вламываясь на балкон, где я стояла, свесившись из открытого окна.

— Не начинай, — попросила я, прекрасно зная, что за этим последует. Мы отлично могли угадывать мысли друг друга.

— Вот ты сейчас не хочешь со мной разговаривать, а между тем, я не могу спокойно сидеть в комнате, зная, что ты мечешься по балкону и выдерживаешь мрачную паузу.

— Иди ты со своей паузой, — смеясь, откликнулась я.

— Прости, Варька, ну хочешь, я перед тобой на колени встану?

— Зачем? — я обернулась, а он, судя по всему, не особо-то и хотел вставать на колени.

Потянул меня за кудрявую черную прядь и отпустил, наблюдая за тем, как она закручивается назад. Я откинула волосы за спину. Не хотела так просто заканчивать этот разговор.

— А Таню свою зачем привел? Мог бы хоть о своих девицах предупредить заранее...

— Ну, во-первых, она мне еще не девица, тьфу, то есть мы не встречаемся еще, но...

— Но все идет к этому, понятно.

— А, во-вторых, она почему-то очень хотела с тобой познакомиться.

— Почему-то, — передразнила я и как в детстве схватила его за ухо. — Уже растрепал все обо мне, не так ли?

— Она просто знает, что мы с тобой танцуем вместе. Ну и когда мы познакомились только, она спросила, не девушка ли ты мне?

— И ты тут же начал рассказывать душещипательную историю наших отношений, начиная с шести лет...

— Прекрати, Трубецкая! Может, ты еще хотела, чтобы я ей по минутам стал рассказывать нашу жизнь?

— А ты помнишь ее по минутам?

Краснов прихватил подбородок ладонью и скептически осмотрел меня с ног до головы.

— Ты так много сегодня болтаешь, просто потому что рада меня видеть или за этим кроется нечто более приземленное? Шампанское, например?

— Нет, балда. Просто у меня День Рождения.

Андрей развел руками.

— Все, понял — отвалил.

Мы встали рядом у открытого окна. Мне всегда нравилось с ним молчать, только сегодня за этим молчанием скрывалось что-то... другое.

Я посмотрела на него сбоку. Он был выше меня, волосы торчали немного взъерошенной массой, челка падала на лоб случайными прядями, глаза серые поблескивали в октябрьской вечерней темноте — мне казалось, я знаю его наизусть, вот только сегодня оказалось, что совсем не знаю. Я никогда не думала, красивый он или нет, мне это было неважно, и только сегодня поняла — красивый.

Вот такие чудные мысли вертелись в моей голове, а потом я вдруг осознала их и недоверчиво помотала головой. Да нет, все это ерунда.

В этот момент дверь открылась и вошла Таня.

— Андрюш, — протянула она, даже не глядя на меня, — не проводишь меня домой, мне завтра рано вставать?

— Да, конечно, — Краснов неожиданно ответил мне напряженным взглядом, который я прежде не замечала.

— Я жду тебя у выхода. — И тут она впервые взглянула на меня. — Спасибо за праздник, Варвара.

Я улыбнулась, пожала плечами.

— Была рада познакомиться.

Странно, она вроде как изъявляла желание узнать меня получше, а сама даже и трех слов мне сегодня не сказала, кроме привет-пока.

Таня ушла.

— Прости, Трубецкая.

— Ох, одни извинения сегодня от тебя.

— Я провожу ее и вернусь тебе помочь убрать.

— Да иди уже, Краснов, а то она подумает, что мы и правда встречаемся.

— Ты сегодня особенно хорошо выглядишь, — заметил он, целуя меня в щеку.

— Ох, льстец — особенно хорошо...

Я еще смеялась, когда закрывала за ними дверь.

Октябрь подходил к концу, а в жизни моей произошли совсем невеселые вещи, которые прекрасно дополняли одна — другую. Первое — я заболела, второе — поссорилась с Андреем. Причем поссорилась так, что напоминала себе склочную курицу-наседку. От болезни тоже было мало веселого. Свалилась с гриппом и первую неделю вообще почти не вставала с кровати. Единственным утешением были ежедневные приходы Андрея, от которых я старалась взять как можно больше, поэтому сначала даже и не хотела замечать, что ему это было не так чтобы уж очень нужно.

Я расспрашивала его о танцевальных и школьных новостях и не могла не заметить, что он старательно обходит тему своих отношений с Татьяной. Всегда мы смеялись и издевались друг над другом, когда на горизонте кто-то появлялся и начинал усиленно отвоевывать права на пребывание в нашей компании. Но нам всегда хватало нас самих, чтобы допускать в этот круг кого-то еще. Поэтому все свидания вчетвером, посиделки втроем и прочие совместные

выезды «парочками» всегда кончались довольно провально: или нашей с Андреем ссорой или разочарованием в своих парах.

Но в этот раз он наотрез отказался что-то рассказывать и даже пригрозил перестать приходить, если я буду издеваться над ним. У меня еще поднималась температура, и кашель мешал спать по ночам, поэтому я довольно зло отреагировала на эти слова. И он ушел. И несколько дней длилось это глупое затишье, когда я все хотела набрать его номер, а потом бессильно откладывала телефон в сторону. Я не могла позвонить первой.

Он позвонил сам, и мы быстро помирились, потому что не любили и не могли ссориться друг с другом надолго. Это накладывалось абсолютно на все — на настроение, отношения с другими людьми, и даже на танцы.

Ссорясь, мы, как и в детстве начинали хуже танцевать.

Но это примирение было, скорее формальностью. Не для себя, для других. Что-то недосказанное осталось после этой ссоры, что-то, что постоянно вылезало наружу, когда мы надолго оставались вместе. И мы стали реже видеться.

Вот я пришла после двухнедельного отсутствия в школу, и оказалось, что мой лучший друг отсел за последнюю парту к двоечнику Илье. Вот после школы я жду его на крыльце, как обычно, и кто-то — кажется тот же Илья, говорит, что Андрей уже давно ушел, ты что, не знала? А вот объявляются оценки по сочинениям, и Андрей, которому я всегда помогала их писать, получает одну из самых низких оценок. Естественно, он даже не просил меня помочь ему. Я же в ответ получаю тройку по контрольной по алгебре (опять же, без помощи моего друга), и теперь, кажется мне, весь класс в курсе наших натянутых отношений. Вот сейчас они будут смотреть с любопытством и шептаться, что Краснов, наконец, покинул эту выскочку Трубецкую! Нечего всей школе светить своими отношениями.

В мрачных предчувствиях проходит неделя, я чувствую себя безвольным слабым существом, детской игрушкой, которую хотят выбросить на помойку за то, что дети выросли, а игрушка вся измочалена и никому не нужна. Я звоню ему и натыкаюсь на его маму, которая растерянно уверяет, что Андрей теперь постоянно где-то околачивается, «но я ему передам, Варенька, обязательно передам, что ты звонила. А ты пока позвони ему на мобильный».

Но его мобильный отключен.

Наконец, я попадаю на него и по телефону высказываю все, что накопилось в душе. Всю злость и обиду.

Где ты пропадаешь, почему до тебя невозможно дозвониться? Ты что, избегаешь меня, Краснов? Имел бы совесть хоть что-то сказать мне! Или мы уже не друзья?!

Мы плохо танцуем на последовавшей за этим почти что монологом репетиции и плохо танцуем снова, и Полонская со слезами на глазах просит нас собраться. Мы собираемся и, кажется лишь, только ради нее. Мы танцуем, но все это лишь для того, чтобы убедить ее и у нас это получается. В конце занятия она просит нас не поссориться накануне чемпионата по бальным танцам.

Мы смеемся и уверяем ее, что все это глупости, а сами мрачно переглядываемся на выходе из зала.

...Я была уже совсем готова к выходу. Платье, прическа, дурацкие туфли, которые почему-то вдруг стали натирать — плохой признак. Я пошла искать Андрея — бродила среди готовых и почти готовых к выходу участников чемпионата, впитывала в себя эту восторженно-истерическую атмосферу с последними наставлениями и судорожным

наведением лоска и постепенно тоже начинала волноваться. Ну где этот Краснов, десять минут до выхода, а его и след простыл! Мы почти не разговаривали в автобусе и старались не сталкиваться на глазах у Полонской, но сейчас необходимо было настроиться, посмотреть друг другу в глаза — иначе все пропало.

— Важен зрительный контакт! — любила повторять Полонская. — Научитесь читать малейшие мысли и эмоции друг друга и вам не будет равных!

Я судорожно озиралась по сторонам и в этот момент увидела знакомое лицо. Таня! Та «пока еще не девушка» Андрея, с которой он приходил на мой День Рождения.

А она-то что здесь забыла?

И уже умом понимая, что именно она могла здесь забыть, я увидела Андрея в другом конце зала.

Он тоже увидел ненаглядную свою и пошел в мою сторону. Черт! Не понимая, из-за чего так волнуюсь, я наступила кому-то на ногу и почти свалилась в бархатный занавес. Запуталась там и замерла, пытаюсь руками нащупать выход с другой стороны.

И тут в этой суматохе и шуме я явственно расслышала звук поцелуя.

Выход все не находился.

— И что ты здесь делаешь? Я же просил не приезжать! — Андрей был несколько недоволен.

— Ну не могла же я оставить тебя здесь без поддержки. — Щебетала девушка. Боже, как это было мило, просто до отвращения.

— У меня поддержки — выше крыши! Только зря на билеты тратилась...

— Я очень люблю бальные танцы, — укоряющее заметила Таня. — И вообще, почему тебе это не нравится? Другой бы на твоём месте радовался! Наверняка ты просто боишься, что твоя Варвара будет недовольна, если нас увидит вместе.

Перед тем как ответить Андрей помолчал.

Я уже не искала выход с другой стороны.

— Тань, ну причем тут Варька? — с досадой заметил Краснов. — Мы просто друзья.

— Ну конечно, друзья! — фыркнула девушка. Мне захотелось вылезти и посмотреть в ее наглые глаза. Но вместо этого я проверила лишь, прочно ли спрятана за этой бахромой. — Да она влюблена в тебя по уши. Думаешь, я не видела?

Ну, кошка драная! Погоди-погоди. И как язык повернулся сказать такое?!

— Тань, не пори чуши! — Андрей немного деланно (или мне показалось?) усмехнулся. — Мы с Трубецкой разве что на один горшок не ходили! Она мне все равно что сестра, так что это даже глупо звучит.

Над нашими головами раздался первый звонок, оповещающий, что пора приготовиться. Я, наконец, нашла выход и вылезла со стороны зала, по которому еще туда-сюда сновали зрители, рассаживаясь по местам. Никем не замеченная, я пошла к месту общего сбора.

Вроде слова все его были нужными, правильными, только вот... отчего-то меня совсем не радовала эта правильность. Недосказанность висела между нами, и я не могла найти ей причину. Мне показалось, или тон его был несколько снисходительным? Или недостаточно остро он отреагировал на ее выпады? О человеке, с которым ты чуть ли не на один горшок ходил, ты мог высказаться более эмоционально!

Но он был напряжен. Вот оно, правильное слово. Напряженность чувствовалась мне и она, вероятно, была связана с волнением. Я видела ее даже в его глазах, пока подходила к нему и Полонской.

— Варвара, слава Богу! Вы меня в гроб вгоните своим поведением! — облегченно и вместе с тем яростно отозвалась Мария Дмитриевна. — Не смейте сбегать, я пойду воды себе принесу! Только и надо, что валерьянку с вами пить...

Полонская развернулась и решительно зашагала между парами.

Андрей, не отрывая от нее взгляда, тут же схватил меня за руку.

Над нашими головами прозвенел второй звонок.

— Я искал тебя.

— Неужели? — насмешливо протянула я. — А где Татьяна, кстати?

— Ты ее видела. — Проговорил Андрей. — Слушай, прости, что я... что я не сказал тебе про нас.

— Не слишком ли много извинений в последнее время, Краснов? Какой в них смысл?

— Мне надо было все рассказать тебе раньше, правда. Но она очень...

— Ревнует тебя ко мне, — закончила я. — А когда-то, в далекие времена, когда мы звались гордым словом друзья, которые едва ли не ходили вместе на один горшок, мы доверяли друг другу все. И не искали причин для этого. И не думали, что это неправильно лишь потому, что кто-то не понимает этого.

— И сейчас ничего не изменилось. Просто это был тяжелый месяц.

— Ты влюбился, Краснов, — протянула я. — Только вот почему-то не захотел разделить это со мной. Вот и все.

Вот взял слово ведущий, из ниоткуда появилась Полонская, и пришлось прекратить все разговоры.

Андрей крепко сжал мою руку. И потом, когда мы выходили, блестя заученными улыбками, и стояли среди других пар, готовясь, я чувствовала ее тепло. И не знаю почему, но мне стало легче.

Вот заиграла музыка, и мы вступили. Никогда еще я не танцевала на таком эмоциональном напряжении. Полонская могла бы гордиться — мы никогда еще не умели так читать мысли друг друга. Каждый шаг был — вместе, каждый вздох — един. Менялись танцы, люди, краски, оценки, мелодии, а мы все еще жили, творили, описывая круги, на танцевальной площадке. Даже туфли перестали жать.

И потом, когда нам вручили кубок и со всех сторон помчались родственники, и Таня повисла на шее у Андрея, и Полонская бурно утирала слезы, я просто села на какой-то стул и поняла, что выдохлась. Все, больше не могу.

И я правда выдохлась. Последние два месяца до Нового года прошли как в тумане.

Я все реже и реже начинаю появляться в школе, безбожно просиживая дома, пялюсь без конца в потолок. Связываюсь со своей прежней компанией, с которой общалась последний раз разве что лет в 14. Не отвечаю на звонки Андрея, как он не отвечал на мои; я начинаю бояться этих звонков, его голоса и того, что мне придется отвечать перед ним за это свое странное поведение. Это даже страшнее, чем отвечать перед самой собой. Я знаю, мне не спастись от его понимания — ну разумеется, он все поймет, как только увидит меня. Он не приходит ко мне домой, потому что иначе мама узнает, что я прогуливаю школу, а по негласному правилу мы договорились не подставлять друг друга таким образом. Я вижу его издали как-то днем, но не подхожу, и лишь придя домой, понимаю, как сильно я увязла. Я смеюсь до слез над этой иронией судьбы — влюбиться в лучшего друга, почти в брата... больше, чем брата! Форменная истерика.

Но, успокоившись, понимаю: с этим надо завязывать, потому что так же, как для меня

все изменилось, для него осталось по-прежнему.

И я поднимаю голову и заставляю себя тащиться каждое утро в школу, хотя больше всего на свете мечтаю не вставать со своей кровати никогда. Я умоляю тетю-врача написать мне справку о болезни в поликлинике, ничего не рассказывая матери. Я заставляю себя учиться, догонять упущенное и получать хорошие отметки, чтобы снова быть отличницей, как раньше. Я снова сажусь за одну парту с Андреем, и мы смеемся на уроках и распространяем по классу кораблики. Я гуляю с друзьями-одноклассниками и забываю про свою старую компанию, хожу на курсы по английскому и французскому, пишу тексты в детскую газету, учусь печь торт и покорно выношу мамины наставления, заправляю кровать каждое утро и поливаю цветы, разгадываю с бабушкой кроссворды и хожу на танцы, леплю снеговика и играю в снежки у ворот школы. В общем, доказываю всем, что все по-прежнему, что все, как раньше.

Все и было, как раньше, только вот веселее мне от этого не становилось.

И вот заключительный аккорд моей комедии — празднование Нового года.

Не знаю, что и кому я хотела доказать, но только взялась я за это дело с некоторой маниакальностью, далекой от нормальности. Собрала всех друзей-одноклассников, продумала, что подавать к столу, выпроводила маму, купила дурацкие свечи. Петарды, бенгальские огни и прочую ерунду они принесли сами.

Андрей заявился с Таней. Как и предполагалась, поэтому ничего удивительного в этом не было.

Смешно принюхался и заявил, заглядывая то в зал, то на кухню:

— Где прячут повара?

— Повара? — поинтересовалась я.

— Судя по ароматам, которые здесь витают, нам подадут сегодня нечто потрясающее. Вот мне и интересно узнать, где повар. Хочу заранее выразить ему благодарность. Ведь это наверняка не ты.

— Нет, Краснов, — помолчав, заметила я. — Не смешно. Мог бы придумать нечто пооригинальнее.

— Правда? — Андрей будто бы расстроился. — Ну а по десятибалльной шкале, это было на сколько баллов?

— На три с минусом, — скорчилась я. — Так что ты уж, потренируйся в следующий раз.

— О, а можно прямо сейчас начать?

— Да, можешь пройти в мою комнату, она пока пуста.

Таня смотрела на нас, как на парочку идиотов.

— О, проходите, располагайтесь... Ребят, может уже хватит? — сказала я, заглядывая в зал. Любимые однокласснички развлекались тем, что ежеминутно впихивали очередной диск в музыкальный центр и спорили, какой лучше.

Встретили Новый год, побесились, потанцевали, сбегали на улицу, взорвали петарды, потанцевали еще, еще поели, потом кому-то пришла идея прогуляться, и мы долго бродили по городу, наталкиваясь на такие же безумные, буйные, многорукие и многоногие компании. Потом пришли, разбрелись и постепенно начали расходиться спать. И все это время, я чувствовала... кровь бежала по венам, сердце билось неровными толчками, румянец заливал бледные щеки, глаза хотелось потереть, потому что казалось, что они горят. Голова, как радар поворачивалась в ту сторону, где были Андрей и Таня. И хорошо, что были другие, иначе я просто сошла бы с ума. И все это сделала я своими руками и сама собрала всех

вместе, и их тоже привела. Зачем? Хотела бы я знать.

Но к тому моменту, как все начали разбредаться спать, я почувствовала, что начинаю сдавать. Как выдыхаюсь, как опадает броня.

Таня захотела спать. Андрей выразил желание посидеть еще, ушел с кем-то на балкон.

Я пошла стелить ей в своей комнате.

Она шла за мной и несла какую-то чушь, которую я все равно не слушала. Потом внезапно замолчала на полуслове и посмотрела на меня странным своим, но красивым взглядом.

— Что тебе нужно, Варвара? Зачем тебе все это нужно?

Я обернулась к ней, расстилая постель.

— О чем ты?

— Ты знаешь. Я об Андрее.

Я решила поговорить максимально честно. Ну... если не честно, то хотя бы открыто.

— Глупо спрашивать об этом меня, Таня. Скорее, этот вопрос должна задавать тебе я.

— А, так тебе все-таки не нравятся наши отношения, — поинтересовалась она таким тоном, будто поймала меня на слове.

— Нет, я этого не говорила, — спокойно сказала я, садясь на кровать. — Я знаю его десять лет, я дружу с ним десять лет, поэтому вопрос, чего я хочу, неправильный какой-то. Ты появилась совсем недавно, естественно тебе не нравится некая подружка, которая присутствует как некий постоянный элемент в его жизни, и ты хочешь меня поймать на чем-то большем, чем дружба. Я тебя понимаю. Я это сто раз проходила. Но я не придаток Андрея, не его хвост, не половинка. Я не фанатка, не малолетка, которая тайно вздыхает по Андрею и пишет ему признания мелом на асфальте. Я просто его лучший друг. И тебе придется просто смириться, что я есть. Иного не дано.

— Ты можешь толкать свои красноречивые речи еще три часа, но только вот я ни за что не поверю, что у тебя к нему лишь дружеские чувства. У него к тебе — возможно, а вот у тебя — явно нет. Я вижу твои взгляды, слышу слова — и не нужно много ума, чтобы убедиться в этом. Только вряд ли тебе что-то светит. Успокаивай себя ролью лучшего друга — а что, все рядом, поблизости, это не то, что писать письма мелом на асфальте — тут ты права — вот только откуда ты знаешь, что он не выкинет тебя, как прочих девиц, как и меня в свое время (в чем я лично не сомневаюсь)? Проблема в том, что ни у кого нет гарантий, даже у лучших друзей, — она презрительно сморщилась, — со сроком давности в десять лет.

Я вдруг будто посмотрела на нас со стороны. Две девушки стоят друг напротив друга. Единственная преграда — кровать. Они говорят какие-то слова, которые никому не нужны и завтра растворятся призрачной дымкой, потому что жизнь — это не слова. А поступки. Все это до ужаса напоминало дикие разборки двух не поделивших одного парня влюбленных девиц, и я неожиданно отшатнулась от этой кровати и от Тани. Я всегда боялась этой роли. Не хотела я ее и сейчас.

— У каждого своя правда, — пробормотала я. — Оставайся со своей.

— А ты со своей, — добавила она напоследок.

Я вышла, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной, закрыла глаза. Она была умна, эта девушка, и не потому, что ее ревность попала в точку. Она была умна и в том, что касалось жизни вообще. Действительно ведь — никто не может дать гарантий.

Я открыла глаза и наткнулась взглядом на Андрея.

— Ты что, спать? — прошептала я.

— Да нет, — пожал он плечами, отлепляясь от дверного косяка. — Я ждал тебя. Пошли, поговорим?

Я выключила в зале работающий телевизор и разместила всех оставшихся. Потом закрыла за собой дверь зала. Андрей перетаскал пока всю посуду. Мы сели на подоконнике и долго молчали, глядя на снег, падающий на деревья.

И я подумала о том, что оба мы знаем, о чем молчим. Даже если не хотим в этом признаться, хотя бы себе.

— Я очень давно хотел с тобой поговорить... еще после чемпионата. Тот разговор, который так и не завершился между нами, помнишь?

— Конечно, — я устало кивнула. — Но нуждается ли он в завершении?

— Да. Ты ведь тоже чувствуешь это, да? Чувствуешь, что все изменилось?

Я пожала плечами.

— Что именно ты имеешь в виду?

— Не знаю, как объяснить. Все по отдельности у каждого и то общее — мы отдаляемся друг от друга, тебе не кажется? — он, наконец-то произнес это. То, чего мы боялись. И взглянул на меня тревожно.

— Просто у тебя появилась Таня.

Краснов помотал головой.

— Это не то... они и раньше появлялись, но тогда все не менялось, так сильно. И ты стала другая. Ты стала пропадать. Я перестал понимать, о чем ты можешь думать в ту или иную минуту. Иногда у тебя такой взгляд, как...

— Как когда?

— Когда у тебя были проблемы с отцом два года назад.

— Да, но сейчас все дело не в отце, — заметила я.

— Я понимаю, иначе это меня бы так не беспокоило, — он невесело усмехнулся. — Тогда я мог помочь, а сейчас ничего не могу, потому что боюсь, что дело во мне.

Я не знала, что говорить, как говорить. Сказать, что ничего не изменилось? Но это ложь, и оба мы знаем это. Или сказать, что дело не в нем? Или сказать правду? Ту самую, что я так крепко держала при себе...

— Ты любишь ее? — спросила я.

— Ее? — он сделал непонимающее лицо, но шутка не удалась — я лишь слабо улыбнулась в ответ.

— Нет. — Покачал он головой. — Не знаю. Все-таки нет.

Первое правило: быть честными друг с другом. Мы всегда разговаривали друг с другом откровенно, пока не перестали понимать себя.

— Но, — продолжил он, сомкнув пальцы рук, — разве это имеет значение? Сейчас.

— Думаю да. В этом случае понятно было бы, почему все изменилось.

— Прекрати, Варька. — Поморщился Андрей. — Ты же это не серьезно, в конце концов. И сдается мне, что все ты знаешь, просто не хочешь мне ничего говорить.

Я покачала головой, и он спрыгнул с подоконника.

— Я не знаю, что происходит, и долго ли это будет продолжаться. Но я знаю одно: я не хочу, чтобы это не пойми что, которому нет названия, разрушило все. Я не хочу тебя потерять.

— А я не хочу потерять тебя, — прошептала я. Он подошел, и по старой детской привычке я обняла его за талию и уткнулась в шею. Надолго ли меня хватит на такие

объятья?

Я поспешно отстранилась.

— Пора спать.

Андрей напряженно смотрел на меня.

Новогодние каникулы подходили к концу. Мы не виделись всю неделю, не созванивались, не писали друг другу сообщения. Я равнодушно отсчитывала проходящие дни, только иногда открывала телефон и смотрела — может быть, пропущенный?

А потом он позвонил, уже вечером, и попросил срочно выйти на улицу. Я посмотрела в окно. Бушевала метель.

Но я все-таки вышла. Он стоял под фонарем, будто специально — руки в карманах, видок независимый.

— Нужную погоду ты выбрал, Краснов.

— А я расстался с Таней, — тихо проговорил он, выпростав свою руку из кармана. Он подержал ее на весу, будто не знал, что ему с ней делать, а потом потянул меня за рукав пальто.

— Пойдем, пройдемся.

Мы бродили по пустым, едва освещенным улочкам, заносимым снегом, забегали в подъезды, рассказывая что-то друг другу, объясняя, выясняя, размахивали руками, говорили, о чем угодно и ни о чем конкретно. Потом остановились под очередным фонарем и уставились на снежинки, проносящиеся мимо света. Погода утихала.

А Андрею этого, казалось, только и надо было. Этого фонаря, и снега, и улицы пустой. Он прошелся мимо меня по большому кругу и сказал, задумчиво переворошив снег:

— А ведь я люблю тебя.

Я медленно обернулась, взглянула ему в глаза. Краснов кивнул.

— Нет, тебе не показалось. И ты это, похоже, и сама знала. Поэтому все эти метания и...

Я молча смотрела на него, не в силах говорить, а он встал напротив.

— Прости, я просто дурак, — выдохнул он. — Влюбленный дурак.

— Два влюбленных дурака, — тихо поправила я.

Ну что ж, дальнейшее можно описывать без надрыва. Перейти в радостно-возбужденное состояние и цедить эмоции по капле, как французы цедят вино.

Те встречи, восторженно-яркие, каждый раз новые, то ожидание, те слова — смена центра притяжения.

Узнавание. Вот как хотелось это назвать. Узнавать друг друга заново, в первый раз, и все узнавать заново, как будто только был вылуплен из ломкой скорлупы.

Познать, что может подарить всего лишь одно прикосновение.

Познать, что может дать объятие, еще вчера страшно близкое, но дружеское.

Познать силу взгляда и потрясение хотя бы от одного лишь поцелуя.

Познать долгие ночные прогулки по городу и прелесть обычной крыши, тоже ночью.

И ощутить, наконец, как может удивлять и радовать отсутствие родителей в доме, куда можно пригласить всех и насладиться своей свободой, или же пригласить всего лишь одного человека. И этого вполне будет достаточно.

И все это сверкающее, яркое, переливающееся, то еще совсем недавно занимало все мысли с утра и до вечера, вдруг резко померкло, как будто бежал, наматывая круги по стадиону, а потом резко остановился, осознав, что вот он, финиш, больше бежать не нужно.

И всего одна ночь способна изменить все. Ночь-откровение.

— Я уезжаю, Варька. В Москву. Поступать.

Ночь кажется слишком короткой, чтобы осознать эту фразу.

— Как... в Москву? — севшим голосом спрашиваю я, подавляя панические нотки в голосе. — Мы же столько раз планировали — Питер и только Питер.

— Это все отец, — раздаётся голос Андрея, и при свете одинокого фонаря я вижу мрачное выражение на его лице. Он подходит к окну, где стою я, берет за руку. — Он говорит, что в Москве его больше устраивает ВУЗ, да и расстояние меньше. Я... как только не уговаривал его! Но он уперся, он задумал это еще давно и начал постепенно мне выкладывать все это.

— Андрей, я... у меня нет слов. Но почему он так? Он же знал обо всех наших планах. Почему он так?

— Он говорит, что наше расстояние пустяки по сравнению с тем, что я выберу не тот ВУЗ. Он кричит, что у меня не будет никаких перспектив...

— Но ты... ты так сдался. — Я вырываю свои пальцы из его руки, сажусь на кровать. — Все это какой-то дурацкий сон, ведь завтра выпускной, мы все распланировали, мы планировали... — голос мой затихает, мне кажется, слова становятся глупыми, превращаются ни во что. Планы...

Я смотрю в окно, мимо Андрея. Он тоже молчит.

— И знаешь, что самое поганое во всем этом? — тихо спрашиваю я через какое-то время. — Что все это вранье. Понимаешь? Вранье. Дело ведь совсем не в отце. В тебе.

— Варька...

— Ты не хочешь. Не отец. Потому что, если бы ты сам хотел наших планов, ты через неделю отправился бы со мной подавать документы в Питер. Несмотря ни на что.

Несмотря ни на что... Слова эти раздаются в моей голове еще долго, они просыпаются во все последующие ночи, перетекают с горячим чаем в чашку, отбивают секунды часами с котенком, они живы, и, произнося их, я уже знала, что они обречены жить.

Секунду я еще смотрела на Андрея, готовясь сказать что-нибудь непоправимое, ставящее грань между нами, а потом он шагнул от окна ко мне, сел рядом.

— Я ведь чувствовала, что все изменилось. Все начало меняться давно, еще весной. В начале весны. Только ты не хотел признавать этого.

— Нет. И я хотел всего этого вместе с тобой, действительно хотел! Просто... потом я понял, что это не совсем мои мечты. Твои, но не мои.

— Андрей, я прошу тебя, прекрати нести чушь! Мечты, планы, отец — все это, конечно, очень важно, но все-таки не так, как главное.

— А что же главное? — тихо спросил он, сбоку глядя на меня.

Я держалась еще секунду, потом выдохнула:

— Ты не любишь меня. Все прошло.

Я отстранялась, вырывалась, стискивала руки, но он оказался сильнее — обхватил ладонями за шею, посмотрел в глаза близко-близко.

— Я не хотел... этого.

— Я знаю, — прошептала я. — Но ты просто забыл мне сообщить.

Не могла я больше сидеть рядом с ним. Не могла чувствовать его руки, видеть его, слышать его голос, не могла! Потому что невероятно сильно желала. И тогда я встала, подошла к окну, выглянула на улицу, посмотрела на ярко-желтую луну, на редких прохожих

и сказала твердо:

— Значит, завтра мы видимся в последний раз.

— Если ты считаешь, что так будет лучше...

— Будет.

— Я бы хотел...

— Я тоже, — тихо произнесла я. — Но мы не сможем остаться друзьями. Той дружбы не вернуть, детство прошло.

Предчувствия — страшная вещь. Я никогда не верила в предчувствия, поверила только однажды и испугалась найти подтверждения им. Нашла.

И могла ли я подумать, что человек, который был в моей жизни больше десяти лет, занимал в ней не просто некое абстрактное место, а стоял буквально в самом центре, однажды так неотвратно и быстро уйдет? В одно мгновение, успев лишь предупредить, махнув белым платком из уходящего по рельсам состава....

Нет. Но я почувствовала, как все изменилось, и где-то в глубине души ждала этого невидимого свершения приговора.

И мы все-таки станцевали наш последний танец тогда же, когда и виделись в последний раз. На выпускном. На пустующем последнем этаже школы, куда через открытые окна доносилась музыка снизу и лился ровный и мягкий, июньский ночной свет.

**Por una cabeza
si ella me olvida
que importa perderme,
mil veces la vida
para que vivir...[1]
para que vivir...**

Мы вышли под утро на дорогу, ведущую от школы. Слез не было. На душе было легко, как в сдувшемся воздушном шарике с развеселой физиономией. Без воздуха физиономия поблекла, а улыбка стала вялой и жалкой.

Я знала, что мы прощаемся, но организм словно в целях самозащиты приглушил все мысли и чувства, притупил, сделал немыми.

Андрей замолчал, растерял показную веселость, ему тоже было не по себе. Мне хотелось бы прибавить к нему больше негативных качеств, придумать их себе, усилить. Но я не могла. Он никогда не был бездушным эгоистом, и я знала, что ему было тяжело не только из-за неловкости, от которой хочется поскорее избавиться.

Он потянулся ко мне, хотел поцеловать, но вовремя опомнился, остановился.

Что нужно говорить в таких случаях, что делать? Зачем усиливать это прощание, которое только в тягость, ведь обоим несладко?

Я убрала руки за спину. И мы попрощались. И разошлись...

...За окном пел сверчок. Мы почему-то так и не вышли на балкон, сидели, прислонившись спинами к моей кровати.

— Знаешь, ты молодец, — прошептал Марк. — По тебе ни разу нельзя было сказать, что что-то у тебя не так. Ты... держалась.

— Держалась, да, наверно. Пока не осталась одна. Понимаешь, ведь все произошло очень быстро. В одну ночь и в один день. Мне не дали толком времени осмыслить все случившееся. И только утром... тем самым утром я приняла решение не поступать. Я подумала, что это правильное решение. Потому что когда я проснулась после выпускного

днем, я все обдумала еще раз. На удивление хладнокровно. И не изменила его. А потом... потом началось самое страшное, — меня передернуло от этих воспоминаний. — Три дня, я помню их как сейчас. Три дня полнейшей апатии и безволия. Ни малейшего желания. Ни малейшего желания желать.

И лишь потом, когда мама однажды пришла с работы и обнаружила, что я сплю... на полу, кажется, на подушке, которую стащила с дивана, потому что у меня не было даже сил встать и лечь на этот диван, она начала тормошить меня, ругать, кричать, пихать в меня еду, потому что за эти дни я осунулась так, что отходила весь июль...

— Да и сейчас, судя по всему, не очень изменилась, — подозрительно оглядел меня Марк.

— Ну сейчас-то все нормально. Но тогда... ей было страшно, я поняла. Я увидела этот страх в ее глазах, когда она смотрела на меня. И тогда... тогда я вспомнила Смирнитского. Его слова, что лучший способ убежать — надеть маску и вообразить себе другую жизнь. Он, конечно, говорил это применительно к искусству и вряд ли бы обрадовался, если бы я сказала, что решила применить его слова к действию. Но именно это-то мне и помогло. И я... притащилась к нему. И заявила, что возвращаюсь. Весной мне было жалко уходить отсюда, как будто я теряла что-то важное, а вот летом я пришла туда без особого восторга. И только потом... втянулась.

— А танцы?

— О, танцы, — я вздохнула. — Полонская все знала. Я думала, что она переживает только из-за того, что наша пара перестает заниматься танцами серьезно, но она по-настоящему расстроилась, только когда я сказала, что наши планы разошлись. Что я остаюсь, а он уезжает. Точнее это мама ей сказала, когда пыталась вывести меня из того странного состояния и пыталась задействовать все силы. А я уже потом... добавила.

Марк задумался.

Но это было еще одно тяжелое воспоминание...

— Варвара, девочка, ну зачем тебе бросать танцы? Ты ведь... еще чуть-чуть и ты будешь у цели. Десять лет приведут тебя к чемпионству! Остался всего один шаг. Да, Андрей уезжает, но тебе мы можем подобрать другого партнера, и на чемпионат ты поедешь во всеоружии. — Полонская говорила что-то еще, а я стояла перед ней и чувствовала себя так, будто мне снова шесть лет, я в очередной раз подралась с партнером и испытываю перед хореографом чувство вины за свою нерадивость.

— Спасибо, Марья Дмитриевна, за веру и вообще... — я знала, что если моргну, слезы потекут из глаз, поэтому я просто смотрела вверх, как двоечник у доски. — Только вы ведь знаете, что все это бесполезно. Я... я не смогу танцевать без Андрея. У меня никогда не получалось без него, помните?

Тут уже я не выдержала и растеклась.

Я не плакала перед Полонской даже в те ужасные детские минуты унижения. Ни разу. Не давать повода, не показывать слабости. Никогда.

И то, что она так расстраивалась за меня, это ее искреннее огорчение, просто убило меня. Холодная, насмешливая, надменная Полонская не расстраивалась никогда. Так явно.

Я бросилась бежать из этой студии, я плакала навзрыд, как плачут только в детстве. Это был первый «прорыв» после расставания с Андреем.

— Варька... — позвал Марк в темноте. Он протянул руку и «привалил» мою голову к своему плечу.

— Послушай, — заметила я, улыбнувшись, — ни за что не поверю, что ты выслушал этот бред и ни разу не заснул.

— Представь себе, — хвастливо заметил Марк.

Мы поулыбались в темноте этой ночи сверчку и друг другу. И в этой почти что тишине я прошептала:

— Спасибо.

V. Начало сентября

Сентябрь пришел сухим и ясным, окутанный оранжевыми красками. Он пришел с теплым ветром и неисполненными мечтами. Просмотром любимых советских фильмов и наблюдением каждое утро за суровыми первоклашками в бантах и галстуках с портфелями в два раза больше них самих. Я не акцентировала внимания на первом сентября, но все же ждала его, с любопытством и нетерпением. О чем я буду думать в этот первый день, когда подавляющее большинство моих одноклассников и сверстников вообще направятся в университет? Но... я как всегда перестаралась с наивными мечтами. Я ничего не чувствовала. Ничего судьбоносного. Это был обычный день, я не думала, что навсегда упустила все возможные в своей жизни шансы, пропустила, не поняла, не разобралась в знаках.

Наверно потому что их не было. Не было никаких знаков. Я приняла правильное решение и уж точно ни в коем случае не буду о нем сожалеть.

А так... Мы поругались и помирились с Мишей, обслужили целую толпу клиентов, прорепетировали в театре и перестали разговаривать с мамой. Ничего нового и неожиданного. Все как всегда.

...Первый, кого я увидела, войдя в кафе, был Анатолий. Спокойно насвистывая, он пересчитывал какие-то стаканы и называл цифры Владилене, которая куда-то вписывала эти самые цифры.

— Ну надо же, еще двух стаканов нет! Едят они их, что ли? В следующий раз буду снимать штраф с официантов, если они не замечают, кто разбивает посуду, — расстроено вещала хозяйка.

— Анатолий, ты здесь! — я поражено шла по залу.

— Ну да, — парень покрутил головой. — А где же мне еще быть?

— Прекрати меня дурить! Ты же работаешь во вторую смену.

— Как видишь, нет.

— Да брось!

— На полный день он устроился, — не отвлекаясь от своей писанины, сообщила Владилена.

— На полный день?

— Ну а что такого? Я не думаю, что буду сильно уставать. Бывают часы, когда в этом кафе вообще пусто.

— Ну, я думаю, это временное явление, — невнятно пробормотала Владилена.

Анатолий солнечно улыбнулся.

— Ты молодец... — покачала я головой, неуверенно косясь на Владилену. — Герой.

— Герой, как же! — фыркнула хозяйка, поднимая голову. — Да за этот полный день он выторговал у меня еще один выходной! Можно подумать, у меня и без него мало проблем!

Анатолий снова солнечно улыбнулся мне.

— Ммм, Владилена Аркадьевна, — неуверенно начала я. — Я понимаю, что вы меня уже перевели работать на утро, но...

— Да-да? — до странности любезно подбодрила хозяйка.

— Не могла бы я тоже взять дни, когда бы работала полный день?

— И как же ты себе это представляешь? Как я должна высчитывать тебе зарплату? —

так же любезно поинтересовалась Владилена.

— Ну, к примеру, я работаю пять дней в неделю, правильно? Если взять за правило, что три из них я буду работать полный день, то вы могли бы и зарплату также насчитывать.

— Также, ну конечно, как это я не догадалась! — кивнула вредная тетка.

— И вы могли бы не брать еще одного официанта на вечернюю смену, как вы хотели! Вам это обойдется дешевле.

— Правда? — задумалась хозяйка и повернула голову к Толе. Из-за ее плеча я делала ему знаки. Он кивнул Владилене.

— Да, я думаю, это так.

Владилена повернулась ко мне.

— Но объем работы будет больше, — заметила она.

— Я знаю, я сама так хочу, — уверенно кивнула я. Ох, кому твоя уверенность, Трубецкая? Она же шита белыми нитками!

— А точных дней, когда ты будешь работать полный день, ты мне назвать, конечно, не можешь, — спохватилась Владилена.

— Это зависит от того, как будут мои репетиции накладываться на ваш график. Между прочим, это он у меня здесь плавающий.

— Ты хочешь, чтобы я его закрепила? — уточнила Владилена.

— Нет-нет, — поспешно отказалась я. — Ну... так что?

Владилена повернула голову к Анатолию.

— И почему во мне человеческие качества сильнее, чем бизнесменские? Я однажды разорюсь, погрязну в долгах, утоплю свое детище...

— Ну или немало выгадаете, если оставите у себя Трубецкую, — протянул Анатолий. — У нее что ни день — новая идея.

— Не оценю, пока не получу с этих великих идей доход, — заявила хозяйка, захлопывая свои папки и поднимаясь с места. — Пора открывать кафе... Да, кстати, — она почему-то понизила голос до шепота. — Если еще этот фрукт что-нибудь отмочит, мне точно не сносить головы.

— О чем это она? — поинтересовалась я после ее ухода.

Толя закатил глаза.

— А ты еще не видела? Посмотри туда, — он показал глазами на уголок с диванами и камином. Там, совершенно не различимый на первый взгляд, сидел Миша и судорожно перелистывал какие-то журналы. Рядом на столике стояла кружка с кофе. Певец рассеянно перемешивал ложечкой кофе и выглядел непривычно задумчивым.

— Что это с ним? Он заболел?

— Никто не знает, — усмехнулся бармен. — Как пришел сюда с утра, так и сидит. Ни слова еще не говорил. Он вообще в последнее время какой-то странный. Словно жди беды.

— Да прекрати, — не поверила я. — Это же Мишка — подлый трус! Он безобиден, как лесная лань!

Толя покачал головой.

— Ладно, ну его, скажи лучше, ты рада? Что мы с тобой остались вместе?

— Еще как, — покачала я головой. — А то все остальные незнакомые.

— Ну, здесь только Тони и Никиты не будет.

— А без них-то все как раз совсем по-другому будет, — усмехнулась я. — Ладно, пойду переодеваться.

Да, не могу сказать, что я буду скучать по Тоне или по Никите. Последний был больше одиночкой. К себе близко не подпускал. Так что даже приятелями мы не были. А Тоня...эта барышня преподнесла мне неожиданный сюрприз.

— Давай поговорим, — сказала она, когда мы переодевались после работы в подсобке.

— Давай, — удивленно отозвалась я, поворачиваясь к ней. До этого в тот же день я высказала ей насчет бесконечных придирок ко всем. Она же ответила, что в отличие от меня хочет выполнять работу, чтобы получать деньги, но не нанималась делать ее за других. В общем, слово за слово, выяснилось, что она считает наше объединение с Толей и Мишей у барной стойки во время рабочего дня чуть ли не преступлением; что в итоге, пока мы чешем языками, она работает и пашет.

— Что-то ни разу не видела, чтобы ты обслуживала мои столики, — холодно отозвалась я. Я всегда останавливалась с ними поболтать, это правда (как можно было проходить мимо, когда возле стойки околачивается Миша и отпускает остроты), но я никогда не делала этого, если была занята, и меня ждали люди.

Тоня закатила глаза и промолчала. Как оказалось, ненадолго.

— Не буду скрывать, ты не вызываешь у меня каких-то положительных эмоций. Прости, не вижу смысла скрывать это или льстиво делать вид, что все хорошо, и у нас прекрасные отношения.

— Согласна, — усмехнулась я.

— Мы ведь не друзья, правильно? У нас чисто рабочие отношения, и думала, что можно этим ограничиться, но личное... оно все равно примешивается. К чему какие-то склоки внутри коллектива, они не нужны ни тебе, ни мне.

— Все правильно, просто мы же и так не особо общаемся, поэтому мне было все равно, нравлюсь я тебе или нет. Работе это не мешало, я так думала.

— Ну я бы так не сказала. И я бы перевелась на утреннюю смену, честно, если бы не универ.

— Да, понимаю, — отозвалась я. — Слушай, ты можешь даже не переживать по этому поводу, я сама перевожусь работать в первую смену. С Владиленой я уже обо всем договорилось. Так что можешь даже не беспокоиться.

— Это...из-за меня?

— Нет, — я усмехнулась. — Просто личные причины.

Эти самые «личные причины» были связаны с увеличившимся количеством репетиций в студии Смирнитского. «Личные причины» носили красивое название, но на деле являлись большой мясорубкой, в которую театралы во главе с рассеянным Смирнитским скинули меня после июльского отбора. Периодически кто-нибудь из студии (чаще всего танцоры) добавляли в эту мясорубку соль и перец по вкусу. Блюдо, по их мнению, должно было подаваться к столу пересоленным.

Начнем с того, что премьеры была назначена Смирнитским на 31 октября. Дату не перенести, не переставить — Смирнитский был упертым: в лепешку расшибется, а сделает, как сказал.

Ему было легко утверждать это, хотя нет, вру, нелегко. Смирнитский не ныл, только подгонял упорно, с огоньком, разжигая все больше интереса в глазах. Ныли все оставшиеся члены труппы, и каждый день их нытье все больше раздражало меня. Раньше я наверно вела бы себя также. Стонала бы, называла «главного» узурпатором, говорила, что ему, конечно, не жариться на сцене по три часа в день. А все так и делали. Эти ленивые... нет, эти

хорошие ребята притаскивались с опозданием на полчаса, лениво разваливались в креслах, лениво обсуждали последние новости, лениво выпендривались друг перед другом, соревнуясь в остроумии и начитанности (интеллигенция, блин!), затем с неохотой откликались на призывы и тащились на сцену, где устраивали концерт уже там. Чаще они путали слова и сбивали друг друга во время танцев (похвастаться им было, правда, нечем), но, спустившись вниз, вновь превращались в героев и острословов.

И если Смирнитский еще как-то увлекал, его слушались, делали все, что он скажет, и в итоге, репетиции двигались своим чередом, то я со своими танцами, со своим жалким авторитетом (наверно на контрасте) была вообще никем.

На его репетициях они потели, на моих — отдыхали. Без конца бегали и пили воду, без конца тормозили процесс из-за того, что кто-то в очередной раз кому-то наступил на ногу... Анжела презрительно закатывала глаза, когда глядела на меня (я начинала уже думать, что ничего больше она просто не умела), Максим держался отстраненно — он помирился с Анжелой и эта парочка, особенно после той истерической репетиции, вызывала мое неизменное раздражение. Марк — единственный, кто спасал меня от мировой тупости — в танцевальных репетициях не участвовал (как и некоторые другие счастливики, к которым я мечтала быть причисленной).

Четыре дня в неделю я проводила в студии на обычных репетициях. Смиринский делал из нас с Максимом желе, заставляя по двадцать раз прогонять одни и те же монологи и диалоги, рассуждал о психологии героев — кажется, он пытался нас сделать другими людьми. В жалкие редкие минуты перерывов или в те моменты, когда мы не участвовали в той или иной сцене, мы рассаживались по самым темным углам зала, спасаясь от яркого света сцены и взглядов, которые преследовали, когда мы играли. Четыре дня в неделю после обычной репетиции я оставалась на тяжелую повинность. И в плюс к этим четырем дням взяла еще два — из выходных, когда до премьеры осталось всего два месяца, а положение наше все еще было катастрофическим.

Изначально, после всех подсчетов оказалось, что нам нужно поставить ни много, ни мало — десять танцев. Как минимум, десять. Три из них были массовые. В них принимала участия вся куча-мала. Танец в начале, середине и конце. Два были наши общие с Максимом. Их я оставила напоследок, когда выяснилось, что с остальными вообще беда. Остальные пять нужны были для сопровождения диалогов героев, ключевых сцен, переломных моментов.

Десять танцев. Это было очень много. Их все нужно было для начала выучить и отработать так, чтобы не к чему было придраться. Однако, застряли мы еще на первом пункте.

В течение всего прошлого месяца я подбирала музыку к танцам и согласовывала ее со Смирнитским — это были дикие бои, в которых никто не хотел уступать, поэтому иногда приходилось сходить на компромиссе; я составляла эти самые танцы, выкраивая время перед утренней репетицией, перед работой, после работы и в редкие свободные минуты; пыталась все удержать в голове и потратила уйму времени, чтобы записать порядок движений всех танцев на случай крайней забывчивости. Составить танцы было легче, чем запомнить их.

Параллельно шли репетиции или попытки репетировать и разучивать, потому что дисциплина была никакой. На условие мое всем было наплевать, они знали, что мне никуда не деться с подводной лодки. Пару раз я еще бесилась на все, но уйти — так и не ушла, да и

не могла себе этого позволить.

— Слушайте, вы опять сбили все ряды! — я дико злилась. Просто ненавидела и уже, кажется, не скрывала этого. В который раз миновала кресла — я следила за ходом танца с центра зала, взбежала по ступенькам и оказалась на сцене (опять же, в который раз). — Сколько можно повторять! Держите ряд за Викой! Она здесь центр первого ряда, как никак! Почему мы начинаем с одной точки, а оказываемся в итоге чуть ли не за кулисами?

— Ну тебе легко говорить... — протянул кто-то из девятиклашек.

— Да, мне легко. Мне просто невероятно легко. Жду не дождусь, когда в ваши головы войдет хоть какая-то информация и ваше копошение на сцене будет похоже на танец!

По рядам пробежало волнение.

— Что, не нравится, а я на это смотрю весь день!

— Ну что ты злишься?

— Да потому что вы как стадо баранов столпились! Вы знаете, в какой момент вы расходитесь? Да? Тогда почему в этом месте у всех такие перепуганные лица, как будто они не уверены, что делают? Максим, ты помнишь, что вроде как главное лицо в этом танце, на тебя будут смотреть, как только ты появишься и подключишься к ним?!

— Ни на секунду об этом не забываю.

— В таком случае, соберись хотя бы ты! Вы понимаете, что через полчаса придет Яша с проверкой? И что я ему покажу? Как стадо баранов бегают по полю в поисках травы?

— Это было очень поэтично, — отметил Максим.

— Ты бы лучше танцевал так, как отвечал! — я спустилась вниз, с каждой минутой нервничая все больше. Перед Яшей облажаться было страшно, и это после всех надежд, которые он возложил, после всех моих убедительных речей, что под такую музыку грех испортить танец! — Так, давайте еще раз. Под счет.

— Ну почему под счет? — опять выкрики со сцены.

— Маш, а ты считаешь, что уже готова поразить публику?.. Ладно, один раз под счет, один под музыку — поехали.

Из трех массовых танцев готов был только один. И он был в очень сыром состоянии. Вот в таком, как сейчас. Второй — только в процессе учения, и процесс этот казался нескончаемым. А третий... ну что ж, третьего еще не было. Даже не начиналось. Но для Яши — мы двигались отличным темпом. Я не имела права его подвести.

— Ну что ж, я бы хотел увидеть ваш лучший танец. То есть тот, что находится сейчас в самом лучшем состоянии, — попросил Смирнитский, замирая перед сценой.

— Да вы садитесь, Яков Андреевич, — бодро отметила я, поворачиваясь к своим подопечным. Буквально за пять минут до Яшиного появления я велела им всем сбегать умыться и привести себя в относительный порядок — будто мы не умираем здесь, а находимся уже на такой стадии, что умирать и не приходится. — Сейчас начнем. Ну что ж, танец ко вступлению, пожалуйста. Еще не забыли? — нервно смеюсь, но настороженно.

«Пожалуйста», — шепчу им и сажусь в первом ряду. Яша, как всегда, в своем пятом.

Включаю музыку. Небольшое вступление, и... начали.

Так, вроде пока неплохо. Начало почти великолепно, даже на репетиции я бы не орала за это. Затем расходимся — здесь обычно и начинается весь кошмар, но... тоже обошли. Вика слегка сбилась, но никто не спутался. Так, Максим появляется, и тут... Да, и здесь-то все и началось. Не знаю, кто был первым, но он, тем не менее, запутался. И все запутались вместе с ним. Дальше — больше. Бараны потеряли ориентиры, вышли из под контроля,

разбежались по полю.

Я прикрыла глаза рукой. Никогда не думала, что мне за что-то так будет стыдно.

— Варвара! — это Смирнитский позвал. Я вскинула голову, не глядя на танцоров, обернулась к руководителю.

— И что это сейчас было? Почему так разрозненно?

— Ну вы же понимаете, Яков Андреевич, волнуются, перед вами еще не выступали. Надо все отрабатывать и отрабатывать. — Стараюсь, чтобы голос звучал уверенно, а не... а не так, как сейчас, например. Но уверенность мне только снится. Я чувствую себя виноватой.

— Я думаю, после уже целого месяца занятий должен быть какой-то прогресс! А вас все выглядит так, как будто вы только вчера выучили все движения.

А ведь он почти в точку попал.

— Это все волнение. Будем бороться.

— Интересно, как ты будешь бороться, не предлагаешь же мне приходиться на каждую вашу репетицию, чтобы они привыкли! А на сцену выйдут перед толпой — как будут бороться?!

— У нас еще два месяца впереди, — вру я. — Прорепетируем, отработаем, возьмемся за детали, было бы еще время! Но все учатся...

— Вот поэтому-то основные танцы надо было хорошо выучить в последний летний месяц!

Я делаю глубокий вдох. Смирнитский сегодня был не в духе — ужаснее всего его убеждать в таком состоянии! Но меня бесила сама ситуация — ни слова актерам, ни слова о том, как они мешали ряды и наступали друг на друга, словно в давке! Только я и никто больше! А эти тоже хороши — оглядываюсь на танцоров. Эти уже выступили, успокоились! Теперь спокойно стоят и болтают, пока меня отчитывают! Ну спасибо большое.

— Яков Андреевич, — не выдерживаю я. — Мы репетируем так много, как только выходит. Не прогуливаем репетиции, не отменяем их, не переносим! Но я не руководитель, я никогда не ставила столько танцев сразу, не организовывала такую толпу людей! У меня, если честно, тоже есть обязанности, на мне работа, главная роль, танцы.

— Но ты сама выбрала это, — сверкнул стеклами Смирнитский. — Никто не заставлял тебя и не принуждал!

— Просто прекрасно, — качаю я головой. — Я знаю, что сама не оставила себе выбора. Но я не могу сделать такое ответственное дело, если меня никто не будет поддерживать. Если они сами не хотят танцевать — как я могу их заставить?

Дам еще один шанс танцорам, не буду закладывать их до конца.

Но стадо баранов молчит, словно в отместку за предыдущие несколько часов репетиции обмениваясь репликами.

— Ну что же вы! Может, есть у кого-нибудь желание высказаться? — спрашиваю я.

— Мы делаем все, что можем, — наконец заявляет кто-то из глубины рядов.

— Значит, не все, — насмешливо заверил Смирнитский. — Уж поверьте мне, это так. А если вы делаете все, то что же — Варвара делает не все?

Танцоры молчат. За это молчание я готова их просто убить.

— Ну что ж, — качает головой Яша. — Я думал, что увижу здесь коллектив, но его нет. Возможно все вы поодиночке что-то делаете — Варвара ставит танцы, вы их пытаетесь выучить, но у вас ничего не выходит. Потому что каждый из вас думает явно не о танцах.

— Ну что ж, — вторюм ему я, тянусь к креслу, беру сумку. — Я уже много раз пыталась, но сейчас действительно ухожу. Я не могу так больше. Я совсем не авторитет, видимо, меня можно и не слушать, я понимаю.

— Что ты несешь, Трубецкая?

— Я больше не буду тратить нервы, срывать горло. Если кому-то неинтересно, зачем я буду напрягаться? Уверена, среди вас найдется отличный... постановщик танцев. До свидания.

Поднимаюсь по ступенькам, обхожу Смирнитского и выхожу, аккуратно прикрыв за собой дверь. Больше я в этот зал не вернусь.

Я работаю на износ. Отрабатываю полные смены, прихожу домой, валюсь с ног от усталости, сразу засыпаю. Так легче, правда. Почти не замечаю отсутствие матери, не разговариваю с ней, не хожу на репетиции в театр — нет времени. Пропустила уже три. Не чувствую себя виноватой. Или...

Нет, не чувствую.

Миша стал показываться редко. Теперь не с кем точить лясы в перерывах, кроме Толи, конечно, не кому зудеть над ухом и мешать работать. Тоня, узнав, что я работаю полные смены, а значит, и нам с ней видется почти также, как и раньше, особого восторга, естественно не высказала. Но меня мало волнует, что она подумает. Как-то странно все, наперекосяк.

От театральной студии у меня появилась привычка выискивать произведения для постановки. Ставить теперь нечего и негде, но привычка осталась и в свободное время я только и делаю, что выискиваю в Интернете, что бы почитать. Откладываю в стопку, делаю пометки. На очереди «Сирано де Бержерак» Ростана и «Сентенции» Вырыпаева.

Мне кажется, я стала довольно скучным человеком, ну или я очень боюсь этого. Мои бывшие друзья и одноклассники, мой бывший друг — у всех началась другая, интересная, новая и необычная жизнь. Я совсем забыла, что еще совсем недавно считала такой поворот в своей жизни весьма интересным и непредсказуемым, но сейчас апатия накрыла меня с головой — и это тогда, когда все должно было повернуться только к лучшему.

Даже Тоня и та... хотя что я говорю: завидовать Тоне — самое последнее дело. Не сказала бы, чтобы ей нравился Педагогический, куда ее заставила подать документы ее мать. Скорее очень не нравился, судя по не совсем лестным отзывам, но я и не пыталась понять, зачем она это сделала.

Так стоит ли завидовать Тоне, что у нее как бы все правильно в жизни, все как у людей? Нет.

От мыслей о ней меня отвлекло появление Марка, с которым у меня не было времени поговорить уже почти неделю. Ну что ж, если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету.

И он направился ко мне.

— Привет, — улыбнулась я, — Ну ты присаживайся. Подать меню?

— Мы можем поговорить? — спросил он прямо.

Я осмотрела зал.

— Можем. Недолго.

Конечно, я знала, о чем пойдет разговор. К чему было лукавить?

— Варь... возвращайся в студию.

— Нет, — я откинулась на спинку дивана.

— Я, конечно, не думал, что это будет легко, но ты уверена? Я понимаю, тебе было обидно, но все же...

— Марк, зачем они заставили тебя прийти ко мне? Потому что ты мой друг? Но почему не пришли те, из-за кого я ушла? — перебила я его.

— Варь, они... я сам пришел. От себя.

— Еще лучше. Спасибо, что ты так... — я подыскивала слово.

— Ты понимаешь, что еще одна репетиция без тебя и Яша поставит на твое место Анжелу? Она, кстати, вполне счастлива после твоего ухода, бегают по студии и говорят об этом, как будто Смирнитский уже пообещал ей твое место.

— А если уже пообещал? Как видишь, оказалось, что незаменимых людей нет! — выдохнула я.

— Брось толкать этот пафос! Ведь ты... ты же скучаешь по всему этому. Ну а если еще нет, то обязательно заскучаешь!

— Марк, ты бы видел это, ты бы просто поприсутствовал на одной из репетиций! Я сразу сказала им, что уйду, если они не будут делать того, что я говорю, потому что я заставляла их не мусор выносить и продукты мне покупать! Я думала, что им это нужно и важно! Но они ни во что меня не ставили! Они каждую репетицию не пытались даже что-то делать! А когда пришел Смирнитский, и они облажались на той сцене, они сделали вид, что они вообще меня в первый раз видят и что я даже не копошилась с этими танцами! Им всем было наплевать.

— И больше всего тебя обидело, что им на тебя наплевать, а не на танцы, — резюмировал Марк.

— Если хочешь, — да!

— Ну прости, если я неправ, а что если ты сама не показывала этого интереса, что если они даже не поняли, почему какие-то движения должны быть интересны по отдельности от спектакля?

— Они же не пятилетние дети, Марк. И я не песочные замки пришла с ними строить.

— Но с другой стороны, ты пришла и не детали для какого-нибудь трактора вытачивать на заводе!

— То есть ты хочешь сказать, что я была права?

— Я не знаю, меня же там не было. Только ты можешь припомнить все от начала до конца и решить, кто был неправ. Может быть, не только они?..

Я покачала головой.

— Но им наплевать. Даже если я пойму, что я виновата больше, они не поймут даже доли своей вины. А Смирнитскому вообще все равно... Так стоит ли после этого возвращаться туда?

— По поводу танцоров я скажу, что ты права. Они сейчас просто в панике. Смирнитский начал с них спрашивать за эти танцы, и оказалось, что они мало что помнят, даже из того, что выучили. Пока что они репетируют в одиночестве, но половину движений не знают, к массовым танцам вообще боятся притронуться. Смирнитский тоже в панике, кажется, но виду не показывает. Хотя не знаю, смог бы я также на его месте? Он никогда не покажет виду и не склонит публично голову, ты же знаешь!

Я поймала взгляд Владилены, которая показывала мне на часы, веля закругляться.

Я покачала головой.

— Мне надо подумать, Марк. Надо подумать. Все, я пошла работать. Пока.

Я дошла до бара, не оборачиваясь, но когда прозвенел колокольчик и дверь затворилась, я обернулась. Это Марк ушел.

— Ну что горюешь, дивчина? — поинтересовался Анатолий, пока я забирала папки с меню.

— Скажи-ка, Анатолий, ты любил строить песочные замки на пляже в детстве?

— Конечно, как все.

— А сейчас бы ты что выбрал: постройку песочных замков или работу на заводе?

— Наверно песочные замки, если бы за них еще и платили. А что, эти вопросы как-то связаны?

— Вот и я пока не знаю, — вздохнула я.

Я подала меню посетителям и направилась к столику пожилой пары, когда некая дама, дробно стуча каблуками, едва не сбила меня с ног.

— Простите, а где я могу видеть хозяйку кафе?

— Сейчас... Владилена Аркадьевна!

Хозяйка обернулась.

— Это к вам.

— Спасибо. — Глаза у дамы были заплаканными.

— Скажи, ты давно видела Мишку? — поинтересовался у меня Анатолий.

— Вообще-то... дня три назад. А что?

— Вон там его жена, беседует с Владиленой.

Я обернулась. Давешняя дама что-то эмоционально рассказывала хозяйке, та лишь сочувственно кивала и что-то переспрашивала.

— А что случилось? — у меня все внутри резко похолодело.

— Кажется, он пропал.

— Он пропал три дня назад, — говорила Владилена мрачно, когда ближе к концу вечера мы все собрались у бара. — Его жена в панике. Говорит, что и раньше такое было. Но не так надолго.

— Куда же он раньше пропадал? — поинтересовалась Тоня.

— Он вообще, товарищ очень неординарный, судя по тому, что рассказала его жена. Всю жизнь мечтал стать крутым музыкантом. Даже подавал надежды, выиграл пару конкурсов, но накануне его поездки за границу (он должен был участвовать там в финале какого-то очень престижного музыкального конкурса), погибают его родители в автокатастрофе, он остается воспитывать младших сестер. И с тех пор он начинает метаться из города в город. Приезжает, первое время втягивается в работу, он полон сил и энергии, знакомится с новыми людьми, пропихивает свою музыку, свои песни, но потом скатывается только до работы в ресторанах и кафе. Выше уже не поднимается. И наступает такой момент, когда у него начинается депрессия, перед семьей какое-то не прекращаемое чувство вины: не сделал, не достиг, не оправдал. Он начинает скитаться по друзьям, в конце концов, возвращается, и они всей семьей переезжают в другое место. Так продолжается уже последние лет пять. В Воронеже они уже год. Уже побили все рекорды, долго сидят на одном месте. И все вроде бы нормально, жена успокоилась, но тут... вот сами видите что. Она пыталась обзванивать его друзей, но это бесполезно, половины она и не знает.

Она говорит, что все эти проблемы только в его голове, он считает, что они несчастны с ним, потому что он такой неудачливый. Но... ей и не нужно, чтобы он стал мировой звездой, его и так любят, знают в городе, приглашают на мероприятия, он достаточно востребован...

— Но он-то мечтает петь с Луи Армстронгом, — тихо добавляю я.

— Да, примерно так, — сухо кивнула хозяйка. — И хорошо, если он, как обычно, скитается по друзьям, но жена утверждает, что на три дня он раньше никогда не пропадал.

— А если он вообще не там? — тихо спросила Тоня.

— Типун тебе на язык, — махнула рукой хозяйка. Все грустно разошлись.

— Печально, если все пойдет по задуманной схеме, — сказал Анатолий. — Это значит, что скоро он уедет.

— Хоть бы с ним все в порядке было, — машинально откликнулась я, но думала о песочных замках. У Миши был свой один, недостроенный.

Пока мы молоды, мечты для нас имеют осязаемый смысл, я-то знаю! Но что если нам никогда не получить того, что мы хотим, и это уже известно где-то там на небесах всем, кроме нас? Печальная старость — в одиночестве тешиться своими полузабытыми воспоминаниями, а что если и они будут пропитаны горечью несделанного и несвершенного, печатью разрушенных песочных замков?

Я не верю в судьбу. Но с другой стороны, именно сейчас, стоя в кафе с подносом в руке, я уже точно и не знаю, чего хочу от жизни. Так что можно пока и не бояться не сделать и не свершить.

Я убираю с крайнего столика, когда зазвенели колокольчики, и в кафе вошел посетитель.

— Извините, мы уже закрываемся, — проговорила я. Посетитель шагнул из темноты и оказался Борисом.

— О, привет! Не знала, что ты в Воронеже!

— Да, я только приехал. Варь, мы можем поговорить?

— Да, — удивленно пожала плечами. — Что-то случилось?

— Не совсем, но... в общем, мне надо кое-что у тебя спросить. — Он выглядел обеспокоенным.

— Давай.

Мы сели за столик, я пока снимала фирменный фартук.

— Слушай, ты мне тогда в последний раз говорила, что твоя мама так и не вышла замуж за твоего отца и отчасти из-за него не осталась в Москве после университета, помнишь?

— Да. — Я замерла, удивленная темой разговора.

— Мы тогда еще ехали от твоей бабушки...

— Да, конечно, я помню.

— А какая бы у тебя была фамилия, если бы твоя мама вышла замуж за отца?

— Каверина. Борис, почему ты это спрашиваешь? — проговорила я тихо.

— Потому что... потому что получается так, что я... что я твой брат. Сводный брат.

Я зажмурилась. Потому что чутьем, внутренним интуитивным чутьем еще до того, как он задал вопрос, уже знала, что он хотел сказать.

VI. Сентябрь

Я почти не знала своего отца. Да что там? Я действительно не знала своего отца. До определенного возраста я никогда его не видела, а лет до 6 не подозревала и даже не задумывалась о его существовании (ну знаете, так бывает у всех детей, выросших без внимания кого-то из родителей)... пока однажды не увидела, как одну девочку — мою подружку — из детского садика забирает папа. Знаете он... он показывал ей фокусы. Он пришел забирать ее, и пока она пыталась одеться, поминутно роняя свои вещи, а потом еще и заревела, засунув куда-то свою варежку, он достал три яблока и начал жонглировать ими. Он просто пытался ее развеселить и пожалуй, ему это удалось, потому что она начала смеяться, но помимо этого он умудрился собрать вокруг себя целую толпу детей и устроить представление, которое я потом еще несколько дней вспоминала и теребила всех, пытаясь научиться жонглировать так же, как и он. А потом они ушли. Я, разинув рот, смотрела, как он помогает ей перевязать шнурки и щелкает по носу, и смеется вместе с ней, и протягивает ей яблоко, и берет за руку. В этот момент бабушка спустила меня с небес на землю, обзвав «копушей» и «негодным ребенком», а потом схватила меня за руку и потащила за собой, как будто детский садик был заминирован, и нужно было срочно, сию минуту покинуть его. Но эта картинка — отца, ведущего за руку дочь — очень долго потом не покидала меня, и вечером я первым делом пристала к маме с вопросом «где мой папа?».

Мама не церемонилась. Став постарше, я поняла, что она сделала очень правильную вещь, хотя детали ее рассказа было трудно понять шестилетнему ребенку. Она просто сказала, что папа живет в другом городе и у него есть другая семья, поэтому вряд ли когда-нибудь он придет в мой детский садик и покажет фокусы (в первую очередь меня, конечно, волновал именно этот вопрос). Неведомый «другой город» рисовался моему сознанию страшным многоруким чудовищем, которое находится где-то очень далеко от меня и держит у себя папу. Всякие же «другие семьи» казались мне ужасно страшными и несчастливymi уже только потому, что не были похожи на мою. В моей все было просто и хорошо: мама и бабушка — такие интересные, всякий раз придумывавшие какое-нибудь увлекательное приключение, и две тетki — мамы сестры и их дочери, с которыми в нашем доме часто проводились многочисленные сборища. Моя семья. Мир женщин. А тут неожиданно появляется кто-то под названием «отец», который, оказывается, должен быть у каждого ребенка и которого у меня, по странному стечению обстоятельств, не было. Это новшество и понимание того, что у мамы и у всех моих родственников до моего появления тоже была своя жизнь, в которой у них так много свершалось без меня, нагроутили мою шестилетнюю голову, но, к счастью, обошлось все без катаклизмов. По мере моего взросления и появления в голове более осмысленных вопросов, мама дополняла мое знание об отце. Мысль, что моему отцу на нас и, в частности, на меня, наплевать, потрясла меня тогда, но все-таки не стала переломной. Мне хватало того, что у меня было, а другого я и не знала.

Я уже знала, что мама была беременна мной, когда отец оставил ее, сообщив, что возвращается в свою семью. Правда, мама так и не потрудилась ему сообщить, что беременна и дала ему преспокойно уйти — она уже представляла, что он за человек, узнав, что до встречи с ней, он бросил жену с трехлетним сыном. Она не хотела больше связываться с человеком, «который настолько не дорожит своими узами». Именно такими словами она когда-то сообщала мне о нем. В ее словах, интонациях, жестах, было достаточно

сарказма и презрения к нему, так что и я постепенно привыкла думать о нем также — презрительно, саркастично, высокомерно. Но в моей голове, тем не менее, росло любопытство. Узнать, увидеть, просто взглянуть в глаза. Хотя бы раз.

Я отгоняла эти мысли. Первое время, по крайней мере. Мне казалось, что, даже думая об этом, я предаю ее — ведь она и так честно мне все рассказала, хотя могла бы и не говорить и «чесать», как все, о летчике, разбившемся во время учений, или о бесстрашном покорителе вершин, так неудачно сорвавшемся с огромной высоты. Но любопытство было никуда не деть.

И именно тогда он и появился. Внезапно. Не предупредив, так, как и должен был появиться, если вообще должен.

Дальше была сцена, упорно напоминающая мне небезызвестный фильм «Москва слезам не верит». По необыкновенной случайности я тогда обитала у бабушки, то есть пребывала в ее квартире намного чаще, чем меня там можно увидеть сейчас и вообще когда-либо. Мама была на работе, а бабушка что-то шкварила на кухне, поэтому пронзительно завопивший дверной звонок слышала только я. На пороге стоял высокий молодой мужчина с яркими голубыми глазами, сразу запавшими мне в душу. Глаза я всегда замечаю в первый момент знакомства. Так вот, эти глаза просто заставили меня мучительно припоминать, кто же это и где я могла его видеть. А ведь определенно где-то видела. Но больше мне не удалось что-либо рассмотреть, потому что из кухни прибежала бабушка с полотенцем наперевес и половником в руках. Половник она тут же уронила, а полотенцем воспользовалась лишь для того, чтобы снять его с плеча, видимо, для того, чтобы вытереть руки, и тоже уронить.

— Варя, иди в комнату, — велела она.

— Это еще почему? — тут же отреагировала я. Мне было 14 и все в этом мире, по моему мнению, должно было быть лишь так, как мне хочется. Идти в комнату мне не хотелось определенно.

К тому же, мужчина тоже с интересом наблюдал за мной, как бы припоминая и явно намереваясь что-то сказать. Он и сказал:

— Можно я войду?

Бабушка махнула рукой:

— Зачем приехал-то хоть?

Мужчина переступил порог и, закрывая дверь, медлил с ответом. А так как ответ, сама не знаю почему, мне вдруг яростно захотелось получить, то я не смогла дождаться и спросила сама:

— Так кто вы такой? Ба, ты его знаешь?

Бабушка, всегда знавшая, что сказать, и не выжидавшая, когда спросят ее мнения, в этот раз помедлила и тихо проговорила, наконец:

— Познакомься, Варвара, это твой отец.

Казалось, в моей голове что-то сместилось при этом ответе. Кусочки мозаики, наконец, смогли сложиться в отдельный кусок, хотя с одной стороны место все еще пустовало: там примерно, где скрывались черты моего отца только не со слов матери, а в таком виде, в котором они могли бы сложиться только у дочери своего родителя. Я не знала, чего от него ждать. Зачем он приехал, что он из себя представляет, о чем думает и мечтает, какие планы строит, и рад ли, хоть немного, что у него вдруг объявилась я?

— Отец?! — поразила я.

Дальнейшее описывать в деталях будет слишком сложно. Казалось, с того дня события

слились в какое-то разноцветное единое пятно, в котором менялись люди, места, выкрики, слова и прочее и прочее...

Отец, как оказалось, уже давно знал о моем существовании — помогла любимая бабуля, которая не могла стерпеть такой несправедливости и еще на первом году моей жизни послала отцу письмо, видимо, не очень читабельного характера, в котором делилась всеми мыслями и чувствами по поводу наболевшего, а именно по поводу него (упоминая об этом письме вскользь, оба краснели, что навевало меня на мысли, что обоим за письмо несколько стыдно). Но новость о появлении новой жизни — кровинушки его — не заставила его сорваться с места и взглянуть на свою дочь, нет, дражайший родитель несколько затерялся в пути лет, этак, на 14. А все пропущенные годы он восполнял некоторыми суммами, аккуратно присылаемыми раз в месяц.

И вот он появился.

Красив, весел, немного осторожен, но вполне самоуверен. Вошел в эту дверь так, как будто все мы должны были упасть на колени перед ним и вскричать, простирая руки к небу: «Спасибо, Господи!»

А за отцовской спиной лился бы свет, который постепенно наполнил бы всю комнату.

Он вошел, а я сбежала. Долго скиталась, долго путешествовала. Первым делом оказалась у Андрея и, замкнувшись в своих мыслях, прожила у него пару дней, заявив маме, что не пойду домой. Они убеждали. Они даже подослали ЕГО один раз.

Я хлопнула дверью и ушла от Андрея, даже не поблагодарив его маму. Андрей, конечно, узнал, в чем дело. Рассказали мои любимые родственнички. Только когда он узнал эту правду, меня уже поблизости не наблюдалось.

Меня понесло по компаниям полудрузей-полуприятелей, у которых я пряталась по вечерам, а днем бродила по улицам, подолгу исследуя каждый магазин центра с такой тщательностью, как будто была ревизором.

В итоге он сам нашел меня. Отец. Уж не знаю, как, через кого, возможно, даже с помощью Андрея, который потом ни словом ни взглядом не намекнул, что был причастен к моему водворению на прежнее место.

Я упиралась, рвалась, вырывалась, кричала гневно, потом заплакала. Он, преодолев сопротивление, обнял меня — то ли действительно этого хотел, то ли просто успокаивал. Я обмякла в его руках, ноги стали ватными, я больше не могла и не хотела шевелиться. Тогда он взял меня на руки и вытянул из этой прокуренной квартиры, в которой продолжалась бесконечная вечеринка.

Я вернулась домой — растрепанная, зареванная, красная, хлюпающая, с тяжелым взглядом и нежеланием разговаривать. Даже с ним. Особенно с ним. Лежала в комнате, ковыряла пальцем надорванные обои и слушала непрекращающиеся разговоры за стеной — обо мне, о нем, беспокойные вопросы срывающимся голосом, на которые могли бы ответить только я или он, испуганный шепот, как будто я и так не знала все, что они могли бы предположить или сказать друг другу.

На следующий день спозаранку выстроились около моей кровати, как будто я была больна чем-то чрезвычайно серьезным, да еще и связанным с нервной системой. Боялись сказать лишнее, переглядывались, прерывались на полуслове, делали дурацки-оптимистичные лица, строили фальшивые улыбки.

О тех днях не говорили — они поняли, что уж к этому сейчас лучше не придирааться. Мама осторожно села на край моей кровати, погладила край одеяла, под которым как раз

располагалась моя нога и спросила:

— Варя, ты не хочешь сегодня встретиться с отцом?

— Нет. — Я смотрела в другую сторону.

— Но он приехал ради тебя, — осторожно заметила она.

— Как же! — совершенно дико расхохоталась я. — Ради меня! 14 лет добирался, плутал, дорогу найти не мог — и вдруг! Свершилось!

...Больше всего в этой ситуации меня злило, обижало, просто нервировало поведение мамы. Она, которая своим примером, своими рассказами — достоверными, кстати — дала мне понять свое к нему отношение, свое отношение ко всей этой ситуации, сейчас после стольких лет пошла ему на уступки и заискивает передо мной лишь потому, что боится, что я не налажу отношения со своим отцом, которому я просто-напросто не нужна!

Я наотрез отказалась встретиться с ним еще раз тогда. Я скрестила руки на груди, а ноги в замок, села, выпрямив спину, и стала неприступной. И неприступной я была ровно столько, сколько нужно было, чтобы мама и бабушка покинули комнату.

Я могла повидаться с ним, в конце концов, нужно было многое для себя разъяснить, нужно было поговорить хоть раз нормально, без слез и истерик. Но уступить тогда значило проиграть, значило сдаться, как и мама сейчас, значило, забыть о самом важном. А самое важное сидело в моей голове неотступно.

Это важное было тем, что заставляло мое сердце испуганно и тревожно вздрагивать в детстве, когда я заставляла маму плачущей, что происходило после моих длительных расспросов об отце. Это важное было в той горечи, которую я ощущала, когда девочки из моего класса рассказывали о своих интересных походах на рыбалку с отцом или в лес; о своих тайных замыслах, скрывааемых от мамы; о нырянии, которому отец учил прошлым летом; о конфетах, которые приносились и тайком делились между собой до ужина.

Он не приходил на мои школьные вечера, и не сидел со всеми родителями, и не махал мне гордо рукой со своего места, как это делали все родители, он не знал, как в детстве я часто дралась с мальчишками, а однажды напастыляла мальчику старше, за то, что он кидался в девчонок камнями; он не представлял себе, что одна щуплая девчонка лет одиннадцати самостоятельно училась отжиматься от пола для уроков по физкультуре, лишь потому, что ее одноклассница гордо сказала, что ее учил папа. Он не знал всего этого: чем я болела, ездила ли я в летние лагеря, почему у меня единственная четверка — по географии, боюсь ли я лечить зубы, во сколько лет меня впервые отвели в цирк, люблю ли я свои танцы и дружу ли с Андреем, умею ли кататься на лошади и какие я читаю книжки, приглашал ли меня уже кто-то на свидание и пою ли я школьном хоре? И самое, самое важное было во всем этом, что он и не хотел этого знать. Не хотел. И этого его приезда я не понимала. Но сейчас я и не хотела его понимать. Я ждала 14 лет, теперь должен подождать он.

— Ну, драгоценная графиня Трубецкая, и долго мы собираемся молчать и выдерживать гордую паузу?

— Хм... это кто еще выдерживает! — усмехнулась бабушка, туша сигарету в пепельнице.

Мне всегда нравилось бывать у нее дома. Он был пропитан запахами, атмосферой, ощущениями прошлых лет. Теми годами, которые я и мое поколение просто не застало, и теми эмоциями и чувствами, что порой даже теперь спрятаны так глубоко, что и не достать.

По снимкам можно было рассказать историю семьи, начиная с конца 19-го века, а по потрясающей библиотеке, которую начал собирать еще мой прапрадедушка, можно было

сказать, что здесь жила и угасала русская интеллигенция. Правда, здесь — это понятие относительное, потому что квартира досталась уже моему деду после войны, а до этого Трубецкие всегда жили в большом своем доме. Каждый из рода Трубецких отличался некой чертовщинкой, мешающей жить, как другие, мешая следовать законам своего рода и общества, к которому этот самый род относился. Так, наследники самовольно женились на крестьянках против воли отцов, сбегали из дома, переправлялись за границу, пиратствовали, закладывали имущество, публично отрекались от «света» — в общем, жили «на полную катушку», не давая кумушкам-сплетникам скучать.

Эта квартира — лишь маленький отголосок того общества, а бабушка — непокорная наследница своего рода, которая всегда боялась, что ее жизнь затухнет и пройдет серо и бессмысленно. И сейчас это чувствуется острее, чем когда-либо...

— Ты же знала, признайся! Ты сразу обо всем догадалась, когда мы с ним появились в твоей квартире!

— Ты же знаешь ответ, зачем спрашиваешь?

— Потому что не понимаю, почему нельзя было сразу рассказать? От кого вы с мамой таите свои великие секреты? Хотите унести с собой эти тайны, как это правильно говорится, в могилу?

— Не смешно, — выдохнула бабуля.

— Ты права. С каждым разом все печальнее. Только мне ведь мне не 14 лет. Давно не 14. И тех поступков я уже не совершу, никогда. Так зачем же?

— А ты не понимаешь? — прищурилась бабушка.

— Иначе не спрашивала бы, — я села за стол напротив, внимательно посмотрела на нее.

— Потому что некоторым людям, прости за некоторый пафос, некоторым людям ты дорога! Ты понимаешь, что такое забота, Варвара? Забота о тех, кого любишь?

— Я понимаю. А еще лучше я понимаю, что любое сокрытие правды еще хуже лжи! Как же вам этого не понять? Это как намек на то, что правды ты, милая моя, не достойна, вон из нашей песочницы. И я... о, я отлично выдрессировалась — спасибо, вам.

— Ты не справедлива, потому что мала еще.

— Нет, — я покачала головой. — Никто из вас не думает обо мне. Все вы думаете о том, как бы ваши постыдные или якобы постыдные деяния не вылезли наружу, хотя много лет их так хотелось запихнуть поглубже, затоптать, примять и засыпать семенами, из которых потом вырастет трава! Может это и есть забота, но я... приняла бы правду, поверь. Мне иногда так хочется попасть в ваш круг, в круг всех этих людей, — я махнула рукой на фотографии родственников, но я не достойна. Я достойна лишь, чтобы кормить меня увертками, намеками и ребусами, которые без вас я все равно не смогу разгадать! — я вздохнула и встала, направилась в коридор. Графиня направилась за мной.

— На репетицию, что ли?

— На работу, — мрачно отозвалась я, зашнуровывая кроссовки.

— Как причудливо иногда тасуется колода, не правда ли? Вот уж действительно фраза на все времена, — задумчиво заметила бабушка. Я оторвалась от кроссовок.

— О чем ты?

— Кто бы мог подумать, что именно с ним ты покажешься у меня на пороге? Кто бы мог подумать, что именно с тобой он начнет общаться в твоём кафе, что именно к нему тебя направит судьба... или что там есть...

— Да, — протянула я. Я тоже думала об этом.

— Я ведь сразу узнала его. Он — копия твоего отца в молодости. Просто одно лицо.

Ну да, моего отца. Забавно.

...Протягивает мне руку — я отворачиваюсь. Закидываю руки за спину, независимо смотрю в сторону. Он закуривает, предлагает зайти в кафе — соглашаюсь с холодностью и одолжением монарха. А когда сажусь за столик, рядом появляется официант, который неожиданно вместе с меню кладет мне на стол букет ромашек. Ромашки зимой! Я неожиданно улыбаюсь широко и искренне. Слабнет броня-то, слабнет.

Отец улыбается в ответ, я отворачиваюсь, улыбка гаснет.

Мне 14, зима, отец с упорством достойным лучшего применения мотается в Воронеж, говорит, что ко мне. Не верю или предпочитаю не верить — еще сама не разобралась. Встречаюсь с неохотой, после длительных уговоров.

— Я понимаю, конечно, что ты пытаешься завоевать мое расположение. И наверно как можно скорее. Как ни крути, но хоть ты и москвич, а кучу денег выложить за эти ежемесячные поездки ты вряд ли готов! — протягиваю я, глядя поверх меню.

— Не волнуйся, — сдержанно отвечает он. — Я справлюсь.

— И наверно следующим твоим этапом будет привоз всяких подарков, правда?

— Зачем? — он делает непонимающее лицо.

— Так пытаются купить детей, перед которыми в неоплатном долгу, — любезно поясню я.

— Какой смысл начинать, если долг-то неоплатный! — замечает он.

— Правильно, — говорю. — Можно и не пытаться тратить, только себе ведь в ущерб!

— Ты определись, как к этому относишься: мне начинать, или даже не пытаться? — просит он. У него такое комичное выражение лица, что я не выдерживаю и улыбаюсь.

— Ну, одним букетиком ромашек явно не обойдешься! — цежу я. — И вряд ли мне это нужно...

— Почему?

— Ты же не передо мной в долгу, я тебя не знала — особо не горевала! А вот перед мамой ты мог бы и извиниться. Хотя вообще не вижу особого смысла в твоих действиях. Зачем тебе это нужно, признайся! Грешки замаливаешь?

— Варя... — начинает он. Но я уже не слушаю. Больше всего мне хочется сейчас не заплакать. Я слезаю с высокого стула и ухожу.

Но ромашки я все-таки не забываю.

Эти ромашки, которые он дарил мне каждый раз, будут преследовать меня и через много лет. Я буду находить их среди зимних и летних вещей, в забытых сумках, в карманах пальто и между страницами любимых книг. Оторванные лепестки и засохшие стебли — знаки, которые были дороже всех несделанных им подарков, которые и не нужно-то были, по правде говоря.

— Варвара, — начинает мама. Она сидит на стуле, закинув ногу на ногу, тушит сигарету в пепельнице.

— Ты же бросила, — прерываю я ее.

— Бросила, — соглашается она, вытирая пальцы. — Так Расскажи мне, почему ты так себя ведешь с отцом? Мне кажется, ты становишься с ним такой противной девочкой, которую я и не знала никогда.

— А почему это я слышу от тебя? — пораженно интересуюсь я. — Ты же сама, сама! Сама учила меня, как я должна вести с ним, ты сама рассказывала мне про него все! Все! Так

неужели ты забыла?

Она усмехается.

— Я не забыла, конечно, нет. Но не надо мстить за меня. Мы обо всем поговорили с ним. Все обсудили. Не надо жить моими ошибками, Варвара. Не пытайся судить его за его вину передо мной. За это могу судить его только я, да и то, по правде говоря, не могу. Нам не дано такого права. А я...я хочу, чтобы ты узнала его.

— Это что, такая своеобразная форма мазохизма? А не боишься, что он переманит меня на свою сторону? — спрашиваю с вызовом.

— Нет его стороны, моей стороны, как ты этого не понимаешь! Он ошибся, да, но сейчас он искренне пытается с тобой познакомиться, тебя узнать! У него нет других мотивов. Он мотается к тебе из Москвы. Его семья знает, что он ездит сюда к тебе. Просто... дай ему шанс. Надо уметь прощать.

— Кому надо? — интересуюсь я задумчиво.

Я не уступаю. Я не хочу отступать. Но...и не могу отказаться от этих встреч, засасывающих своим постоянством. Помимо воли... мне интересно. Наши взаимные пикировки очень долго были единственным средством нашего общения, и лишь много позже я поняла, что эти пикировки были лучше всякой дружбы, он сразу же нашел ключик ко мне, но успешно делал вид, что играет по моим правилам. Глупая девчонка наивно думала, что руководит парадом, а он на самом деле, давно руководил парадом вместе со мной.

Я получала свой букет ромашек и дюжину остроумных шуток больше двух лет. И в последнюю нашу зимнюю встречу я почувствовала... что-то иное. Что-то, позволяющее выйти за рамки обоюдного остроумия и поговорить, наконец, по душам.

Я пришла тогда на вокзал, хотя никогда не приходила раньше. Я пришла, потому что накануне он спросил, не хочу ли я проводить его на поезд, и я бойко ответила, чтоб и не мечтал. Он тогда, помнится, еще смеялся. И все началось, как ни странно, с прощания...

Да, все началось с прощания. Хлипкого как старая дверца прощания с натруженными эмоциями и застывшими кристалликами слез в глазах. Прощание было неизбежно и надломлено, смиренно и необходимо. Прощание острым стержнем повисло в воздухе, ружьем с одним патроном застыло на стене.

И прощание выстрелило — этим самым последним патроном, запуталось в рыболовной сетке мелкой рыбешкой.

Я стояла на перроне, опустив глаза в букет ромашек, следила за каплями слез, растекающимися по лепестку. Стояла поодаль, периодически переводя взгляд на человека с большой спортивной синей сумкой. Я не хотела подходить ближе.

Он нетерпеливо прохаживался, возвышаясь над остальными путешественниками. Он поглядывал на часы, пряча нос в клетчатый и судя по всему колючий шарф, он засовывал руки без перчаток в карманы и тут же выдергивал их, как будто ему было слишком жарко.

Привычно громыхая, подошел поезд. Попыхтел, воображая себя паровозом, и начал принимать гостей. Человек с синей спортивной сумкой, тот самый человек, возвышающийся над всеми остальными, тот самый, в старом клетчатом и наверняка колючем шарфе, подхватил свой скарб и двинулся внутрь.

И тогда после всех выжиданий и разглядываний издали, я сделала шаг вперед. Потом еще и еще, пока не оказалась совсем близко к тому поезду, к тому вагону, в который вошел тот человек. Я шла мимо маленьких окон, вглядываясь внутрь сквозь узорчатые стекла, и пыталась найти, отыскать.

Он увидел меня. Постучал по стеклу, попытался открыть окно и выбежал, показывая взглядом куда-то в бок, в сторону выхода. Через пять секунд он появился рядом с проводницей — не смея спрыгнуть на перрон, просто смотрел на меня. А поезд уже начал набирать ход и состав медленно, будто нехотя, сдвинулся с места. И я как привязанная пошла за ним, обходя машущую изо всех сил толпу.

— Варька! — крикнул он. — Варька!

Произошло какое-то движение — то ли проводница попыталась отодвинуть его, то ли он сдвинул с места проводницу, и стало ясно, что дверь сейчас неотвратимо закроется и поезд пропадет из виду, вот уже совсем скоро.

— Цветы спрячь! — раздалось его громкое. Дверь захлопнулась. Состав повернул.

Я остановилась, медленно расстегнула молнию, сунула под куртку букет и застегнула молнию обратно. Развернулась и пошла домой, грея воздух теплым дыханием. В этот день закрылась еще одна дверь.

Только я этого не знала. Лишь ночью как-то раздался телефонный звонок и странно глухой женский голос оповестил, что отец разбился на машине. Врезался в какой-то грузовик, кажется. Не сумел затормозить на гололеде. Не сумел.

Такими голосами о таких событиях только оповещают. Такие звонки не раздаются в нормальное время суток. Такие звонки заставляют бояться всех последующих звонков сразу, вздрагивать при знакомых звуках.

Но я... я была до странности спокойна. До странности. На похороны в Москву выехала с Андреем. Мама, не общавшаяся с отцом больше одного раза в год, отказалась ехать. И я ее понимала.

Мы молчали всю дорогу в поезде, обмениваясь лишь самыми необходимыми фразами. Он не знал, как со мной разговаривать. Утешать? Но я не нуждалась в этом, по крайней мере, не могла показать, что нуждаюсь. Внутри меня словно замерзло что-то и поэтому, наверно, в такой мороз только мне было не холодно.

Молчали мы и по дороге в дом отца. Молчали, когда у порога нас встретила заплаканная светловолосая женщина и тяжелым невидящим взглядом оглядела нас и предложила пройти в комнату.

Прощание проходило на кладбище. Огромная, немыслимая толпа народа, все, кто желают попрощаться, встают в очередь. Подхожу ближе, всматриваюсь в это лицо, и с удивлением понимаю, что так и не узнала этого человека. Не узнала, не поняла, и этот — тот, что лежит передо мной такой чужой — совсем не похож на того, что дарил ромашки и острил в ответ на мои грубости.

Андрей крепко сжимает мою руку и смотрит только на меня. Зачем, Андрей, ведь все в порядке?! Я поднимаю глаза и вижу эту рассеивающуюся по кладбищу толпу совершенно незнакомых мне людей... Что я здесь делаю? Хоть кто-нибудь знает?

И вдруг в толпе я различаю, вижу знакомый клетчатый шарф. Ну конечно, отец там, он притаился, он всегда был плохим шутником и сейчас сыграл со всеми злую, нехорошую шутку! Я тяну Андрея в ту сторону, я прохожу, пропихиваюсь сквозь толпу, но нахожу там только жену своего отца — стоя в стороне, она захлебывается слезами, и ее утешает светловолосая девушка на пару лет младше меня — их дочь.

Клетчатый шарф, нет, не было никакого клетчатого шарфа. Я все выдумала.

— Поехали домой, — говорю я Андрею.

На вокзал в Воронеже мы прибыли ранним утром.

Ловлю его взгляд, когда он помогает мне выйти из поезда.

— Ты что?

— Все в порядке?

— Конечно, — отвечаю. И улыбаюсь.

Мама собиралась на работу, спешно допивала чай, закидывала какие-то бумаги в сумку.

— Как все прошло? — спрашивает она на бегу. — Нормально?

— Нормально, — откликаюсь я.

— Ладно, вечером поговорим, не шалите здесь, — и смеется, захлопывая за собой дверь.

И едва она выходит из квартиры, едва затихают ее шаги в подъезде, меня начинает бить дрожь, и я рыдаю громко, взхлеб. Форменная истерика. Все накопленное, все, заполонившее сознание, рвется наружу.

Я сползаю по стенке, вырываю свои руки из рук Андрея, почти не вижу, как он опускается рядом на колени и держит меня, пережидая грозу. Это продолжалось долго — совсем не так, как минутный ливень.

И долго еще мы сидели посреди коридора. Он гладил меня по голове, как ребенка, молча, ничего не говоря.

— Почему? — сиплю я. — Я же не знала его. Он предал нас, он обидел, он потерялся на 14 лет! И как, как я могу что-то рассказывать маме? Как сегодня я буду выкладывать перед ней все подробности этого действия!

— Пойдем ко мне? Переночуешь у меня, завтра будет легче, я обещаю.

Но глыба все еще висит на мне. Та глыба, что и сейчас временами тянет ко дну.

Да, а ведь это было только этой зимой. Этой зимой, а кажется... Так много изменилось с тех пор. Все, почти все. Одно остается неизменным: наши семейные отношения. Они всегда одинаковы, строятся на том доверии, что спрятано где-то глубоко внутри. Мы все такие — три поколения женщин, ведем себя как истинные представительницы своего рода. Мы же, ну не умеем показывать свои слабости. Даже друг другу, особенно друг другу. Все это перемальвается глубоко внутри, не оставляя шанса на душещипательные разговоры. Зато и храним свои секреты друг от друга, только вот скелеты периодически сами вываливаются из приоткрытых дверей шкафа. Сейчас эту открывающуюся дверь держат они вдвоем — мама и бабушка. Я ведь знаю то, что от меня пытаются скрыть, знаю, что стоит за этой конспирацией и ночевками не дома. Знаю, но... буду молчать. Вот она верная политика. Больше не буду пытаться что-то выяснить, это уже не сработало. Пусть сами рассказывают, если, конечно, захотят когда-нибудь это сделать.

Похоже, одной птичке придется вскоре вырваться из гнезда. Но речь не обо мне, а о той, что будто светится на солнце. Ее волосы сияют рыжими оттенками, у нее зеленоватые бесовские глаза, и когда она улыбается, кажется, что солнце озарило ее с ног до головы. Она держит прямо спину и красит ногти красным лаком, но никогда не пытается молодиться. Веснушки, делающие ее похожей на 20-летнюю девушку, длинная открытая шея, страсть к высоким каблукам... все это мама. И она совсем не похожа на меня, то есть, конечно же, наоборот.

Черты лица — вот, что было схоже. Но цветовым наполнением я пошла в чудное семейство Кавериных. Голубые глаза, черные волосы.

А мама... вот она сидит на любимом стуле с высокой спинкой, нога на ногу, покачивает ею, выставив огромный десятисантиметровый каблук, ухмыляется. В глазах усмешечка и ленивый какой-то, праздный голос с хрипотцой:

«Брось, Варька, все это бред! Плюнь и разотри, поняла? Не стоит оно этого!»

Только вот... рано об этом думать, рано. Подумай, лучше о чем-нибудь более насущном.

О театре, к примеру? Ты уже решила, что будешь делать со своей жизнью?

Да все уже решено. Все давным-давно решено, и ты это прекрасно знаешь.

...Я вошла в полутемный зал, с наслаждением вдыхая прохладный непередаваемый воздух и слушая знакомые голоса. Все как всегда, Трубецкая. Все как всегда.

— Ничего не готово, черти проклятые! А сентябрь-то идет, слышите? — я подсмотрела — актеры с красными лицами стояли тесным полукругом — видимо, не шла сцена.

— Смирнитский в последнее время совсем озверел! — поделился кто-то из ближайших рядом со мной кресел.

— Ну еще бы, — а, это девятиклашки измочаленные сидят. — Трубецкая ушла, вот он и бесится!

Я вышла из тени, и они заметили меня. И застыли, ошарашено приоткрыв рты.

Я приложила палец к губам, стремительно спустилась вниз и встала рядом со Смирнитским. Меня он не видел. Все позади в зале стремительно замолчали. Затем замолчали те, кто обиженным полукругом стояли на сцене. И все, уже все без исключения пялились на меня. Смирнитский, оценив полную небывалую тишину, замолчал на полуслове.

— Говорят, вы тут совсем распустились... Тиранствуете?

Яша быстро повернулся. Блеснул стеклами очков:

— Это кто же такое говорит? — он быстро осмотрел зал. — Кто?

— Придется вас спасать, ничего не поделаешь!

— Ах, ты, значит, спасать явилась, спасительница! Бросила нас?

— Нет, — я покачала головой.

— Три репетиции без нее прошло, а она и не чешется. Танцоры твои совсем позабыли, как двигаться, даже я бы сказал, как передвигаться!

— Ну, это вы зря! Это я наверно виновата, что они мало что помнят.

— Ладно-ладно, спасительница! Недавно ты еще другое говорила, — погрозил мне пальцем руководитель.

— Да ладно вам, Яков Андреевич разоряться! Ведь это же Варька вернулась! — выскочил Марк. Он спрыгнул со сцены и встал рядом, положив мне руку на плечо.

И в тот же момент все танцоры (а к ним затем подключились и театралы), сбежались со всего зала и навалились на меня дружной толпой, едва не повалив на пол. Они хлопали меня по плечам, трепали по голове, переверосшив волосы, тянули за рукава и одновременно вместе что-то говорили.

Мы смеялись таким обволакивающим веселым смехом, что зал, казалось, мог разрушиться от нашего хохота, как в мультиках под оглушительный грохот рушились замки злых колдуний. Смирнитский привычно в сторонке ждал, пока пройдет буря.

— Ну все, все... — сказал он, когда меня, весьма потрепанную, оставили в покое. — Я думаю ради такого события, как возвращение хореографа и исполнителя главной роли, надо устроить прогон начальных сцен. Максута, на сцену!

Актеры захохотали.

У Вересаева было такое выражение лица, как будто бы он не знал, что лучше: убить нас или засмеяться.

— Милая рубашечка, Максута, — заметила я, поднимаясь на сцену. — Ну что, наш

выход?

— И она... пела!

— Пела? Не может быть.

— Да серьезно вам говорю. Вошла и сходу — запела!

— И как это было?

— По-моему прекрасно...

— Хватит, преувеличивать-то! — возмутилась я. — Просто хорошее настроение.

— Ну... это все объясняет, пожалуй. Никогда не слышала, как ты поешь, это значит, что мы так редко достаиваемся чести видеть тебя в хорошем настроении? — поинтересовалась Владилена.

— Просто оно давно уже не было настолько хорошим! Это значит, что произойдет что-то хорошее! — заключила я, чмокнув хозяйку в щеку.

— Скорей бы... — вздохнула хозяйка. — А то, знаете, неладно что-то в нашем королевстве...

Прозвенели колокольчики.

— Иди, работай.

— Боюсь, что... — Анатолий замер с открытым ртом.

— Ну что, что с вами случилось сегодня? — нетерпеливо повернулась хозяйка и тут же заорала: — Подлый трус!

— Мишка! — Я пролетела через кафе и бросилась к нему на шею. Другие официанты, мало знакомые с ним, и немногие в этот предобеденный час посетители, лишь насмешливо наблюдали за этой авансценой.

— Тебя просил я, быть на свидании, — запел он, — мечтал о встрече, как всегда. Ты улыбнулась, слегка смутившись, сказала...

— Да, да, да, да!

— Я не вовремя? — он закрутил меня.

— Ты как всегда кстати! — я сделала огромные глаза. Мы расхохотались, прошли к бару.

— Подлый трус, Подлый трус... — покачала головой Владилена. — Как ты смел пропадать всю неделю!

Мишка заломил шляпу на затылок.

— Друзья мои, вы не поверите, что со мной было.

— Можем предположить, судя по тому, что рассказывала твоя жена, — отметила хозяйка.

— Владушка, дай мне высказаться! — простер к ней руку певец.

— На! — Владилена стукнула его по протянутой руке.

— Дело было так, — оживилась «пропажа». — В последние недели меня закрутила эта дура-хандра! Ну, думаю, погоди, Михал Андрееч, поглядим, что получится, рано пока выводы делать... И отправился с друзьями на дачу.

— Ушел в запой, — кивнула Владилена.

Мы с Анатолием со смехом переглянулись.

— Ну, ладно, в культурный запой, — поправила хозяйка.

— Хотя ты и не благодарный слушатель, продолжу.... - поджал губы певец. — Ну значит, сидели там два дня. Ну и понесло меня на третьи сутки в лес...

— Опять же дура-хандра, — не выдержала Владилена.

— Она, не иначе. Сам не помню по каким дебрям я там блуждал, но... в общем, свалился в какой-то то ли люк открытый, то ли в подвал.

— В лесу, — кивнула хозяйка.

— Там дом стоял! — завопил Миша. — Я на дом какой-то вышел!

— Дальше!

— Очнулся — не знаю где, не знаю, сколько времени прошло. В общем думаю, надо выход искать. Подвал-то видно закрыт был, лестницу я не нащупал, по которой спустился.

— Ну то есть упал, — подхватила Владилена.

— То есть упал! — закатил глаза певец. — Что ты цепляешься? Я все правильно рассказываю. Зато нашел дверь из подвала. А там, матушки мои, катакомбы! Везде еще свет приглушенный. Ну, думаю, куда-то же я все равно выйду, это же обычный дом! Ну и вышел.

— И что там было?

— Ничто — кто. Какая-то секта — по-другому и не назовешь, серьезно. Сидят двадцать чудиков в круг в каких-то плащах — на заказ они их, что ли шили? — и бормочут...

— Что бормочут-то?

— Да я и не понял сначала. Потом один из них говорит, видимо главный: у нас, мол, есть новоприбывшие, давайте послушаем, о чем они хотят рассказать. Там троица сидела, отдельно от круга, я их тоже сразу заметил. Ну вот эта троица приблизилась к кругу и им место уступили. И тот, главный, им говорит: давай, мол, с тебя, Иван, начнем. И один из них начинают свою эпопею. И как он был моряком, как жена его на суше ждала, а как он ее любил, но редко дома появлялся. А однажды она не выдержала и ушла от него. Скрылась в неизвестном направлении с ребенком. И остался он семьи. Запил с тоски, на работу его брать перестали. Так и оказался здесь.

Вторая рассказывала, как ее сын — любитель игровых автоматов — их квартиру проиграл, оставил ее. У третьей все родственники умерли, она сама в веру ударилась. В общем, страсть. Понаслушался я этой ереси и сбежал. Еле выход нашел. Все страшно было, что меня заметят и оставят там, хотя кому я был нужен? Но страшно было, что заманят меня, я ведь тоже с этими мыслями часто просыпался раньше. Ну, что не нужен никому, что дело мое — петь по кабакам — мерзость, которой и денег-то не заработаешь, семью не прокормишь, личного удовольствия не получишь. Эти мое слабое место бы просекли и быстро... Кто знает, может, они бы мне дорогу другую проложили своими речами...

— А что повторяли они, сидя в кругу, ты так и не узнал?

— Узнал, почему же... Всю дорогу мне потом это вслед несло: «Мы нашли свой дом, мы нашли свой дом, мы нашли свой дом», — вот что они говорили.

— Ну а теперь, — протянула Владилена, — что делать-то будешь? Ты же, говорят, любитель по городам мотаться...

Миша рассмеялся.

— Нет, вот что я больше не сделаю, так не буду перемещаться и семью свою мотать. Во-первых, мантры этих отчаявшихся у меня так долго в голове звучали, что наверно, я все же соглашусь, что нашел здесь свой дом, — улыбнулся робко певец. — А, во-вторых... пусть Луи остается только в моих мечтах. В какой-то степени ведь я уже нашел его здесь.

— Подлый трус, — заулыбалась Владилена.

— Да, кстати, а знаете, что самое забавное, — перешел на веселую ноту Михаил, — что когда мы на следующее утро с моим другом пошли искать этот дом, про который я якобы спьяну ему рассказывал, хотя уже не спьяну, мы ничего не нашли. Весь лес прочесали. Он же

говорил, что у меня явно белая горячка была, потому что он этот лес с детства от корней деревьев до вершин знает и прочесывал его не раз и не два вдоль и поперек. И никакого дома, представьте себе, там не было, и быть не могло.

— Что же это было? — поинтересовался Анатолий.

— Сказал бы я тебе. — Миша пожал плечами.

Мы помолчали.

— Ладно, исследователи, пора за работу, — оглядывая зал, заметила Владилена и двинула к столикам. — Анатолий, Битлз выключи, прошу тебя!

— Слушай, — сказала я Мишке. — У меня к тебе разговор.

— Да? — посмотрел на меня певец.

— Тут, пока тебя не было, кое-что произошло...

Кое-что действительно произошло. Вчера. Точнее, произошло это наверняка раньше, но заметила я это только вчера.

Мы с Марком вчера после репетиции зашли в кафе. Настроение на почве примирения было задорное, и мы долго сидели и смешили народ. Для начала вошли в образ чванливой золотой молодежи, выбрали себе столик в центре, презрев остальные, отругали официанта за некоролевское обращение, заказали что-то заковыристое и стали перебрасываться шутками. Официант, а это был Никита, неожиданно успешно подыграл нам. Поднося еду, он всякий раз закладывал руку за спину, вежливо осведомлялся, не дует ли нам и не слишком ли жарко, до достаточной ли температуры разогрет суп и не подать ли книгу отзывов и предложений в связи с недостаточным «подогревом».

Мы отвечали ему в том же духе. Просидели до самого закрытия.

Затем Марка попросил помочь Анатолий, и он скрылся с ним в подсобке, а я отправилась болтать с поварами на кухню.

И выходя оттуда, внезапно услышала музыку. Это было не обычное музыкальное сопровождение в кафе, а живая музыка, звук настроенного пианино. Мелькнула шальная мысль, что вернулся Миша, но потом я осторожно обошла стойку и увидела, что за пианино сидит Тоня. Прошел проигрыш, и она внезапно запела — таким сильным чистым голосом, который и не часто услышишь-то в жизни. Я не хотела показываться ей на глаза и все портить. Я дождалась, когда из подсобки раздадутся голоса — возвращались Марк и Анатолий — и Тоня сама услышала их, быстро свернула свое пение. Я хлопнула дверью кухни одновременно с тем, как открылась дверь подсобки. Тоня поспешно соскочила со сцены.

— Ты что? — спросила она меня быстро.

— Ничего, — ответила я, стараясь отвести от нее взгляд, — Ну что, Марк, пошли?

— В общем, тебе нужно ее послушать, Миша! Если уговорить ее петь с тобой дуэтом... — вещала я, глядя в широко открытые от удивления глаза Миши. — Представляешь, как это будет здорово для кафе?

— Варька, ты гений! — Отметил Миша. — Но права. Надо сначала послушать ее.

— Сдается мне, она часто так играет. Завтра я работаю допоздна... Попробуем.

Миша пожал мою руку.

— По рукам, коллега!

— Варвара и Михаил, разойдитесь в разные стороны! — потребовала Владилена издалека. — Работа стоит!

VII. Октябрь

— Нет. Нет, нет и нет.

— Тонь...

— Нет.

— Вот упертая какая! Ты понимаешь, что такую возможность нельзя упускать? Такой голос нельзя оставлять простаивать в бездействии.

Тоня на секунду остановилась.

— Почему?

— Да потому, глупая! Если он тебе дан, то не случайно! — выкрикнул Миша.

— Вот как мы заговорили, да? Предзнаменования решили в этом увидеть!

— А что тебе, собственного говоря, не нравится? — вступила я.

— Ты же...

— Подожди, Миш. — Я села на ближайший стул, посмотрела на Тоню. — Давай начнем сначала.

— Не вижу смысла, — Тоня скрестила руки на груди. Отгородилась.

— Нет уж, начнем. Чтобы так красноречиво отказываться, так ярко упираться, нужны какие-то причины. Ты не любишь петь?

— Люблю.

— И ты далеко не первый вечер явно наигрываешь на пианино.

— Фортепьяно, — процедила Тоня.

— Прости, пожалуйста. Да, не первый. Так почему же ты не хочешь сменить свою тяжелую работу официантки, на работу менее тяжелую в физическом смысле, но более прибыльную.

— Потому что я не могу.

— Не можешь?

— Мама не разрешит мне петь в кафе. Как... как...

— Ну а работать официанткой в кафе тебе мама разрешает, как... как... — слегка передразнила я ее.

Тоня с ненавистью взглянула мне в глаза.

Не согласится, безнадежно подумала я. Все бесполезно. Говорила я Мише, не надо так...

После вчерашнего крайне захватывающего вечера, который мы провели, переглядываясь и строя план «подслушивания» Тониной игры, сегодняшние наши уговоры были, вероятно, совсем не кстати. Надо было подождать. Хотя... чего ждать?

Мы ушли на кухню к поварам, как и планировалось. Владилена закрывала кафе, разбиралась в Толей в кладовке, где они уже неделю искали какие-то пропавшие стаканы. Это было нам кстати. Тоня оставалась убирать зал, поднимать стулья. Когда мы с Мишей тихонько вышли через пару минут, чувствуя себя как в дешевой комедии положений, Тоня уже наигрывала что-то тихое, почти незаметное. Вот музыка зазвучала громче, и Тоня запела. Что-то импровизированное, тягучее.

Миша застыл рядом, выпучив глаза. Тоня все пела, плавно следуя за своей собственной мелодией. Я схватила певца полей за руку, но было уже поздно. Он метнулся из-за стойки бара с грациозностью медведя. Я вбежала за ним.

— Тоня! Ты... ты...

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — испуганно забормотала Тоня, неумело делая вид, что ничего не произошло. Она подняла щетку, взяла свою сумку.

— Ты будешь?.. — Миша хотел что-то произнести, но Тоня стремительно пересекла зал и вышла из кафе.

— Ну что же ты? — тихо сказала я.

— Варя, ты это слышала? Ты это слышала? — повторял он.

— Естественно, я же рядом стояла!

— Ну как же теперь?.. Она же просто великолепна!

Я взяла его под руку.

— Ладно, не расстраивайся. Завтра надо будет попробовать уговорить ее.

— Тоня, ну почему ты отказываешься? Владилена захочет заплатить тебе за это больше, чем за работу официантки. К тому же, ты получишь опыт...

— Мне это ни к чему. Мне... я не собираюсь заниматься этим в жизни.

— А чем ты собираешься заниматься в жизни? Учительницей будешь?

— А что плохого в профессии учителя? — вспыхнула Тоня.

— Ничего. Только ты же не хочешь быть учителем.

— А ты, Варвара Трубецкая, отлично знаешь, чего я хочу? Ты со своей жизнью сначала разберись.

— Если все дело во мне и ты отказываешься из-за меня, то не беспокойся, я не скажу тебе больше ни слова по этому поводу, — поднимаясь с места, проговорила я спокойно.

— Это не из-за тебя, — остановила меня Тоня. — Я просто... я не могу, — добавила она тихо.

— Какое-нибудь обещание, не правда ли? — усмехнулась я. — Которое, естественно нельзя нарушить!

— Откуда ты знаешь? — подняла на меня глаза Тоня.

— Знаю. Я тоже дала обещание, только ничего хорошего из этого не выйдет, поверь мне. Свое же обещание самой себе я нарушаю каждый день, — мрачно добавила я.

— Ну а я так не могу! И обещание я давала не себе.

— Маме, да? А она не пытается за тебя прожить твою жизнь?

— Мне кажется, это совсем не твое дело, — процедила девушка.

Я помолчала.

— Может быть. Даже скорее всего. Я тебе никто, почему ты должна прислушиваться к моим словам, — потянувшись, я взяла сумку и повесила себе на плечо. — Только вот...ничто в этом мире не стоит такой жертвы, если от нее не зависит чья-нибудь жизнь и чье-то здоровье, разумеется.

А я не думаю, что здоровье твоей мамы может зависеть от того, будешь ты учительницей или будешь петь, используя природное дарование, — добавила я про себя.

— Только знаешь, через сколько-то лет именно свою маму ты будешь упрекать в том, что она взяла с тебя какие-то бессмысленные мифические обещания. И я тоже не буду думать за тебя. Нравится считать себя никому ненужной официанточкой, у которой одна дорога после университета — школа, давай, валяй! Только не надо потом канючить и стонать, что ты упустила какой-то там шанс. Ты упускаешь его сама на наших глазах.

Под пристальным взглядом Тони, я потянула Мишу за рукав.

— Давай, Миш, пошли.

— Но...

— Пошли, — тихо прошептала я.

В полном молчании мы вышли из кафе на залитую солнцем улицу.

— Ну зачем ты меня увела? — закуривая тянул он. — Ты могла бы ее добить в этом раунде.

— Мы никто, Миш, ты забыл? Нас она не любит больше всего, причем обоих. От нас она просто из принципа и упрямства не примет никаких советов. Все сделает наоборот.

— Значит, надо было действовать от противного? — спохватился он, замирая.

Я вернулась к нему.

— Да прекрати! Надо вообще действовать по-другому.

— Надо подумать...

— Ну что ты там думаешь? Я уже подумала, — нагло заметила я, подхватывая его под руку.

— Ты? Подумала? И много надумала?

— В ход надо пустить тяжелую артиллерию.

— Это были мы, Трубецкая! Мы для нее самая тяжелая артиллерия в мире.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь свою значимость!

— Как всегда. Как всегда!

Воспоминания действующего лица.

Варя могла злиться сколько угодно, но она не могла знать, что Тоня сама злилась на себя. Вполне искренне, и не менее бурно, чем Трубецкая.

Она знала, где кроются корни проблемы, знала, когда все это началось, только вот не думала, что спустя полгода вернется к этому именно из-за пения.

Это уже по-всякому возвращалось к ней, но из-за пения — впервые.

Она мрачно размышляла об этом, наливая чай, засыпая сахар, укладывая тарелку с бутербродами на поднос — делала привычную ежедневную работу, которая приучила к машинальному обдумыванию собственных мыслей. Сейчас она пройдет свои заслуженные восемь шагов по коридору, откроет дверь и поставит поднос на столик. Мать в это время, заслышав ее шаги в коридоре, отвернется к стенке, бросив книжку, закроет глаза и приготовится. К труду и обороне, конечно же, к чему еще.

Каждый день начинался с труда и обороны. Каждый прекрасный день.

Тоня вошла, тихо поставила поднос. Собралась уходить. Но мама никогда не дождалась, когда она подойдет к двери и закроет ее за собой. Она всегда окликала ее в один и тот же момент. Когда Тоня приближалась к двери достаточно близко, но еще не бралась за ручку.

И в это утро ничего не изменилось.

— И куда же ты идешь? — спросила мама.

— В университет.

— Как проходят занятия?

— Просто прекрасно.

— Во сколько вернешься?

— Поздно, ты же знаешь. Я сегодня работаю.

— Откуда я знаю, работаешь ты сегодня или к отцу идешь?

Тоня не выдержала:

— А что в этом, собственно, такого? Я давно его не видела.

— И не надо! — мать словно дожидалась момента, чтобы повисить голос. На слова о работе Тоня сегодня не реагировала, а отец — тема хорошая, то, что надо. — Все вы норовите вытянуть до нитки мою нервную систему, будто она должна вам что-то!

— Мама, ты же вроде бы преподаватель, — Тоня поморщилась, — а скатываешься до каких-то пошленьких фраз! — она открыла дверь и вышла.

Мать выскочила в коридор за ней.

— Значит я плохая, да? Девочка выросла, учится в университете, а мать — побоку!

— Мама, прости, но ты говоришь ерунду, — Тоня потянулась, доставая плащ с вешалки.

— Естественно! Стара стала для умных фраз!

— Ты сегодня на работу не идешь?

— У меня больничный, если ты, забыла, — выпрямилась мать.

— Я не забыла, — сдержанно отозвалась Тоня, завязывая пояс, — Но ты всегда так рвешься на работу, даже если болеешь!

— Не из-за чего рваться, — мать махнула рукой. — Уж сейчас-то я могу устроить себе выходной и пожить для себя, не для детей?

— О да, — насмешливо протянула Тоня, открывая дверь. — До вечера.

— Я бы сказала, до ночи, — сухо отозвалась мама, закрывая за ней дверь.

Тоня еще постояла на площадке. Все ясно. На нее в обиде. Завтра утром будет предъявлен полный список, если еще не с вечера. Грубое обращение, странный набор ценностей в голове, непонятное стремление общаться с отцом-алкоголиком, наверняка из желания когда-нибудь уйти из дома. Так ты не думай, отец, что ли тебя будет содержать? Что он может? Ах, сама! Много слов и мало дела.

Тоня сбежала по ступенькам и, не удержавшись, посмотрела вниз, сквозь лестничные пролеты. Когда-то в детстве ей казалось, что она принцесса, которая живет в этом замке, как в игре «Марио», на самом верху башни. И принц должен непременно пройти через эти пролеты, одолеть все препоны и, конечно, убить дракона.

С годами убить дракона стало не так важно. Намного важнее стало выбраться из этого замка, даже не дожидаясь принца.

Тоня ненавидела свое имя. Оно чем-то ассоциировалось у нее с деревенским магазином и тетками, которые брешут из-за цен. И хотя Тоня никогда не жила в деревне, прочная ассоциация, непонятно откуда, все же была. Антонина. Это же надо? Как будто она попала в идеологический советский фильм. Хуже может быть какая-нибудь Зина или Зоя. Но родители, слава Богу, не додумались.

Родители ее вообще странные люди — а еще учителя. Непонятно, как им обоим пришло в голову одно и то же имя, и они решили, что это некий глас судьбы, предзнаменование! Но скорее всего, это была обычнейшая байка. Имя наверняка выбрала мама, а отца убедила, что прекраснее ничего в мире нет. Или ему просто было все равно.

Хотя Тоня не удивилась бы. До последнего времени отец считал, что абсолютно все, что говорит, делает или решает Тонина мама — это прекрасно.

Ее мир всегда крутился рядом с родителями. И даже не потому, что они были необыкновенно дружной семьей, которая все привыкла делать вместе, совсем нет. Просто оба родителя работали в Тониной школе, поэтому вся ее жизнь прошла под знаком этого клейма. О, это было действительно клеймо!

Тоня все знала об этом, еще с тех самых пор, как пошла в первый класс. Она всегда

очень легко усваивала информацию, невероятно быстро, а вот ее родители словно об этом не догадывались и каждый раз жужжали ей об одном и том же. 100 правил, как должен вести себя ребенок учителей. Как он должен учиться, с кем дружить, с какими учителями заводить хорошие отношения... 100 правил, что он не должен делать. Если бы подобная проработка произошла в подростковом возрасте, тяжелом, переходном, то Тоня вряд ли усвоила бы эти принципы, скорее поступала бы наоборот. Но Тоня слушала об этом каждый день, поэтому классу к седьмому она уже не только не слушала, но и не слышала все, что говорят об этом родители. Эта информация и их жужжание сопровождалось всю ее жизнь, поэтому у Тони не было желания бунтовать или подвергать эти слова сомнению. Это всегда было с ней. По-другому она и не знала, как себя вести. И самое главное, что некому было подсказать, что можно вести себя по-другому.

Разумеется, и в классе особой популярностью она не пользовалась. Если бы она умела обращать свое родство с учителями в пользу, она бы несомненно пользовалась популярностью. Но Тоня не могла и не умела идти против родителей, это было выше ее понимания. Она всегда знала грань, которую нельзя переступить. И, естественно, периодически к ней прилеплялись подобно репьям друзья и подружки, которым нужно было получить у родителей положительную оценку. Но Тонина проблема была в том, что она не любила допускать кого-то к себе слишком близко, не могла сразу привести домой, по-приятельски познакомить с родителями, рассказать смешные случаи с ними в качестве учителей, показать, где лежат тетрадки с контрольными и так далее. А репьям-подружкам не хотелось торчать рядом с Тоней месяцами и ждать возможности получить тот самый ключик к ее сердцу и сердцу ее родителей.

Тоня, конечно, все это видела, все понимала. И ждала того священного момента, когда можно будет покинуть не только школу, но и отчий дом. Уехать в Москву, к примеру. Так в 11 классе она начала бунтовать. Ей стало казаться, что не только ее школа, но и весь Воронеж пропитан этими честолюбивыми связями, выгодными отношениями, поэтому эта мысль — уехать учиться — укреплялась в ней все сильнее. И однажды она сообщила об этом за семейным обедом, счастливая, что может, наконец, поделиться своими планами. Но дома поднялся скандал. Тут-то и расставились все точки над «и».

Непутевая дочь, оказывается, не только не желает пойти по стопам родителей, она еще и желает всеми силами вырваться из дома, где ей указали на верный путь! Мама решила взяться за серьезную проработку. Воззвания к Тониной совести и долгу перед родителями не привели к успеху. Тоня твердо стояла на своем. Впервые так твердо, чего никто не ожидал.

И ее бы никто не переубедил, это точно.

Но... судьбе случилось крутануть колесо так, что все фигурки, стоявшие на своих местах, посыпались на пол, а когда доску вернули на место, никто уже, оказывается, и не помнил, где они стояли изначально.

Так в один прекрасный день учитель физики Михаил Александрович, отец Тони, поставил ее однокласснице тройку в четверти, не желая пойти на встречу человеку, которому эта физика в дальнейшем была и не нужна.

Честно говоря, Маша Хромова и не смогла исправить свою оценку, когда ей давалась такая возможность, но учителя всегда шли выпускникам навстречу.

Тройка у хорошистки Хромовой не вызвала никакой радости, скорее недоумение, что такое вообще возможно. Отец Хромовой — достаточно серьезный спонсор школы — отправился на беседу с физиком. Сама же Хромова заявила, что физик даже не дал ей

возможность исправить оценку, что было неправдой.

И Михаил Александрович в кои-то веки проявил принципиальность и упорство, сказав, что «не станет потакать и ставить оценки за деньги».

«Это во сколько же у нас оценивается четверка по физике в 11-м классе? В пять компьютеров в кабинет информатики?»

Он не уступил ее отцу: ни уговорам, ни угрозам, ни так называемым сделкам. Хромов пошел к директору, и на следующий день туда же вызвали и физика. Многие в тот день слышали своими ушами и видели своими глазами эту сцену. Ор из кабинета директора стоял такой, что секретарша Олечка выбежала из приемной и встала, как Цербер у дверей, не зная, куда метаться, где просить помощи, как разрешить этот конфликт. Но у дверей она надолго не задержалась, потому что через секунду оттуда же выбежал и физик и продолжил что-то кричать, весь красный, с мотающимся из стороны в сторону галстуком.

Он кричал так, что ему стало плохо с сердцем, и Ольга выбежала из приемной со стаканом воды в руках, разбрызгивая воду оттуда во все стороны. Вызвали скорую, но слава Богу, все обошлось.

Михаил Александрович написал заявление по собственному желанию.

Все последующие дни прошли для Тониной семьи в каком-то кошмаре. Мама лежала с тряпкой на голове, тяжело вздыхала и протяжно взывала к чувствам мужа.

— О чем ты только думал, несчастный? Что это за глупая принципиальность? И это накануне Тонькиного выпускного! А какую ты создал мне репутацию? Ты думаешь только о себе, всю жизнь думал только о себе!

Михаил Александрович мрачно курил в кресле, не слушая жену. Он не считал себя неправым и почти искренне радовался тому, что вырвался из этого болота, где до сих пор наверняка продолжается обсуждение поведения «помешавшегося» физика. Да он дал этим змеям пищу для сплетен еще на год!

Тоня слонялась из комнаты в комнату, пыталась подходить то к отцу, то к матери, но реально ничем не могла помочь, только томилась в этой квартире, как в темнице с каждым днем все больше и больше.

А вот отец не томился. Он исчез на неделю. К тому моменту как он явился, во все еще достаточно нетрезвом состоянии, у порога его ждал чемодан, который оклемавшаяся мама собрала ему на дорожку. Они разошлись без ссор и выяснения отношений.

Тонька только руками разводила. Она не успела, да и не могла ничего сделать в данной ситуации. Расходиться из-за какого-то школьного скандала, из-за увольнения! Она вообще ничего не понимала в этой жизни.

Мама однако долго не горевала. Пришла в школу и подала заявление об уходе вслед за мужем.

— Не могу и не хочу оставаться в месте, где произошел весь этот скандал! Где все будут тыкать в меня пальцами и шептаться за спиной!

И она действительно перешла работать в другую школу. Весь столп, на котором держалось существование Тони в школе, все правила, которые они втирали ей, чтобы помочь ей закончить с медалью школу, все они полетели в тартарары.

О ней будто бы и забыли. Все сосредоточилось только на их проблемах. Мама называла отца эгоистом, но сама же оказалась не лучше. А на Тоню, оставшуюся в так называемом «змеином гнезде» и «болоте» свалились все шишки, все упреки, сплетни и якобы ущерб, который принесли ее родители драгоценнейшей школе.

Учителя оценок, конечно, не занижали, но с откровенным любопытством посматривали на нее и приглашали на откровенные расспросы, которых Тоня избегала. Ученики называли ее отца «помешанным» и буквально тыкали в нее пальцами. От нее отвернулись все одноклассники, с которыми Тоня если не дружила, то по крайней мере, неплохо общалась. А до выпускного оставалось еще больше трех месяцев.

И помощь пришла откуда не ждали, если вообще ждали. От географа.

Географ — Матвей Аристархович Мейгер — седенький, встрепанный, похожий на воробья — вызывал ужас, смешанный с непоколебимым уважением у всех без исключения учеников и учителей, включая и директора.

Он ходил по коридорам походкой старого морского волка, побывавшего и не в таких переделках — что мне ваша школа! На уроке он мог подлететь к нерадивому ученику, не знающему задания, и постучать указкой ему по лбу, а потом презрительно сказать: «Сколько живу, а такой пустой головы я еще не видел!»

Он называл директора «беспомощным мальчишкой», завуча — «шкодливой выдрой», а учеников «кишащим сбродом». Нередко он сам вызывал ребенка на диалог, предъявляя к нему самые разные претензии, чтобы проверить, умеет ли он давать отпор. А потом в пламенной речи доказывал, что не хочет видеть подрастающее поколение «бесхребетными моллюсками».

Но он умел рассказывать свой материал как никто, примешивая к сухим фактам собственные наблюдения, впечатления и приключения, наверняка наполовину придуманные, но такие реалистичные!

И вот в один из дней, когда на перемене Тоня стояла у окна, а какие-то семиклассники явственно шшукались у нее за спиной о ней, позади раздался знакомый кашель и географ так гаркнул на учеников, что они разбежались во все стороны.

— За собой смотрите, моллюски бесхребетные! — дополнил он свою яркую содержательную речь. — Мы еще с вами на уроке поговорим.

— А ты тоже хороша! — посмотрел он на нее злым глазом. — Распустилась! Кому позволяешь себя оскорблять!

И Тоня, привыкшая не обращать на это все внимания, недоуменно покачала головой.

— Все нормально Матвей Аристархович!

— Я вижу, как нормально! А ну иди сюда.

Не церемонясь более, он схватил ее за руку и потащил в свою лаборантскую. Щедрым жестом пригласив ее садиться, смахнул со стула все карты, свернутые в трубочку, и сам сел на стул напротив.

— Ну? И что молчим? Рассказывай.

— Ну что вы, Матвей Аристархович!.. — попыталась воспротивиться Тоня.

— Помолчи!.. И рассказывай! — велел он.

Глубоко вздохнув и поняв, что от настырного старика не отвязаться, она неожиданно выложила географу все.

— Мда, — заключил он, выслушав ее, — Наташа дура! Зачем она это все делает, зачем?!

Наташа — мама Тони. Географ привык не церемониться и никогда не скупился на слова, особенно если считал их справедливыми.

Он задымил трубкой и забегал по лаборантской — маленький, юркий, встрепанный.

— Значит так, — заявил он на очередном повороте. — Где живет твой отец?

Тоня назвала адрес. Отец сообщил его дочери, но мать запретила им видеться.

— К нему пойду я! Принесу ему продуктов, посмотрю, как там у него дела!

— Правда? — Тоня подняла на него глаза. — Я, знаете, боюсь, что он там...

— Сопьется, — кивнул географ. — Ладно, Антонина. Прорвемся.

— Прорвемся, — повторила Тоня.

С тех пор у Тони и географа завязалась дружба. Дружба была защитная, отеческая.

Он ходил к ее отцу регулярно и передавал сведения Тоне. А она, в свою очередь, иногда вырывалась к отцу сама, если удавалось выкроить время среди череды занятий с репетиторами.

Географ звонил ей домой и, мастерски меняя голос, просил ее к телефону, если трубку брала мама. Голос географа она знала.

— И кто это? — спрашивала она, когда Тоня клала трубку.

— Семенов Гришка, просит прийти помочь ему с алгеброй.

— Ох уж эти Гришки, — успокаивалась мама. — Что у него, репетитора, что ли, нет?

— Есть, но он говорит, что репетитор наворотит всего так, что ему еще три года разбираться. Вот он и просит объяснить ему человеческим языком.

— Надо с него деньги за это брать... — ворчала мама.

— Ну мам, что ты говоришь! — Тоня одевалась и быстро уходила, прихватив учебник по алгебре. Голос у географа был молодой. Когда он этого хотел, конечно.

На улице они с географом тихо похихикивали, радуясь свои аферам. Они бродили по улицам, и учитель терпеливо рассказывал Тоне все, чем занимается ее отец, куда он ходил устраиваться на работу, на что он живет. Хотя, отдышавшись, нередко называл его «слабаком».

— Вот он, ребенок маленький, возишься с ним, возишься!..

Географ приводил Тоню к себе домой, а там ее за стол усаживала его жена и все прикармливала ее, приговаривая, какая она худенькая и бледненькая. Потом географ напоследок еще заставлял ее выпить чашку сваренного им кофе. Кофе был крепкий, и Тоня все смеялась, замечая, что это какая-то проверка на прочность — его крепкий кофе.

Они просуществовали в полнейшей конспирации два месяца. А потом мать засекала их на улице и устроила географу разнос за этот маскарад. Так как поймала она их в двух метрах от подъезда, в котором жил Тонин отец, то ей не составило труда догадаться обо всем.

Они ругались друг на друга, и географ все орал, что Тоня не пятилетний ребенок, который не может самостоятельно решить, видеться ей с отцом или нет. Мать же чеканила, что не желает, чтобы в их семейные дела вмешивались в школе. В ответ на это заявление географ высказался такими характеристиками, что у Тони, стоявшей рядом, глаза полезли на лоб от ужаса и восхищения. А смысл был лишь в том, что раз мать Тони такая правильная, то отчего она позволила всей школе соваться в эти отношения.

— Сама сбежала, задрав хвост, а Тонька осталась ваше дерьмо расхлебывать!

— Пошли, Тоня, — сухо резюмировала мать. Тоня вырвала свою руку из руки матери.

— Я пойду, но слушать тебя не буду.

Мать обиженно замолчала, но к следующему вечеру разработала новую тактику — «больная женщина с расстроенными нервами».

Теперь любая попытка дочери настоять на своей точке зрения вызывала умелые посылы за валокордином и прочими лекарствами.

И как бы Тоня ни была уверена в своей позиции, как бы ни демонстрировала эту уверенность, все же ей пришлось от многого отказаться.

Она ограничила свои отношения с географом только школьными, уменьшила походы к отцу, перестала заговаривать об отъезде в Москву. Она все еще сохраняла какую-то надежду, но краешком сознания понимала, что шансы уменьшились до невозможного. Так и вышло. Она не смогла бросить мать в одиночестве.

Как когда-то ей запретили петь — и это была серьезная травма для ребенка, которому до этого все хором твердили о его таланте, так теперь ей запретили уехать. Она могла бы, физически могла бы даже сейчас — взяла накопленные деньги и вперед, но она не была свиньей, эгоисткой, плохой дочерью, а мама ее все же в ней нуждалась, как ни крути.

И она больше не могла оставаться дома, ей надо было сократить время до минимума. И географ посоветовал ей найти работу. Мать, конечно, возмущалась, но препятствовать не могла. Давление стало не так велико, как раньше.

Теперь вот еще Миша и Варвара. Ну как они не поймут! Конечно, они ведь всего этого не знают... Сделать назло, прошло ведь столько лет! Но это было не в ее стиле.

Зачем? Понять бы для начала, что ей нужно? Как, в каком направлении двигаться после окончания школы? Педагогический, в который ее заставила поступить мама, Тоня подала документы, не раздумывая. Ей было все равно куда. Учителем она никогда не будет. Это уже решенный вопрос. Хватит уже, посмотрелась.

Петь? Работать официанткой? Было слишком много вопросов. Окольцованная жизнь разрушилась, но до Тони это доходило медленнее. Сейчас можно было видаться легально с отцом и географом, можно было приходить поздно, пользуясь графиком работы, можно было жить, не боясь наставлений о важности, вести себя как положено. Так что же, кинуться в омут с головой? Намного важнее понять, что делать со своей жизнью. Тоня чувствовала в себе огромные силы, потому что независимо от того, как внешне выглядела ее жизнь, отношения с матерью и другое, внутренне она точно знала, что сделает, а что нет. И никто не сможет уже так повлиять на нее. В этом была ее свобода. Внутренняя свобода.

— Танец на сцене превращается в целую жизнь. Я хочу, чтобы вы не просто исполняли движения. Зрителю не нужны автоматы. Им нужны чувства, которыми вы хотите с ними поделиться, — я волновалась. Забралась на сцену, прошла перед уставшими танцорами. — Понимаете, на этом уровне все мы одинаковы. Все мы живем своими чувствами. Нам тепло или холодно, нас что-то раздражает или тревожит, радуется или печалит. Мы все это чувствуем. В этом наша задача — воздействовать на эти чувства. Вот что мы хотим показать... ну, тем же самым первым танцем? Мы хотим, чтобы зритель представил площадку, на которой идет своя жизнь. Бредут туристы и случайные прохожие, торговки вредные не уступают в цене и ссорятся между собой, дети катаются на каруселях, парочки прогуливаются, появляются свежие газеты, а там — сенсация! Все сбегается, всем интересно узнать эти новости. В толпе действует воришка, пользуясь общим замешательством, а наш герой Дмитрий замечает его, но это кажется ему слишком мелким. Вся сила — в новости, которая распространяется по площади. В этом он видит большой куш, суперприз! Естественно он воодушевлен, естественно он припеваает и танцует вместе со всеми, но он один знает, что именно он станет следующей сенсацией. И танец... он может передать это ликование и эту жизнь. Важно, чтобы вы тоже играли на сцене. Возможно ваша задача сложнее, чем у обычных актеров, ведь им не приходится при этом еще и танцевать!

Уставшие взмыленные и измочаленные танцоры, наконец, улыбаются. Мне удалось их немного расшевелить. Это было нужно, чтобы они смогли еще немного прорепетировать,

прогнать еще один танец.

— А вот танец Дмитрия и Ани перед прощанием, о чем он?

Я слушаю, как они делятся предположениями, и думаю о том, как много изменилось за последние две недели. И почему мы раньше не могли найти общий язык?

Я поняла, что тоже была виновата. У меня была та самая ошибка, о которой я сейчас им говорила. Механическое исполнение. Я требовала от них прекрасного исполнения, а оно невозможно без вкладывания души, без понимания того, зачем нам все это нужно, что мы хотим показать! Ведь если танцор не поймет, то как поймет зритель его танец? И потом я осознала, что хотела всего и сразу: побыстрее отделаться от этого, но, тем не менее, породить танцы на все времена.

Я приняла роль хореографа, все еще не смирившись с решением снова танцевать. Отсюда вся и белиберда.

Теперь принимаясь за очередной танец, мы подолгу обсуждали, зачем он нам нужен, почему мы не можем без него обойтись. Я убеждала их в необходимости каждого танца для постановки. Ведь если не будет нас, то спектакль будет выглядеть скучно и серо.

И я не заметила, как мы расправились со всеми танцами. Поразительно, я думала, что мы никогда не выучим их, а если и выучим, то будем путаться постоянно. Но предварительные обсуждения сделали свое дело, а мой уход и самостоятельные провальные репетиции перед Яшей убедили их, что я не просто тут команды отдавала.

Команда. Коллектив. Вот чего требовал от нас Смирнитский, и что мы сами поняли на этих совместных репетициях.

Теперь после танцев мы даже как-то находили время посидеть вместе и выпить традиционный чай и рассказать парочку веселых и не очень историй, находили силы снова улыбаться после выматывающих часов.

А многие танцоры еще участвовали и в обычных репетициях, но приспособившись научились ко всему, даже возникло предположение, что мы выдержим. Оно подтверждалось на каждой репетиции, каждый день.

У нас оставалось много работы, каждый день был посвящен оттачиванию, доучиванию, прогонам, но откуда-то взялось второе дыхание, откуда-то брались силы — уму непостижимо.

На обычных репетициях тоже не обходилось без «выматывания».

Яша был очень дотошным режиссером. Построив всю композицию спектакля, он принимался за детали. Во время оттачивания этих деталей все тексты выучивались так, что каждый актер мог при необходимости заменить другого актера, исполнить роль любого персонажа постановки. Это Смирнитский называл техническими приемами. Техника отрабатывалась до мелочей. Когда все овладевали техникой, начиналась импровизация, каждый привносил в роль что-то свое.

Так Марк просто замучил руководителя своими идеями — Яша ведь разрешил ему самостоятельно разрабатывать образ своего героя. Он постоянно предлагал безумные жесты и трюки, яркие костюмы, музыкальное оформление; он ходил за Яшей повсюду, караулил его у его каморки, так что руководитель стал постоянно бегать от него по театральной студии.

Не говоря уже обо всем прочем, он постоянно звонил мне посреди ночи, потому что именно ночью его посещала очередная безумная мысль, так что я узнавала о ней даже раньше, чем Смирнитский. Правда, на середине очередной эмоциональной фразы я, как

правило, засыпала, так что на следующий день мало что помнила из этих идей. И в конце концов, разработав своего персонажа, впихнув в него все, что только можно было, он принялся за остальных героев. Стал просто невозможным фанатиком. Все привыкли к тому, что параллельно с голосом режиссера обязательно незатыкаемым фонтаном действовал Марк. Его никто не слушал, воспринимали фоном, ну а если он все же надоедал до чертиков, его отсылали подальше или просили выгнать из зала. Причем увлеченный Грозовский совершенно не понимал, за что так на него взъелись, он не слышал себя со стороны. И просто требовал — что по-своему меня умиляло — требовал, чтобы я вставала на его сторону и возмущалась диким поведением наших театралов! Когда же я мягко указывала ему на его недостатки, он бросал трубку и не разговаривал со мной по целым дням — чтобы, к примеру, ночью позвонить мне и как ни в чем не бывало забить мне голову своими идеями.

Это развлекало меня в последнее время, потому что приходилось привыкать к тяжелому графику работы, которым я сама же себя и загрузила. Если я работала по целому дню, то, придя домой, мне хотелось только одного — лечь и больше не подниматься. Ужасно болели ноги, и я предпочитала не думать, что Марк может позвонить ночью. Правда, набегавшись за день, я иногда так крепко засыпала, что не слышала звонков телефона, и Грозовский оставался ни с чем.

Во всей этой суматохе октября у меня совсем выпала из памяти одна дата. 16 октября. Мой День Рождения.

Накануне я, помнится, еще пришла домой с неожиданной радостью подумала: «Как хорошо, что я никому не сказала об этом дне».

Я не хотела закатывать праздник. Я, как и много лет назад, все еще не знала, как празднуются Дни Рождения. Я, как и много лет назад, все еще надеялась на неведомое чудо, которое подарит мне прекрасный небывалый праздник.

К тому же, в этот день мне нужно было работать полную смену.

На дворе стояло серенькое утро и, только подойдя к двери кафе, я обернулась и помедлила, прежде чем заходить внутрь. Из-за туч показывался слабенький луч солнца, но этого мне неожиданно оказалось достаточно. Я улыбнулась и, повернувшись, распахнула дверь кафе. Помещение было пусто. Это было странно, хотя бы по тому, что меня не встречал своей неизменной улыбкой Анатолий, который всегда приходил раньше меня. Официанты не болтали у бара перед тем, как идти переодеваться, а Владилена не цокала языком, перелистывая свои бумажки.

Медленно я подошла к бару и задумчиво поклацала ногтями по стойке.

За стойкой произошло какое-то движение — от неожиданности я резко подалась назад — и наружу вылез Анатолий. И с удивлением воззрился на меня.

— Ты что? — поинтересовалась я.

— Ничего. А что? Что-то не так? — спросил он искренне, протирая и без того чистую стойку.

— Ну... в общем-то... — начала я.

Прозвонил колокольчик — вошла толпа посетителей.

— Все нормально, — закончила я, заторопившись. — А где все?

— Владилена в кладовке — что-то пересчитывает. Миша на кухню к поварам ушел. А кто тебе еще нужен?

Мне некогда было разбираться с этими неуловимыми изменениями.

— Ох, и странный же ты сегодня... — пробормотала я, уходя.

Я принялась за работу и почти забыла об этих странностях, когда из кладовки появилась Владилена и что-то прошептала на ухо Толе, покосившись на меня.

Потом влетел Мишка и на ходу начал что-то выкрикивать весьма неразборчиво и громко, перекликаясь с музыкой. Владилена быстро замахала на него полотенцем — и он умолк. Покорно, будто это был и не он.

Но больше всего меня поразила Владилена, когда без пятнадцати десять прошествовала по залу и объявила немногочисленной публике:

— Уважаемые посетители, приносим извинения за это временное отклонение от правил, но только сегодня мы закрываемся в десять часов вечера. Завтра кафе будет работать как обычно.

Я посмотрела на нее, но она ничем не показала, что что-то не так и ушла в кухню. Я рассчитывала посетителей, жалея, что не могу пойти за ней и потребовать объяснений.

— Это что за новость? — поинтересовалась я, закрывая дверь за последним посетителем. Ответом мне стала тишина и выключенный свет.

Теперь свет падал лишь с улицы, от стоявших на обочине фонарей. Мне все это перестало нравиться. Я сделала пару шагов и услышала торопливые шаги по залу.

А потом — я громко ахнула — свет появился, но на маленьком участке и поплыл в мою сторону. Горели свечи на торте. На белом именинном торте.

А потом раздались аплодисменты и я, наконец, увидела их. Люди, не меньше двадцати человек, стояли вдоль стен, выглядывали из кабинок, сидели за столиками. И улыбались. В темноте я ясно видела их яркие улыбки. И свечи горели теперь не только на торте. Но и на всех столах и на барной стойке и на сцене были тоже свечи.

А вокруг всего этого огня сидели дорогие мне люди — коллеги и театралы-любители.

— Я же никому не говорила, когда у меня День Рождения! — севшим от волнения голосом проговорила я. — Как вы узнали?

— Малыш, — голосом Карлесона проговорил Марк, возникая рядом, — А как же я? Ведь я же лучше собаки.

— Грозовский! — я обняла его, чувствуя, что кажется, еще никогда не была рада ему так, как сейчас. — Так это ты им все рассказал...

— Неужели, ты думаешь, мы могли забыть про твой День Рождения?

Вот Владилена и Миша запели эту глупую избитую песню, от которой у меня на глаза едва не навернулись слезы и, задувая свечи, я пожелала... а впрочем, не все ли равно чего, ведь я верила в это. А потом все еще что-то говорили, а точнее пытались, и кажется, одному лишь Яше удалось произнести свою речь до конца под бесконечные хлопки, и крики, и шутки. И Владилена открывала уже четвертую бутылку шампанского. И Анжела вполне мирно беседовала с Анатолием. И Тоня смеялась вместе с Игорем. И Максим улыбался спокойно и просил разрешения сыграть на фортепьяно. И когда он начал наигрывать что-то едва слышное, еще теплящееся, на эти звуки откликнулся Миша и начал напевать что-то джазовое, я обернулась и незаметно сделала знак Толе.

Я услышала позади покашливание и обернулась.

— Позвольте пригласить вас на танец. — Яша сделал поклон и прищелкнул каблуками.

— Яков Андреевич... — развела я руками. Но все же подхватила игру, сделала шаг в сторону и присела в реверансе.

И он закружил меня по небольшой площадке в танце, напоминающем вальс, но очень отдаленно. И тогда Максим начал играть что-то классическое, и Марк пригласил на танец

Владилену, чем вызвал ее бурный восторг, а Миша — Анжелу. И только Тоня с Толей сели в одну из кабинок.

— Спасибо, — пробормотала я, глядя Смирнитскому в глаза. Тот тряхнул буйной шевелюрой и взглянул на меня.

— За что же?

— Просто... за все. За то, что пришли.

— Дни Рождения — очень важная штука, Трубецкая. Запомни это.

— Запомню. — Я кивнула, улыбаясь.

— Вряд ли, — вздохнул он. — А было бы лучше, если бы запомнила. То, что у тебя нет желания их праздновать, вовсе не значит, что они не имеют для тебя никакого значения. Как раз наоборот.

Мне не хотелось говорить об этом. Но Смирнитский всегда поднимал такие темы, на которые мне не хотелось с ним говорить. Он всегда жаждал говорить обо мне. И от этих разговоров было никуда не деться.

— Дело не в том, что я не хочу их праздновать по какой-то там причине.... Просто я всякий раз боюсь, что этот день пройдет хуже, чем ожидалось. Поэтому я редко строю планы на Дни Рождения.

— Но дело ведь, наверняка, не в этом, — мягко возразил Смирнитский. — Или не совсем в этом. Не уверен, что раньше ты боялась дней рождения.

Мы помолчали.

— Вы снова хотите поссориться, Яков Андреевич? — мрачно спросила я.

— Да упаси меня Бог, Трубецкая. — Он машинально остановился, сунул руки в карманы. — И если ты не хочешь об этом разговаривать, мы не будем.

Смирнитский слегка поклонился мне и скрылся среди танцующих, коих на площадке стало еще больше — Владилене и Мише даже пришлось отодвинуть некоторые столики.

Я оглянулась и наткнулась на понимающий взгляд Марка, от которого вдруг стало тошно на душе, хотя Грозовский здесь был, конечно, не при чем. Я отошла к стене и только по прошествии нескольких минут поняла, что внимательно, ничего не пропуская, слушаю разговор Толи и Тони.

«Надо же, внезапно осознала я, у них даже имена созвучны».

— А я вот в детстве совершенно не знал, чего хочу. Мотался из стороны в сторону, компания была для меня важнее всего, я и жил-то по ее законам, — сказал Толя задумчиво. — Принимал все как должное и родительские подарки тоже. И даже никогда не думал, что это важно — мечтать о чем-то, стремиться к чему-то... У меня все было и большего мне не хотелось.

— А потом?

— А потом меня забрали в армию. И я... я не заметил, как все начало меняться в голове. Будто каждое утро приносило новые мысли, которых раньше просто быть там не могло. Я вернулся и решил еще раз попробовать поступить — меня ведь отчислили. И на вступительных понял, каково это — когда меняется центр притяжения.

— Варька! — Инга схватила меня за руку, и я осознала, что подслушиваю чужой разговор. — Пойдем, потанцуем!

Интересно, получится ли у Толи? Я просила его поговорить с Тоней и попробовать ее переубедить, но не думала, что он начнет прибегать к душещипательным разговорам о своей жизни.

Марк налетел на меня, закружил, подцепились Владилена и Миша, и скоро огромной многорукой и многоногой толпой мы закружились в центре площадки, ежеминутно падая и поднимаясь, смеясь и подпевая.

Мне давно уже не было так легко. И еще, кажется, никогда я не праздновала так весело и безумно свой День Рождения.

На площадке снова не горел свет. Я на ощупь вставила ключ, повернула, и, едва шагнув в квартиру, услышала звонок телефона.

Не включая света, выдернула его из кармана, попутно отмечая, что дома снова никого и, не глядя, поднесла трубку к уху.

И сразу...

— Варька, здравствуй.

А номер-то московский, дошло до меня с опозданием, а потом я растерянно плюхнулась на какой-то стул в коридоре.

— Привет, — хриплю я в ответ и слышу со стороны этот противный хрип и неуверенность в голосе. И кашляю, пытаюсь скрыть замешательство.

Андрей. Ну, конечно.

— Ты... С Днем Рождения! — произносит он бодро, пожалуй, слишком бодро.

Неестественно.

— Спасибо, — тихо отвечаю я, думая лишь о том, что на самом деле весь день ждала его звонка.

И мы замолкаем. И чувствуется, что он еще хотел что-то сказать, что не зря он начал говорить этим бодрым тоном, значит, заготовил целую речь. Только что-то его остановило.

И между нами повисают километры. Я чувствую их, не только потому что знаю, что звонит он из другого города, а потому что эти километры пролегли между нами еще несколько месяцев назад, еще здесь, и сейчас, увы, ничего не изменилось. А должно было?

Да нет, не должно.

Он смеется растерянно.

— Прости, так много хотел тебе сказать... Все готовил речь, все придумывал кучу пожеланий, а услышал твой голос и понял, что не нужно это все!

— Почему же?

— Не знаю, — тихо признался он. — Так проще и сложнее... действительно слышать тебя. А не воображать, что слышу.

— Да, я то... — начинаю я радостно и тут же одергиваю себя, чувствуя, как пересохла губы, как сердце бьется неровными толчками, грозя выскочить. Я начинаю что-то и снова замолкаю.

— Мне сложно пожелать тебе что-то, — внезапно приходит он мне на помощь. — У тебя все всегда получалось и без моих или чьих-то еще пожеланий. Но я хочу, чтобы ты не теряла надежды. Никогда. Всегда, неважно, что происходило бы в твоей жизни, я хочу, чтоб ты верила, что у тебя все будет так, как ты хочешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я помолчала. Мы никогда не желали друг другу ничего серьезного, то есть не устраивали из поздравлений церемонию. Сколько я себя помню, он врывался ко мне в дом, как ураган, отвешивал подзатыльник, хлопал по спине, целовал в щеку, тянул за ухо, тормошил, желал бананов послаще и карамелек посвежее, дарил подарок и убегал по своим делам. Он никогда не готовил поздравление заранее, не желал официально всяческих

благодатей с каменным лицом, не закатывал глаза, не строил мины, не менял голос на идиотски-торжественный. Он просто был. И этого всегда хватало с лихвой.

Это поздравление было странно не только потому, что оно вообще было произнесено, но и потому что оно было таким необычно-серьезным. И я сказала:

— Это что-то новенькое, — и попыталась засмеяться и убрать ту серьезность и выжидательность всего нашего разговора. Но, похоже, это не очень получилось. Андрей не засмеялся.

— Я подумал, что в этот раз...

— Андрей, почему ты вдруг решил позвонить? — поинтересовалась я. Стащила себя со стула, доковыляла до кухни, открыла форточку, нашарила сигареты в тайнике и закурила, с удивлением понимая, что последний раз курила, пожалуй, много лет назад, то есть, почти никогда...

— Я подумал, что это будет неправильно. Не позвонить.

Ну конечно. Неправильно.

И вдруг на какую-то сияющую секунду мне показалось, что все верно, все так и должно быть. Что он и должен был позвонить и это так же правильно, как и то, что утром солнце встает, а вечером садится.

И я попросила:

— Расскажи мне. Обо всем. Мы же можем поговорить, правда?

VIII. Ноябрь

Дотянуться до белых пальцев, встать на цыпочки, вытянуться, вздохнуть глубоко и... шагнуть! И едва не свалиться с кровати! И оглянуться по сторонам и понять, что сон закончился.

И вздохнуть, кажется, с облегчением.

Вспомнить, что снилось. Вспомнить руки, глаза и спину, прямую и сильную. Вспомнить смех и шутки. Вспомнить, как стоял не со мной, и смеялся не со мной, и целовал не меня. А про то время, когда меня, не хочется и вспоминать.

Солнце воровато скользнуло в комнату. Последнее ноябрьское солнце, вот-вот готовое попрощаться до весны. Я открыла глаза, потянулась, и Сэлинджер свалился с моей кровати, прошелестев страницами напоследок.

Мне что-то снилось... Нет.

Зазвонил телефон, приглушенный подушкой, и я тотчас же полезла за ним; протяжно вздохнула, увидев, кто звонит.

— Доброе утро всем Спящим Красавицам! — бодро выговорил Марк.

— Всем — да. А зачем ты звонишь мне?

— Интересный вопрос. Я не добрый посланник на этот раз.

— Что случилось? Смирнитский?

— Назначил репетицию на утро. Позвонил сейчас и велел собраться.

— Но... половина народа в школе, в универе... — я готова была зацепиться за соломинку, только бы не тащиться сейчас в театр. Я совсем не хотела вставать. Я совсем не выспалась после вчерашнего вечера.

— Он сказал, чтобы пришли пока хотя бы те, кто есть. Остальные должны подойти позже. И потом — сегодня суббота. Совсем короткий учебный день. — Марк, судя по звукам, шел по оживленной улице.

— Он достал уже переносить репетиции! — заныла я, стаскивая себя с кровати и наступая на Сэлинджера по дороге. — Я понимаю, конечно, скоро премьеры и все такое, мы все волнуемся, но зачем же свою истерию направлять на постоянно изменение времени репетиций! Все, Грозовский, встретимся на месте.

Ответом мне был короткий смешок.

Наступало самое страдное время перед премьерой, когда подготовка проводилась уже какими-то просто истерическими рывками. В качестве залога успеха стало модно постоянно обругивать действия «главного», критиковать декорации, костюмы и реквизит, придираяться к качеству пения и танцевальным номерам.

Необходимо было выпускать пар, и мы выпускали его друг на друга и в космос.

Смирнитский, конечно, не сошел с ума и не поддался истерии. Он хотел бы увеличить до невозможного время репетиций, но с постоянной всеобщей занятостью это было, извините за каламбур, невозможно. Хотя, я признаться, и так отдавала все время репетициям. Мы, наконец, поставили все танцы и теперь постоянно их отработывали (в свободное время от репетиций основного спектакля, разумеется). А этого времени было совсем немного. Так как те, кто танцевал в моих танцах, были школьниками, то я старалась выкраивать время после занятий в школе и с репетиторами. Встречалась с танцорами поздними вечерами. Спасибо Яше, он выбил нам разрешение пользоваться нашей студией

так поздно и без руководителя. Пару раз я даже приглашала танцоров к себе домой. Но не тех, что танцевали массовые танцы — нам просто негде было бы развернуться.

И все это если еще учесть, что мне надо было посещать работу.

Мы, наконец, смогли спеться. Женщина, обучающая нас вокалу, добилась от нас «живого звука» — как она сама это называла, «призаткнула» тех, кто пел слишком громко и фальшиво, пробудила «тихих», выделила солистов и научила петь хором.

Нас перестало смешить наше исполнение, мы смогли петь и танцевать одновременно, выучили, кто и где стоит на сцене и за какую черту ни в коем случае нельзя выходить, прорепетировали со светом и звуком и разобрали по домам костюмы, чтобы их постирать.

Мы были готовы, ну или почти готовы, ну или не так катастрофически неготовы, чтобы опозориться. Теперь же оттачивали детали и это оттачивание занимало чрезвычайно много времени, потому что как любил повторять Яша «детали складывают целое».

Премьера перенеслась на 5 ноября — всего лишь на шесть дней с прежней даты.

И в эту оставшуюся неделю мы практически не выходили из театральной студии.

И несмотря на катастрофическую занятость, усталость и недосып, не было, казалось, и не могло быть ничего лучше этих репетиций и посиделок в зале после репетиций. Этот жар от сцены, приглушенный свет и игра теней. И родные улыбки и звук закипевшего чайника, который Яша приносил из своей каморки. Особое чувство причастности к этому миру, к этим людям, таким разным, но похожим на тебя. Как будто нашел семью — это место, да еще и кафе действительно стали моей семьей. Надолго.

День премьеры потряс своим приходом. Очень долго он был лишь в планах, как нечто неотвратимое, но далекое, он надвигался медленно, он был неосознаваем. Теперь он пришел.

Смирнитский волновался, актеры волновались, танцоры были в диком шоке. Максим и Марк волновались, но делали вид, что нет, и носились, и орали, и размахивали руками. Я смотрела на танцоров, пытаюсь понять, как велико потрясение, и мое в том числе. Я уже не думала, что могу забыть слова от волнения или что с первой минуты мне придется поддерживать напряжение зала. Не думала, что мне придется петь сольно, чего я не делала прежде в жизни. Возможно, я больше волновалась за поставленные мною танцы. Поставленные мною... в этом все было дело.

Хотя, признаться честно, в суматохе и кутерьме чувств сложно было разобраться, что волнует и беспокоит меня больше.

Я вышла на сцену, постояла, собираясь с мыслями в центре, ощущая кожей стусившееся напряжение. Мимо носились люди, за кулисами усаживались зрители. Мне нравилось стоять по эту сторону.

Сцена пахла вкусно. Немного — пылью, краской от свежих декораций, цветами — еле уловимым запахом чьих-то духов, а еще — адреналином перед скорым выступлением. Воздух накалился и дрожал. Голоса зрителей раздавались будто бы с другой планеты, будто и не тонкая полоска ткани отделяла нас от них, а миллионы световых лет.

Они пришли сюда к нам. Так странно. Мы здесь, чтобы отдавать. Себя.

Я не чувствовала себя так, когда танцевала. Я не чувствовала, что делаю это для людей. Я делала это скорее для себя. Или совсем не задумываясь об этом. В театре я чувствовала себя по-другому.

— Знаешь, — проговорил Марк, выглядывавший из-за кулис. — Я уже много раз выходил на сцену перед зрителями. И каждый раз это было что-то разное, но всегда меня удивляло одно: что все эти люди, что сейчас покорно занимают свои места,

переговариваются, листают нашу самодельную программку, пришли сюда к нам. И что они будут смотреть на нас и если повезет, даже думать о том, что мы пытаемся до них донести. На нас... хотя мы еще, в сущности, никто. Мы только закончили школу, мы не знаем жизни... но на нас смотрят, нас слушают.

И оказалось, что мы думаем с ним об одном и том же.

— Большая часть этих зрителей — наши родственники и друзья, — заметила я, подходя ближе.

— Но ведь они такие же люди.

— И дети могут многое рассказать.

— Сомневаюсь, что мы дети, — посмотрел на меня Марк, и мы рассмеялись.

— Ладно, кажется, это уже нервы, — вздохнула я. — А мама так и не придет.

Грозовский хотел что-то сказать, но Яков Андреевич выскочил на сцену и хлопнул в ладоши.

В зале раздался второй звонок.

— Ребята, подойдите сюда на минуточку.

Все, казалось, побросали свои дела и выстроились неровным полукругом вокруг «главного».

— Не буду долго распространяться. Слова вам сейчас не нужны, у вас и так в головах целая пьеса из слов. Но хочу, чтобы сейчас вы не думали ни о ком. Ни о зрителях, ни о том, что среди них ваши друзья и родные, ни о том, что мы репетировали в течение этих месяцев. Оставьте теорию, просто проживите эти полтора часа. Станьте теми, кем должны. Теми, кто просыпается в вас с каждой песней, с каждым танцем, с каждым шагом на сцене. И, конечно, удачи.

Он всегда заключал свои речи этой фразой. Обыденный набор слов, который сразу же заставлял задуматься. «И, конечно...» навевало на мысли, что «удача» — не просто некое абстрактное слово, а то, что должно быть у нас само собой. И об этом не говорилось громко или часто. Упоминалось вслух и лишь раз. Чтобы не спугнуть.

Смирнитский верил во всякие такие штуки.

И вот он, третий звонок.

И сразу — музыка, и смех на городской площади, и будничные разговоры, и сплетни и слухи, гуляющие по городку — вступительная сцена, которой я так боялась, с ходу погрузила в свою атмосферу. И меня уже нет, и я проживаю жизнь, которая так волновала меня. Все пронеслось будто в один миг. Танцы летели, и они отмеряли спектакль, и я уже перестала считать и следить, нервно стискивая платье. Они оживляли действие. Я танцевала и пела вместе со всеми и не думала, правильно или неправильно пою, знала лишь, что это было хорошо, потому что так и надо было. Что именно здесь должна быть песня и должен быть танец. Все было гармонично.

Лишь в одном месте я сбилась с темпа моей полуторачасовой жизни на сцене. Танец с Максимом. Это такой простой и ясный момент, когда герои чувствуют, что слабеет напряжение между ними и зарождается дружба. За этот танец я никогда не боялась. Мы прогоняли его с Максимом на одном дыхании, просто потому что были уверены друг в друге, и на репетициях оставалось еще много более «спорных» моментов, требующих доработки. Но вот мы столкнулись лицом к лицу на сцене, когда эмоции, казалось, были натянуты, как струна.

И сразу стало понятно, что это — по-другому. Не так, как обычно, на репетициях. И не

потому, что это именно не репетиция, а может быть как раз и потому. Вечно мне виделось все сложнее, чем на самом деле.

И я не останавливалась.

Мы отыграли этот спектакль все вместе, и когда в конце мы выходили на поклон и строй наших сомкнутых рук протянулся от начала одной лестницы со сцены до начала другой, я чувствовала, как ни странно, что счастливее меня нет человека, не то что в городе, но и, пожалуй, на всем свете!

Но мы были и черта не ближе! Мы созванивались часто, слишком часто, наверно. Я стала бояться-ожидать телефонных звонков, этой мелодии, которая соединяла нас через километры пространства. Я противилась этому. Кажется. По крайней мере, сначала. Затем плюнула, повторила про себя: «*saugre diem*», — и продолжила брать трубку. Мне было весело.

...Я отыграла спектакль, дотащила себя до дома и, едва зайдя в квартиру, скинула туфли, даже не включая света. В минуты душевного опустошения я всегда его боялась. Прошла по пустой квартире в комнату и повалилась на кровать, бросив рядом сумку и плащ.

«Сейчас поднимусь. — Муторно подумала я. — Сейчас полежу две минуты, встану и...»

Звонок телефона помешал закончить мысль. Я так устала, что мне даже лень было искать телефон. Где он? В сумке? В каком кармане? На благо, я увидела его в плаще. Дисплей светился, и пока я выуживала телефон из кармана, звонивший мог по крайней мере раз пять положить трубку.

— Алло!

— А я уже подумал, что ты забыла или уснула тихо и мирно.

Я бросила взгляд на часы и даже застонала сквозь зубы.

Ну конечно. Десять часов вечера.

— Эй, Варька! Не спи.

— А я и не сплю, — на удивление ясным голосом ответила я. — Просто устала. Только пришла со спектакля, повалилась на кровать и...

— И наверняка не встанешь с нее примерно лет десять.

— Нет, ну что ты, — присвистнула я, с интересом изучая пятно света на полу от фонаря. — Двадцать. И пока я буду проделывать свой лежачий путь, может, расскажешь что-нибудь?

— Я сегодня проснулся рано. Давненько со мной такого не было.... Проснулся и понял, как хочу домой. Сразу вспомнились длинные воронежские вечера, когда мы возвращались после танцев пешком через весь город. Почему-то вспоминается осень.

— Осень прошлого года, — подхватила я сонно.

— Эй, не спи! — попросил он. — А в Москве слишком шумно, да и пешком возвращаться — долго и напряжно...

— Врешь ты все, — заметила я. — В Воронеже тоже шумно. И потом, когда это тебя шум пугал?

— Права. — Согласился Андрей на том конце, рассмеявшись. — Дело не в шуме. А в том, с кем его слушаешь.

— Мне приятно слушать твой смех.

— А мне приятно слушать твой голос. Разговор с тобой — как сказка на ночь. Я позвоню тебе еще?

— Конечно, — сорвалось с моего языка, прежде чем подумать.

Я положила трубку в сторону и включила свет в комнате. Затем прошла по всем

оставшимся и включила свет и там. Посмотрела на себя в зеркало, показала язык.

Что же изменилось?

Что же стало со мной, что я позволяю творить над собой такие вещи?

Ну же, Трубецкая! Благословенная графиня Трубецкая, стойкая, решительная, убереги, защити, дай силы!.. Нет. Я сама — причина своих несчастий или радостей. Я и никто другой.

И я принимаю решения. И даже если то, что я делаю — слабо, глупо, бессмысленно и может внезапно и жестоко закончиться, и все это я знаю и сама — я все равно поступлю так, а не иначе, потому что то, чего я хочу в данную минуту!

Опять не то. Я села на кровати и сжала голову руками. Неужели все это ложь, Варька? Признайся самой себе, что все это еще одна большая ложь. Ты же всегда так этого боялась! Стать вот такой слабой, малодушной, принимающей звонки, как подачку, кидаться навстречу, виляя хвостом... И что же? Ты такая и есть. Ты ждешь его звонков, получаешь свою ежевечернюю дозу и потом полночи не можешь уснуть, ворочаешься и подпитываешься черт знает чем — воспоминаниями, сожалениями? Хочешь взять на себя какую-нибудь вину? Так вперед, улица не куплена!

Я швырнула в стену подушку и накрылась другой.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Кому я это шептала?

Мне всегда страшно было оставаться одной. И будто назло, жизнь учила меня бороться со своими страхами, сталкивая меня с ними лицом к лицу. Если у меня не находилось важных дел, я бродила по квартире как неприкаянная собака. Включала-выключала свет туда-обратно, раскрывала окна и с жадностью, морщась от холода, вдыхала свежий воздух, а когда было совсем плохо, накрывала подушкой голову и лежала не шевелясь. Я не пыталась бороться. Слабая, никчемная, слабая, слабая...

Кажется, со всей силой я ощутила это в те летние вечера после выпускного, когда правда накатила на меня со всей устрашающей полнотой и придавила к месту. Те дни меня не было. Я еще не искала работу, даже не думала о каких-то перспективах, не ходила на поклон к Смирнитскому, чтобы он взял меня обратно, не навещала бабушку, не звонила друзьям, не общалась с Марком — кажется, ни с кем.

При воспоминании о Марке, щеки захлестнуло волной жара. Недавно он застукал меня у театральной студии с сигаретой в руках. Увиденное повергло его в шок настолько, что он остановился передо мной и кажется, впервые не нашел слов, чтобы выразить все свои эмоции.

Потом подошел, вырвал сигарету и бросил в урну.

— Кажется, я еще не проснулся. — Заявил он угрожающе и прошел мимо меня.

Мне уже давно не было стыдно. Ни перед кем. Ни перед кем, так, как перед ним.

Кажется, в первый и последний раз до этой осени я курила в 14 лет. В те самые дни, когда объявился мой отец с превосходным желанием познакомиться со мной поближе. И когда я не далась и отправилась плутать с сомнительными друзьями по подъездам, тогда же впервые и взяла в руки сигарету. Да этого рука моя была уверена в себе так же, как и мой разум, крутивший пальцем у виска всякий раз, когда мне предлагали сигарету. Но в тот раз рука дрожала. И голос дрожал. Все в предвкушении насолить побольнее, сделать что-нибудь этакое, подростковое, чтобы взрослые вокруг захлопали в ладоши радостно и произнесли, гордясь своими знаниями: «о, какой отличный пример подросткового бунта, коллеги!»

Все эти показательные выступления там же и закончились, когда внезапно оглянувшись

на своих приятелей, в неровном свете фонаря я увидела их лица. И особенно лица девчонок. Подростковые прыщи, тщательно замазанные, так, что становилась видна вся штукатурка и количество наложенных слоев, растекшаяся тушь под глазами, которые девчонки терли, потому что они слезились от дыма сигарет. Сами глаза не выражали определенных осмысленных эмоций, потому что были налиты дешевым коктейлем — единственное, на что хватило денег у четырнадцатилетней братии. В этих осоловевших глазах я увидела свое будущее подобие. И я бросила сигарету.

Больше того, мне не хотелось. Абсолютно.

До того дня, когда, нервничая все больше и больше, я нашарила припрятанную мамой пачку (она бросала) и закурила в бессознательном желании занять руки и почувствовать себя увереннее.

На часах была полночь. Всего пара часов и можно будет заснуть. Бесполезно ложиться сразу сейчас — только хуже будет. Читать, смотреть фильмы опять же бесполезно — уже проверено. И все-таки, я зачем-то достала с полки рассказы О'Генри, села за стол, включив лампу, и принялась читать, зажав уши. Самое сложное — сосредоточиться. Отвлекает любой звук, мысль ускользает, перебегает на нечто постороннее, даже на полет мухи по комнате. А затем все дальше, дальше, на что-то более реальное, пока снова не упрется в потолок — мысли об одном и том же.

Но сегодня я неожиданно заснула сама и притом же — за столом под светом лампы. Просто прилегла на толстую книгу, положив руку под голову и глядя на тени на стене, потом закрыла глаза, а когда открыла — было уже утро. Лихорадочно взглянув на часы, я подскочила и понеслась в ванную, на ходу роняя предметы.

Сегодня я работала с утра до вечера — сама же и обрекла себя на такую муку. Но, по правде говоря, я это мукой не считала. Мне вообще было как-то все равно — тем краешком сознания, которое, пульсируя, раздувалось, заполняя всю голову.

Чем больше устаешь, тем легче засыпаешь — закон природы.

Но сегодня придется точно нелегко — учитывая, в какой позе я уснула. Спина болела уже сейчас, а о том, что с ней будет под вечер, думать не хотелось.

Утро над городом было морозное и ясное. Солнечные лучи падали прямо на дверь кафе и, зажмурившись, я шагнула под эти лучи, чувствуя, как медленно поднимается настроение.

В кафе я, как всегда, влетела. Жалобно звякнул колокольчик — опять же, как всегда. Одного взгляда на окружающих хватило, чтобы понять — настроение не на высоте было, видимо, не у одной меня. Но если я привыкла считать это данностью, — быструю его переменчивость, то остальные справлялись с этим не так успешно.

Тоня с Мишей ссорились. Анатолий нервно протирал чистую стойку. Он был непривычно хмур и едва ли не впервые со времени нашего знакомства ничего не напевал.

— Вот! — вопила Тоня, как будто ссора продолжалась уже неизвестно сколько времени. — Почему Трубецкая каждый день едва ли не с петель срывает эту дверь — ей никто и слова не скажет против! А едва я не захотела залазить на пианино, как героиня дешевого кино, так все — чуть ли не увольнением грозят!

Я и глазом не моргнула, заслышав тираду. Только поспешила скрыться в подсобке.

— Да никто тебе не грозил увольнением, прима! — успела я услышать рассерженный голос Мишки, пока закрывалась дверь.

Чтобы понять, что сейчас происходило в кафе, надо было бы наверно, знать все с самого начала.

С того дня, как Тоня согласилась на нашу авантюру. Петь в дуэте с Мишей песни джазовых исполнителей.

Она все больше распевалась. И видно было, как нравится ей все это. Она импровизировала на репетициях, «обживаясь» на сцене. И разучивала песни Эллы Фицджеральд.

Миша без конца восторгался ей, но только шепотом и нам с Владиленой, чтобы сама Тоня не слышала. Теперь они часто часами обсуждали программу после репетиций и уходили вместе, все еще оживленно споря. Всем было ясно, что вот-вот должна была начаться какая-то новая эра в коллективе кафе «Армстронг». Да... это звучало слишком официально. Для нас, по крайней мере. Мы все постепенно привыкли к друг другу настолько, чтобы прощать друг другу мелкие ошибки и не обижаться на критику — периодический всплеск эмоций каждого.

— Можно попробовать сделать дуэт — как Армстронг и Фицджеральд! — увлеченно говорила Тоня. — Тогда ты попробуешь спеть голосом своего любимого Армстронга! Это будет здорово.

— А можно и не подделываться... — задумчиво тянул Миша. Он никогда не любил петь своим естественным голосом, предпочитал копировать — все привыкли, всем нравится! А теперь, что же...

День премьеры был назначен, костюмы сшиты, номера подготовлены. Это была суббота — народу априори должно было быть много. Никаких объявлений заранее делать не стали — не хотели обнадеживать. Все сработало на эффекте неожиданности.

Вот привычно приглушился свет, Миша подошел к микрофону. Зрители ждали. Тонкий проигрыш, он — запел. Пропел пару строчек, будто обращаясь к кому-то, и замер вдруг, потому что одновременно с его голосом прозвучал и чей-то незнакомый голос, женский. И тут голос зазвучал в полную силу, непонятно откуда. Посетители, сидевшие за столиками, прекратили все привычные разговоры, удивленно всматриваясь на сцену и в зал. И тут в центре зала вспыхнул свет, осветив один из столиков. Красивая девушка (а Тоня — сероглазая, с короткими до подбородка кудрявыми волосами, с высокими скулами — оказалась вдруг необыкновенной красавицей, похожей на голливудских актрис 30-х годов) с микрофоном в руках нехотя, с ленивой улыбочкой на губах запела, не вставая с места. Глаза ее были полузакрыты, не отягощенный музыкальным сопровождением чистый голос мощно разнесся по залу с первыми строками песни Эллы Фицджеральд *Dream of little dream of me*. Не ожидавшие ничего подобного зрители зааплодировали. Раздались первые аккорды будто уснувшей музыки, Тоня встала с места и направилась к сцене, слушая, как вступает бархатисто Миша. Она поднялась по ступенькам — он протянул ей руку навстречу. Пальцы сплелись — они запели припев, уже вместе. Это действительно до ужаса напоминало кино, но происходило в жизни — вот в чем несоответствие! Реальные, но будто неземные — сами исполнители, яркие и блестящие, эта песня и представление, которое они устроили.

Зрители дослушали в полном молчании. Но едва смолкла музыка, раздался шквал аплодисментов, звуков одобрения и призывов продолжить. Тоня улыбнулась Мише окрыленная. У нее был совершенно сумасшедший, взбудораженный взгляд и радость Мальша, получившего на День Рождения собаку.

Она перехватила поудобнее микрофон и обвела сияющим взглядом зал.

— Продолжим, пожалуй, — с улыбкой заявил Миша, махнув рукой. И полилась музыка. Они пели и танцевали, медленно, наподобие вальса или быстро, уподобляясь фокстроту.

Миша пробовал бить чечетку, а Тоня размахивала длиннющим подолом своего невесты где откопанного платья и походила на помесь английской леди и лисы. Это был только первый вечер. И это был явный успех.

Едва за последним посетителем закрылась дверь и Владилена перевернула табличку, все кинулись поздравлять счастливый дуэт. Я представляла примерно, что чувствовала Тоня в тот момент — странную полноту бытия и вместе с тем некоторую опустошенность. Остатки веселой окрыленности, когда хочется смотреть на мир широко открытыми глазами и верить, что это ощущение никуда не пропадет. Миша тоже весь лучился. Вот уж кто точно был счастлив в эту самую минуту! В нем ощущалась та, вновь проснувшаяся энергия, которая, казалось бы, уже совсем пропала в последнее время.

— Ну что, Тонь? Как ощущения? — в наступившей тишине поинтересовалась вдруг Владилена, налегая на стол, за которым сидела Тоня.

— Хочу еще также, — помолчав, выдохнула она.

Все засмеялись.

Естественно все продолжилось. Я бы сказала, началось в полную силу. В кафе, как и предсказывалось, повалили посетители. Прошло две недели, и изменения были уже на лицо. Владилена довольно обзревала зал. От вечерних столиков не было отбоя. Людей приходилось разворачивать с порога, потому как мест катастрофически не хватало, а посетители занимали все кабинки и столики, все стулья бара и, разумеется, тот теплый уголок с камином, летом не работавший. Теперь это место постоянно резервировали заранее шумные компании. Я бы сама все отдала за возможность сидеть там холодными ноябрьскими вечерами, греть замерзшие руки над пламенем, листать журналы, пить горячий шоколад и слушать живую музыку. Владилена наняла на работу музыканта, который аккомпанировал Мишиным и Тониным номерам и сам играл днем и в те вечера, когда они не работали.

И все было бы прекрасно в таком непрерывном и веселом потоке, если бы не... Тоня, которая вдруг стала совершенно невыносимой. Вроде бы все оставалось, как и в первый раз. Они репетировали, выступали, отлично срабатываясь на сцене — им аплодировали, даже дарили цветы.

А потом... потом все началось с ее заявления о том, что она больше не будет репетировать. Ей, видите ли, надоели частые репетиции, прогон заезженных номеров, которые она и без репетиций сможет отлично исполнить. Миша посмеялся над ней, назвал прямой и с тех пор так и звал ее, подтрунивая. Он искренне подумал, что она шутит. Да и мы все тоже, признаться честно. Так неестественно серьезно она говорила о своих намерениях.

Затем она умудрилась поссориться с Толей, с которым в принципе, мне кажется, поссориться было невозможно. Настолько он был неконфликтным и жизнерадостным человеком, что сам гасил любые зачатки ссоры, повисшие в воздухе, сам тушил напряжение.

Но в тот раз она рассерженно слезла со сцены, взбешенная Мишиными вполне безобидными шуточками, подошла к бару и заказала стакан минералки.

— Может быть, мартини с зонтиком? — хихикнул Толя. Его рассмешило, что, заказывая, она не смотрела в его сторону и нервно постукивала по стойке ногтями, будто выражая высшее царское презрение ко всякой «челяди».

— Очень смешно, — ядовито отметила девушка, поворачиваясь.

— Слушай, ну что ты злишься? Можно подумать, что ты сама бы на нашем месте не смеялась.

— Ничего не вижу смешного. — Раздельно произнесла Тоня, будто вбивая каждое слово в наши тупые головы. — И ничего не желаю слушать. Вам все равно, лишь бы поржать над Мишиными тупыми шуточками!

Мы с Толей переглянулись.

— Слушай, если всем что-то не нравится, может проблема не в нас? — холодно поинтересовался он.

— Ну конечно, все вокруг белые и пушистые, одна я неправильная какая-то.

Она резко повернулась на каблуках и хлопнула дверью подсобки.

С этого времени наше общее молчание было красноречивее всех сказанных слов.

Я лихорадочно переодевалась, прислушиваясь, а точнее, стараясь не слушать Тониных завываний за стеной. Я всегда лишь не понимала, почему она не любит меня, но я не испытывала к ней каких-то ярких негативных эмоций. Мне казалось, что она вполне обыкновенная девчонка, спокойная, рассудительная. Я никогда не думала, что она сможет дойти до такого мерзкого поведения, оно просто не ассоциировалось у меня с ней. Сейчас против нее были настроены все официанты.

— Ты посмотри на себя! На кого ты стала похожа! — мой выход из подсобки и доведение Миши до белого каления произошло в один миг. — Ты без году неделя на сцене, у тебя за спиной всего пять полноценных дней репетиций, а ты несешь передо мной такую чушь, которую я простил бы лишь самой Элле Фицджеральд!

— Ну естественно тебе это не по нраву, правда, Мишенька? Ты же не привык, что кто-то получает на сцене больше лавров, чем ты, правда? На Большой сцене ничего не добился, так решил хотя бы эти подмостки завоевать! А тут на тебе, какая-то малолетка впервые вылезла и... — она не договорила.

Жизнь в кафе будто замерла. Точнее, жизнь-то, разумеется, продолжалась, а вот официанты, Толя, Миша и Владилена замерли на своих местах, и даже будто затаили дыхание. Миша вмиг как-то осунулся и потянулся к своей шляпе и сигаретам, брошенным на барную стойку.

— Лучше бы ты не говорила слов, о которых потом пожалеешь, — тихо сказал он и вышел, звякнув колокольчиком.

— Мда, не думаю, что это звездная болезнь, — с мрачным недоумением проговорила Владилена будто в пустоту, но при этом глядя Тоне прямо в глаза. — Но если бы ты была моей дочерью, я бы выбила эту дурь из тебя ремнем!

Все постепенно разошлись, оставив ее одну посреди зала. Я пошла открывать кафе, а когда вернулась, Тоня все еще стояла, выразительно глядя на свои ногти. Толя стоял за барной стойкой и смотрел на нее в упор.

Не знаю, сколько бы продолжалась эта «минута паузы», но едва я подошла, Тоня развернулась и удалилась.

— Я не верю, что это серьезно, — тихо сказала я, поймав взгляд Анатолия.

— А она и не серьезно, — ответил он, поворачиваясь спиной к двери, в которую ушла Тоня.

— Тогда что же...

— Да так... — махнул он рукой.

Красноречивый ответ.

Я разбила зеркало. Декорацию, но вполне реальную. Наткнулась на него в темноте сцены, пытаясь пробраться среди груды реквизита, которую перегрузили из кладовой для

ревизии.

— Варька! — орал Марк из темноты кулис. — Тащись сюда, помоги мне — посвети фонариком!

— Каким еще фонариком?! — дернулась я на голос, зацепилась ногой за полотнище — французский флаг — начала падать, схватилась за что-то и... увязла руками в битых осколках.

На страшный грохот примчался Яша, шедший из своего кабинета, мирный дядечка охранник и почти все любители театралы. У Марка от испуга повернулся нужный выключатель, и свет над сценой вспыхнул ярко и резко.

От боли из моих глаз непроизвольно потекли слезы.

— Так! — угрожающе заявил Яша, обзрев меня в груди осколков.

— Варька! — Марк из-за спины дернулся ко мне, но Яша остановил его, зацепившись за капюшон его куртки.

— Подожди, — он стремительно вытянул мои руки из остатков зеркала и осмотрел. Кровь хлестала не сильно, но выразительно. Порезов было довольно много, маленьких и не очень.

Яша осмотрел и быстро вытащил самые крупные осколки из рук.

— Поехали в больницу!

Я держала руки на весу, подняв ладони вверх. Самый «смак» пришелся как раз на них.

На следующий день я, с забинтованными руками, освобожденная от работы, но отнюдь не от театра, стояла посреди снова опустевшей сцены и смотрела на новенькое приобретение — продолговатое, задернутое серой тряпицей.

Я долго ходила вокруг, пытаюсь понять, что под ней спрятано. Затем, не выдержав, стянула с него тряпицу и, закашлявшись от пыли, замерла как страус посреди пустыни.

Зеркало было большое, красивое, в деревянной резной раме — ну просто из какой-нибудь сказки! Я увидела в нем свое отражение в полный рост и на миг не поверила, что это действительно я — настолько я ожидала там увидеть какую-нибудь картину. Я даже на некоторое время забыла о предстоящей репетиции. Сидела на каком-то ящике и просто рассматривала его.

Тут пришел Максим. Я видела, как поднявшись на сцену (видимо, сначала он не заметил меня), он замер, глядя на мою спину. В зеркале наши взгляды пересеклись. Он быстро отвернулся. Постоял, глядя на пустые темные ряды, размышляя.

Почему-то мы даже не подумали поздороваться. В тот раз все вообще было странно и по-другому как-то. Как будто он не хотел находиться в этом зале со мной наедине. Как будто его что-то тревожило или... как будто он что-то знал.

И в тот момент, когда я снова вернулась к созерцанию зеркала, оторвав взгляд от его фигуры, слышались его быстрые шаги, и в следующую секунду он оказался прямо передо мной и поцеловал в губы.

Потом, отпрянув на минуту и с потрясением взглянув прямо в глаза, он снова поцеловал меня, но этот поцелуй уже затянулся.

Смятение. Вот что я чувствовала, вернее и не скажешь. Забытые, уже казалось мне, ощущения, куча непрошенных воспоминаний и мысль, что не таким уж и загадочным было поведение Максима в последнее время. Или нет, я что-то перепутала. Конечно, загадочным. Это ведь он, Максим. До того момента, как нас с ним поставили в пару, я и знать не знала, что он за человек даже приблизительно. Конечно, знания эти вряд ли увеличились, но тогда

мне и не хотелось узнавать о нем хоть что-то. Никаких ощущений. Никаких чувств и ассоциаций. Потом на сцене... там все совсем по-другому, и это отдельный разговор.

Неловко упершись ему в грудь большими руками, я отстранилась. Взглянула удивленно в глаза.

— Это... что такое было? — поинтересовалась я.

— А ты сама не знаешь? — криво усмехнувшись, глухо проговорил он.

— Зачем?

Он встал, быстро отвернувшись, запрокинул руки за голову, покачался с носков на пятки, размышляя, потом бросил в зеркале взгляд на меня, будто удивившись, что я все еще сижу на своем месте и смотрю на него, и проговорил, стремительно удаляясь к ступенькам:

— Забудь.

Я разозлилась. Появилось паршивенькое такое олицетворение себя с деревом, с которого все срывают яблоки.

— Забудь? — вскакивая, поинтересовалась я. — Забудь?! Ты считаешь, что можно выкинуть такой фортель, сказать «забудь» и просто так уйти? Забудь — и я забыла! Плевать на меня, подумаешь, то же самое, что дерево поцеловать или фонарный столб!

Максим развернулся на ступеньке:

— Ну не совсем.

— Придурок, — прошипела я бессильно.

— Ты повторяешься.

— Все. К черту. Плевать. — Я отвернулась и шагнула в сторону кулис. Почему-то ужасно хотелось разреветься, как будто Максим нанес мне непоправимую обиду, хотя на самом-то деле все было не так. Мне же плевать на Максима, верно?

Да нет. Он заинтриговал меня, и я смотрела на те отношения, которые складывались между нами еще с начала репетиций, будто со стороны. Это были отношения дружбы-соперничества, когда один постоянно ждет некоторой реакции от другого и даже специально вызывает эту реакцию. Вот отсюда и то паршивое ощущение, что сейчас опять шел какой-то незримый бой.

Но я этого не хотела. Мне не был нужен этот бой, я еще не отошла от предыдущего.

— Хорошо, сделай вид, что тебе плевать, — откликнулся он снизу.

— Да, сделаю, сделаю. Потому что для тебя это все какое-то нескончаемое пари, бесконечные проверки! Может, за дверью стоит Анжела и ждет своего выхода? Или ты решил в этот раз играть по другой схеме, а? Да-да, ты не удивляйся, твоя подружка рассказала мне массу интересного о твоих «играх»! Только я вот к ним равнодушна, понимаешь, мне некогда тренировать свои актерские навыки, да и не люблю я это делать с помощью кого-то...

В глазах Максима мелькнуло изумление, потом что-то напоминающее досаду и раздражение. Но я не дала ему вставить свою реплику — резко развернулась, сбегала по другим ступенькам и выбежала из зала.

— И что я вижу! Варвара Юрьевна Трубецкая, вы полная идиотка!

Я так резко крутанулась в кресле, разворачиваясь к Марку, что едва не упала.

— Что я вижу? Чем я провинилась перед тобой? — насмешливо поинтересовалась я.

— Вряд ли передо мной. — покачал головой Марк. — Скорее перед собой. Зачем ты это делаешь?

— Делаю что? — я все еще не понимала.

— Ты общаешься с Андреем.

Ну все. Я попала. Я дала Марку свой телефон, и он наткнулся на список входящих звонков. Могла себе представить, что он там увидел...

Я машинально расправила плечи и выпрямила спину.

— И что?

— Пфф, отлично, Трубецкая. — Фыркнул Марк. — Независимый видок и все такое... Обманывай кого угодно, только не меня!

— Я не столь избирательна, — насмешливо откликнулась я.

— Не переводи тему. Ты общаешься с Андреем, скрываешь это, а сейчас еще, вдобавок ко всему, поджала хвост и сунула голову в песок, как страус. Значит, все-таки боишься, что совершаешь ошибку.

— Так, — медленно начала я, — погоди. Во-первых, кто дал тебе право контролировать мою жизнь и решать, что правильно, а что нет? — я привстала с кресла, подумав, что сидеть напротив Марка и смотреть ему в глаза, не хватит моих сил.

— Кто дал мне право, ты спрашиваешь? А кто еще тебе может сказать, что ты поступаешь неправильно? Кто еще скажет тебе, что ты затягиваешь петлю на своей шее, втихомолку общаясь с ним?! — Я резко осела в кресло, так и не встав до конца.

Он помолчал, глядя на выражение моего лица.

— Ты должна прекратить это. Ты же все прекрасно понимаешь! Да этому даже нет названия!

Я не знала, что лучше — убить его сейчас, пока силен гнев, или разрешить все до конца. Привычка таить чувства никогда не доводила до добра, в этом я убеждалась всю жизнь...

— Я все это прекрасно понимаю, Марк, — тихо и отчетливо начала я. — Но чего ты от меня хочешь?..

Голос пресекся, так и знала.

То, что сидело во мне, было в миллионы раз сильнее всех душещипательных разговоров и утешительных слов, советов, кивков головы и увещеваний. Я не могла торжественно отречься от всего этого, а утром почувствовать перемены и легкость. Так не бывает.

Мне показалось, что в комнате никого нет, но тут же почувствовала, как легко — будто ветер коснулся волос — Марк погладил меня по голове, как маленькую.

— Он сам звонит, — прошептала я, поворачиваясь.

— Так он еще и сам звонит? — Марк присвистнул. — Ну он просто придурок, раз так!

— Мне сложно перестроиться, — продолжила я, словно боясь, что мне не дадут слово. — Но, кажется, он уже совсем не похож на того Андрея, которого я знала всю свою жизнь.

Вот. Наконец-то признала. Произнесла и будто, правда, стало легче.

— Это безжалостно, — твердо проговорил Марк. — Безжалостно поступать так с человеком, которого... — он замолчал.

— Ну же, продолжай, — спокойно кивнула я. — Которого не любишь, верно?

— Варька... — мы сели рядом на диван и, закинув руку мне на плечо, Марк проговорил тоненьким голосочком: — Знай, что я всегда у тебя есть.

— Кхе-кхе, — насмешливо протянула я, скидывая руку со своего плеча. — Окстись, милый. Ты не в моей вкусе.

Марк засмеялся.

Стало легче. Правда. И как это я постоянно забываю, что не одна?

IX. Декабрь

Дни идут. Не сказать, чтобы несутся, но все же оставляют после себя легкую нотку удивления. Как, уже ноябрь подошел к концу? И Новый год через месяц? И будет уже пять месяцев, как я работаю в кафе?

И первый снег уже выпал, правда, вы не шутите?

Я все чаще возвращаюсь домой пешком. Морозы мне не помеха, я выяснила это недавно. Все равно мне, что все стараются пробежаться по улице скорее, чтобы оказаться в своих домах, в тепле не только обогревателя, а вполне себе родных людей. Ты помнишь, что такое родные люди, Трубецкая?

О да, отвечаю я, лоя темной перчаткой снежинки.

Дни идут. Идут спектакли, чередуясь с репетициями. Премьера наша давно уже перестала быть премьерой. Мы играли наше общее детище все также рьяно, но уже давно перестали удивляться каждой искренне сыгранной сцене.

Руки давно зажили, а пока я не могла таскать тяжелые подносы, все равно таскалась в кафе, просиживая на стуле у барной стойки, и без конца болтала с Толей и Мишей. Правда, болтали, все же, больше они, я же слушала и улыбалась, иногда смеялась, чувствуя, что от меня будто чего-то ждут в такие моменты. Как раньше.

Тоня выдерживала общий бойкот. Мрачно усмехаясь, проходила мимо моего стула каждый вечер, пела, соблюдая свою часть программы, и также гордо удалялась, не оставаясь поболтать со всеми после рабочего дня, выпить чашку шоколада и снять напряжение общими шутками. Не общалась она ни с кем из официантов, ни с Мишей, ни с Владиленой, ни с Толей.

С Толей у них вообще были несколько натянутые отношения, более натянутые, чем со всеми остальными. Если остальных она просто игнорировала, то его она всячески старалась задеть, каждый раз глядела ему в глаза так, будто доказывала что-то.

Мне же было, если честно, не до них. Я долго не могла выбрать нужный момент, нужное время и место, не отвечала на звонки и смс, выключала телефон. Потом, наконец решившись, позвонила сама по дороге из кафе и замерла, судорожно сжимая рукой трубку.

И уставилась невидящими глазами на толпу, атаковавшую автобус.

Еще пару пропущенных гудков и я бы положила трубку. Но тут трубка хрипло отозвалась:

— Привет.

— Андрей... это я.

— А я уже подумал, что ты не хочешь меня слышать.

— Я... мне нужно было подумать.

Андрей помолчал.

— Но сейчас ты звонишь...

— Скажи, у тебя все в порядке? — я боялась, что он начнет свои шуточки, примется что-то рассказывать, восклицать, а я же буду слушать — как всегда — и уже вряд ли смогу остановить его.

— Да. Конечно.

— Учеба, работа — все как раньше?

— Ну ты же знаешь, — недоуменно проговорил он.

— Знаю. Ты не подумай, я не сошла с ума, — заторопилась я. — Но я обязана была спросить, потому что сейчас...

— Это важно, — эхом отозвался Андрей.

— Да, важно, потому что я хочу спросить то, что должна была спросить уже очень давно. — Я вздохнула, набирая в легкие воздух, как перед прыжком в воду. — Почему ты начал мне звонить? Мы же... все решили, мы договорились, что на этом все. Мы в разных городах, я не собираюсь туда, а ты вряд ли надолго вернешься сюда. Так зачем же?

— Я поздравил тебя с Днем Рождения. И понял, что скучал, когда слышал твой голос.

— Я тоже...

— Дай мне ответить, — мягко попросил он. — Я подумал, что не могу просто пожелать тебе всего, а потом бросить трубку до следующего праздника. Не могу все эти годы свести к сухому и вежливому одноминутному констатированию факта. Это неправильно, как будто мы и раньше были просто знакомыми и сейчас поддерживаем это ненавящее приятельство. И перестанем поддерживать его вовсе. Обязательно перестанем.

«Холодно все-таки, — тоскливо думала я, оглядывая улицу. — Совсем ничегошеньки не изменилось. Особенно мировосприятие».

— Ладно, — мрачно сказала я, решив, что пора завязывать. — По крайней мере, я выяснила, что это было сделано ненамеренно. Надеюсь.

— Что? Как ты...

— Подожди. — Попросила я почти шепотом. — Ты совершил ошибку, Андрей. Точнее, мы оба совершили ошибку. Ты не должен был звонить, понимаешь? Потому что после этих твоих звонков, я уже не могу ни о чем думать. Я ощущаю какое-то нескончаемое дежавю. Я превращаюсь в ненормальную. И с каждым днем у меня все меньше силы воли. Ты же все знаешь. Я думала, что все изменилось с тех пор, но оказалось, что не изменилось ничего.

— Я тоже... подумал, что изменилось. Для меня. Что я ошибся тогда. — Неожиданно признался он.

Слышать это было еще хуже, чем ждать его звонков.

Мы помолчали.

— Отлично, — заморожено ответила я и заставила себя двигаться по улице, понимая, что иначе замерзну. — Тогда у всего этого еще меньше смысла. Ведь мысли не оправдались, правда? Правда, — сама же и ответила я за него. — И ты сам поймешь, почему в этом все еще меньше смысла. Особенно, когда сегодня, завтра или через месяц ты... встретишь кого-то другого, и все наше общение быстро сведется к нулю.

Все, понимаешь! А ведь это не только то, что ты вот уже полтора месяца звонишь мне чуть ли не по ночам и сообщаяешь, что я просто обязана выслушать тебя. Нет. Все — это значит долгие счастливые детские годы; сотни прочитанных вместе книг и просмотренных фильмов; все тайные замыслы между ванной и раковиной; все шпаргалки и «кораблики», пущенные друг другу через два ряда; все клички и прозвища, все насмешливые взгляды в качестве ответа; все «Я не толстая?» и «Нет, но тупая!»; все спасенные и не спасенные животные; все сорванные свидания, все фотографии на стенах и в альбоме; все ссоры и дебаты, все вспышки ярости и драки подушками; все сломанные и растаявшие снеговики, все забытые и потерянные ключи, все ночи под звездами на одном одеяле; все телефонные звонки, вплоть до последнего, когда ты скажешь «Она такая!.. Знаешь, кажется, я женюсь!..», — и повесишь трубку, и после этого уже не останется ничего, а гудки в трубке подведут этому черту.

Знаешь, именно на такого рода предательство я обрекла себя, когда села с тобой за одну парту. Нет, когда нас поставили в пару, и мы подрались.

Так что давай закончим это сейчас, пока не стало хуже.

Я что-то еще сказала, он ответил. Или нет?

Я дотасила до дома и тут, впервые, чуть не заорала от ужаса, обнаружив пустую квартиру. Только не сегодня, не сейчас! Неужели нельзя хоть раз оказаться дома, когда мне это так нужно?! Мобильник матери не отвечал. Бабушке я звонить не стала. Нашла какую-то сумку повместительнее, сунула не глядя какие-то вещи, посмотрела мрачно в зеркало в прихожей, вышла из квартиры, тщательно закрыла дверь.

На столе в прихожей оставила записку.

«Глубокоуважаемая мама. В виду того, что вас никогда нет дома, по крайней мере, не видела я тебя уже неделю точно, сообщаю, что ушла из дома. Буду всю ночь курить и пить с панками, а под утро поеду кататься с байкерами по городу. Не удивлюсь, если нас занесет в какой-нибудь Томск. И ты не удивляйся. Всегда твоя Варвара».

Ручка писала быстро, слова получались почти неразборчивыми, но я не стала переписывать, будто за мной гнались.

Как вернулась в кафе, помню смутно.

Анатолий бросил лишь взгляд и тут же подхватил мою сумку.

— Варька, ты что? Ты замерзла?

— Нет.

Села на стул. Поставила подбородок на кулаки. Задумалась.

— Толь, можно я у тебя переночую?

— Да не вопрос.

Туда-сюда сновали официанты, играла негромкая музыка, Миша и Тоня сегодня не выступали и без них было непривычно тихо. Владилена — я слышала от барной стойки — громко наставляла кого-то на кухне. Все было как всегда.

Для всех. Почему же для всех, кроме меня?

— Да, алло. — Толя энергично метался на отведенном ему пространстве — наливал кофе, доставал чистые стаканы, подавал меню, вливал соки и смешивал коктейли. И одновременно со всем этим разговаривал по телефону, придерживая трубку плечом.

— Слушай, — заметил он кому-то сердито, удаляясь в противоположную от меня сторону, — давай я сам буду решать, кого мне приглашать, а кого нет. В конце концов, это ты где-то пропадаешь целыми днями, вечерами и ночами. Ах, учишься!..

Из кухни показалась Владилена и красноречиво приподняла брови, глядя на бармена.

— Все, — сказал он решительно, кивая ей. — Я даже не хочу ничего слышать. Ты меня просто удивляешь.

Я спокойно (я так думала) подняла глаза от кружки.

— Слушай, Толь, я знаю твою Настю. Если ей неудобно, я лучше не буду вам надоедать.

— Прекрати, а! Ты еще тут будешь! — прикрикнул он, не отвлекаясь от работы.

Но я вдруг будто проснулась. О чем я только думала?

Я, признаться, и правда забыла про девушку Анатолия. Как-то она навевалась в кафе, и ее истерик мне тогда, помнится, хватило надолго. И Толя с ней сразу был не похож на себя. Как будто кто-то выкрутил лампочку — передо мной сразу появлялся другой человек, который совершенно никого не видел. Кроме нее.

Невооруженным взглядом было видно, как она пользуется им, и прекрасно понимает,

что он этого не видит.

— Нет, я не хочу тебе никаких скандалов. Зачем еще и из-за меня отношения портить?

— Что значит «и из-за тебя»? — полубопытствовал бармен, так и застыв на месте.

— Ну... — поерзала я на месте. Такие разговоры было опасно при нем заводить. Ничего он не желал слушать о Насте. Даже странно, что сейчас он так с ней разговаривал. Чуть ли не в приказном тоне.

— Просто, у нее наверняка были какие-то планы на вечер, она, возможно, кого-то пригласила, а ты так приведешь меня. Нет, спасибо.

— Ну, где ты будешь?..

— Так. В чем тут дело? — решительно прервала наш диалог Владилена, приближаясь.

— Ни в чем, — буркнула я.

— Ну, естественно, — кивнула хозяйка. — Ни в чем. Будешь у меня ночевать.

Я задохнулась.

— Спасибо, Владилена Аркадьевна, я не хочу никого стеснять. Я лучше переночую здесь, можно?

— Вот выдумала! В кафе! И где, позволь спросить? На барной стойке? Или на коврике под дверью? Или может на столах в кухне, вот где!

Я устало потерла пальцами лоб. Сидела бы дома, ну куда меня понесло?

Но, вспомнив о пустой квартире, я отогнала эти мысли. Посмотрела нерешительно на хозяйку.

— Вы уверены, что удобно...

— Уверена. Подождешь до закрытия?

— Да, — я кивнула, улыбаясь против воли.

Она жила недалеко от проспекта Революции, в одном из тех домов, глядя на которые я все время гадала, что за люди там живут. Оказалось вот какие.

Непривычная чистота и даже какое-то изящество подъезда, лампочки все вкручены, стены выкрашены в приятный кремовый цвет, лестницы блестят, на подоконниках — живые цветы в горшках.

У Владилены была трехкомнатная квартира, в которой она жила одна.

— Зачем же вам такие огромные хоромы, Владилена Аркадьевна?

— Люблю этот домишко. Квартира мне вообще от муженька моего второго досталась! Тот с барского плеча скинул, так сказать, — усмехнулась Владилена.

— А он у вас кто?

— Муж-то второй? Да что-то вроде нового русского! В 90-е разжился хорошо, да вот только мы в это время разошлись уже. Он сейчас в Москве живет, у него и бизнес свой там имеется. — Рассказывала хозяйка, включая свет во всей квартире.

— А вы с ним после развода так и не виделись?

— Как же не виделись! С его-то помощью я и мечту свою воплотила — кафе открыла. Надо с людьми по-дружески расходиться, без скандалов. Мало ли что из них выйти может! — подмигнула Владилена. — Мой-то, пока мы вместе жили, таким пентюхом был, думала ничего из него не выйдет. Да вот, в конце концов, у него что-то да начало получаться, а только вот жить с ним все равно невозможно было!

Она провела меня по комнатам, рассказывая по ходу про свою дочь, которая живет с мужем в Израиле, про внучку Сашу (Сандру), про то, как всю жизнь работала в школе учителем русского языка и литературы и мечтала кафе свое открыть.

— Только вот где бы я с моими учительскими харчами и без мужа взяла бы денег на это дело? Вот и привлекла своего второго-то! Олег и так меня не забывает, всегда в Воронеже у меня останавливается, вот я и раскрутила его на спонсорство.

— И какой-то процент ему отходит?

— Конечно, я же не жадина! — пожала плечами Владилена. — Ему 10, а мне 90 % Я засмеялась.

— Он у меня, гаденыш, всю жизнь в неоплатном долгу должен быть, за то, что я его кормила и поила, когда его с работы выперли, и я вкальывала на работе за двоих. Ему же и прикопленные за много лет деньги отдала, чтобы он свой бизнес начал. Не верила уже ни во что, а вот дала денег. Так что он спасибо до сих пор говорит.

Я смеялась.

— Какая у вас жизнь интересная, — заметила я, сидя над чашкой чая.

— Так жизнь — она вообще интересная, не только моя! — усмехнулась Владилена. — Так, все, почаевичали — и спать. Завтра с утра на работу! Вот, располагайся в комнате, я тебе уже постелила там.

— Спасибо, Владилена Аркадьевна.

— Спасибо... Мы не за «спасибо» работаем, а за твою будущую известность в журналистике! Может, и о кафе моем напишешь.

— Какая вот вы корыстная! — не удержалась я с улыбкой.

— Не корыстная, а прагматичная, Варенька!

— Ну надо же, люди всему названию придумали!

— Как учитель русского и литературы со стажем, смею тебя заверить, что да. Так и есть!

Владилена ушла. Я послушала, как она передвигает что-то на кухне, и, встав с кровати, подошла к окну.

За окном была глубокая ночь. Спать не хотелось и, как будто меня держали долго на кофеине, болели глаза той особенной, сухой болью, которая не утихала, даже когда глаза закрывались.

Я стояла у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу, и думала. Мысли были тягучие, вялые; они текли неосознанным потоком, пока я не выцепила из него мысль о Максиме.

Мы не разговаривали в последнее время. Отыгрывали свои роли на сцене — безупречно, судя по скупым, но довольным комментариям Яши, и в этом тоже была своя странность. В качестве. Я, наконец, научилась отделять зерна от плевел, не смешивая свое личное настроение с переживаниями моей героини. Наконец научилась, даже после долгих лет танцев. Максим же всегда великолепно скрывал свои истинные эмоции, не сомневаюсь, что ему даже не пришлось прикладывать усилий. Хотя какими они были, эти эмоции? Это были мысли, которые до этой минуты мало касались моей головы, словно ограждая ее от каких-то еще больших болезненных переживаний.

Сейчас он представился мне стоящим в мигающей темноте клубного танцпола; рядом Анжела. Смеется, поминутно с кем-то здоровается и тянет его за руку, восторгаясь, какие они молодцы, что пришли на эту студенческую вечеринку. Притащила его, конечно же, она, и это видно по его насмешливому взгляду, который он искоса бросает на нее и по этому подчеркнuto-надменному виду, которым он одаривает знакомых.

Она все замечает, разумеется. И взгляды, и его вид, и холодность, которой он так

привычно ограждается и от нее и от всех вокруг. Она не исключение, ну разумеется.

И тогда она бросается к подружке у стойки бара, делая вид, что отпускает его, что ей нет до него никакого дела, а сама пристально наблюдает за ним, когда смеясь, откидывает волосы и слегка поворачивает голову; когда делает вид, что разглядывает какого-то общего с подругой знакомого; когда отпивает из бокала с коктейлем и садится на стул, оглядывая зал, как королева вечера.

И тоска в глазах, конечно же, не при чем, совсем не при чем, ведь у королевы все прекрасно. Все должно быть прекрасно.

Модальные глаголы вызубрены на зубок и воспроизводятся мгновенно, по первому требованию.

— Прости, что ты сказала? — широко улыбаясь, поворачивается она к подруге. И пропускает тот момент, когда Максим, слоняющийся из угла в угол, все-таки покидает зал.

Вот так мне представлялось, пока я стояла у окна и считала снежинки. А может быть, это совершеннейшая неправда. В конце концов, кто из нас знает, что на самом деле происходит с нашими друзьями (или не друзьями), что происходит у них в головах, душах, сердцах?

С сердцами и душами я, пожалуй, загнула. И все же...

Так хочется верить, что действительно есть человек, который поймет тебя со всеми твоими тараканами в голове. Все-таки, как ни крути, индивидуальность — не всегда хорошая штука. У меня вот был такой человек. И еще совсем недавно. И я думала (чего уж таить и выпендриваться), что так будет и всегда.

Все, снег за окном совершенно мешает быть нормальным человеком, у которого в черепной коробке мозги, а не розовая жвачка. Естественно, снег, ну что же еще...

Я заснула сразу, как только коснулась головой подушки. Надо же, никогда бы не подумала, что это будет так просто.

Воспоминания действующего лица.

Тоня злилась на себя. Искренне.

Утро началось премерзко, погода стояла препротивная — какая-то жуткая ледяная крошка, зло бьющая в стекло, мама демонстративно отказалась разговаривать. В общем, многообещающе. Ко всему этому примешивалось острое, как зубная боль, заполняющая голову, недовольство собой, такой глупой и истеричной.

О, она прекрасно видела себя со стороны! Точнее, начала вдруг видеть. Как менялся цвет картинки в ломающемся телевизоре — с цветной на черно-белую — так и в Тониной голове цветное со щелчком стало черно-белым, а потом и вовсе каким-то серо-буромалиновым. Неправильное видение.

Все уже было пережито ею — и яркое чувство наполненности и гордости собой, и резкое раздражение ко всем, кто подшучивал над нею в кафе (пусть даже и по-доброму, чего она не видела), и грызущая сизая тоска, непохожая на обычное чувство грусти, скуки и одиночества, или смеси всего вместе. Если это и смесь, то какая-то странная. Совершать глупые поступки, выплевывать злые слова, знать, что совершаешь гадость и продолжать совершать. Злить и доводить. Сердиться и обижаться по поводу и без. А по ночам мучиться от собственного бессилия, от тупого чувства гордыни и страха, мешающего подойти и попросить у всех прощения.

Все началось с Толи. Не с того дня, когда они поссорились, а с того момента, когда она

стала свидетельницей его жуткого разговора со своей девушкой, которая в последнее время почему-то все чаще стала навещать в кафе. В такие дни она садилась на стул у стойки, листала очередной журнал и, почти не глядя на Толю, отбрасывала в его сторону очередное едкое замечание.

В такие дни он смеялся и шутил громче обычного или вовсе замыкался в себе, делая вид, что ведет себя как всегда. А когда она уходила, выполнив свою злостную миссию, глаза у него становились грустными-грустными, как у щенка, которого побил любимый хозяин.

Вот и тогда все было так. Она капризничала, он настаивал. Она соглашалась, он готов был кинуться к ней через барную стойку. Она смеялась, он сникал. Она уходила, он скрывался в подсобке, хлопнув дверью.

Когда Тоня подошла и решительно села на стул, он протирал сухой тряпкой барную стойку, не обращая на нее ни малейшего внимания. Но Тоня и так нарушила все свои принципы и сейчас не собиралась отступить.

Сердито сдвинув брови, она сплетала и расплетала пальцы.

— Прости, что лезу не в свое дело, но тебе пора прекратить все это.

— Кто-то что-то сказал? — Толя покрутил головой, будто бы ища обладателя голоса.

— Брось, ты все слышал.

— С чего ты вдруг снизошла до общения с челядью?

— Не заставляй меня жалеть, что я подошла сюда.

— Не смейся меня, — устало заявил Анатолий, глядя ей в глаза. — Если ты собиралась что-то сказать, говори, иначе я подумаю, что это несерьезно.

Тоня вздохнула. Толя пристально наблюдал за ней.

— Я скажу. — Собираясь с силами, проговорила она. — Почему ты позволяешь ей все это?

— Ей? — он нахмурился.

— Да. Ты знаешь, о ком я говорю.

— Ах, ты об этом, — он снова принялся за дело. Подождав пару секунд, Тоня не выдержала.

— Ты... не собираешься отвечать?

Он пожал плечами.

— Просто не понимаю, что тут можно ответить. По-моему, все и так ясно. Я люблю ее.

— Да, но...

— Я люблю ее. — Упрямо повторил Толя. — И раз уж я добился великой чести отвечать тебе, могу сказать, что другого ответа здесь быть и не может.

— Но она убивает тебя. — Тихо прошептала Тоня. — Не сочти это пафосным бредом, но это действительно так. Она доводит тебя, ты разве не видишь? В ее отношении к тебе нет и доли твоего отношения к ней. Более того, она...

Тоня замолчала. Махнула рукой.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Я просто вижу все со стороны.

— Вот потому-то ты и не знаешь, о чем говоришь. Ты бы поняла меня, если бы оказывалась на моем месте.

Тоня соскользнула со стула.

На стулья усаживалась шумная компания, оттесняя ее от бара.

— Кажется, аудиенция окончена, — криво усмехнулась она.

Но, выходя из зала, она подумала, что прекрасно понимает Толю. Иначе стала бы она? Да нет, конечно, нет.

Она постояла в полутьме комнаты для персонала. Давненько она не была здесь. С того самого дня... ну да, она прекрасно помнила, с какого именно дня она не была здесь. Сейчас в комнате никого не было. Никто не околачивался, жалуясь на Владилену, которая в самый разгар обсуждения неожиданно вставляла свое тиранское слово; никто не курил, обсуждая дурака-клиента и олухов-поваров.

Было тихо и почти пусто. Почти, потому что уже пройдя внутрь, Тоня обнаружила Варвару, утонувшую в глубоком продавленном кресле с высокой спинкой.

Тоня замерла было на месте, но что-то заставило ее сдвинуться и подойти поближе. Варя, не мигая, смотрела в одну точку и, казалось, совсем не видела вошедшую, погрузившись в свои мысли.

«Не только меня накрывает, похоже...»

— Варь...

— А, Тонь... привет. — Трубецкая откашлялась, садясь ровнее и принимая обычный независимый вид. Будто маску нацепила.

Но Тоня прекрасно видела ее растерянное беззащитное лицо еще минуту назад. Всё сегодня, абсолютно все и всё принимало для Тони иной вид. Более правдивый, что ли.

— Ты уже закончила на сегодня? — Господи, о чем она спрашивает?

— А, ну да.

— А что домой не идешь?

— Я просто... — Варя растерянно покрутила головой, будто надеясь получить ответ из воздуха. — У меня репетиция сегодня в театре, но рано пока идти.

— Странно как-то, — тихо проговорила она. — Ты обычно так рвешься в театр, никогда в кафе дольше обычного не остаешься, а тут... Прости, конечно, что я так вмешиваюсь, — добавила она, заметив взгляд Вари.

— Да, — усмехнулась та. — Да. Пожалуй, пора.

Взгляд ее, обреченный и между тем вызывающий, поразил Тоню.

Такую Варвару Трубецкую она еще не знала.

— Ладно, я сюда вообще-то на минуту зашла. — Сказала Тоня, решив, что мешает. — Я ухожу. Пока.

Она почти дошла до двери, но неожиданно вернулась и остановилась перед креслом Варвары, которая снова устремила взгляд в одну точку, вроде бы и не собираясь вставать с места.

— Знаешь, ты можешь послать меня, и я не удивлюсь после всего, что я говорила и делала в последнее время, но я все равно скажу. — Варя удивленно и выжидающе смотрела на нее. — Мне... мне, видишь ли, знаком твой взгляд. Я видела его еще недавно, глядя на себя в зеркало. Но... я знаю, что нельзя позволить тому, что прожигает тебя сейчас изнутри, заполнить тебя всю. Нельзя оставаться наедине с собой и тем, что сидит внутри, потому что это только убивает. Я знаю, проверяла.

Варвара помолчала.

— Спасибо. Кажется.

— Когда-то я также просиживала целые часы и мечтала лишь о том, чтобы меня никто не трогал. Все лучше... реальности.

— Я не бегу от реальности, — возразила Варя.

— И давно? — приподняла бровь Антонина.

— Дала себе слово, — невольно улыбнулась Варвара. — Недавно, в общем.

— И потом, когда меня вытащили за шкуру, как слепого котенка и заставили снова разбираться с тем, что творится вокруг, оказалось, что я совсем не хочу возвращаться к той темной комнате и креслу у окна. Когда мой отец ушел из семьи, — пояснила она, поняв, что общими словами не разъясняет ситуацию. — В моей школе из-за его ухода начался кошмар, мама слегла, одноклассники достали меня насмешками и подколками... и все это накануне экзаменов. Я металась меж двух огней, а об учебе вообще не думала.

— Да, — задумчиво протянула Варвара, стоя перед дверьми театральной студии. — Я, оказывается, настолько зашгорилась своими тараканами, что совершенно забыла, что у кого-то могут быть проблемы и похуже.

— А так всегда, когда плохо, — заметила Тоня.

Варя взглянула внимательно.

— А что сейчас твой отец?

— Матвей Аристархович присматривает за ним. Но... — она смущенно улыбнулась. — Я умудрилась поссориться и с географом. Да и вообще со всеми. Даже мама отказывается со мной разговаривать, говорит, что я стала невыносима.

Тоня пожала плечами.

— В любом случае, я рада, что ты вернулась. Поздравляю.

— Но столько еще предстоит исправить.

— Первый шаг сделан, — рассмеялась Трубецкая. — И ты посмотри какой! Ты когда-нибудь замечала, чтобы мы час разговаривали без остановки?

Тоня засмеялась.

Варя легко взбежала по ступенькам и, помахав на прощание рукой, скрылась за тяжелыми дверьми.

Будет сложно, нелегко. Это я тебе обещаю, драгоценнейшая Трубецкая. Но тяжелее уже не будет. Права Тоня. Да ты и сама знала эту правду.

Я постучала ботинками по коврику, отряхивая, и зашагала к залу.

Что я здесь делаю? Не даю себе сгнить дома, точно.

Ах, я ведь еще и домой не вернулась. Но будем упертыми до конца или сделаем шаг навстречу? Только оценит ли кто-нибудь?

Ох, сколько вопросов... драгоценная графиня Трубецкая, от чего же я такая непутевая, объясни! Ну да, молчишь. Что тебе еще остается.

— Какие люди и даже не опоздала!

— Ой, прости, сейчас поправлю, — я судорожно взглянула на часы и развернулась, чтобы уйти, но Марк схватил меня за край пальто и потянул назад.

— Что ты вообще здесь делаешь? Ты же не должна была сегодня приходиться...

— Пришла посмотреть, как вы паршиво играете без меня.

— Точно, надо дать тебе сегодня насладиться нашей омерзительно-паршивой игрой.

— Я сяду сзади, помнишь, как тогда, и буду шипеть, свистеть и улюлюкать! Обещаю.

— В тебе-то я ни капли не сомневаюсь. А вот где твоя свита? Без нее ваше представление будет не полным.

— Слушайте, прекратите, тошно вас слушать.

Наш общий смех был остановлен чем-то серым и занудным.

— Я все думаю, кто тут над ухом жужжит, а это, оказывается, всего лишь Анжела притащилась раньше времени, — сообщила я Марку.

— Не сердись на девочку, она еще глупышка, несмышлениш.

Анжела гордо прошла мимо, снимая на ходу шубу. Мы остановились с Марком на полутемном участке прохода у красных кресел.

— Давай, раздевайся, хорошая моя, — проворковал он, стягивая с меня пальто, заботливо развязывая шарф, снимая шапку и стряхивая с нее хлопья снега.

— Что это с тобой, Грозовский? — насмешливо процедила я. — Али тебе зимой доплачивают за услуги швейцара?

— Тебе надо больше спать, — продолжил Марк.

— Да еще и за услуги доктора! — заключила я весело. Но на самом деле, мне жутко понравилось это. То ли Марк почувствовал мое настроение, то ли сегодня он просто был в ударе.

— Все в порядке? — настойчиво спросил он. Я взглянула ему в глаза и поняла, о чем он спрашивает.

— Да. — Помедлила я. — В порядке.

Хватит жалеть себя.

Я вдруг вспомнила белый хрустящий снег, застилавший землю, и огромные сугробы «из детства» — то, мимо чего еще полчаса назад я так бездумно и равнодушно проходила, и вспомнила те годы — легко, с любопытством — годы-очищения, когда к наступлению настоящей, декабрьской зимы, как по мановению волшебной палочки решались все реальные и выдуманные проблемы. Прокрутила в голове весь этот длинный, тяжелый год и посмотрела на Марка, развалившегося в красном кресле (ноги на спинке впереди стоящего кресла):

— Грозовский?

— Ммм...

— А давай праздновать Новый год вместе?

— О! Ты серьезно? — просиял он.

— А что? Ты возьмешь какую-нибудь свою кралю — с кем ты там сейчас встречаешься, не знаю, я позову Тоню с работы, Толю с его девушкой и...

— Это отличная идея, Трубецкая. Только... Тоня? — он вдруг удивленно поднял брови.

— Это долгая история. Как-нибудь потом расскажу.

Мы продолжали строить планы и мечтать и во время репетиции, которая сегодня, будто в преддверии Нового года (до которого на самом-то деле было еще почти полмесяца) текла расхлябанно, вяло, без обычного Яшиного задора.

Закинув ноги на спинки впереди стоящих кресел, перед завывающими малолетками, отрабатывающими зимнюю сказку для малышей, и рядом с заболевшим Смирнитским с обмотанной шеей и насупленным видом, мы оживленно обсуждали программу. Она меня вдруг искренне заинтересовала.

Не отвлеклись ни на косые взгляды Анжелы, сидевшей тремя рядами ниже, ни на грозный кашель Смирнитского, пожалуй, лишь поменяли ноги местами.

— А ты мечтаешь, Трубецкая? — спросил внезапно Марк, засмотревшийся на восьмиклашек на сцене.

— Глупый вопрос, естественно. — Я даже не удивилась.

— И о чем?

— А тебе глобальные мечты или не очень?

— Ладно, не буду особо мучить, давай не очень.

— Хочу покататься на лыжах, погреться у огня — только если перед этим замерзнуть, хочу, чтобы в этот Новый год мне не было грустно и не пришлось бы перечитывать «Гордость и предубеждение». Еще хочу помириться с мамой. В смысле, чтобы все было как раньше. Но только это наверно уже в разряде «более глобальные мечты», — добавила я извиняющимся голоском, от которого самой было противно.

Еще было противно оттого, что мерзко сдавило в горле и защипало носу. Я вздохнула.

— А я хочу, чтобы моя мама перестала переживать, что я со своим безумным театральным увлечением останусь ни с чем. Она доводит этим и себя, и меня.

Я посмотрела на него сбоку. Он поймал мой взгляд, продолжил:

— Раньше она радовалась, что я записался в театр, и не пошел на бокс или еще на какое-нибудь крошево, теперь же она боится, что театр затащил меня навсегда и из-за этого я не учусь нигде в этом году.

— Знакомая история, — вздохнула я.

— Для всех нас знакомая.

— Ну а если что поменьше? Я имею в виду мечты.

Марк кивнул.

— Хочу колпак волшебника, расшитый звездами. Что?! Я в детстве его так и не получил, между прочим!

— А мне никогда не хотелось иметь колпак, расшитый звездами, — еще раз извиняющимся тоном проговорила я.

— От тебя никто другого и не ожидал.

Мы помолчали.

— Ну а если серьезно, как ты считаешь, Варь... Это все не зря? То, что мы сейчас здесь в этих креслах, в этом зале, в этом городе, на этих работах, без учебы.

— Нет четких условий, что нужно делать со своей жизнью после школы, Грозовский! Никто не даст гарантий, что это правильно, но даже если это и не так, то придется все равно сделать наше решение правильным.

— Как?

— Доказать, что все не зря. Вот когда ты будешь известным актером, а я...

— А кем будешь ты?

А кем буду я?

— Вот тогда мы встретимся и посмеемся над этим днем всласть!

— Грозовский, Трубецкая! У вас что там, массовая глухота?

Раздраженный голос Яши вернул на землю.

Мы вскочили.

— А что?

— На сцену, вот что!

Но нам как-то не очень хотелось сегодня репетировать.

— А хотите, я вам чай с лимоном сделаю, Яков Андреевич?

— Отстань ты от меня со своим чаем, Трубецкая!

— Если у вас лимона нет, то я быстро в магазин сбегаяю, я сейчас.

— Так. Сядь на место, то есть, тьфу, выходи на сцену!

Марк засмеялся. Все вокруг тоже заулыбались.

— Да вы вообще, лечитесь?! Какая у вас температура?

— Уберите от меня эту ненормальную! — потребовал главный, но как-то вяло.

Вот он оперся о спинку своего кресла, чтобы стоять прямо.

— Вы какой-то просто очень бледный, Яков Андреевич, — тревожно заметила Анжелика, вставая с места. Кто-то потянулся наверх, но мы с Марком успели вовремя, и когда Смирнитский дернулся, чтобы не упасть, мы уже держали его с двух сторон под руки.

— Да у вас же жар... — растерянно проговорил Марк, а потом мы оба прогнулись под тяжестью потерявшего сознание Смирнитского.

— Воспаление легких, — сурово глянул на нас врач, словно это мы довели главного до болезни. — Где его родственники? Родители, жена... хоть кто-то?

— Они живут не в России, — растерянно ответил Марк. — Здесь у него никого нет. Кроме нас.

— Ну уж кроме вас, это первостепенно, — закатил глаза врач. Мы помолчали.

— И что нам теперь делать? Какие лекарства давать? — поинтересовалась я.

— Жидкости побольше. Антибиотики записал на бумаге, бумага на столе. — Тяжело ступая, врач прошествовал по ковру, к выходу, но внезапно остановился.

— Да и... — он помедлил и погрозил нам пальцем. — Смотрите у меня тут! Если что, сразу звоните! Вы вообще, точно уверены, что не хотите, чтобы мы забирали его в больницу? А то кто у вас тут следить будет?

— Будем мы. Кто же еще? — удивился Марк.

Доктор открыл дверь, чтобы выйти, и сразу же из коридора ворвались звуки орущей толпы и кто-то успел втянуть в комнату свою любопытную голову.

— До свидания, — попрощался врач.

— До свидания. — Хором ответили Я, Марк, Максим и Анжела. Мы переглянулись и надолго замолчали.

...Комнату давно уже освещала всего лишь одна настольная лампа. Смирнитский любил полумрак, а я не могла, да и не хотела спорить с больным. Он лежал на разложенном диване в своем кабинете (который пришлось несколько прибрать, чтобы диван можно было разложить), бледное лицо было запрокинуто на высокой подушке, очки лежали рядом на столике среди пузырьков, хрустящих упаковок с таблетками и кружек с позвякивающими чайными ложечками внутри.

Когда Смирнитский начинал кашлять, даже в беспомощности — тело его в эти частые минуты будто приподнималось над кроватью, — ложечки позвякивали в кружках, а неустойчивый столик шатался из последних, казалось бы, сил. Тогда я, или Марк, и кто-то, кто дежурил рядом с Яковом Андреевичем, собирали бокалы и относили их мыть, освобождая место на забитом вещами столике. Когда приступ прекращался, в комнате воцарялась странная, звенящая тишина. К сожалению, ненадолго.

Мы сменялись около кровати Смирнитского по очереди. Чаще сидели по двое, иногда по одиночке — все-таки у всех была учеба, работа. Но мы все же не захотели отправлять руководителя в больницу. Готовились отстаивать свое решение до конца, но это оказалось куда проще, чем мы предполагали.

А после первых двух тяжелых дней со сменами «сиделок», когда у всех в спешке менялись планы, и приходилось срочно искать замену, я отпросилась у Владилены на неделю с работы.

Смирнитский, конечно, об этих переменах ничего не знал, иначе потребовал бы

отправить его в ненавистную больницу.

В первое время я боялась уходить домой и ночевала рядом с диваном, в кресле. Главный кашлял так сильно, что мне было страшно оставлять его даже ненадолго, и уж, тем более, я не представляла, как можно оставить его одного на ночь, когда может потребоваться дать ему таблетку или налить чаю.

Марку и Максиму не дали чудесных освободительных дней на работе и теперь они прибегали в каждую свободную минуту, чередуясь возле меня, как чередовались почти все более ли менее свободные члены студии, из старших (на первом общем совете мы решили, что младшие вообще не будут сидеть рядом со Смирнитским, дабы не принести или не унести с собой заразу; многих впоследствии не пустили родители). В итоге мы остались впятером: Марк и Максим, я, Анжела и Игорь. Изъявляла желание Инга, но ее мы тоже спровадили, чтобы не устраивать в тесной каморке толпу.

Доктора нашел Максим. Он приходил раз в два дня, осматривал Смирнитского и каждый раз как-то загадочно «прикашливал», закончив осмотр.

— Неплохо, неплохо, — заявил он спустя почти неделю после начала болезни. — А вы молодцы, вы все. Хороши сиделки!

— Это Варьке спасибо, — высказался рядом Максим. — Она от него ни днем, ни ночью не отходит.

Мы переглянулись. Никто не ожидал, что выступит Максим. Анжела дернула плечиком.

— По его виду не скажешь, что он пошел на поправку, — заметила она, тихо приоткрыв и тут же закрывая дверь в кабинет Смирнитского — мы стояли в коридоре.

— Но тем не менее, юная леди, это несомненный факт. Хотя до выздоровления еще очень и очень далеко. Не забывайте про таблетки, давайте больше воды, даже если он отказывается. А вообще, вы и так все делаете правильно. Я вернусь через два дня.

Он привычно похромал по коридору, но не пройдя и трех шагов, остановился, обернулся.

— А вам, юная леди, — он смотрел прямо на меня, — нужно тоже отдыхать. Нехорошо будет встречать Новый год на больничной койке.

— Ну, думаю, это-то то мне и не грозит, — усмехнулась я, ожидая поддержки от Марка. Но тот смотрел неожиданно серьезно. Взгляд Максима мне также не понравился.

— А сейчас ты пойдешь домой, спать, — заявил мне мой дружок, мотнув гривой. — Иначе мы с Максимом потащим тебя силой.

— Ну конечно... — не поверила я. — Оставьте эти показательные выступления!

— Выметайся отсюда, — Максим на мгновение зашел в кабинет, а вышел уже с моей одеждой, которую сунул мне в руки.

— Давай, давай, — повторил Марк, одевая мои руки в рукава пальто. Максим занимался шарфом, Игорь — шапкой.

— Я сейчас закричу! — предупредила я.

— Уже не закричишь, — пообещал Грозовский и потащил меня к выходу кое-как одетую.

— Слушай, прекрати, — поправляя пальто, попросила я.

— Это ты прекрати, — посоветовал Марк перед дверью из театра. — Это не шутки, ясно? Ты трое суток не выходила из каморки, посчитай!

— Трое? — я растерянно провела рукой по лбу.

— Вот именно. В общем, все. — Он распахнул передо мной дверь и подтолкнул к

выходу. — Разговор закончен.

Поскальзываясь, я вышла на крыльцо и тут же зажмурилась. Солнце — по-зимнему яркое — слепило глаза, и было странно обнаружить, что день есть не сплошной вечер с горячей посреди комнаты настольной лампой.

Морозный воздух приятно охлаждал щеки. Жизнь продолжалась и вне этих стен, пропитанных искусством и запахом лекарств.

Да, и недавно я вернулась домой. Вошла, поставила сумку, положила ключи, звякнув ими о полку, и двинулась к кухне, заслышав там шаги.

Мама. Тушила сигарету с улыбкой виноватой школьницы.

— Курим, — приподняла я брови.

— Нет, — протянула она, отставляя пепельницу на подоконник.

Я следила за ее манипуляциями.

— Ну как там панки и байкеры? — поинтересовалась мама. — Живы-здоровы?

— После встречи со мной? — я закатила глаза.

— Варька...

— Ладно, мам, давай без сопливых сцен, а?

— Я ничего не могу поделывать со своей работой.

— Да, просто ты работаешь так, как будто у тебя нет семьи.

Мы посмотрели друг на друга. Ощетиненные, «истинные Трубецкие», как сказала бы бабушка.

— Вот черт побери, что за ребенок, даже обняться никогда не даст! — в сердцах выдохнула мама.

Я улыбнулась.

— Зато я просто патологически не умею долго злиться. Это ведь плюс, правда?

— Несомненный. — Усаживаясь на высокий стул, подметила мама.

...Я запнулась и остановилась.

— Сейчас перетащу лампу поближе, — спохватилась я, приподнимаясь с места. — И продолжим.

— Подожди. — Смирнитский выпростал руку из-под одеяла и накрыл ею книжку, лежавшую у меня на коленях. — Давай просто посидим, у тебя уже наверно и язык отсох.

— Тренировка на будущее, — улыбнулась я, но книжку все же отложила. — Кто знает, может быть, вам захочется поставить что-то из Киплинга на сцене.

— Но только не Маугли, — покачал головой Яша. — Боже упаси.

— Почему же?

— Очень боялся этого мультика в детстве.

— Тогда «Кошку, которая гуляла сама по себе», — со смехом предложила я.

— Что ж, и на роль Кошки ставить тебя?

— Почему же? — я почувствовала, как горят щеки. — У нас полная студия Кошек.

— Потому что и с кошкой у меня ассоциируешься ты, и никто иной.

— Бросьте, Яков Андреевич. А то подумают, что вы любимчиков собираете...

Я посмотрела в затянутое морозным рисунком окно.

— Вот чего я не понимаю, точнее понимаю, но не приемлю, так это твою неуверенность в себе. Как ты себя недооцениваешь, Трубецкая! И ведь не от ложной скромности, вот что самое страшное.

— Почему же? — упрямо спросила я.

— Потому что искренне не веришь в себя. То, что проглядывает сквозь маску роли и есть искренность. Твоя искренность прослеживается в каждом спектакле. Наверное, поэтому ты так хорошо играешь. И сама этого не замечаешь, точнее не хочешь замечать.

— Не раз уже от вас это слышала. И от вас, и от Марка. Но это... несправедливо, что ли.

— Почему же? — Смирнитский слегка приподнялся на подушках.

— Да потому что я ничего делаю для того, чтобы играть «так»! Не прикладываю усилий, а потому и не ощущаю, что делаю что-то действительно полезное и нужное. Получаю взамен, не отдавая.

— А ты хотела бы делать полезное? — задумчиво поинтересовался руководитель.

— Я отсрочила мечты, а не променяла их на работу официантки. Конечно, хочу. Надеюсь, это полезное не будет выражаться в своевременной доставке чая посетителям, — горько усмехнулась я.

— Вот видишь, опять! — почти обрадовано вскричал Смирнитский. Без очков он выглядел лет на пять моложе. Казался студентом. — Ты не веришь в себя. Ты не поменяла мечты, но я боюсь, что ты изменилась. И, боюсь, не сможешь...

— Смогу. Теперь-то уж точно смогу, как вы не понимаете!.. — Киплинг выпал из рук, я встала и прошла к окну. — Я не стала поступать не потому, что те дни были наполнены для меня черным кошмаром, не потому, что мне было все равно, что делать в следующую минуту, как дышать, что говорить; не потому, что сидеть на стуле и не двигаться или лежать и бездумно смотреть в окно было лучше, чем ходить, суетиться и сдавать экзамены. Нет. Я хотела проверить себя. Проверить, смогу ли я, вопреки всем обещаниям, планам и мечтам остаться в нелюбимом — хоть и родном городе — и, делая что-то совсем неожиданное, начав жить с чистого листа, вернуться к этим обещаниям, мечтам и планам через год. Вернуться с таким же желанием, с таким же ажиотажем! Я хотела проверить, мои ли это мечты, мои собственные, а не общие...с... в общем, не сиюминутное ли это очарование человека, желающего вырваться из школьной клетки!

Прошло полгода. Я приросла уже к этой студии и к этому кафе, в котором совершенно незнакомые друг с другом люди, поведали мне о жизни больше, чем весь мой предыдущий маленький опыт, родительские наставления и новости на Первом канале. Я безумно полюбила всех вас, даже Анжелу, влюбилась в запах сцены, иной, театральной; я полюбила этот закулисный мир. Полюбила свою работу, даже проблемы, связанные с этой работой.

Но я по-прежнему хочу уехать в Питер. И как ни больно будет терять все это — а я наверняка знаю, что будет больно — мечты оказались сильнее.

Смирнитский усмехнулся. Отпил из кружки, стоявшей на столике, и сказал:

— Знаешь, когда я уехал из Германии... Я же рассказывал тебе, что я родился в Германии?

— Я думала, ваши родители туда недавно уехали, — растерянно проговорила я и села на свой стул, не совсем еще понимая, к чему Яша затеял этот разговор.

— Ну так вот. Мои родители — профессора — эмигрировали из России, когда мне было три года. Это было в конце 80-х. С детства я говорил на двух языках (позже выучил еще и английский), но я никогда не мечтал вернуться в Россию. Я не думал о ней, как о своей стране — слишком маленьким был, когда уехал. С детства меня окружал совсем иной быт, другие нравы, хоть отец с матерью и старались мне привить больше знаний о России и я, конечно, не думал, что по Красной площади в Москве бродят медведи, а на всех углах играет «калинка-малинка». Но я был снобом. Я отучился на режиссерском факультете и считал, что

знаю об этой жизни все, ну или почти все. Наивно полагал, что мне есть, что показать миру, а мир только того и ждет! Совсем большой мальчик, несомненно гений — а как же, только дайте возможность это доказать! — я отправился в путешествие по странам Европы, знакомился с людьми, жил в деревне Швейцарии, в городках в Ирландии, в предместье Парижа. Я изучал ту жизнь, тех людей; о чем они думают, когда просыпаются по утрам; отличаются ли их мысли от мыслей людей других городов и стран; чем наполнен их быт; о чем они мечтают... Я собирал материалы для будущего фильма. Искал тему, искал исключительные образы.

Образов было много, тем много, знакомств — безумно много. А фильма все еще не было. Он по-прежнему был в мечтах и планах, не приближающихся с каждым днем к реальности. А все потому, что я не знал, чего хочу. На самом деле не знал. Весь мой опыт ограничивался студенческими документальными фильмами, дипломной работой, за которую мне поставили «отлично».

Но в реальной жизни нам не ставят оценки, только в голове крутится счетчик того, что ты делаешь или не делаешь. Обещал себе, что будешь бегать по утрам и поленился — минус пять баллов; сдержал данное другу слово — отыграл себе два. Так и я с каждым днем разочаровывался в себе больше и больше, теряя баллы. Я ехал в Россию — последнюю остановку в моем путешествии перед отправкой домой — с ощущением, что я полное ничтожество. Россию я не воспринимал всерьез — мне казалось, что раз я до этого не придумал ничего стоящего для себя, то и там уж точно не придумаю, и я был уверен, что дома ждет меня пустота. Беснадега.

Я приехал в Воронеж, на свою малую родину, и со знакомым по университету режиссером мы случайно набрали на этот разваливающийся театр. Мой приятель, оказывается, ходил сюда, еще будучи ребенком. Он-то мне и рассказал, что здесь уже когда-то существовала труппа, которую организовали сами школьники. Но что они могли? Школьники те выросли, разъехались, расстались с детскими увлечениями, а здание это собрались сносить. Это старый Дом творчества, на что он нужен! Таких по городу еще штук двадцать, одним больше, одним меньше — какая разница. А здание к тому же действительно разваливалось — правда, было легче его снести, чем отстроить и соорудить что-то путное! В общем, я послушал, походил туда-сюда, постоял на сцене, полюбовался на гору пыльного реквизита — вполне пригодного, кстати, если захотеть... А потом нашел маленький горн, местами облупившийся — как в старых советских фильмах, знаешь? И не знаю, почему, но мне так обидно было оставлять его в том старом разваливающемся театре (хотя я и знал, что горн этот пролежал на темной сцене уже очень долго), как будто я оставляю свои детские воспоминания...

Так что ночь я бродил по городу, а наутро вернулся сюда. Позвонил родителям, отсрочив свой приезд на неопределенный срок, и начал шататься по всяким инстанциям, с просьбой не сносить несчастное здание, при условии, что я оплачу здесь ремонт. Надо мной, правда, больше, смеялись поначалу — никто не верил, что я всерьез. Но я — незнакомый до этой минуты с российским бюрократизмом, но обладающий, как выяснилось, всеми признаками русского упрямства — упорно брал этих людей измором. Меня свели с толпой нужных и ненужных людей; я рассказывал им фантастические истории о том, что мечтаю создать здесь театральную любительскую студию для школьников, шатающихся без дела и ввязывающихся во всякие переделки; я хорошо приплачивал, щеголял именами иностранцев, показывал диплом о своем потрясающем образовании, — тут Смирнитский усмехнулся, — и

при этом не знал, захочет ли хоть кто-нибудь прийти в эту студию, даже если у меня все получится. Кто я был — малолетний энтузиаст, иностранец-выскочка с сомнительным прошлым — непонятно, зачем мне такому успешному и с такими потрясающими возможностями, околачиваться в российской провинции и возиться с неблагодарными сопляками, которые сами не знают, чего хотят?! Ну уж не по доброте душевной, это точно. А я вдруг понял, что ни одна страна Европы, ни один новый интересный человек не дал мне того, что я нашел в пыльном зале с маленьким горном на пустой сцене. Самоуверенному мальчишке не нужен был фильм, чтобы доказать, что он гений. Ему всего лишь нужен был театр... — мы рассмеялись. — Я тогда четко узнал, чего я хочу и наверно поэтому все и получил. Но получил-то я не готовый дворец с выдрессированными маленькими актерами, нет. Познакомился с людьми, на мой взгляд, намного интереснее взрослых. И тут-то мне, наконец, открылось, зачем я все это делал; зачем так долго упрашивал добрую половину города. И ты, Варвара, сейчас это подтвердила. В который раз, между прочим.

Я повернула голову и внимательнее взглянула на Смирнитского — он покраснелся, наверно, от своего эмоционального рассказа, глаза его блестели. И уже больше получаса, как ни странно, но он не кашлял.

— Что я подтвердила?

— Что моей целью было не столько откопать и создать кучу талантов, которые должны были пополнить славные ряды актеров и актрис, нет. Я хотел найти ребят с яркими талантами — не обязательно актерскими, ребят неуверенных в себе, потерянных, не знающих, чего они хотят от будущей жизни, и дать шанс понять, как много они могут сделать, если захотят, что они могут ко многому стремиться, что каждый из них имеет эту возможность. И весь ваш выпуск — ты, Марк, Максим, Анжела, Игорь, Вика, Инга и другие — все вы доказали мне, что не зря я все это начал когда-то. Не зря мне нужен был этот несчастный театр, который уже несколько лет как не несчастный. И ты заметила, как мало среди вас решили стать актерами? Только Марк. Но все вы очень яркие люди, которые, я уверен, добьются всего, чего хотят. Вы собираетесь все вместе, и никому уже из вас не хочется быть хуже, чем другие.

— Вы рассказали мне это, чтобы я... поняла, что многое могу? — спросила я, после того, как мы помолчали.

— И да, и нет. Еще для того, чтобы ты поняла, что все наши решения, даже сиюминутные, дорого стоят. Как и наши поступки, и слова. И если ты пропустила этот год, то несомненно не зря, как бы тебе не казалось в самые тяжелые минуты, что это так. Значит, так нужно было. Ты сделала и сделаешь много полезного, себе в том числе (нет ничего плохого в том, что человек делает что-то для себя), этим людям, с которыми подружилась, тем, кто заходит в твоё кафе с очередной историей и тем, кто приходит в зал смотреть, как ты играешь. Значит, нужно было, чтобы самые талантливые ребята из моей студии-театра придержали коней на этом повороте — несомненно, для того, чтобы в будущем прийти первыми.

Смирнитский откинулся на подушке. Из него медленно выходила энергия — кажется, температура поднималась снова.

Я встряхнула градусник, поставила его, подошла включить чайник — и уже оттуда произнесла негромко:

— Спасибо.

Смирнитский проболел почти три недели. Под конец он уже самостоятельно

перемешался, только вот кашель разрывающий, противный, все никак не хотел убраться.

Максим и Марк перетащили из квартиры Смирнитского кучу его вещей в кабинет, включая зубную щетку и домашние тапочки с теплыми носками.

— И у кого из вас есть права? — недоверчиво, но крайне запоздало поинтересовался руководитель, забирая у Максима ключи от своей машины и сумку с вещами.

— Ни у кого. — Переглянувшись, пожали плечами Марк и Максим. Последний же счел нужным добавить: — Но я учился — просто экзамен еще не успел сдать.

— Я определенно болен, раз не поинтересовался о такой тонкости заранее, — проворчал Яша.

— Вот видите, Яков Андреевич, ворчливость уже вернулась к вам — вы в норме! — встала Анжела.

— Я хочу на улицу! — капризно заявил Смирнитский. — Я три недели не дышал свежим воздухом и не видел снега, не считая того раза, когда вы притащили с улицы снег и закидывали его друг другу за шкурку, пользуясь случаем, что я не могу встать и наподдать вам!

— Для человека, который 20 лет из 28-х прожил в Германии, вы поразительно владеете навыками русской разговорной речи! — нагнувшись к нему, заметила я.

— Я пять лет живу в России, Трубецкая. И пять же из них я общаюсь с вами, так что я и не такое знаю. — пробурчал руководитель.

Несмотря на загруженность в последние недели, мы с Марком продолжали обсуждать предстоящее празднование Нового года.

— Хотите с нами, Яков Андреевич? — поднимая голову от нард, в которые во время своего «дежурства» играли Максим и Марк, поинтересовался последний.

— Да вы что, я среди вас буду как ребенок-переросток! — отрывая голову от книги, заметил главный.

— Ни на то, ни на другое вы не тянете, будьте спокойны! — утешил Марк. — Будет весело! А так... ну какие у вас планы, а?

— Ты просто нагло пользуешься моей благодарностью, Грозовский, поэтому спрашиваешь, о чем хочешь! — сердито заметил Смирнитский.

— И все же? — лукаво взглянул на него Марк.

— Хотел съездить к родителям на каникулы. Но теперь не хочу их пугать своим облезлым видом и кашлем. Придется переждать Новый год... поехать немного позже.

— Ну вот, видите! Вам совершенно негде праздновать! Соглашайтесь.

— Может быть, остальные против, что ты за всех спрашиваешь? — смущенно и потому недовольно заявил Смирнитский.

— Нет, не против, вы что? — я подняла голову от доски. Не слушая перепалку этих двоих, пыталась поймать Максима на жульничестве, в котором его в последнее время заподозрили.

— А кто там еще будет?

— Эти двоих не затащишь (хотя мы предлагали, не сомневайтесь), будут где-нибудь сидеть и романтично пережевывать курицу... ай! — Анжела не выдержала и метко засветила Марку подушкой по голове, Максим только хохотнул. — Игорь придет, если вырвется от родственников, точнее не могу сказать, пока его нет. Будет Антонина с Варвариной работы и бармен Анатолий со своей выдрой. Мишка-певец заглянет на огонек и споет пару песенок. Все молодежь (кроме Мишки, конечно), но вы же нас так любите, а отмечать все равно

сейчас негде — у всех уже свои планы, так что мне кажется, здесь вопрос решенный.

— Владилена обещала предоставить свое помещение. — Вставила я слово.

— А разве в ее кафе не будет никакого отдельного празднования?

— Она сказала, что слишком стара для ночных буйств. И обещала дать мне ключи — под мою же ответственность.

— Так что, гуляем! — потер руки Марк и снова уставился на доску.

Смирнитский посмотрел на него с опаской.

— Боюсь, как на самого взрослого, ответственность все же ляжет на меня.

— Отлично, Варька, значит, можешь буйствовать наравне со всеми!

Мы расхохотались, но, поймав, беспокойный Яшин взгляд, тут же замолчали.

— Чей ход? — рявкнул Марк, возвращаясь к игре.

Это было странно, но с выздоровлением Смирнитского я сама почувствовала, что выздоравливаю. Возможно, он тут был не при чем, и все это было лишь совпадением, но в эти вечера и ночи в полутемной комнате, когда мы оставались вдвоем или втроем или всей компанией, мне казалось, что мы где-то далеко-далеко от реального мира, от шума и сутолоки будней, от рутины, от мороза где-то глубоко внутри, который вырывался паром при каждом вздохе. Мне казалось, что я в комнатухе Мастера, наблюдаю за его работой, и никто, кроме, пожалуй, одной Маргариты, не потревожит меня здесь.

Возможно, это чувство выздоровления усиливалось из-за постоянных, почти незаметных, но и незаменимых, забот Марка. Уж чем я больше всего обязана уходящему году — так это дружбе с ним. Он был первым в списке «подарков» этого года.

Казалось бы, он специально появился в моей жизни как раз тогда, когда закрылась еще одна дверь за моей спиной. Он вышел откуда-то сбоку, не оттуда, откуда появляются все, он нашел лазейку, обходный путь, чтобы пробраться раньше, чем кто-то еще, чтобы успеть сесть в тот самый поезд, в котором я с детства езжу одна в своих снах.

— Варь, это куда ставить? — Игорь толкнул меня плечом, показывая на салаты, которые он держал в обеих своих руках.

— Ну что ты, как маленький? Иди вон у Анжелы спроси, она занимается сервировкой стола! — Игорь покраснел под моим внимательным взглядом и двинулся к столу, возле которого царил Анжела.

Они с Максимом внезапно поменяли планы и решили праздновать с нами.

Я поймала взгляд Анжелы и прошла в подсобку, где висело зеркало в полный рост. У зеркала уже обнаружилась Тоня, рассматривающая себя со всех сторон так придирчиво, что немного раздражало.

— Насмотрелась, молодец, подвинься! Уступи место более...

— Ммм? — с интересом посмотрела на меня Антонина, крася губы помадой.

— Тоня... — я внезапно забыла обо всем. — Ты красишься?

Моя новоиспеченная подруга покраснела.

— Что творится со всеми, что делается, — подивилась я и, воспользовавшись Тониным замешательством, оттеснила ее от зеркала.

— Синее платье. — Заметила я, не замечая, как тоже начинаю придирчиво оглядывать себя в зеркале. — Вот чего мне не хватало в жизни. Определенно.

— Очень идет твоим глазам. Они становятся такого насыщенного синего оттенка. — рассеянно отозвалась Тоня.

— Правда? — меньше всего меня раньше волновали какие-то платья. Сегодня почему-то

хотелось быть красивой, даже для себя.

— Хотя все это ерунда, разумеется. Какая разница, в каком ты платье, как разница, в каком я платье...

— Ну, не скажи. Надо же нас как-то отличать друг от друга, — отметила я шутливо.

— Если это лишь пустые надежды, — закончила она свою туманную мысль, кажется, даже не слушая меня.

— Это не платье ерунда, это ты несешь ерунду! — возразила я, разглядывая ее в зеркале. Она сидела в кресле, положив подбородок на кулаки, как это часто делала я. Я отвернулась от зеркала. Взглянула на нее.

— Прекрати строить жалобные рожи и корчиться воображаемыми муками! Это будет и останется тем более пустыми надеждами, если ты будешь сегодня сидеть с такой вот постной рожей.

— Можно подумать, что если рожа не будет постной, это кто-то заметит.

— Все он заметит. Уж поверь мне, — сказала я решительно.

Она помолчала, обдумывая мои слова, затем встрепенулась.

— Ты знаешь? Разве я говорила?..

— Я же не слепая.

— И он... тоже?

— Он определенно тоже, но он ничего не замечает, можешь мне поверить.

— Прекрати паясничать, Трубецкая!

На середине перепалки впорхнула Владилена.

— Только вот потасовку здесь не устраивайте! — предостерегла она.

— Если будет драка, от крови помещение отмывать все равно мы будем, — резонно заметила я.

— Нет, я к тому, что потасовку удобнее устраивать не в такой тесной камерке. А то прольется чья-то кровь... — зловеще пропела она.

— Владилена Аркадьевна! — хором воскликнули мы с Тоней.

— Так, Варька, ключи я отдала твоему красавцу Смирнитскому...

— Он не мой красавец! — гневно отреагировала я.

— Он и сам по себе красавец, поэтому ключи все равно у него. Но тем не менее, я полагаюсь на твою добросовестность, аккуратность и...

— И на твою любовь к этому рабочему месту, — подсказала Тоня насмешливо.

— Вот-вот. Так что веселитесь, девочки-мальчики. С Новым годом!

— А вы с кем празднуете? — остановили мы ее напоследок.

— А имя моего кавалера, дорогие дамы, я с вашего позволения, пока утаю! — лукаво хохотнула Владилена. — Салют!

— Салют! — хором откликнулись мы.

— Вот даже у нее все хорошо. — Высказалась Тоня, когда за хозяйкой закрылась дверь.

— Что значит, даже у нее? У нее и должно быть все хорошо. Знаешь, сколько она пережила...

Тоня промолчала. Я снова посмотрела на нее в зеркале.

— И у тебя все будет хорошо. Сегодня вообще-то Новый год! И чудеса случаются.

Антонина встретилась со мной в зеркале взглядом.

— Интересно, что ты сделаешь с тем, кто скажет тебе, что Деда Мороза не существует?

Но я-то точно знала, что он существует.

И об этом мне напомнили Марк и Максим.

— Начинай ты! — низким голосом Максима заметила Снегурочка, появляясь из темноты подсобки.

— Твои слова были первыми! — прошипел Дед Мороз, казавшийся рядом со Снегуркой щуплым недомерком. Секунда — и он мелькнул за спиной Максима и спрятался куда-то за елку, едва успев подобрать красный плащ.

— Здравствуйте детишки, девчонки и мальчишки! — записклявил Максим, комично приподнимая нарисованные брови.

— Привет! — выкрикнул Миша.

Все сидящие за столом хохотнули.

— А что так слабенко? — продолжала веселить народ Снегурочка. — Мало манной каши ели?

— Мало чая с коньяком пили! Замерзли совсем! — продолжал диалог Миша из-за стола.

— Да и скучно у вас как-то, невесело. Вроде Новый год, а вы в темноте сидите. А знаете, что надо сделать, чтобы было не так темно и скучно на празднике?

— Открыть бутылку шампанского! — задорно отреагировал Миша.

— Товарищ певец, — просипел Дед Мороз голосом Марка из-за елки, — Не сбивайте мою внучку!

— Да ее и истребителем теперь не собьешь — на своего любимого конька твоя внучка села!

— Ну и так кто же мне ответит, детишки? — напирала Снегурка. Она и правда была, что надо — напориста и приторно весела.

— Надо поджечь елочку! — бойко выкрикнул Игорь.

— Неправильный ответ! — просипел Марк.

— Итак, несмышленные детишки мои, чтобы праздник удался, нужно всем трижды прокричать «Елочка, гори!»

— А почему не «Сим-Сим, откройся!»?

— Итак, раз, два, три...

Все хором:

— Елочка, сгори!!!

— Миша!

— Ну что, мы же дети! Кстати, почему Дед Мороз не принимал участия в торжественном поджоге? Что это он по каким-то кустам прячется? Или он у вас по совместительству и пиротехником подрабатывает? Раскрутился дед на старости лет!

— А Дед Мороз сейчас всем раздаст подарки. По работе и награда!

— Ох-хо-хо! — выполз из-под елки Марк. Наклеенная борода его отрывалась с одного конца. За столом уже не просто похихикивали, Смирнитский, например, почти лежал под столом от смеха. — Притомился я, детишки, целый месяц нес вам подарки по лесам и болотам! И добрые люди мне встречались, и злые...

— Добрых людей, как мы можем судить, больше оказалось! — подключился Игорь.

— Но все вы, я надеюсь, хорошо себя вели в этом году, правда?

— Ишь чего захотел, — раскатисто отозвался Миша.

— Так хотите получить подарки, не слышу? — Марк приставил к уху ладошку, показывая, что хочет услышать, как мы кричим.

Мы затопали и заорали, как будто вчера сбежали из детского сада.

— Ну что ж, пусть каждый засунет руку в мой мешок и достанет оттуда то, что первым ему попадется. Это и будет ваш подарок. Мой мешок непростой, он все-все о каждом из вас знает! Так что каждому будет своя награда, справедливая.

— А у вас там бутылки чего-нибудь покрепче шампанского не завалилось, дедушка? А то я просто требую справедливости!

— Будет и на твоей, милоч, улице праздник!

Похрамывая, Марк приблизился к тому краю, за которым сидела Тоня и вытянул перед ней красный объемистый мешок, чем-то набитый.

Тоня, весело улыбаясь, утопила в нем руку. Все разом притихли.

Вытащила она ее оттуда уже с микрофоном, самым настоящим, к которому была примотана записка.

— Это тоже мне?

— Хочешь, читай вслух, красна девица, хочешь обожди одиночества!

И где Марк таких выражений нахватался?

— Да я прочту. Тут вообще какой-то бред... «Счастье. То, что на расстоянии вытянутой руки».

И все. Больше ничего не было.

— Многозначительно. — усмехнулась Тоня, но мне показалось, что руки у нее дрожат.

Там обходя одного за другим, Дед Мороз раздарил всем свои подарки, причем каждый вытаскивал именно то, что больше всего подходило именно этому человеку.

— А ты еще не верила в него... — шепнула я, указывая на Деда глазами. Тоня робко улыбнулась.

— Ну, детишки, каждый свой подарок уже вытащил, но не спешите пробовать, пока что? Пока куранты не пробьют 12 раз! — выскочила на середину зала Снегурка.

— Снежную бабу на мыло! — завопил Миша.

— Один...два...три...

Я быстро развернула свою записку, которая была прицеплена к подарочному свертку.

На ней стояло всего одного слово: «Доверие».

— Девять...десять...

Я быстро оглянулась, будто боясь, что кто-то прочтает сквозь лист то, что написано на бумаге.

— С Новым годом!

— С Новым годом!

После первых поздравлений появились Марк и Максим в своей обычной одежде с таким видом, будто и не были здесь пару минут назад.

— Простите, опоздали, — смущались они.

— А то как же! Электричка посреди поля встала! — высказался Миша.

Друзья переглянулись и уселись с разных сторон от певца, пользуясь тем, что Мишина жена отошла.

— Ты-то сам спеть не хочешь, певец полей? А то все больше горланишь...

— А вам-то откуда знать, вы же только пришли! — хитро усмехнулся Миша.

— Да мы сейчас Деда Мороза встретили со Снегурочкой. Они стащили кучу еды у вас со стола и велели не ходить к вам на пустой желудок.

...Пока все были заняты разговорами и едой, а Миша и компания продолжали веселить публику, я вышла в туалет. Под обнажающим взглядом зеркала еще раз развернула записку.

«Доверие».

Как просто.

— Варвара.

Я посмотрела в зеркало. У входа маячил Максим, смотрел странным своим всезнающим взглядом. Волосы казались темнее, чем обычно, орлиный взгляд, усмешка — все на своих местах.

Максим прикрыл дверь, отдалив звуки грохочущей музыки.

Засунул руки в карманы. Я все наблюдала.

— Я хотел... извиниться. За тот поцелуй.

Видимо, на моем лице отразилось что-то вроде изумления, потому что он поспешно продолжил:

— Видишь ли, тебя крайне сложно застать в одиночестве, — он усмехнулся. — И мы совсем перестали общаться в последнее время. И я все думаю, не из-за этого ли...

— А ты проницателен, — подала я голос, решив, что дальше молчать бессмысленно. — Я уже сказала, что мне сейчас не до игр, и уж больше всего за эти месяцы мне надоели именно твои игры.

— Прости?

— Хочешь сделать вид, что не понимаешь? Ладно, поясню. Анжела и роль, которую ты просил для нее, преследуя какие-то свои цели, внезапная дружба с Марком (извини, но я тоже считаю это немного странным), твоё вранье, что ты не умеешь танцевать, тот поцелуй... И теперь ты извиняешься. Зачем? Какой смысл? Зачем придавать этому такое значение?

Он пожал плечами.

— Просто тебе это было неприятно.

— Извинение как-то запоздало, не находишь?

Я опять повернулась к зеркалу, наблюдая за выражением его лица. Он снова не сумел скрыть некоторой беспомощности, бессилия. Поймал мой взгляд, шагнул ближе.

— Похоже, лучше всего у нас получается общение вот так. Через зеркало, — усмехнулась я.

— Не самое безопасное общение, на мой взгляд. Ну хотя бы потому, что я все же могу прикоснуться к тебе.

— Ты думаешь, я этого боюсь?

— Ну... я явно тебе неприятен.

Я снова развернулась.

— Нет, Максим. Просто я совсем тебя не знаю. Как и тогда, много месяцев назад. Ты успешно скрываешься ото всех, маскируешься, как только можешь, а потом еще с какой-то обидой заявляешь, что ты мне неприятен. Стоит ли удивляться...

— Тогда откуда ты можешь знать, что я постоянно играю, если ты меня не знаешь? — усмехнулся он.

— Потому что... потому что я это чувствую, — я махнула рукой. — По твоему поведению, словам, жестам, по всей этой преувеличенной таинственности, которой ты себя окружил. А я доверяю своим чувствам.

— Доверяешь? — сбоку посмотрел он на меня.

Он знает?..

— А если именно сейчас я не играю...

— А ты докажи это.

Все были уже изрядно пьяны.

Я пробралась среди танцующих под Мишину песню к подсобке и вошла, собираясь отсидеться там, пока перестанут гореть щеки.

Я не могла объяснить, что чувствую, когда ловлю его частый взгляд на себе. Любопытство... недоумение... нет, не то.

Волнение... страх... горечь... нет, опять нет.

Только с каждым разом мне открывалось что-то еще более неожиданное, чем прежде.

— Прости, — услышала я шепот из глубины подсобки.

Боже мой, я как всегда вовремя, молодец.

— Ты просишь прощения? — голос показался знакомым.

— Я не должен был...

— Мы уже все поняли, что ты должен, а что нет. А вот чего ты хочешь на самом деле?

Я быстро вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Подошла к столу, взяла бокал шампанского.

Обернулась, и тут меня чуть не сбила Анжела. Она не видела меня и кажется, неслась к туалету.

— Что?.. — вопрос так и замер. Я посмотрела в то место, откуда она неслась. У окна стоял Игорь, глядевший ей вслед виноватым щенячьим взглядом.

Марк бесился в центре зала со своей очередной кралей, опять блондинкой. Я не могла к нему подойти. Настя — девушка Толи — насмешливо болтала за столиком с Игорем, Смирнитский танцевал с женой Михаила. Он что-то рассказывал ей, она смеялась. Максим куда-то пропал.

Я тихо поставила бокал на пустой стол, натянула пальто и вышла на улицу. Расчистила снег на перилах, облокотилась.

По улицам горланили компании, совсем рядом взрывались петарды, повсюду слышался смех.

— С Новым годом, девушка! — это какая-то компания прошла мимо. Я помахала им рукой. И не заметила, как кто-то облокотился о перила рядом со мной.

— У меня такое чувство, что все сегодня сошли с ума.

Я совсем не удивилась, услышав голос Максима.

— Они просто не верили в Новогоднее чудо. Но чудо их обхитрило, — усмехнулась я.

Из кафе донесся голос Джеймса Бланта.

— Самое то для такой ночки, — прошептала я, поворачивая лицо к Максиму.

Он наклонился и медленно, как в замедленной съемке, как и тогда, в театре, поцеловал меня.

Я быстро отвернулась.

— Вот тебе и Новогоднее чудо, — негромко пробормотала я.

Он спустился по ступенькам и, прежде чем уйти, поднял голову ко мне и проговорил:

— Я бы хотел, чтобы ты верила мне.

— Такое сложно заслужить, — усмехнулась я. — Боюсь, поцелуи тут не помогут, даже поцелуи врасплох.

— Все зависит от тебя. Ты попробуй.

Он пошел по улице, огибая буйный народ.

— Я уже пробовала, поверь мне.

Я прикоснулась тыльной стороной ладони к губам. Затем вошла в кафе и закрыла за собой дверь.

Х. Январь-Февраль

— Пора раскрыть карты.

— Интересно. — Я подняла голову от книги, закладывая страницу рукой.

— Я знаю, что давно должна была сказать тебе обо всем, но... в общем, боялась твоей реакции...

— Наверно справедливой? — улыбнулась я, глядя, как мама неуверенно шагает из угла в угол.

— Я хочу рассказать, почему я так мало была дома в последнее время... в последние месяцы.

— А, — протянула я, садясь на диване. Это был действительно интересный разговор. — Мам, прекрати метаться!

— Да. — Она остановилась напротив. — Да. В общем, кажется, я выхожу замуж.

Мы помолчали.

— Так, — тихо произнесла я, чувствуя, как в голове зашумело. — Так, и как я должна реагировать на это?

— Пожелать счастья? — неуверенно попыталась она превратить все в шутку. Потом села рядом под прицелом моего взгляда. — Слушай, я не могла рассказать. Потому что не знала, что из всего этого выйдет, не знала, есть ли продолжение этим тяжелым отношениям. Он разводился с женой, мы расставались и встречались снова.

— А он — это кто? — я решила начать с самых простых вопросов.

— Его фамилия Шереметьев. Только не смейся, ладно? Он бизнесмен, мой старый клиент...

— Так вот кого бабушка однажды назвала графом, — дошло до меня.

Ну что ж, нельзя сказать, чтобы я не догадывалась. Это, кажется, был самый очевидный ответ из всех возникающих в последнее время вопросов.

Мы помолчали.

Вот только я не думала, что дело зашло так далеко.

— Хм, спасибо, хоть до свадьбы сказала обо всем. Могла заявиться с ним сюда из загса и только тогда поставить в известность, — медленно закипая, заметила я.

— Ну вот... — мама устало вздохнула, потянулась к сигаретам на подоконнике, закурила, приоткрыв форточку. — Так я и знала.

— Мам, но нельзя же так! Нельзя сразу обрушивать на человека столько информации!

— А как? Готовить тебя к этому постепенно? Господи, ты такой ребенок, Варька, такой еще ребенок! — она выдохнула струю дыма и снова затянулась. Потянулась к пепельнице, потушила сигарету. Рыжие волосы заблестели, попав под прицел солнечного луча. Я вздохнула, выпрямилась. — С тобой совершенно неизвестно, какой реакции ждать! Когда тебе объявляешь сразу, ты закатываешь истерику, говоришь обо всем постепенно — опять же истерика, но растянутая на годы! А вспомни своего отца!

— А что с моим отцом?

— А ты уже не помнишь, сколько ты нас мучила?..

— Отлично, мам. Лучшая защита — нападение, правда? Я вас мучила. А меня вся эта ситуация не мучила, что ли? Мы сейчас на тебя вывалим парочку скелетов из своих шкафов — у нас, видишь ли, инвентаризация! — а ты уж разбирайся, как хочешь, только не ной, а то

и без тебя проблем полно! Справляйся с этим как-нибудь сама!

— Но разве мы когда-нибудь так вели себя с тобой?

— Я не буду говорить про отца, но последние полгода ты именно так себя и вела. Хотя со стороны не видно, я понимаю.

Мы опять замолчали. Я уставилась в окно, чувствуя себя противным капризным ребенком. Но я не хотела им быть. И как мне казалось, уже давно им не была.

Поэтому я глубоко вздохнула и повернулась к матери.

— Ну так когда свадьба?

— Мы думали о весне, — проговорила она, кажется удивленная, что я так быстро сменила гнев на милость, — но без тебя не хотели назначать точной даты. Вам с ним надо сначала познакомиться.

— Отлично. Познакомимся. И когда?

— Хочешь, на будущей неделе? Он придет сюда, мы поужинаем вместе. Ты скажи только, когда не будешь работать.

Я поспешно встала, натягивая свитер.

— Ладно. Я пока точно не знаю. Кажется в среду у меня свободный вечер. Но это если в театре не поставят никакой спектакль на этот день.

— А ты куда?

— В театр. Я совсем забыла, у меня репетиция через полчаса.

— Ну иди.

Я вымелась в коридор, натянула сапоги, на ходу влезла в пальто, схватила сумку.

— До вечера. Или вечером...

— Я буду дома. — Пообещала мама, выходя за мной.

— Ну да. Отлично. Пока.

Я захлопнула дверь и сбежала по лестнице.

Вдохнула морозный воздух. И побежала.

Прочь, прочь.

— Не знаю, почему это так волнует меня... Чувствую я себя так же, как и в детстве, но уже не буду совершать тех поступков! Побег не для меня. Только... как же со всем этим справиться? Никто не учил меня, я не хотела учиться этому прежде, — я почти задыхалась, произнося это. Почти задыхалась.

Марк взял меня за руку, крепко сжал ее.

— Так часто бывает, когда родители повторно выходят замуж или женятся. Может быть, в глубине души ты считаешь, что этот граф отнимает у тебя мать. Но все привыкают постепенно, и ты привыкнешь. Это лишь предубеждение, пока ты не узнала его, как человека.

— Но Марк... я же вроде взрослый человек. Конечно, не такой взрослый, как она, но... мне недавно исполнилось 18, я окончила школу, я сама принимаю решения и сама же за них отвечаю, как в случае с универом, например, — а ведь не сказать, чтобы это было простое решение для меня. Я работаю, играю в театре — так почему же я сама не могу справиться со всем этим? Почему меня продолжают преследовать какие-то детские страхи, от которых даже возраст не может вылечить! Почему мне обязательно нужно выплакаться кому-то в жилетку, чтобы почувствовать себя лучше? Почему я сама не умею решать свои проблемы, слабая, безвольная, никчемная! Меня даже злость на себя берет от этого безволия и слабости!

— Ты не безвольная и не слабая, прекрати это немедленно! Если у меня будут неприятности, я позвоню тебе — я и так постоянно это делаю. Друзья и нужны как раз для того, чтобы помогать в таких ситуациях.

Мы шли по оживленной улице к театру. Пар вырывался у нас из ртов, но мы бродили кругами, пытаясь докопаться до истин, к которым каждый приходил своим путем.

— А что касается твоей мамы и ее будущего мужа... Это вообще для тебя очень болезненная тема, и ты это прекрасно знаешь! Так что стоит ли удивляться, что тебя теперь так ломает от этого? Ничего, познакомись с этим графом, испробуешь его на прочность — ты же это умеешь, мы оба это знаем!

Он пытался развеселить меня, и я ответила на его улыбку, но слова еще просились на язык. Я остановилась.

— Все дело в том, что я чувствую себя виноватой. Перед отцом, — пояснила я, глядя, как Марк в недоумении поднял брови. — Я вела себя просто мерзко. Два года, что он приезжал ко мне, я практически не давала ему шансов подружиться со мной. Я мучила его, маму, бабушку и себя. Если бы я раньше... раньше дала ему понять, что мне не плевать, что мне не все равно... — я быстро вытерла натекающие слезы, — но все эта проклятая гордость! Мне хотелось, чтобы ему было больно так же, как когда-то маме, как мне за те долгие детские годы!

— Я думаю, он все понимал. Прекрасно понимал, когда твое отношение к нему изменилось. Спорю на что угодно, что ему доставляли удовольствие ваши с ним пикировки. Это связывало вас крепче, чем пустые нежные слова. Ты же на самом деле любила его. Только не хотела выставлять это напоказ.

— Не хотела, чтобы он понял, что я легко сдалась, — мрачно поправила я. Мы стояли за углом театральной студии, скрывались от ветра. Лицо мое внезапно просветлело: — Ты голос моей совести, Марк Грозовский. Торжественно нарекаю тебя этим именем!

Марк склонил голову, не забыв перед этим снять шапку.

— А знаешь, что? — внезапно сказала я. — Давай не пойдем никуда, а?

— Но...

— Ну, Маркуша, хороший мой, — я уже тянула его в другую сторону. — Не умрут они без нас на этой самой репетиции! Пошли шататься по городу. Зайдем потом к Владилене, горячего шоколада выпить?

— Эх ты, бестолочь! — заявил он, беря меня под руку.

— Я обожаю тебя, — серьезно сказала я.

— Я знаю, — скромно ответил он.

— Кстати, расскажи мне, что там у тебя с той блондинкой? Как бишь ее... Катя? Или Клава?

— Катя... — засопел Грозовский.

Я не знаю, когда все изменилось. Быть может тогда, когда мы с Максимом большую часть репетиции бежали навстречу друг другу?

Тот самый момент, когда Дмитрий возвращается, поняв, что так и не может оставить Аню одну, а она понимает, что он все-таки не предавал ее. Они видят друг друга и начинают идти навстречу, пока не сталкиваются в одной точке и не обнимаются. Обычно это происходило у самого подножия сцены.

Максим взбегал по ступенькам от входа к сцене, я спускалась со сцены.

В тот день — это была первая репетиция после зимних каникул — мы совершали этот

безумный сход раз двадцать не меньше, и каждый раз Яша орал:

«Не то, не то, не то! Вы не чувствуете, вы не понимаете, что вы играете! Что случилось с вами за несчастные две недели?»

Взмыленные, мы мрачно смотрели друг на друга. С каждым разом у нас получалось все хуже, нам не хотелось «чувствовать» этот момент, только играть.

— А я бы, наверно, все-таки ушел, — проговорил Максим, садясь рядом со мной во время перерыва на сцену, — наверно в этом все дело.

— О чем ты?

— Ну, в смысле, я бы уехал. Сел бы на тот поезд.

— Ты бы совершил предательство? — изумилась я.

— Да нет, — пожал плечами Максим, — Но я бы не вернулся, если бы знал, что она не любит меня. И что эти отношения принесут ей вред.

— Но она любит, — заметила я, — и в этой ситуации ей плевать на какой-то мифический вред.

— Да, но он вряд ли знал это наверняка. Я более гордый, чем он, получается.

— Значит, ты бы не вернулся, — констатировала я.

— Если отрезать, то навсегда, — взглянув на меня, мрачно ответил Максим.

— Но твоя гордость слепа. Она выше любви, а это уже плохо. Дмитрий в этом плане самоотверженнее. Любовь превышает его самого.

— А разве это так важно в любви — самоотверженность? Разве самое важное — это не сама любовь?

— Не знаю, для кого как, но для меня самоотверженность важна. Иначе на что годится твоя любовь, если с ней ты ходишь как сыч, лелеешь ее, причиняя лишь боль тому, кого любишь!

— Хм, — Максим задумался. — Все это так, но, опять же, если эта любовь взаимна. В такой любви самоотверженность высшее качество. А если она не взаимна?

— Все равно в данном случае это трусость — бояться услышать отказ собственными ушами. Надумать предположений, забить себе ими голову может любой. А вот достойно принять ответ...

Максим посмотрел на меня:

— Почему ты так хорошо это понимаешь?

— Ты тоже хорошо, просто по-своему.

— Но ты мыслишь их категориями.

— Наверно, совпадение. Именно поэтому я так захотела получить эту роль тогда, в июле. Она поразила меня тем, как много там есть моего! А ты... извини, если ошибаюсь, но мне кажется, у тебя есть какой-то реальный пример, в котором ты выбрал бы такой путь. Но самое главное, что ты — это не Дмитрий. Вот что сложно осознать для себя.

— Значит, реальный пример, — тихо заметил Максим. Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент вернулся Яша.

— Продолжим, пожалуйста. Ну что ж, поразите меня!

Максим подал мне руку, мы встали.

— Да, Варвара, — задумчиво проговорил он, глядя мне в глаза.

Я так и не поняла, к чему относилась эта фраза.

Странно, но в этот раз «сход» удался. Не знаю, то ли помогла передышка, то ли наш разговор сыграл в этом какую-то роль, но Смирнитский даже в ладоши хлопнул. Наверное,

все-таки не ожидал, что мы сможем его поразить.

Но я вдруг резко выдохлась. Будто это столкновение перед лестницей выжало из меня все соки, хотя ничего особенного там действительно не было.

Я сидела в первом ряду, смотрела, как Максим доигрывает сцену с Анжелой, и будто видела его в первый раз. Действительно, в первый раз. Я не видела обычного его высокомерия, отстраненности, обособленности, саркастичности и скептицизма. Все это было лишь то, за чем он успешно прятался — умный, обаятельный, талантливый. Настоящего так много, что оно прорывается постоянно в последнее время (или это я стала больше понимать его?) в наших разговорах, в его внезапных поступках — как тогда, на праздновании Нового года, в его игре в театре, в его образах. Если бы в нем не было всего этого, вряд ли он мог бы так играть. Вот оно несоответствие. На сцене он нравился всем, его любили. А в жизни он осторожничал. Значит, что, эта осторожность — тоже игра, маска, как я и думала? Впервые в жизни мне захотелось действительно не просто осудить его за это или навесить нелюбезный ярлык, а просто узнать.

— На сегодня все, — вещал Смирнитский. — Завтра в это же время, пожалуйста. И не опаздывайте!

Не знаю, зачем я поднялась вновь на сцену. Тем было уютно-полутемно. Все разошлись, не заметив, что я осталась. Мне нужно было так мало. Всего лишь понять.

— Варя.

Ну конечно.

— Я могла бы догадаться.

— Ты и догадалась, иначе не осталась бы и не поднялась бы на сцену, — Максим вышел из кулисы.

— Да... — я помедлила. — Наверное, нам нужно поговорить.

— Думаешь, есть смысл?

— Думаю, да. А если бы я не осталась?

— Осталась бы.

— Я так предсказуема?

— Нет, но когда ты сидела в зале, у тебя было все на лице написано, — улыбнулся он.

— Наш разговор сейчас во время перерыва, — помолчав, начала я.

— Да, — он кивнул.

Я развела руками.

— Так зачем мы здесь? — спросила я.

— Во время Новогоднего праздника ты сказала, что тебе нужна правда.

— А ты сказал, что все это не игра.

— Да, — он кивнул. — И я не вижу другой возможности доказать это, кроме как сказать правду.

— Какую правду? — покрутила я головой.

Он посмотрел мне в глаза тяжелым взглядом.

— О том, что мне невыносимо твое присутствие, чем дальше, тем больше ты... убиваешь меня. Не знаю, как еще это назвать, убиваешь, растаптываешь, лишаешь воли. Ты только заходишь в зал, а я уже знаю, что ты здесь. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Недавно в толпе я услышал запах твоих духов и пошел за ним. Только через несколько минут я осознал, что происходит вокруг. Это была другая девушка, но я до сих пор не знаю, хорошо или нет, что это была не ты.

Я отступила на шаг.

— И ты не мог выбрать другие декорации, чтобы доказать, что это правда? — выпалила я. Понимала, что говорю не то, но чушь лезла помимо воли. Я растерялась. Ничего подобного не ожидала. Даже приблизиться к этому не могла.

— И это твой ответ? — мрачно сказал он.

— Нет, нет! — я вытянула руки, перевела дух. — Нет. Прости меня. Просто я даже подумать не могла, что...

— Ну вот. Теперь можешь.

— Да. Но я... не знаю, что ответить.

— То, что чувствуешь, — сделал шаг навстречу он.

Я усмехнулась невесело.

— Если бы это было так просто! Еще месяц назад я не могла даже по сторонам смотреть, не видела других людей. Чувствовала, как что-то замерзло внутри так, что даже думать о каких-то чувствах невозможно. И сейчас я не знаю, не готова к каким-то новым серьезным отношениям. Было бы глупо тебя в этом обманывать.

Я чувствовала себя странно? Нет. Я чувствовала себя ужасно. Как будто это я сейчас была на месте Максима, а если то, что он говорил, было правдой (на самом деле я была уверена, что это правда), то ему сейчас было, мягко скажем, нелегко. Я бы лично искала изъяны в себе. Я такая плохая, будь на моем месте кто-то другой, и ответ был бы другим.

Но на самом-то деле все было не так. Он был не виноват. И делать его мальчиком для битья, который получит совсем не то, на что он рассчитывал, я не смогла бы. Слишком жестоко.

Максим смотрел на пустые ряды зала. Казалось, все замерло, и он мог бы простоять так еще много часов, судя по его взгляду. Но я знала, что все сейчас в нем напряжено — дернешь струну, она зазвенит.

— Прости меня, — в тишине я спустилась по ступенькам, вышла за дверь, надела пальто, вышла на улицу. Стояли морозы — щеки сразу же обожгло ледяным ветром.

Прости меня! Глупее слов не придумать. Прости меня...

Что толку в этих словах? С какой бы жалостливой миной ты ни произносила их, они ни к чему, потому что не могут принести облегчение ему, да и вообще никому. Только тебе. Потому что этим ты требуешь облегчения своей беспокойной совести, как бы снимаешь всю ответственность за сказанное и за его чувства. Я же не виновата, что ему нужна именно я, я-то тут не при чем!.. Вот что ты делаешь, драгоценная Варвара Трубецкая, опускаешься до какой-то бульварной пошлости, а человек, которому ты сказала эти слова, не меняет даже выражения своего лица!

Все также будет смотреть на пустые ряды — не получит ответа. Пойдет по улице, но едва ли заметит вот эту январскую стужу, и все также будет искать ответ. А в чем же он виноват? Совсем ни в чем. Так вроде и ты не виновата, несмотря на пошленькие фразочки, а вот легче от этого не становится.

Я стояла перед подъездом своего дома и не спешила входить. Мне вспомнились слова из монолога Максима, точнее, Дмитрия «Что счастье для меня в ненастный день?»: «Но вот если ты сегодня мне скажешь: «Завтра я пойду своим путем, а ты своим», — тогда я не стану несчастным (потому что наш путь вместе никак нельзя назвать счастливым), я лишь пойму, что моя удача мне изменила. И никогда мне, теперь уже действительно никогда, не прийти к этому счастью. Даже мечтать не о чем».

Черт побери все на свете! Почему я готова проклинать Андрея, лишь бы Максим снова стал высокомерным, насмешливым, циничным, чтобы у него не было таких больных глаз, чтобы он не произносил, чеканя каждое слово: «ты убиваешь меня...»

Но хотя мы так и расстались с Андреем — никак, безысходно, я не могу отвернуться от того, что было, потому что это только мое. Без этого, без него, без всего, что нас связывало, я не была Варварой Трубецкой. Лишь бледным отражением в зеркале с потухшими глазами.

Так что надо не сетовать, а что-то делать. Что-то делать. Только вот что?

Мы не виделись с сентября. Время от времени он посылал мне более или менее бессмысленные сообщения, я отвечала так же легко и бессмысленно. Это были странные отношения, они заковывали нас в свои рамки, те самые, за которыми нет права на ошибку. В его отсутствие в Воронеже я передумала массу веселых и не очень дум, пришла к разным выводам — утешительным или, опять же, не очень. Но все оказалось намного, намного проще при личной встрече.

Он выделялся из толпы — высоченный, голубоглазый, в клетчатом шарфе — я слегка вздрогнула, увидев его.

— Борис! — пошевелила пальцами.

— Да ты еще и без перчаток, — покачал он головой.

— Ты здесь по заданию или просто так? — спросила я, когда мы зашагали по улице.

— И по заданию, и просто так. К тебе.

— Похвально, ко мне, — улыбнулась я. — А пошли, напьемся! — предложила я.

— Подростковый алкоголизм? — внимательно посмотрел он на меня.

— Иди ты, алкоголизм, — я ткнула его в плечо, мы засмеялись.

Странно, но чувствовала я себя с ним так же легко, как с Марком.

— А ведь мы видимся всего четвертый раз в жизни, — внезапно сказал Борис, будто думал о том же, что и я.

И тут мне пришло в голову, что возможно и нет этих самых рамок, они только там, в голове! Какая разница, сводный он мне брат, друг, сын отца, который бросил мою маму... Это все неважно. Борис — не отец, да и последний, в конце концов, был прощен, помилован, реабилитирован, или что там можно еще придумать...

— Тебе не кажется, что люди все усложняют?

— О чем ты? — он посмотрел на меня.

— Тебе легко со мной общаться? — ответила я вопросом на вопрос.

— Как будто тысячу лет знакомы, уже говорил! — улыбнулся он.

— Эх, ты! Тысячу — мыслишь стереотипами! Миллион, миллиард!

— Ты забавная, Трубецкая, слышала об этом? — усмехнулся он. — И знаешь, что самое во всем этом замечательное?

— Что?

— Что ты такая и есть на самом деле. В моей профессии люди, чаще всего, не те, кем они являются на самом деле. — вздохнул он.

— А что если я тоже притворяюсь?

— Ты была такой с самого начала. Мы часто подстраиваемся под человека, который с нами рядом, а ты вела себя так еще не зная, не подозревая, кто я есть. А потом, узнав, не изменилась. Это дорогого стоит.

Мы помолчали.

— Так что там про усложнения?

— А то, что меня так долго волновало, что ты мой сводный брат, что у нас общий отец, что этот самый отец бросил твою маму во время отношений с моей, а потом вернулся обратно... Я даже завидовала, что с тобой он был так много лет, а обо мне вспомнил, лишь когда мне стукнуло 14. Но...

— Что-то изменилось? — внимательно глядя на меня, поинтересовался Борис.

— Да, — я кивнула. — Я увидела тебя сегодня и поняла, как это теперь неважно. Ты вполне себе такой не людоед, — он усмехнулся. — И твои глаза, твои волосы — все это не перестает меня удивлять! Мы действительно похожи!

— И выбрали одну профессию.

— И встретились случайно.

— И я не хочу терять с тобой связь, Варвара. Потому что иногда понимаешь, что есть люди действительно несчастные. Кто-то единственный ребенок в семье, а кто-то сирота. Иногда родственники ссорятся по пустякам и не видятся много лет. И все из-за ерунды. А потом начинают жалеть. Знаешь, сколько я таких семей перевидал? А ты... я хочу, чтобы ты знала, что несмотря на то, что отца больше нет, ты не потеряла его, по крайней мере, в моем лице.

— Спасибо, — улыбнулась я в шарф. И беря его под руку, сказала насмешливо: — А знаешь ли, братик, как многие завидуют нашему цвету глаз, а? Только и слышу комплименты по этому поводу?

— Правда? — удивился Борис. — Так и я тоже, не поверишь!

Мы переглянулись и расхохотались.

— Ну что, довела? — этим чудным вопросом меня встретила Анжела как-то в начале февраля.

— Не понимаю, о чем ты, — я прошла мимо, бросила пальто в кресло.

— Думаешь, почему Максик вот уже две недели репетиций пропустил?

Вопрос был с подвохом и остался без ответа, я даже не нашлась сначала с ответом, а мимо меня тем временем проносился Смирнитский. За ним по пятам следовал Марк.

— Пять репетиций, один пропущенный спектакль! Что мне делать, может быть, ты мне скажешь?

— Оставьте последний спектакль в покое, ну разок не покажем его, поставим другой на замену. А в остальных спектаклях можно взять кого-нибудь из второго состава!

— Ну естественно, ты у нас разумный, все знаешь! — бесился Смирнитский. — А если я не хочу, если не хочу действовать разумно?!

— Вы как маленький ребенок, ей-богу! — высказался Марк, махая рукой. — Все равно ведь поступите разумно!

— То есть так, как ты сказал, — любезно уточнил Яша.

— Да вы это и без меня знали, так что нечего приbedняться! — фыркнул Марк.

— Вот! — Анжела, поворачиваясь ко мне, выразительно показала на Марка и Яшу.

— Что «вот»? — не сдержавшись, передразнила я ее.

— Максим...

— Максим болеет, и мы обе это знаем.

— Чем же он таким болеет, интересно? — издевательски протянула Анжела. Выглядела она странно. Щеки лихорадочно блестя, волосы растрепаны, под глазами залегли синие тени, как будто она уже давно не спала. И да, примечательная деталь — Анжела была не

накрашена. Анжела, которая из дома не выходила, не убедившись, что косметика покрывает ее лицо, как минимум одним слоем!

Так когда-то шутил о ней Марк.

— Ты сама-то не заболела? — осторожно спросила я.

— Не беспокойся! — дико расхохоталась она.

Резко повернувшись, начала пробираться между креслами к выходу. Едва не задела Смирнитского, все еще разговаривающего с Марком, толкнула Ингу, выскользнула за дверь.

Никто ничего не заметил.

Я села в кресло, поставила локти на подлокотники, сжала пальцы. Что-то странное творилось, что-то нужно было срочно менять, иначе так невозможно больше!

На следующий день после того ужасного разговора с Максимом в зале, он не пришел на репетицию. Это не вызвало бурной реакции, но Смирнитский попросил — и Анжела пообещала узнать, почему его не было. Пришла в следующий раз — сказала, что он заболел. Она разговаривала с ним по телефону. У него грипп.

Надо было быть душой, чтобы не провести параллель между этим его отсутствием и последним разговором. Я и провела, даже чисто машинально. Но он не приходил и потом, он действительно был болен, и я успокоилась. Я не верила, что все было так серьезно.

Прошла еще неделя, Анжела ходила сама не своя, но в таком диком состоянии она была сегодня первый раз. Что-то случилось, иначе она не стала бы язвить и говорить со мной так, как будто я знаю, в чем дело. И я забеспокоилась. Как будто ее истерия передалась мне волной паники. Не успокоюсь теперь, пока не увижу его своими глазами.

Увижу его? Это было что-то новое. Мне нужно было увидеть!

Репетиция сегодня не клеилась. Через полчаса после начала, Смирнитский разогнал всех, сказав, что ему нужно подумать, что делать со спектаклями, если Максима не будет и в следующий раз. Вдобавок, заболели некоторые ребята из танцоров — видимо, вирус все же летал в воздухе.

Все молча разошлись.

— Странно, правда? — рядом с моими вещами сидела Анжела, как будто мы и не заканчивали наш разговор.

— Что странно? — спросила я.

Она подняла на меня взгляд.

— Странно, что все так изменилось! А ведь еще вчера ты его терпеть не могла. А он терпеть не мог тебя.

— Анжел, я... все совсем не так.

— Так-так, — она кивнула. — Ты, конечно, отказала ему — вот видишь, я могу даже представить тебе примерную схему! Но он не оставлял попыток, совершал что-нибудь... внезапное, или настойчивое, или...

Я села в свободное кресло, глубоко вздохнув.

— Какая разница, как это было, если в итоге сейчас между нами ничего нет?

— О, поверь мне, есть. Есть. Думаешь, один отказ может все изменить? Если человек что-то чувствует, конечно.

— Ты так говоришь, как будто тебе все известно наперед, но это невозможно, — сморщилась я. — А между тем, дело не в том, хочу я или нет этих отношений, а в том, почувствую ли что-то и есть ли смысл обманывать человека? — сама не знаю, зачем я начала этот разговор. Могла бы помолчать!

— Да откуда ты знаешь-то, что не почувствуешь?

— Я знаю себя, наверно, получше, чем ты. И у меня есть причины так говорить.

— Ну конечно, — тихо заметила она, — какая-нибудь печальная история. Очередная.

Мне захотелось ее ударить.

Весь год я пытаюсь забыть все, но мне упорно напоминают да еще и заставляют объясняться. Хотя сейчас легче. Намного легче, чем раньше.

— Поверь мне, — продолжала она, глядя мне в глаза. — Наш Максим и не таких сламывал.

— А ну, разумеется, тебя! — разозлилась я. Меня раздражал этот разговор. Раздражало ее королевское пренебрежение и уверенность в абсолютном понимании чувств и отношений.

Сейчас в ее глазах промелькнуло изумление.

— А хоть бы и так. Только вот... история была несколько другая. Он был мне не нужен! Ну хотя бы потому, что упорно добивался моего внимания!

Настало время удивиться мне. Максим? Максим бегал за Анжелой! Этот Максим?

— Да, да! Я не обращала на него внимание! Он был просто одним из многих, я не выделяла его из толпы. — Анжела дико расхохоталась. — Мне доставляло удовольствие насмехаться над ним, давать от ворот поворот, унижать на глазах у всех — я всегда так проверяла чувства на прочность! Мне интересно было, как он будет вести себя в той или иной ситуации, до каких пределов дойдут его так называемые чувства, когда он сломается, оскорбит меня и перестанет замечать... или когда он несмотря ни на что приползет ко мне и будет как собачка на эластичном поводке!

— Но никто не выдержит такого, — проговорила я. — Любому надоест такое издевательство, и он просто разочаруется...

— О, я вела умную игру, я не выставяла себя такой уж откровенной стервой, но у меня была целая серия приемов — я так развлекалась, мне было скучно. Но вскоре мне наскучило и это — парни были слишком предсказуемы. Я могла предугадать, до какого момента он продержится и что он сделает в конце... А потом появился Максим. И я делала все как обычно, но потом он внезапно исчез, прервав мою игру. Он пропал, а я растерялась. И впервые меня кольнуло что-то похожее на искренний интерес. А потом он внезапно объявился. Как раз в тот момент, когда мое любопытство достигло высшей точки кипения. Был новогодний вечер, и он явился в середине, вытащил меня из толпы, кажется даже от какого-то кавалера, и сходу начал танцевать со мною. Танго. И мне ничего не оставалось, как полностью подчиняться его движениям, реагировать на каждый его шаг. И вот когда он вел меня, крутил, поворачивал, я осознала, что влюбилась в него. Вот так просто. Сдалась на милость победителю.

Нашелся наконец человек достойный моей гнусной игры, способный выдержать ее и даже выиграть по-своему, не давая права просчитать ходы. А все потому, что он сам был такой же, как я. Игрок. И он растасовал все карты так, что это не я стала диктовать правила игры, а он. И я-то думала, что после такого шедеврального возвращения, когда чуть ли не вся школа рукоплескала его танцу, а я, казалось, уже валялась у его ног, он предложит мне наконец встречаться. Но не тут-то было. Теперь он предлагал мне сразиться. Сыграть по его правилам. И я, конечно, клюнула. Он отлично просчитал меня. Он мучил меня долго, а я по дуруости своей сделала все, чтобы он понял, как сильно я влипла. Я уже не могла отказаться от этой игры. Так мы и играли, потому что обычный ход вещей был не для него. Предел нам только небо! Возможно, сначала он и был влюблен в меня, но это до тех пор, пока я не

задела его самолюбие. А потом, я так думаю, все его действия были направлены только на то, чтобы переиграть. Дать возможность реванша и самому же выхватить победу из-под носа. Влюбленность ушла, осталась одна игра.

И то, что это лишь игра, он осознал, когда появилась ты и бросила ему вызов.

— Я не бросала, — возразила я.

— О, нет, как ты знаешь, бездействие — это то же действие. В его случае именно это-то и оказалось действием. У тебя же на лбу было написано: «Не подходи. Убьет». В тебе он почувствовал слом. Почувствовал также, что ты не подпустишь близко. Почувствовал, что тебе до него нет никакого дела. И что он только не перепробовал — от игнорирования до тирании, даже с Марком начал дружить, потому что общалась ты близко только с Марком.

— Но они же... такие друзья!

— Сейчас, безусловно, да! А тогда поначалу — это было лишь одним из способов. Ты сама кричала, что он использует Марка — ты правильно все поняла, только не знала, для чего. Какими только способами он не пытался склонить тебя к игре, бросить вызов, обратиться на себя внимания — ничто тебя не трогало. И тогда он не заметил, как для него самого эта игра потеряла весь смысл. Но когда осознал, было уже поздно. Он влюбился.

Он много раз говорил, что пока отношения не переросли в стадию привязанности, их надо отпускать. Нельзя допускать кого-то близко к душе, потому что душа — субстанция хрупкая, а ему хотелось бы с ней еще пожить. В целом он был не оригинален в своих желаниях. Лично я целиком и полностью его поддерживала. Но я также знала, что никому не исполнить эту теорию в полной мере. Никому не избежать этой участи — привязаться.

Попав на эту удочку, я знала, что однажды попадет и он. Ждать долго не пришлось...

Я покачала головой, словно пытаюсь вытряхнуть из себя такое количество информации.

— Одного не понимаю, зачем ты все это рассказываешь мне?

Анжела усмехнулась.

— Это, конечно, интересный вопрос. Ну, считай, что мне нужно было выговориться; считай, что у меня нет причин молчать об этом, раз уж я отошла на второй план, а тебе наверняка захочется узнать о нем побольше.

— Все равно не понимаю, — твердо заметила я, пропуская ее последнюю реплику мимо ушей. — На твоём месте я бы не стала рассказывать своей потенциальной сопернице такую информацию — немного отрицательную о себе, положительную — о нём.

Анжела пожалала плечами. Невидящим взглядом уставилась на обивку кресла.

— Думаешь, если бы у меня оставался хоть один шанс вернуть его, я бы стала говорить об этом? — она перевела взгляд на меня. — Я была у него сегодня. Он меня не замечал. Такого никогда не было. Никаких чувств.

— Ты... ошибаешься, мне кажется, — неуверенно предположила я.

— Ну раз уж у нас такой откровенный разговор получается, поверь мне, я знаю, о чем говорю. И потом, не сказала бы, что это информация о Максиме такая положительная, как тебе показалось. Я лишь сказала, что он игрок. Он придумывает правила, ты пытаешься их разгадать.

— Но ты же сказала, что он...

— Влюбился, да, — кивнула она. — Но влюбиться может каждый. У этого чувства нет продолжительности. Что если завтра оно потухнет, едва ты разгадаешь те самые правила, едва ты поддержишь игру?

Я крепко взялась за обивку кресла пальцами.

— Как мне надоело слово «игра»! Как мне надоело, что из меня делают какую-то мишень! Почему нельзя жить нормальной жизнью, не придумывая правил, просто делать, что хочешь, говорить, что чувствуешь? Зачем эти ставки, ходы, правила? Я только и слышу об этом, только и слышу!

— Нормальность — это преступление. Обычность — порок, — усмехнулась Анжела.

— Да самая ты что ни на есть обычная, и все, кто здесь есть — самые обычные люди, — тихо заметила я. — И ваши игры, ваши попытки доказать друг другу, кто оригинальнее в своих развлечениях, как раз и подтверждают это. Все вы пытаетесь перепрыгнуть через себя, вывернуться наизнанку, только это ложь.

Я начала одеваться. Я вдруг смертельно устала от этих бесполезных разговоров.

Но меня остановило замечание Анжелы:

— А ты Варвара Трубецкая, что же здесь делаешь тогда ты? Ты такая же, как все мы, иначе не пыталась бы всем доказать, что являешься самой нормальной среди нас.

Я обернулась к ней от выхода из зала.

— Это не реальная жизнь. Она придумалась и сочинилась в этом зале, в этой студии. А мне нужна реальность, потому что я больше не могу убежать в эти мечты, в этих героев, в эти спектакли.

— Похоже, ты сама не знаешь, чего хочешь, — улыбнулась мне Анжела. — Но не волнуйся, мы все здесь в таком же положении.

Мне нужно было идти на встречу с маминым графом. Я упорно шагала по улице, стараясь не думать над словами Анжелы. Я была зла, расстроена, раздосадована. Как будто сказала больше, чем надо или наоборот, не сказала чего-то важного. Как будто что-то забыла сказать.

Кем она считает меня? Это был первый вопрос, проскочивший в мою голову. Кем она считает меня для Максима? Она, конечно же, уверена, что мы начнем встречаться. Но...это было даже смешно. Это было совершенно ни к чему.

Я не могла отогнать дурных чувств, хоть и не думала о разговоре. Что-то висело камнем на душе и не прояснялось совершенно.

В подавленном состоянии я притащилась на встречу с графом в кафе.

— Здравствуйте, — буркнула я, заметив маму и мужчину за одним столиком.

— Привет, Варька, спасибо, что притащилась, то есть пришла на эту встречу! — Мама как всегда была неподражаема. Нервно щелкала пальцами и тараторила.

— Привет, — ответила я не более дружелюбно, чем прежде, развязывая шарф.

— Здравствуй, Варвара, — подал голос мужчина, и я неожиданно подняла на него глаза. У него был очень красивый голос. И сам он был ничуть не хуже своего голоса. — Меня зовут Игорь Андреевич Шереметьев.

Средних лет, темные с небольшой сединой волосы, зеленые улыбчивые глаза, похожие на мамыны, но ярче оттенком, прямой нос, губы так и норовили раздвинуться в улыбку.

— Очень приятно, — тихо ответила я.

Как я ни была настроена предвзято и расстроена разговором с Анжелой, но помимо воли признала, что он очень подходил маме. Весельчак, судя по всему. Ну что ж, посмотрим дальше.

Я вдруг осознала, что он увлеченно оценивает меня так же, как и я его, и покраснела. Смутилась, смешалась, вытатила из-под маминого локтя меню и открыла его.

— Вот-вот, пора поесть, а то ты наверняка и не ела ничего с утра как всегда! —

высказалась мама. — Представляешь, Игорь, с этими своими любителями-театралами она просто помешалась. Целыми днями и вечерами, кроме работы, торчит там. У них там все такие фанатики!

— Правда? Твоя мама говорила мне, Варвара, о театральной студии, — ухватился за благодатную тему граф. — А давно ты там занимаешься?

Но благодатная тема была сегодня совсем не благодатной.

— Еще пару месяцев и будет год, — сухо ответила я, уставившись в меню.

— Я тоже когда-то ходил в театральный кружок, когда был студентом. Мы даже ставили спектакли! — с энтузиазмом подхватил тему граф. — Правда потом кто-то с кем-то поссорился и дело быстро затухло, но сколько у нас поначалу было пыла!

Мама улыбалась графу так, как будто он принес ей ее любимое мороженое.

Меня чуть не перекосило.

— Ну и как тебе твоя студия, нравится? — услышав вопрос, я взглянула на графа поверх меню. Интересно, на какой ответ он рассчитывал, учитывая, что я уже почти год туда хожу.

Граф перехватил мой взгляд:

— Понял, вопрос глупый! А как твоя работа? Твоя мама говорила, что ты официанткой работаешь. Устаешь наверно?

— Работа как работа. Устаю. Но так везде и всегда, на то она и работа, — высказалась я. Длинные связные предложения мне сегодня были явно не под силу. Но, поймав взгляд мамы — раздосадованный и удивленный — я собралась с духом и передала подачу: — А где вы работаете?

И увлеченно начала прослушивать ответ мимо ушей. Можно было отдохнуть минут пять, потому что мама начала поддакивать, а затем еще и вступила в какой-то спор с графом.

За окном падали хлопья снега. Я думала о Максиме. Точнее, о том, почему так много думаю о нем в последнее время. Это зима вообще у меня ассоциировалась только с ним. Как будто кто-то снежной пеленой чертил в воздухе контуры его лица. Этот человек приманивал, притягивал, заводил в свои сети. А я ни капельки не сомневалась, что все это было его ловушками. Мне хотелось сорвать эту странную маску с его лица. Сорвать и... успокоиться? Да, наверно.

— Варька! Варька? — усилием воли я вернулась в кафе, мягкий свет казался сегодня резким, он бил в глаза и мешал сосредоточиться. И я больше ни минуты не могла здесь находиться.

— Простите. Простите.

Я схватила пальто, выбралась из-за столика и погнала к лестнице.

Здесь-то меня и перехватила мама.

— Может, объяснишь, в чем дело? — рыжие волосы угрожающе поблескивали.

— Нет. Я устала. Думала, что смогу сегодня перенести процедуру знакомства, но... нет. Давай в другой раз. Скажи ему... не знаю, скажи что-нибудь, — я почти просила, отвернувшись в сторону.

Мама покачала головой.

— Я не узнаю тебя, Варвара.

— Давай выберем выходной, когда я не буду ежеминутно дергаться и, пожалуйста, не заставляй меня еще что-нибудь тебе объяснять.

— Ты куда? — проронила она.

Я удивленно обернулась.

— Домой. Куда же еще?

Домой. Ну конечно, как же. Сама-то ты вряд ли пойдешь домой.

Он был болен — в это я не сомневалась ни секунды. Я смотрела в его глаза и понимала это также ясно, как видела его перед собой. Уж не знаю, что больше его добило — температура или червь, точащий душу, но только дверь мне в тот день открыл другой человек. Совершенно другой.

— Проходи, — тихо сказал он, пропуская меня внутрь.

— А ведь кто мог подумать, что однажды я буду допущена в святая-святых, — попыталась я пошутить на нашу любимую тему.

— А ведь кто мог подумать, что однажды ты все же войдешь сюда...

— Выполняю порученную мне миссию, — бодрым тоном начала я, и тут же пожалела, что сказала это. В глазах его появилось какое-то странное выражение — упрямое, что ли... Нет, не надо было этого говорить.

— Наверно я сам виноват в таком отношении к себе, правда? — задумчиво произнес он, обращаясь к диванной подушке.

— Нет. И ты это знаешь, — серьезно ответила я. — А вот интересно, какое в таком случае впечатление произвожу я, раз уж мы...

Он взглянул на меня и отвернулся.

— Луча. — Внезапно в полной тишине произнес он. — Солнечного луча, скользнувшего в комнату, остановившегося на предмете и исчезнувшего в одно мгновение, будто и не было.

Я словно застыла. Я смотрела в его глаза и не могла отвести взгляд. Господи, ну зачем? Что за насмешка, что за... идиотизм...

И с ходу мы нырнули в наш последний разговор. Последний **неоконченный** разговор.

— Знаешь, я все понимаю, правда. От того и дико. — Продолжал он. — Пожалуй, я бы все отдал за то, чтобы...

— Я тоже, — тихо прошептала я. — Но иначе... все было бы не так, верно? Если бы все было иначе, то этого бы не было, правда?

Он посмотрел на меня и как-то жутковато улыбнулся.

— Я смотрю, кто-то наслушался Анжелу. Это ее любимая тема, любимый пунктик, по поводу моей так называемой ущербности в этом вопросе.

— Она не считает тебя ущербным за твои теории. Более того, она говорит, что поддерживает тебя, но только понимает, что все это бред. Она это проверила на себе.

— А теперь проверил на себе я. Но, возвращаясь к твоему вопросу, я скажу, нет. — Максим стоял, прислонившись к дверному косяку. Мрачное удовлетворение. Вот что читалось в его глазах. Мрачное удовлетворение. — Это было ранней весной прошлого года, еще до отбора... Я шел в студию и увидел вас с Марком. Ты, конечно, этого не помнишь, потому что ты меня не видела, а я видел тебя. Таял снег. Вы запрыгивали прямо в лужи и смеялись, как идиоты. И долгих пять минут я смотрел на тебя, не в силах отойти. Ты смеялась так, что у меня самого губы невольно растягивались в улыбке, и я ловил себя на том, что смеюсь непонятно над чем. Так что, все дело не в том, какой я тебя увидел, и было ли в тебе что-то, чего я ни в ком не видел прежде, и уж точно не в том, что на тебе якобы было написано: «Неприступная», — а в том, что все произошло очень естественно, как и должно было, наверно произойти. Все очень просто — парень встретил девушку. Только вот девушка безнадежно влюблена в другого.

— Нет, я... — запротестовала я.

— А я люблю тебя, — произнес он, словно удивляясь своим словам.

И тут... не знаю, что-то будто взорвалось во мне. Вот он, Максим. Рядом. Здесь. Сейчас. И кажется, я все могу отдать за то, чтобы почувствовать тоже, что и он. Чтобы почувствовать так же, как он.

К черту Андрея, к черту все! Пора выбираться из этой трясины, пока есть руки, которые тянутся, чтобы вытянуть меня оттуда. Поэтому я больше не медлила. Я подошла и протянула ему свою руку.

И мрачное удовлетворение сменилось недоверием. И изумлением.

— Смелее, — прошептала я. — Тебе это не кажется.

И тогда он поцеловал меня.

Я проснулась, потому что солнечный луч упал мне на глаза. Я лежала на полу в той самой комнате, в которую вчера вошла поздно вечером и так и не вышла оттуда. Я привстала на руке и оглядела комнату, как будто сегодня она могла чем-то отличаться от того, что было вчера.

— Варька, — тихо произнес голос у меня за спиной.

Я обернулась. Максим стоял в дверном проеме, полностью одетый, и смотрел на меня все также удивленно. Как будто не верил, что это я.

Я приподняла бровь, спросила с веселым недоумением:

— Тебе не кажется это странным — я лежу здесь почти голая, зато ты полностью одет?

Он подошел, присел на корточки передо мной.

— Я выходил в магазин.

— Хорошенькое дело — в магазин! А кто тебе, больному, разрешал выходить? — я протянула руку, чтобы пощупать его лоб, но он перехватил ее и поцеловал в запястье.

— Да нет у меня температуры.

Я дернула его за руку, и он повалился рядом со мной на подушки, скинутые с дивана. Я легла рядом.

Пальца наши переплелись. Я смотрела на свет солнца, падающий на наши руки, и отбрасывала в сторону все мысли, которые с завидным упорством пробирались в мою голову.

— То, что...

— Не говори ничего, ладно? Я знаю, что ты хочешь сказать.

— Не сказать, — прошептал он.

— Спросить, — кивнула я. — Я знаю. Только... пусть все серьезные разговоры пройдут пока мимо. Я не хочу это обсуждать.

— Потому что сама не знаешь ответов? — догадался он. Я посмотрела на него.

— Не так уж трудно изучить меня, правда?

— Нет, неправда. Сложно. И было сложно и всегда будет сложно. Вот, например, о чем ты думаешь сейчас? Как я не ломаю над этим голову, но так и не могу сказать. Я не могу прочитать это в твоих глазах, твое выражение лица не передает эти эмоции.

— Я думаю... я мечтаю ни о чем не думать. Но я чувствую, что внутри меня что-то происходит, что-то поднимается...

— Что же? — спросил он, внимательно глядя на меня.

— Быть может, счастье? Сама не верю, что говорю это...

Спускаясь в тот день по ступенькам подъезда, ловя солнце в каждом окне, я и правда испытывала что-то наподобие счастья. По крайней мере, мне так хотелось думать об этом

чувстве. Жаль, что оно оказалось недолгим.

XI. Март-апрель

Снег в этом году лежал долго. Февраль наступил и тянулся вместе с этим снегом, постоянно падавшим и покрывавшим землю очередными слоями. Эта зима перестала напоминать мне Максима. Она растворилась в нем. Вместе с той последней ночью, которая стала началом. Чего?

Длинных муторных отношений, съедавших изнутри, даже когда и видимости этих отношений не было.

Я потерялась. Пришла в тот день домой, оглянулась вокруг и едва не завывала от тоски. Что я наделала и самое главное, зачем? Вогнала себя, вбила кольями в землю, только вот расти из меня уже ничего не будет — не то время года.

Но я... не жалела. Точнее, не могла жалеть и не стала. Попробовала забыть или заставила забыть, не знаю. Перестала отвечать на звонки, с репетиций убегала, в кулисах не задерживалась, почту игнорировала. Выжидала. Понимала, что веду себя глупо, понимала, что сама виновата, понимала, что он тоже может вот так вот пропасть в один миг, и что я буду делать? Метаться из угла в угол и спрашивать пустоту, все ли с ним в порядке и как ему помочь? Я даже приблизительно не знала ответов на незаданные вопросы. Боялась ошибиться, и это было не тот случай, когда можно было пойти ва-банк. Не тот, когда риск — дело благородное.

На сцене мы уже не притворялись. Стояли как два привидения в свете прожекторов. Не могли даже прикасаться друг другу — в месте прикосновения кожа горела огнем.

Смирнитский орал на нас и заставлял лечиться, кажется, только делая вид, что верит отговоркам о едином вирусе, сразившем главных героев главной постановки студии. А ведь мы говорили чистую правду, как не уставала напоминать нам Анжела, считая это, видимо, забавной шуткой.

Первое время мы играли на каком-то надрыве. Сложно было стать не Максимом и Варварой, а Дмитрием и Аней. Как никогда сложно. Оставаясь на сцене перед полным залом зрителей (как никогда полным), окутанные музыкой фоном, мы пытались донести что-то в первую очередь до друг друга. И... выматывались, как никогда. Глаза слезились, голос дрожал, объятия были цепкими, со стиснутыми зубами и затаившимся дыханием. Нам дарили цветы и говорили, как прекрасно мы стали играть, но мы просто не могли смотреть друг на друга. Расходились по кулисам, разбегались, стараясь не встречаться.

В любом случае, дальше так продолжаться не могло. Мы отыграли еще пару спектаклей вместе и, кажется, научились справляться. Снова.

Максим закрылся наглухо, запечатался с головы до ног, я же стала замечать, что веселые шумные люди стали раздражать меня, будто это они были виноваты, что я превращаюсь в обозленную высохшую истеричку.

Как-то мы шли с Марком домой после репетиции — я в тот день, кажется, забыла, что он, как и обычно, идет рядом, — шли медленно, грустно пиная не растаявший еще снег носками ботинок, и вдруг он сказал, прерывая гнетущую тяжелую тишину:

— Как мне хочется, чтобы скорее наступила весна! Быть может тогда ты снова станешь прежней Варькой и с твоего лица уйдет постоянно задумчивое выражение.

Я не сразу нашлась с ответом. Меня тронули эти слова — как забота о больном ребенке.

— Это все длинная зима, Марк, ты прав. В марте не должно быть такой мрачной

ноябрьской погоды. Обещаю снова стать веселой, когда растает снег.

Он посмотрел на меня искоса, усмехнулся.

— Я все это к тому говорю, что на тебя слишком много свалилось за этот год, и сейчас у меня такое чувство, будто что-то наконец добивает тебя. Как не получалось сломить тебя раньше, так это что-то может сломить тебя теперь.

— Все нормально, Марк. Точнее... пока не очень нормально, но будет. Я обещаю.

— Нормальность — это порок, — грустно ответил Грозовский. — У тебя должно быть не нормально, а отлично. Лучше всех. Ты помнишь такие слова?

Я с улыбкой взяла его под руку.

— Помню. — Слова Марка были как толчок, знак, что пора просыпаться от спячки, пора прекращать лить сопли и растекаться по подушке. Пора принимать решение. И я решила решиться. В этот же вечер.

Мы остановились с Марком у моего подъезда — ему было дальше.

— Я не хочу пока ни о чем тебя спрашивать. Как и Максима. Но ты знаешь, что всегда можешь все мне рассказать.

Я поцеловала его в щеку.

— Спасибо, Марк.

Впервые за долгое время у меня поднялось настроение. Сейчас мне уже было наплевать на погоду и на то обстоятельство, что снег еще даже не начал таять, а морозы никак не хотели спадать. Я взлетела по ступенькам в квартиру, разделась и села к компьютеру.

Телефон молчал. Я смотрела на него и думала, что по телефону не смогу сказать того, что хочу и как хочу. Пока я раздумывала над словами, загрузилась почта и выдала одно сообщение. От Максима.

Ну что ж, мы решили решиться в одно время. Это неудивительно.

Я резко открыла письмо.

«Варька,

никогда не любил объясняться через телефоны и Интернет, но сейчас не вижу другого выхода. Сегодня ты смотрела на меня на сцене, как на прокаженного — то ли я так раздражаю тебя, то ли у меня уже правда начались глюки и я теперь все буду видеть в искаженном виде. Но, тем не менее, молчать дальше не имеет смысла. Молчание никогда не решало проблему, а уж нашу (если можно назвать это проблемой) тем более. И я сойду с ума, если мы еще месяц будем молчать.

Поверь мне, я знал, что так будет. Знал, что после одной такой ночи ты растеряешься, будешь метаться, знал, но все равно пошел на это. Урвать хоть что-то для себя, хоть несколько часов с тобой — эгоистично, но вполне по-человечески. Если бы ты знала, сколько раз за этот месяц я хотел бросить все и уехать, не дожидаясь июня, сколько раз приезжал на вокзал, сколько раз сидел с сумкой в зале ожидания — я был очень близок к этому. В конце концов, здесь меня ничто не держит настолько сильно, чтобы остаться. Но каждый раз вспоминался наш разговор на сцене о Дмитриии и его отъезде, помнишь? Когда я еще со всей уверенностью утверждал, что взял бы и уехал на его месте. Но я был на его месте и не смог. Я считал себя выше Дмитрия, но на практике оказалось, что самое сильное решение не уехать, а остаться. Две вещи держали меня, как и прежде (не знаю, сила это или слабость): твоя улыбка и страх, что мы так и не поговорим нормально.

И сейчас после этого ужасного месяца я решил оставить все как есть. Давай будем считать, что ничего не было — так будет проще и тебе, и мне. Только, пожалуйста,

прекратим это сухое молчание, продолжим с того места, где закончили — еще до Нового года. А с окончанием театрального сезона, обещаю, я исчезну.

В конце концов, давно пора.

Максим».

Я замерла над клавиатурой. Прочла письмо дважды. Вспомнила все. Все, что было между нами — с момента встречи. Вспомнила его слова: «...Это было ранней весной прошлого года, еще до отбора... Я шел в студию и увидел вас с Марком. Ты, конечно, этого не помнишь, потому что ты меня не видела, а я видел тебя. Таял снег. Вы запрыгивали прямо в лужи и смеялись, как идиоты. И долгих пять минут я смотрел на тебя, не в силах отойти. Ты смеялась так, что у меня самого губы невольно растягивались в улыбке, и я ловил себя на том, что смеюсь непонятно над чем», вспомнила ту ночь. И решила, что была полной идиоткой. Весь этот месяц.

«Максим,

Помнишь завет Геродота? Странное начало письма, правда?

Ну так вот, я говорю о *carpe diem*. Мы потратили впустую слишком много дней. Точнее, это я потратила впустую так много дней. Боялась неизвестно чего. Но прошедший год научил меня, что терять момент глупо, его не вернешь, размышления укорачивают секунды. Завтра может произойти все что угодно, а послезавтра мы все разъедемся. Поэтому сейчас я повторяю: *carpe diem*, — не думай об отъезде, не позволяй себе и мне больше медлить и тупить. Просто *carpe diem*, пока хватит сил.

Варя».

Я натянула пальто так быстро, как только смогла. Трясущимися руками закрыла дверь на ключ и скатилась с лестницы. Входная дверь хлопнула на весь подъезд, закрываясь за мной. Но мне было все равно. Я возвращалась к театру.

Я поскользнулась в темной арке перед дверью театра, но кто-то поймал меня. Максим. В распахнутой куртке. Держал за руку. Меня.

Мы успели. Я успела.

В замерзшем ледяном переулке (совсем не мартовском) мы поцеловались — парочка школьников. Стало тепло, как в настоящем марте.

К чему были разговоры?

— Пойдем, — прошептал он.

— Пойдем, — ответила я. И мы пошли. К нему.

— В конце концов, что ты за мать? — требовательно спросил граф.

— Хорошая, — пожала плечами мама таким тоном, будто этого пункта и не могло быть в обсуждении.

— Раз хорошая — нечего упорствовать. Ей не до тебя так же, как и тебе не до нее. Сама на себя в зеркало посмотри — а ведь тебе далеко не 20! — шутливо выговаривал Шереметьев.

— 21, - пропела я. Мы переглянулись и рассмеялись.

— На детка, съешь конфетку, — неожиданно заметил граф, засовывая мне в руку «Гулливера». — Иди пожуй, а взрослые пока накроют на стол.

— Не переусердствуйте, взрослые, — отсалютовала я графу напоследок и скрылась в кухне.

Мы подружились с графом. Почти. Хотя нет, вру. Уже всюю. Робко, медленно,

сталкиваясь лбами. Но я действительно уже не была 14-ним подростком, готовым сбежать от одного шороха. Я принимала его в семью с королевской милостью, устраивала проверки, а потом махнула рукой и перестала выпендриваться. Он оказался смешливым веселым человеком, разговаривал со мной как с равной и не пытался подольститься только потому, что я была дочерью его будущей жены.

Теперь мы все время садились рядом и смеялись над бабушкой или над мамой или друг над другом. И смешили друг друга, сидя на разных концах стола.

На кухне столкнулась с бабушкой. Она руководила парадом — готовила воскресный обед. Это вошло в моду в последние недели — воскресные обеды с будущим родственником.

— Погоди, — заявила она, закуривая, когда я, налив себе воды, собиралась выйти.

— Да?

Она помедлила, прищурилась, словно решая, говорить мне что-то или не говорить.

— Ты все-таки истинная Трубецкая, Варька.

— А у кого-то были сомнения? — шутливо поинтересовалась я.

— Да нет, — выдохнула бабуля, — Но то, как быстро ты приняла графа...

— Зачем вообще об этом говорить?

Графиня Трубецкая рассмеялась.

— Сердишься... ну я же говорю!

Я развернулась, готовясь выйти, но неожиданно повернула назад:

— Ты несправима, знаешь об этом? Просто ужасно несправима!

Она снова засмеялась — ну как так можно!

— А иначе и быть не могло, — ответила она.

Я вышла из кухни.

— Мне было... нехорошо, понимаешь? После травмы я больше не мог заниматься плаванием. Я потерял то, во что верил так много лет. Одноклассники казались мне чужими, родители чужими и фальшивыми голосами уверяли, что «все в порядке, все наладится, дорогой!»

Я ненавидел их за эту ложь. Отец тоже утешал, но в каждом его слове будто слышалось: «Так я и знал, что ничего не выйдет, а ведь я тебя предупреждал!»

И я начал приходить домой все позже и уходить все раньше. Но школы не хватало. И я записался в театр. Просто, случайно, проходя мимо этой студии... Меня будто толкнуло что-то и заставило взглянуть на эту вывеску. Объявлялся набор.

В такие мгновения начинаешь верить в провидение. Что именно заставило меня в тот день пройти мимо этой студии, мимо которой я сроду не ходил! Что толкнуло меня войти туда, хотя я никогда не играл в театре, смутно представлял, что меня ждет, но готовился отстаивать свое право войти туда и остаться там. И я остался. Чем меньше я ждал от этого отбора, тем больше я получил. С тех пор я всегда доверяю сиюминутным решениям.

...Я спускался по лестнице в зал после своего выступления, и увидел красивую девушку из своей школы. Она тоже ходила в эту театральную студию. Но увидеть человека вне школы, значило тогда посмотреть на него свежим взглядом, другими глазами. Я посмотрел. И не смог оторваться.

Это глупо, конечно, но, сам не зная почему, я подумал, что это именно та девушка, которая поможет мне вылезти из этой пучины. Я сидел на дне уже много месяцев, я захлебывался, но никак не мог утонуть. И это состояние было хуже смерти. Так я считал

тогда. А она казалась мне высшим существом. Не то, что другие девчонки, которые словно запрограммированы были на определенные действия, слова, интонации, мысли, эмоции, и не могли сказать мне больше, чем говорили. А она говорила совсем по-другому.

— Анжела, — кивнула я. Мы сидели в парке прямо на траве — выбрали время: я — до работы, он в перерыв, — когда можно было спокойно поговорить. Почему-то сегодня мы говорили только о нем, чего никогда не делали прежде.

— Да. И только со временем я выявил, что она не другой вид, а подвид тех, что уже не раз встречались мне. Просто рангом повыше. А так — такая же. И эта ее игра скучающей девчонки, которая таилась за милой, умной, доброй девушкой, была такой же маской, как и та, что сверху. А какая она самом деле, Анжела? Сдается мне, что никакая. Слишком много поверхностного, чтобы скрыть пустоту.

— Может быть, ты просто слишком строг к ней. Ты разочаровался в образе, который сам себе нарисовал, но это отнюдь не значит, что она никакая. Ты придумал себе ее одной, а когда понял, что ошибся, не захотел увидеть в ней другую.

— Это слишком сложно, Варька! Я виноват в том, что ждал от нее настоящего, а она это самое настоящее запрятала так глубоко, что ни с кем не хотела делиться. Она сама хотела, чтобы все видели ее такой красивой, почти совершенной, но недоступной. Вот пусть и остается одна, но эта роль, как оказалось, ее на самом деле не устраивает. Я же лишь показал ей несовершенство всей ее теории. Она хотела умного, но чтобы при этом он волочился за ней на поводке. А таких не бывает. По крайней мере, рядом с такими, как она.

— Она ошиблась. Но каждый имеет право на ошибку, — покачала я головой. — Я это точно знаю.

— Возможно. Но я никогда не узнаю, думает ли она так, как ты или нет. Вряд ли она сама захочет мне это сказать. Почему мы не любим быть настоящими? Почему нам нравится эта безвкусица, эти дешевые герои, маски которых мы цепляем на себя, пытаясь скрыть, что мы-то другие!

— Хотела бы я знать. Но в моей жизни было мало таких людей. А я приемлю лишь одну маску — самозащиту. Только в случае самозащиты, я бы согласилась прятаться.

— И прячешься, не так ли? — Максим взглянул внимательно.

— Как и ты. — Я помолчала. — И это подтверждает твоя история.

— В театре мы все прячемся. Нам нравятся эти маски, иначе мы не остались бы здесь надолго.

— А может быть, здесь мы лишь пытаемся найти... себя?

Мы смотрели друг на друга и молчали.

— Ладно, мне пора на работу. — Я встала с травы и потянула на себя сумку. Но сойдя на дорогу и обогнув лавочку, я все же повернулась:

— Максим?

— Да? — он вскинул на меня глаза.

— Надеюсь, я все же не подвид?

— А стал бы я тебе все это рассказывать, если бы считал так?

— Хорошо, — задумчиво кивнула я.

Я переживала самые удивительные и самые странные месяцы в своей жизни. Несомненно. Абсолютно точно.

Все, что осталось потом от них — а на самом деле осталось много всего — было покрыто солнечным светом, как будто один наушник на двоих и веселое весеннее солнце

сопровождали нас повсюду.

Мы не очень распространялись о наших отношениях в театре, но слухи ходили — это были сплетни глупых завистливых девиц во главе с Анжелой (последний наш разговор поставил ее на ступень выше в моих глазах, но не скрасил негативного отношения к ней) и постоянные попытки подловить нас на чем-то едва ли не преступном.

— Ну вот, а ты еще спрашивал, зачем такая скрытность, — говорила я однажды, когда на перерыве мы с Максимом сидели, свесив ноги со сцены, а стайки девчонок шушукались у нас на глазах, постоянно оглядывались и даже иногда показывали пальцем.

Максим рассмеялся, заметив, как девицы, которые за нами наблюдали, поймали его взгляд и выбежали.

— Может быть, лучше было, если бы они обо всем знали с самого начала, тогда они бы сразу успокоились.

— Тогда бы появились новые поводы для сплетен, не беспокойся, — хладнокровно отреагировала я.

Мы ничего никому не говорили, но и не скрывали. Так, например, Марк все прекрасно знал и улыбался, и постоянно подтрунивал над нами, но когда мы оставались одни, с его лица не сходило озабоченное выражение. Я не знала, в чем дело, могла лишь догадываться, а выпытывать и портить себе настроение мне не хотелось. Счастливые люди эгоистичны, особенно если счастье висит на волоске.

Вообще, я не любила этих громких слов — счастье, несчастье... я предпочла бы изъясняться, как девочка-простушка из глубинки, чем бросать громкие фразы, но эта весна заставила меня действовать и думать не так, как раньше. Я словно выключилась из обычного привычного уклада. Ничто внешнее больше не трогало меня, как в последние годы, когда быстрый ритм жизни не оставлял времени для мечтаний и витания в облаках.

А прошлую весну с постоянными переменами настроения, с неуверенностью в чувствах Андрея, мне вообще не хотелось вспоминать.

И даже если работа нагружала и под вечер окончательно лишала каких-то желаний, меня словно вытягивало из трясины, когда с очередным звоном колокольчика, Максим возникал на пороге, стряхивал воду от дождя с волос и неожиданно ярко улыбался, поймав мой взгляд среди десятков других.

Я говорю о том, что осталось... но нельзя не сказать о том, как было на самом деле. Эти отношения держались на эмоциях. Как позитивных, так и негативных. Они сопровождались бурной радостью и слезами неуверенности в завтрашнем дне.

Carpe diem не всегда срабатывал, мы были просто людьми, а время наше было на исходе — почему-то мы с самого начала знали, что отношениям придет конец с окончанием весны. Он готов был поехать за мной куда угодно, но не был уверен, что я буду этому рада. И... он был прав.

Наши встречи жили один день, и каждый день радовал, потому что ничего не заканчивалось. Я тоже жила одним днем. Я больше не могла строить долгосрочных планов. У меня не получалось, как я ни хотела. Год назад меня убедили, что это не дело, что в 17 лет нельзя планировать свою жизнь, даже на несколько месяцев вперед. Поэтому мы не заговаривали о том, что будет дальше.

Я привязалась к нему. Я это отчетливо понимала, но это были больные отношения. Даже не больные — нервные, изъедающие. Как червяк, который точит яблоко изнутри, и сердце заходило, едва получалось представить разрыв.

Мы могли по целым дням зависать у него дома, и никто и ничто не было нужно, только присутствие его рядом. Однажды в его квартире выключили свет — гроза выбила пробки, и Максим побежал за свечками. Расставил повсюду, но комната вокруг оставалась приятно полутемной. Мы сидели рядом, он медленно гладил мою спину — вверх-вниз, как пером щекотал — и секунды складывались в часы, минуты — в дни и недели, а часы — в месяцы и годы. И казалось, что не осталось вокруг ничего, кроме этой тишины и полутьмы, и никого, кроме нас. Будто вся жизнь прошла перед глазами, пока мы сидели рядом в этой полутьме.

Мы рассказывали друг другу разные истории, и я читала ему стихотворение Гумилева «Жираф»:

«И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай: далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф»

И голос мой к концу звучал все тише, а на последнем четверостишии вдруг дрогнул, как будто этот жираф уже раскрыл мне какой-то секрет. Но это были всего лишь фантазии глупой девочки. Я растерянно улыбнулась Максиму, который будто почувствовал что-то неладное во мне.

— Все в порядке?

— Да.

Наши переплетенные руки, ноги, соприкасающиеся головы, блеск глаз при свете тусклых свечей, которые я терпеть не могла... Кому пришло в голову, что романтика связана со свечами? Хотя эти свечи были определенно не данью романтике... Данью отключенному свету.

И сегодня свечи были как нельзя кстати.

А потом мы поссорились так, как никогда до этого. И я знала причину. Приближался июнь. Он хотел уверенности, и справедливо, потому что это я не могла дать четкого ответа.

— Скажи мне «нет». Выкини из своей жизни! Попроси меня уйти, и я уйду, но только не заставляй меня чувствовать себя зависимым от тебя!

— Но я тоже зависима. От тебя. И я не боюсь этого, как ты. Точнее, боюсь, но не до такой степени. Быть зависимым от того, кого любишь...

— Тогда скажи мне, что любишь! Вот, молчишь. Потому что я всегда — и я это знаю точно — любил тебя больше. Ты же... ты же просто принимала мои чувства с королевской милостью! — ему было тяжело. Он старался не смотреть мне в глаза. Боялся, что я посчитаю его слабым, но не мог не поднимать эту тему.

Но и мне было нелегко. И не только потому что его упрек не был безосновательным.

Я не могла произнести эти три несчастных слова. Я тебя люблю. Да и к чему вообще слова? Зачем их говорить? Я не хотела.

Он ушел и хлопнул дверью. Ушел к Анжеле.

Из-за нее-то и начался конфликт. Она позвонила и попросила забрать какой-то его хлам из ее квартиры.

Я шла на работу, не желая думать, что вполне возможно Максим помирится с Анжелой у нее дома. Я не сомневалась в нем. Я сомневалась в ней.

А что, такой исход вполне возможен мне назло! Сама виновата.

Тоня пела, летая по кафе и переходя от одного столика знакомых к другому. Она пришла раньше положенного времени и все время беспричинно смеялась, перемигиваясь с

Толей. Я ей завидовала. Честно, по доброму завидовала. Она не находилась постоянно на грани нервного истощения.

А Владилена только ворчала, глядя на нее.

— Вот и все, — мрачно говорила она, уткнувшись в свои документы.

— Что «вот и все», Владилена Аркадьевна? — поинтересовалась я, завязывая фартук за спиной.

— Да этот вот, — она махнула рукой в сторону Толи, который стоял тут же, — увезет ее теперь в Москву... и все. Нет певицы, нет лучшего бармена...

— Как в Москву?! — ахнула я, переводя взгляд на Толю.

— Еще ничего неизвестно, Владилена Аркадьевна.

— Значит, уже есть в планах? — проницательно заметила я.

Вот этому я завидовала. Вот таким простым отношениям. Хотя я, конечно, была неправа. Просто расстроена, вот и все. И белое сегодня окрасилось в черные и серые оттенки.

Они начали встречаться. Толя и Тоня. Толя, наконец, расстался со своей фифой Настей. Наконец понял, что она лишь использует его. И оказалось, что нет преград, и оказалось, что между ними давно уже зрело это, невысказанное, непрогретое весенним солнцем.

— Значит, Тоня поговорила с матерью?

— Вроде как закинула удочки. Мама бесится, но уже перевоспитывается, — ответил Анатолий. Он улыбнулся мне, и я неожиданно улыбнулась в ответ.

— Значит, и правда все... — стало грустно, захотелось плакать, впервые за долгое время. Как будто я уже потеряла своих друзей.

— Вот-вот. Да и ты тоже хороша! Год-то скоро на исходе, — продолжать сыпать соль на рану Владилена. Но ей было тяжелее всех. Она оставалась.

— Зато у вас остается Мишка.

— Подлый трус... он на то и подлый, потому как непостоянный.

— Наш — постоянный, — успокоительно заявил Толя.

— Да, постоянный, — согласилась я задумчиво.

...Он сидел у подъезда. Ждал меня. Крутил в тонких пальцах зажигалку, не закуривая.

Думал, рассеянно вглядываясь в серую кошку, подкрадывающуюся к голубю.

Я села рядом, вздохнула легко.

— Я переживаю самый необычный месяц в своей жизни, — тихо призналась я.

— Надеюсь это не из-за того, что скоро ты уезжаешь?

— Нет, глупый.

Мы помолчали.

— Самонадеянная кошка, он не дастся ей. — Внезапно проговорил Максим, внимательно глядя на голубя.

Я посмотрела на него сбоку.

— Что сказала Анжела?

— Анжела, — усмехнулся он. — Анжела здесь совсем не при чем.

— Я знаю, — тихо ответила я. — Просто... ты не понимаешь? Мне тяжело сидеть здесь с тобой! И разговаривать как ни в чем не бывало!

— А мне?

— Пойдем? — спросила я.

— Пойдем, — согласился он, и мы не сдвинулись с места.

Было странно и непривычно. Как будто мы не виделись год и, встретившись, оказалось, что совершенно нечего друг другу сказать. Но это было так только с внешней стороны. Нам было, что сказать друг другу. Просто все слова, даже обычные наполнялись совершенно другим смыслом. Мы говорили друг другу не то, что произносили губы, а то о чем они молчали.

Вот возникла пауза, и пауза эта наполнилась Анжелой, ее истерическими выкриками, и моим первым приходом на квартиру Максима. И теми же сомнениями, что были тогда. Ничуть они не рассеялись с тех пор, не решились.

«Лучше ничего не говори, — просила я, глядя на него, — лучше умолчи о том, о чем стоит умолчать».

Он посмотрел на меня.

«Да я и так молчу. Ты же видишь, как усердно я молчу, вот уже много месяцев. Только есть ли в этом смысл, если оба мы все знаем и без всяких там слов?»

«Не смотри на меня так, — увильнула я от ответа, — ты же знаешь, я ни о чем не жалею. Кроме одного, пожалуй. Но ты в это все равно не веришь...»

Он наклонялся все ближе, внимательно глядя на мои губы. Секунду я слышала, как падали капли с деревьев, оставшиеся от дождя.

Потом Максим встал, закурил.

— Я, пойду, пожалуй.

— Да, — сказали мои губы.

«Ты вернешься?»

«Надеюсь, нет».

Эпилог (длинною в несколько месяцев)

В конце мая мама и граф поженились. Мы с графом перемигивались и смеялись над гостями. Но он волновался и едва не выронил кольцо, надевая его на мамин палец. Это подтолкнуло меня каждый раз проходя мимо него, что-нибудь ронять едва ли не в его тарелку.

Мама счастливо улыбалась, ничего не понимая в наших подколках, и шептала: «быстро спелись, голубчики!»

Марк ревновал к графу и обиженно замечал, что я нашла себе нового спутника-шута. Но под конец вечера во всю распевал с графом грустные песни и требовал продолжения банкета.

На следующий день после маминой свадьбы Толя и Тоня уезжали в Москву. Владилена плюнула на обиды и устроила шикарные проводы, которые длились до утра. Днем парочка уезжала и едва не опоздала на поезд. Мы спешно прощались на перроне, пока парни закидывали их сумки в поезд, и я, которая все крепилась и ругала Тоню за сопли-слезы, тоже расплакалась, чем вызвала бурные эмоции всех провожающих.

Мы обнялись всей толпой, стали напоминать многорукое и многоногое чудовище, но не обращали ни малейшего внимания на выкрики проводницы, грозившей закрыть двери и оставить нас всех здесь.

После отъезда поезда мы все разделились — Миша увел Владилену с красными глазами, гордо несущую себя по перрону.

В тот вечер мы долго гуляли с Максимом по городу, переходили шумные проспекты, останавливались на мосту. Он держал меня за руку, будто боясь отпустить. Эти последние майские дни была тишь да гладь, затишье перед бурей. Оба мы молчали, о том, что не следовало произносить вслух.

Мы все ходили-ходили... иногда замолкали надолго, а в голову мне в такие моменты все лезли наши ночи с Андреем. Вот также, по шумным проспектам, держась за руки. Но это был не тот случай, Максим не был Андреем, и я этому была несказанно рада.

Через день мы уезжали в Германию с театральной студией на фестиваль любительских театров.

Поездка, которую драгоценный Яша выбивал нам с начала зимы.

И я знала, что эта совместная поездка последняя.

Три недели в Германии. Неделя из этих трех — в Берлине.

После последнего спектакля, едва мы успели уложить все вещи в автобус, зарядил ливень. Все начали заскакивать внутрь, образовалась давка. Максим, который еще минуту назад стоял рядом со мной и уговаривал вымокнуть, но не превращаться в стадо баранов, исчез.

Я оглянулась и увидела. Увидела вовремя, как он поворачивает за угол с сумкой за плечом.

И я все поняла. Поняла его задумчивость весь сегодняшний день и то, почему он внезапно поцеловал меня, пока я пыталась запихнуть свою сумку среди других в багажный отсек.

Мне стало плевать на автобус, я бросилась за ним.

— Макс! — прокричала, завернув за угол. И он услышал. Ну конечно, он всегда меня

слышал. Остановился, сделал шаг ко мне, но остался на месте, покачал головой.

Большими шагами я долетела до него за пару секунд.

Слезы возникли из ниоткуда. Плакса! Глупая, беспомощная плакса!

— Я тебя не забуду, — плакала я, размазывая слезы по щекам. Фразы получались какими-то пошлыми, рука, в которую я пыталась вцепиться, уже ненастоящей, а глаза его не верили мне.

— Забудешь, — усмехнулся он, схватывая мои пальцы. — Не сразу, но непременно точно.

— Не... — я хотела остановить его, сказать что-то, но внезапно остановила себя. Что ты делаешь? Что ты делаешь, идиотка? Позволь ему, наконец, сделать это!

— Дай мне уйти, — прошептал и он.

И тогда я разжала свою руку и его безвольно упала.

— Все, хватит, — прошептал он. И начал удаляться от меня под этим несносным дождем.

Хватит... Хватит... Хватит.

Да, если бы у меня был фотоаппарат, я бы немедленно сфотографировала эту удаляющуюся спину, едва различимую в струях сумасшедшего дождя.

Слезы стекают по лицу вместе с гримом, застилают глаза, и кажется мне, все рябит передо мной, даже фигура, удаляющаяся по кривой улочке чужого города. Вот кто-то берет меня за руку и осторожно пожимает ее, словно боясь, что я вырву ее. Но у меня даже нет сил обернуться.

Я ощущаю свою холодную руку в руке своего друга и снова начинаю чувствовать. Слова, краски, шум машин, музыку из ближайшего дома и человека рядом...

Оборачиваюсь, обнимаю его, и вместе мы идем назад к автобусу. Марк что-то напевает и чудится мне, что все вернулось в тот далекий странный день год назад — тот же дождь, люди, автобус, Марк и та песня... Знаменитое нестареющее танго *Pur uno cabeza*.

[1] Проигрываю голову.

Но что за дело до того?

Когда она меня забудет,

тысячу раз готов расстаться с жизнью,

Зачем мне жить?

Часть 2. Дороги. Поиски

Время невысказанных слов...

Время, когда слова не нужны.

Время, когда говоришь лишь чувствами.

Время, когда хочется кричать или петь, потому что иначе не получается дышать.

Время, когда один взгляд может сказать почти все или умолчать почти обо всем.

Время, когда постоянно ищешь.

Время, когда идешь. Не останавливаясь и изредка переходя на бег. В никуда.

Мое время.

Наше время.

Молодость.

Утро первого сентября неожиданно для всех, и даже для меня, было солнечным. Предыдущие три дня шел дождь, и от первого дня осени никто уж точно не ждал чуда. Но небо было по-летнему синее, в случайных ошметках облаков, и по этому случаю я даже решила надеть новые туфли в университет.

Ах да, я же теперь студентка.

Непривычно в новом статусе, правда, привыкала весь август и даже сейчас еще не свыклась с этой мыслью. Все дело было в том, что пока мои бывшие одноклассники весь предыдущий год постигали премудрости новой «взрослой» жизни, я работала, забыв про неоконченную, а точнее про еще не начинавшуюся учебу. И как-то даже свыклась с мыслью, что учеба моя закончена. И сейчас все так... странно и непривычно.

Я, Варвара Трубецкая — студентка факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. По-моему, звучит.

Все, к чему шла на протяжении последних лет, все это здесь, сейчас, идет по солнечной улице Питера, улыбается неожиданному солнышку, и вообще...

И вообще меня только что обрызгали водой из лужи! Ну что ж, отлично! За ночь все высохло, но надо было такому случиться, что из единственной оставшейся в городе лужи окатили именно меня! И буквально у дверей факультета!

Я бессильно смотрела, как злополучная машинка (никогда не разбиралась в марке), описав круг, останавливается практически передо мной. И из нее выходит высокий улыбающийся парень. Закрывает дверь, ставит машину на сигнализацию, шагает на бордюры, едва не спихнув меня оттуда, поворачивается на окрик.

Дальнейшее сильно напоминало сцену из какого-то кинофильма — не могу вспомнить — я отошла в сторонку, почему-то не в силах сдвинуться с места.

— Тёмка! — девушка с пепельными волосами в огромных солнечных очках пробежала мимо меня и с оглушительным верещанием повисла на шее у высокого парня. За ее спиной маячил довольно щуплый паренек. Подошел степенно, переждал бурные восторги девицы, и пожал парню руку. Секунду после этого они смотрели друг на друга, потом засмеялись и обнялись. Я вдруг почувствовала себя лишней, потому что во всем этом — и в этом смехе, и в этих взглядах, и улыбках — чувствовалось, как они хорошо и давно друг друга знают, как много прощают друг другу и даже бурные девичьи восторги переживают знакомоснисходительно.

— Мы и не думали, что ты пожалуешь сегодня! Знали бы — предупредили бы всех. А ты знаешь, что Линка замуж вышла? Не знаешь? Еще в июне! А Вадик! Влюбился в такую же ненормальную, как и он, побрился на лысо и уехал. В Индию! Сказал, что не вернется, пока не обретет мировую гармонию!

До меня донесся оглушительный смех.

— И где он сейчас со своей ненормальной?

— Кажется, в Китае. Был, по крайней мере. Каждые две недели высылает фотографии — одна чуднее другой! То он в какой-то грязи по колени с местными мальчишками играет в футбол, то танцует на...

— Так, предлагаю переместиться в более удобное место, — перебил ее щуплый паренек. — Да и пара сейчас начнется!

— Господи, какая пара! — это было последнее, что долетело до меня. Вот они оторвались от машины и двинулись к дверям университета.

Я тоже перестала стоять столбом, оглянулась по сторонам и поняла, что стою во дворе факультета. Светит солнце, студенты топают на занятия — или не на занятия — сегодня первое сентября, привет, Трубецкая!

Дверь, в которую вошла тройца, захлопывается у меня перед носом. Я открываю ее, тяжелую, с некоторым наслаждением. Пройдут, может быть, месяцы, прежде чем я почувствую себя здесь, как дома. Прежде чем препятствие в виде двери станет лишь ежедневным рутинным мероприятием, не больше. Но сегодня мое вхождение кажется мне едва ли не волшебством. Мне хочется запомнить этот день, и я знаю, что он уже остался в моей памяти. Всегда, когда мне захочется поделиться своими ощущениями от университета, я в первую очередь буду вспоминать эту дверь. И не потому что она какая-то невероятно тяжелая, а потому что за ней мир, в котором я наконец смогу почувствовать себя своей.

Чувствовать себя первокурсником странно. Ну, хотя бы потому, что теперь я здесь самая маленькая. Смешно!

Вспоминая это лето... точнее, ту его часть, которая осталась за пределами Воронежа, скажу, что это было легче, чем я ожидала, и одновременно с тем труднее. Поступить.

Очень сложно настроиться на эту учебную волну после целого года «взрослой» жизни. Собрать мысли в кучу и заставить себя размышлять о высоких материях.

Но... каким-то чудом, а может быть, совсем не чудом, я здесь. Ведь не зря же все случилось так, как я планировала (в кои-то веки). Не зря я поступила-таки после целого года задержки и ожидания.

Ладно, все это в сторону. Восторги и эйфорию можно умерить. Я шла вместе с другими первокурсниками на общее первое собрание и, кажется, уже любила здесь все.

Странно, я всегда считала себя достаточно сдержанным человеком. Но сегодня... не знаю, позволю себе это ради исключения.

В аудитории, в которую нас всех посадили, было довольно светло, и вся она была забита людьми. В соседи мне достался лощеного вида парень со светлым ежиком волос на затылке, проколотым ухом и видом короля подворотни.

«Псевдомажорик, — как называл таких Марк, — беги, если увидишь. А уж если он и брюки в сапожки заправляет...»

...Не могла удержаться и не опустить глаза на его обувь. Парень, до этого лишь раз равнодушно посмотревший на меня, неожиданно перехватил мой взгляд и усмехнулся. Я на секунду смешалась.

Кстати, джинсы он в ботинки и не заправил. Но это еще ни о чем не говорило!

Декан — а это определенно был он — поднялся из-за стола. Голоса в аудитории быстро стихли. Он заговорил — вроде весело, забавно, но уже через пару минут голова моя начала вертеться в поисках новых тем для наблюдения, а таковые здесь были повсюду. Студенты. Какие все разные — уже сейчас видно. Кто-то даже записывал что-то за речью декана. Я вернулась взглядом к декану — тот уступил место своему заместителю — и начала снова озираться по сторонам.

В толпе студентов, лица которых я рассматривала, не было видно лиц той тройцы, с которой я столкнулась у факультета.

По правде говоря, меня чем-то притянули эти лица. Не знаю, может быть причина была в том, что они были первыми, кого я встретила здесь?

— Паштет, — раздался голос «мажорчика» справа от меня.

— Что? — я повернула голову, мне показалось, что я ослышалась.

— Паштет, — невозмутимо повторил парень. И, поняв, что до меня не доходит, закатил глаза: — Парень, на которого ты сейчас смотришь, это Паштет. Его так прозвали.

— Почему? — любопытствовала я, конечно, не сразу сообразив, где этот самый Паштет, на которого я смотрела.

— На курсах все рассказывал, что любимой его едой навсегда останется хлеб с маслом и паштетом.

— Он еще и масло намазывает? — поразила я.

— А девица, что с ним, ну такая, рыжеватая сомнамбула, — я захихикала, услышав, столь лестный отзыв, — Это Марква. Причем через «А».

— Почему Марква?

— Вслед за историей с паштетом обычно следовала тирада на тему, что «я лучше буду маркву круглыми сутками жрать, чем позволю себе съесть хоть кусочек бутерброда с паштетом! Это же жутко калорийно!» Марква всем понравилась, а они, судя по всему, полюбились друг другу.

Я негромко рассмеялась, вспугнув нескольких первокурсников рядом ниже.

Тем временем шло представление преподавателей. Это уже было интересней. Я послушала.

— Откуда ты их знаешь? — поинтересовалась я у «мажорчика», когда полились напутственные речи от преподавателей.

— Я большинство первокурсников знаю. Ходил с ними на подготовительные курсы. А тебя на курсах не было. Ты иногородняя?

— Да, из Воронежа, — откликнулась я. Манера этого парня легко завязывать разговор мне понравилась. — Но... я думаю, не одна я.

— Да нет, конечно. Половина иногородних, а те, что иногородние, большинство — из-под питерских городов.

— Забавно.

— Да. Я, к примеру, из Выборга.

— Из Выборга?

— Ну, это городок старинный на границе с Финляндией.

— Здорово! — искренне восхитилась я.

— Ну да, у нас там даже есть самый настоящий замок. Ему не меньше семисот лет, а может и больше.

— А у этого замка ров есть?

Парень закатил глаза.

— Ну это же настоящий замок, как там не может быть рва?

Я снова рассмеялась.

— Меня, кстати, Кит зовут.

— Кит?

— Ну... Никита. Для своих Кит.

— Отлично, мы уже свои, — улынулась я. — А ты даже не знаешь моего имени!
Варвара Трубецкая.

— Ого!

— Что тебя так... поразило?

— Сочетание красивое.

— Ладно, Никита-Кит, комплименты отвешены! — мы слегка поклонились друг другу и одновременно пожали руки под партой. — А какое прозвище было на курсах у тебя?

— Ммм...

— Эй, Неудержимый Кит!

В моего соседа кто-то попал в тряпкой, и оказалось, что общее собрание уже закончилось.

— Так вот оно что... Неудержимый Кит! Почему Неудержимый?

— Потому что болтливый, — смущенно улыбнулся парень, возвращая тряпку обидчику. — После получения зачетов и студенческих билетов, хочешь, сходим посидим где-нибудь?

— А пары?

— В первый день нет пар.

— Тогда отлично, — я просияла. Не могла идти домой сейчас. Хотя, по правде сказать, и не собиралась. Так как домом назвать мое новое жилище было сложно, то и делать мне там было нечего.

На Васильевском острове — где я искала квартиру поближе к факультету — я остановила свой выбор на довольно большой комнате в квартире у старушки. Это называлось с «подселением». Старушка была мила. Пока что.

Долго рассказывать, с каким настроением, с каким фонтаном отрицательных эмоций я прибыла в Питер неделю назад. Я приехала окончательно, нагруженная внушительной сумкой с вещами, ноутбуком и подарком графа на поступление — новенькой цифровой полупрофессиональной фотокамерой.

Первый и, надеюсь, единственный подарок, который я приняла от него.

Не хотела быть обязанной. Даже ему. Даже за подарок на поступление. Фотокамера была блеск, супер! Сама я вряд ли скоро расщедрилась бы на нее, и я была ему очень благодарна.

Пока мама и граф занимались ремонтом и переездами, — он купил для них дом — я с некоторой маниакальностью занялась собственным переездом, будто желая совсем не примешиваться к этой новой их семье. И не знаю, почему, не спрашивайте — не отвечу.

Даже несмотря на то, что граф мне нравился — это сложно было объяснить.

Но наша старая квартира осталась на своем месте — пока дом не был отделан до конца, они жили в нем, потом же туда буду приезжать я. Пусть редко, но все же...

— Конечно-конечно, квартира в городе всегда пригодится, — вещала мама на семейных собраниях. — Мало ли, может быть, сама Варька туда вернется — ну не останется в Петербурге!

— Кто знает, — смеялся граф, глядя на меня. — Жизнь — штука непредсказуемая.

Спасибо за ремарку, эта покрытая плесенью истина еще не долетала до моего сознания! Бросьте, что же меня так нервировали разговоры об этих переездах? Они же еще не в курсе, что я не буду останавливаться в их новом доме на каникулах...

Хотя, признаться честно, вряд ли этого удастся избежать.

— Где ты живешь? — спросил меня новый знакомый, когда мы уже сидели в кафе с поэтическим названием «Ли́ра» и крутили в руках папки с меню.

— Снимаю комнату у старушки, — я едва перевернула первую страницу, когда меня застиг первый вопрос.

— О, гиблое дело... — недовольно протянул Кит, то есть Никита — что за дурацкое прозвище?

— Почему это? — я резко опустила меню на столик.

— Ну, точнее, может и не гиблое для кого-то. Но жить со старушками — надо иметь ангельское терпение. Хорошо, что ты пока с этим не сталкивалась. А вообще — они очень любят учить уму-разуму. Первое время тихенькие, а потом — и почему у тебя в комнате такой бардак, и почему ты не питаешься нормально, и давай я тебе дам ключи от квартиры, чтоб меня не беспокоил, а следом за ним — твои родители вообще в курсе, что ты так поздно возвращаешься домой?!

В общем, мало рассказать — надо испытать это на себе. Я знаю, снимал так комнату, когда надоело на курсы мотаться каждую неделю и накануне поступления.

— Может, тебе просто старушка неудачная попалась? — усмехнулась я.

— Целых три? — изумленно распахнул очи Никита.

Я закашлялась.

— Ладно, не хочу нагружать тебя лишними проблемами сейчас.

— Да уж поживем — увидим, — скрипучим голосом отозвалась я. Никита рассмеялся, листая меню.

— А ты, знаешь ли, милый, сначала вывалил на меня ушат ценной информации, а потом милостиво решил меня не нагружать!

— Ну так, — Никита смешно подергал плечиками.

— Эта погода, — я перевела взгляд на окно, пока официантка расставляла чай и кофе на нашем столе, — с утра была солнце, теперь опять...

— Не привыкла еще к северным неожиданностям?.. — сочувственно откликнулся Кит, копаясь в своем телефоне, — Ничего, скоро привыкнешь. Я всю жизнь прожил в Выборге, но разница небольшая. Он еще ближе к Северу, чем Питер.

— Привыкну, не сомневаюсь, — задумчиво откликнулась я. Хорошо сидеть в кафе с кем-то, а не одной, как я делала это всю предыдущую неделю. Единственными моими друзьями были теперь лишь те, что находились в моем телефоне, да овчарка с этажа ниже. Каждое утро мы сталкивались с ней (и разумеется, с ее хозяином тоже) в лифте. Хозяин был не очень разговорчив. Собака наоборот.

Кит неожиданно отложил телефон.

— Что, фигово тебе здесь? Домой хочется? Точнее, даже не домой, а к... налаженной жизни, что ли? Может быть, даже не к людям, сколько к атмосфере привычности, да? — с каждым словом в меня вонзалась непреклонная истина.

Мне было ужасно. Я хотела домой. Но действительно не к людям — уверена, они стали бы меня раздражать, как и в последние дни моего пребывания в Воронеже, а к ощущению, что я дома. Я скучала по этому ощущению. И не понимала себя — вот же он, Питер, город мечты! Сколько тоски и апатии было в прошлом году, когда я поняла, что так и не попаду туда, и лишь сотни фотографий оставались передо мной. Сухие, скупые, счастливые лица на них уже ничего не выражали, не откликались в душе никакими чувствами, кроме пустоты.

Кит настойчиво всматривался в меня, возможно даже не ожидая ответа, я хотела раздражиться на это чертово понимание, но не смогла. Он был прав.

— Я здесь уже неделю... Странно все, — я пожалала плечами, плеснула еще чаю в чашку.

— Что ты делала?

— Исследовала Питер. Подземку, речной канал, улицы, невский, фонтаны, голубей,

туристов. Привыкала к мысли, что уже не одна из них, — неожиданно откровенно выложила я. — Странная мысль, странное чувство. Как будто чего-то радостного, но радость эта словно... не может ощутиться до конца сейчас. Как будто, знаешь, вода готова прорваться во все окна и двери, но крепкие болты и шурупы засовов удерживают ее....

— Ничего, вода обычно сметает все на своем пути... Ты не видишь, броня засовов слабее день ото дня! — подхватил Никита.

Я улыбнулась. Посмотрела в окно. И поняла, что начинаю чувствовать что-то действительно радостное — даже не как утром перед университетом, когда было лишь чувство болезненной эйфории, которое потухло через пару часов.

Мне действительно начинало нравиться то, что вокруг. Я стала чувствовать себя в Питере.

Это было сложно объяснить.

— А где живешь ты? — переводя тему, спросила я.

— Я? Квартиру снимаю, — Кит не спеша помешивал чай ложечкой. — И гнить бы мне не общаге, если бы папаня не расщедрился на подарок. Сказал: «Поступишь на дневное на бюджет, буду оплачивать тебе съемную квартиру». А это дорогое удовольствие, как ты наверно успела заметить по объявлениям.

— Так в любом случае, тех, кто на договоре, в общагу не заселяют.

— Ну в этом случае я бы просто выкручивался сам. Искал бы подработку или... ну не знаю, жил бы в какой-нибудь общаге и платил бы за нее — это существенно меньше, чем за квартиру, — он допил чай одним глотком. — Пойдем, прогуляемся?

— В Кунсткамеру стоняем? — насмешливо поинтересовалась я, стоя под козырьком и глядя на мелкие капли, морозящие с неба.

— Почему бы нет? — скривился в улыбке Никита.

В Кунсткамеру мы не пошли. Но под дождем погуляли здорово. Покатались в трамвае, переехали через Дворцовый мост и, разумеется, побродили по Дворцовой площади.

— И все-таки, — сказала я, когда мы сидели в метро на какой-то скамейке и вдыхали приятный непередаваемый аромат подземки, — меня вот уже несколько часов поражает легкость, с которой ты говоришь обо всем этом.

— О чем?

— Ну, о поступлении, о том, где бы ты жил и как бы все это было... Подработка и общага... Ни разу у тебя не возникло мысли, что что-то не получается, что это не твое, что, возможно, Питер не лучший исход?

— Ни разу, — усмехнулся Никита. — В Выборге, знаешь ли, небольшой напряг с высшими учебными заведениями. Это очень туристический городок. И потом, журфак всегда был моей мечтой. С детства я знал, кем буду. А ты, разве нет?

— Нет, — я покачала головой.

— А какая была твоя последняя самая большая мечта?

— Последняя? — я закусила губу. Какая же последняя? — Питер, — проронила я наконец. — Это было моей мечтой с девятого класса.

— Правда? А журфак?

— Как бы объяснить... Питер, точнее мечты о том, как я буду здесь жить, всегда были сильнее всего. А когда было плохо, я грезил... всем этим, — я сделала неопределенный жест рукой.

— Да, — усмехнулся Никита, — именно поэтому у тебя сейчас такое настроение.

Мы неожиданно одновременно рассмеялись этому каламбуру.

— Ну именно поэтому я выбрала журфак. Когда-то давно. Потому что знала, что Питер — это не только город. Но и люди. И, наверно, только такие, как здесь. Вот и сейчас... сегодня у меня совсем не такое настроение, как было всю неделю. Потому что я познакомилась с журфаком. И с тобой.

— О, — неожиданно смутился Никита. — Спасибо.

Мы помолчали. Послушали гроыхание подошедшего к платформе поезда.

— Не волнуйся, еще настанут теплые дни.

— Да. Я знаю.

Серое питерское небо над головой... Я знаю, что в город идут теплые дни, но сейчас они были где-то за горизонтом. И пока для меня все чужое: и город, и люди, и вывески, и станции, мимо которых я проезжаю, и даже голуби. Все не то. Предчувствие хорошего всегда кстати, но намного тяжелее ожидание.

Я поймала себя на мысли, что отсчитываю часы до окончания дня.

Если честно, моя квартирная хозяйка не понравилась мне сразу. Это было то, в чем я не призналась Никите и то, что я не хотела признавать сама себе. Но вариант с ее квартирой — единственное, что я нашла в последний момент рядом с факультетом.

Переезд? Да, возможно. Но явно не сейчас, когда я только приехала и учеба еще даже не началась. Сейчас мне было бы одинаково тоскливо в любой квартире города, с любыми людьми.

Или я ошибалась?

Открываю дверь своим ключом, и до слуха моего тут же доносится громкое фальшивое пение и плеск воды в ванной.

Да, это не графиня Трубецкая...

Это Клавдия Петровна, ее и старушкой-то сложно назвать, если честно. Волосы у нее были до омерзения длинными и черными. Не знаю, почему, но на волосы я в первую очередь обратила внимание. Просто они... ну как были самой примечательной деталью ее внешности.

— Варенька, тебя никто не потревожит, можешь заниматься своими делами, но у тебя в комнате находится балкон... я думаю, ты не будешь против, если я буду заходить туда периодически. Там и инструменты лежат и банки с соленьями стоят...

Может быть, мне стоило ответить: «Да, я буду против!», — потому что в тот день, когда я разрешила ей «периодически заходить на балкон», я выпустила джина из бутылки.

Она входила туда спозаранку, когда я еще и не думала вставать, хлопала дверью, потому что не хлопать ею было невозможно, скрипела половицами, выдавая это за крадущиеся шаги, и тяжело дышала — как будто пробегала стометровку.

Нет, я ничего не хочу сказать, это был ее балкон, ее квартира, ее комната, но она же сдавала ее мне... Ладно, быть может, я просто придираюсь, ведь в конце концов, жить с чужими людьми всегда тяжело — и это абсолютно не связано с возрастом.

Когда весь год добиваешься того, чтобы не жить один, потому что мама приходит домой слишком поздно или вообще не приходит, несколько странно испытывать желание пожить одной.

Привыкнуть... привыкнуть... просто нужно привыкнуть. Ко всему.

Я начала с журфака.

Занятия начинались в восемь. Я переписывала расписание и поражалась обилию

неожиданных интересных предметов. История Древнерусской литературы, история зарубежной литературы, фотододело, основы журналистики, техника и технология средств массовой информации, сценическая речь и многое другое. Дополнительные курсы по востоковедению и иностранным языкам, семинары, на которых преподаватели устанавливали дружеский контакт со студентами и мгновенно завоевывали внимание, открывая тайный загадочный мир одним взмахом руки.

Они посвящали в основы основ, погружали в историю, советовали кучу литературы, вроде мэтра Аграновского, Гюнтера Вальрафа, Рэндела, которую невозможно и нужно было прочитать как можно скорее, ужасались нашему маленькому кругозору и отсутствию любознательности, хотя таких начитанных, эрудированных и восхищенных этими знаниями студентов я не встречала еще нигде.

Это был свой внушительный, но замкнутый мир. Первокурсников милостиво допустили туда, постоянно проверяя и пробуя на зуб, насмехаясь и давая уроки выживания. Мир начал делиться на «своих» и «чужих». Свои узнавались по вдумчивому и в то же время немного сумасшедшему взгляду, по цветным шарфам, небрежно обмотанным вокруг шеи, по некоторому пафосу — куда уж без него на журфаке! — и по уверенности, что Боги от журналистики спокойно и, самое главное, целыми толпами могут запросто восседать в факультетской столовке, рассуждая о великих и не очень материях.

Среди «своих» тоже попадались «чужие». И, как я постепенно со временем разобралась, таких было достаточно много. Чужими были не те, кто не понимали этого юмора, этих ценностей, кто не принимал этих правил и ненавидел шарфы. Нет. Чужими были пустышки, корчащие из себя гениев. Глубокомысленные персоны, чьи мысли отливали отнюдь не золотом.

Такие не показывали себя сразу. Я могла мгновенно познакомиться с кем-нибудь на лекции или в столовке, заспорив о преимуществах и недостатках современной литературы по сравнению с классикой, цитируя Роста и восхищаясь Вуди Алленом, отвергая развлекательное ТВ и с благоговейным трепетом обсуждая Познера, а потом мигом разочароваться в этом человеке, услышав глупое позерство перед друзьями, пошлые шуточки ниже плинтуса и подражание неизвестно кому растягиванием гласных.

Мы все пробовали друг друга на зуб. Очень долго и вдумчиво. Сначала внутри своих групп.

Да, кстати, нас разделили на группы, и мигом все стало легче и одновременно с тем сложнее. В первый же день выбирали старосту. Не люблю навешивать ярлыков, но старост их чаще всего видно, не правда ли? Наша, по крайней мере, оказалась таковой в классическом понимании. Очень активная, очень ответственная, очень разносторонняя и амбициозная, но... глуповатая. С комплексом отличницы и страхом не знать хоть что-то из жизни факультета. Аня Шкалова.

Девчонок в принципе было больше парней, в нашей же группе было всего три мальчика, но и эти цифры считались просто едва ли не достижением. Одним из этих мальчиков оказался Никита-Кит. Увидев меня в первый день занятий, он расхохотался.

— Мадемуазель, начинаю подозревать, что нас сводит сама судьба!

— Ну что вы, сударь, это просто... Кунсткамера.

— Кунсткамера?

— Мы же так туда и не ходили.

— О, вы намекаете на то, что пока мы не ходим в Кунсткамеру, нам придется вечно

ходить друг за другом и встречаться в самых неожиданных местах?

— Что-то вроде этого. Неоконченное дело.

— И после смерти мне не обрести покой... — запел Никита, оглянувшись вокруг, заметил заинтересованные взгляды со всех сторон и подсел за мою парту. — Ну в общем, как-то так, — тихо добавил он.

Мы были еще не особо знакомы со своими одноклассниками, и этот маневр не прошел незамеченным. Почему-то с этого дня и навсегда сложилось устойчивое мнение, что мы с Никитой давно знакомы и чуть ли не всю жизнь были друзьями.

Странно, откуда это взялось. Но мы пытались всех разубеждать только первое время. Вместе с тем нам в голову пришло, что раз люди так считают, то что, собственно говоря, мешает нам воплотить это заблуждение в жизнь...

Никита, а точнее Кит (все в итоге подхватили эту заразу с его прозвищем) был представителем того рода парней, на которых я всегда смотрела с пренебрежением и презрением, над которыми мы с Марком всегда смеялись. Щупленькие, чересчур следящие за собой парни, в розовых рубашках, с серьгой в ухе, заправляющие джинсы в ботинки... Да, мне все-таки как-то удалось его подловить на этой детали одежды!

Но это был всего лишь очередной стереотип, один из мифов, который мне пришлось развеять для себя.

В нем не было ни капли позерства и пафоса. Он не говорил гнусавым голосом, умел находить общий язык со всеми, даже самыми высокомерными и избирательными, не растягивал гласные, никому не подражал, имел на все собственное мнение, если оно кому-нибудь требовалось, обладал здоровым чувством юмора и умением смеяться над собой, а еще был невероятно, просто до ужаса добрым, и скрывал эту доброту и не показывал никому, ну, в смысле, не выставлял на показ.

И да, тема с одеждой навсегда осталась любимой нашей темой. Так нам удавалось держаться на плаву. Так мы выживали, когда было слишком грустно и хотелось домой, или что-то не удавалось, или день проходил сплошной черной полосой. За это мы держались. Держались, когда тексты не удавались, преподаватели доказывали, что мы ничего еще не стоим, зачеты подстерегали из-за угла, когда друзья не проходили проверку на прочность и даже в тот один единственный раз, когда мой дружок влюбился и из этого ничего не вышло.

Что может быть лучше, чем посмеяться над собой и над другом в ненастный вечер с кружкой чая в руке?

Всего одна выкуренная сигарета (на журфаке почти все выучивались курить), всего одна чашка чая (никакого кофе дома!) и всего одна веселая шутка: «ей, парень, пора бы уже выбросить эти ботинки, они вышли из моды! В них нельзя заправлять джинсы из последней коллекции...», — и жизнь снова начинала расцветать красками.

...Я вливаюсь в поток, практически не появляюсь дома, а, появляясь, почти сразу ложусь спать, я начинаю снимать, а снимая, изучаю Питер — тот, что еще никогда не был мне доступен раньше, я нахожу двух Богов фотографии — Юрия Роста и Анри Картье-Брессона, целыми часами листаю их альбомы, вырезаю фотографии из «Новой газеты», покупаю себе штатив, перестаю обедать в кафешках, пристально изучаю журналы, выискивая отличия в заголовках, так что весь мир становится для меня обиталищем различных шрифтов, заглядываю в древнерусские тексты, в первый раз за долгое время звоню домой, слушаю мамин голос в трубке, закрыв глаза, и представляю себе нашу квартиру в Воронеже и открытые окна, Смирнитского и Сэлинджера, графиню Трубецкую

и оперу «Кармен». Боже, неужели уже прошел месяц? Всего или уже? Иногда мне кажется, что прошло уже много лет.

Я вливаюсь в поток.

— У меня есть простое объяснение тому, почему я не прихожу к восьми утра на первую пару.

— Да, и какое же? — промычала я, зачеркивая целое предложение в переводе по английскому языку.

— Я же нормальный человек, и даже не будильник, который может позволить себе включаться вовремя. Будильник не отвечает за меня. А я не отвечаю за пробки, которые присутствуют в городе. Значит, получается, что никто не виноват. Так что математичка может успокоиться, дело не в ней и даже не в ее предмете, как ей кажется, а в том что никто в здравом уме и твердой памяти на журфаке не встанет на предмет, который не принесет никакой пользы журналистскому сообществу и мировому сообществу в целом.

— А преподавательнице по физкультуре ты тоже самое рассказываешь?

Мика рассеянно крутанула в пальцах ручку.

— Нет, с ней я еще не встречалась.

Я усмехнулась, не отрываясь от словаря.

— Мика, ты неисправима!

— Вот-вот, ты все время это говоришь! Можно придумать и что-то пооригинальнее.

— Можно, — согласилась я. — Но как-то не хочется.

Мика помялась еще немного, пометалась, покрутила ручку, затем все-таки не выдержала.

— Варька, прекрати! Сколько можно уже! Оторвись от английского! Я что-то до этого не замечала у тебя такой прилежности.

Я с наслаждением откинулась на спинку стула.

— Ну, наконец-то ты сдалась. А выкрикивала, что можешь разговорить любого самого неисправимого ботаника. Если у тебя так плохо со мной получается, что будет с настоящим ботаником! Он даже рта не раскроет. Не поймет, что это с ним заговорили.

— Считай, что я тебя пожалела. Нет, в самом деле, что ты так возишься с этим домашним чтением?

— В самом деле, ты же знаешь, как меня англичанка любит, — парировала я.

— Варя, ты неисправима, — прогнусавила Мика.

Я засмеялась.

— Исправима.

— На самом-то деле тоже нет, просто мы не можем быть вдвоем неисправимыми. Но ты по сути такая и есть. Неисправимый мечтатель.

— Ну спасибо, — протянула я, сгребая в стопку все тетрадки и вешая сумку на плечо. — И вообще, пошли уже отсюда, меня скоро тошнить будет от факультета....

С Микой я познакомилась случайно, как, впрочем, и со всеми здесь. Она не врывалась в мою жизнь, не влетала, не зашла с торца, как написал бы какой-нибудь изворотистый писатель, она будто всегда в ней и была.

В один из первых сентябрьских дней мы сидели с Никитой в столовой и спорили по поводу какой-то ерунды, когда хрупкая светловолосая девушка, в длинном цветастом платье и с лентой хиппи в волосах подошла к нашему столику и спросила:

— Ребят, вам арбитр не нужен? А то я могу. — Она с такой серьезностью спросила это,

что мы расхохотались.

Она училась в телевизионной группе, и к нам имела мало отношения. У нас еще присутствовал некий налет высокомерия к студентам из других групп, впрочем, достаточно ложный.

Так вот, она просто вытащила стул, села и представилась:

— Мика. А тебя я знаю, ты Никита, да? Мы ходили вместе на курсы.

— Да, да, — Кит, рассеянно моргнул. — Помню, точно, Мика.

— Ты что? — я пихнула приятеля в бок. — Дар речи потерял?

— Наверно от моей неземной красоты, ну конечно, — согласилась Мика. У светловолосой хрупкой барышни имелся низкий хриловатый голос, весьма заманчивый. Мне вообще нравилось слушать голоса людей. А в студии Смирнитского низкий голос всегда считался плюсом, и сам «главный» нередко по этому принципу отбирал актеров на роли. В общем, приучил меня не только смотреть и слушать, но и слышать.

— Прости за вопрос, наверно тебе его часто задают... — витиевато начал Никита.

— Папа у меня сумасшедший. Повернут на американцах и их истории, — тут же отозвалась девушка.

— В смысле? — мы не поняли.

— Ну ты же про имя хотел спросить? Мое полное имя — Миакода, — терпеливо разъяснила Мика. — имя вышло из каких-то коренных американских племен — сейчас уже не помню из каких, ну и чтобы не произносить эту страхолюдину каждый раз при знакомстве, я называюсь Микой.

— Но потом-то все равно приходится разъяснять, когда спрашивают про имя, — резонно заметила я.

— А чаще всего люди думают, что это вроде прозвища, и не выпрашивают. А глядя на меня — на все эти феньки, ленты, платья — они имени не удивляются.

— Да, ты очень... гармонична.

— Хм, ну да. Верно подобрала.

— Погоди, — остановил нас Кит. — А нам-то ты почему тогда сходу рассказала про имя?

— Ну считайте, что вы мне понравились, — запросто ответила Мика.

— А... а... ну теперь-то все ясно, — заткнулся Никита, отпивая из стакана. Мика ему тоже понравилась.

— Да, я, кстати, Варвара.

— Да, очень приятно, тебя я тоже уже видела. У тебя улыбка красивая. А еще ты постоянно всех фотографируешь.

— Да, — смешалась я.

Кажется, придется привыкнуть, и как можно скорее. К этой ее забавной манере вести разговор.

Теперь пришла очередь Никиты смеяться.

— Она не просто Варвара, а Варвара Трубецкая.

— Да ладно? — удивилась Мика. — Тогда мне тем более очень приятно сидеть здесь.

Я вдруг почувствовала себя так, как будто сто лет знаю эту Мику. Это странно, я редко чувствую расположение к девчонкам. Последний раз дружила с ними наверно в глубоком детстве. В школе и на танцах у меня был Андрей, а мы с ним никого не допускали больше в свой круг, все одноклассницы, даже самые близкие, играли роль приятельниц. Затем Марк.

Максим. Исключение составляла лишь Тоня, но и та была слишком далеко.

А Мика... С чего я вообще взяла, что мы подружимся?! Мы и знакомы-то всего десять минут. Необъяснимо, но факт. Все мои глупые предположения при первой встрече успешно затем подтвердились.

Сейчас она шла и трещала про какую-то очередную постановку в очередном подвальном театрике. Я даже почти не слушала, пока она не дернула меня за длинную косу.

— Мы точно пойдем, поняла?

— Поняла. Отстань.

— Я обиделась, учти.

— Ну да. Как скажешь, дорогая!

— Вот вечно ты так. Ты неисправима, Варя, — снова пронудила она.

— Дай мне хоть раз сделать нормально английский, пожалуйста, — я молитвенно сложила руки и заглянула в глаза.

— И не смотри на меня своими синюшными глазами, не проймешь, — пробурчала она, таща меня к остановке. — Все равно ведь сейчас кинешь свои книжки и попрыешься фотографировать какие-нибудь закоулки в Центре.

— Закоулков в Центре не бывает, — заявила я.

— Логику включила, да? Ты меня бесишь.

— Ты меня тоже, — моментально откликнулась я на всякий же случай.

Она затеребила меня за ремешок сумки и запрыгала на одном месте.

— Ну, пожалуйста, Варька, я хотела тебе такого парня потрясающего показать, он должен играть одну из главных ролей.

— Ах, вон оно что... — скучающе заметила я. Со стороны мы наверно смотрелись комично. Блондинка и брюнетка останавливаются через каждые два шага и простирают руки, и прыгают, и жестикулируют. — Ладно, ладно, ладно. Пошли. Но ты просто обязана помочь мне сложить эту рухлядь в сумку. Одна я это не засуну.

— Да, кстати, где этот твой театрик, наполненный прекрасными парнями?

— М-м-м, на Садовой, знаешь, напротив Гостиного двора есть такой переулок Крылова, и там, если перейти через...

— Ох, ладно, пошли. Опять какие-то дебри.

— Ничуть не дебри. Почти Центр.

— У тебя все почти в Центре.

— Да глядя на то, где ты живешь, у нас действительно весь город почти Центр.

Я упиралась, препиралась, «делала лицо», заговаривала зубы и все для того, чтобы не показать, как сильно я рада, что не придется так рано идти домой.

То есть в то место, что так и не стало домом. Если я оказывалась там слишком рано, то к ночи я готова была плевать в новые желтые обои, потому что мне было невероятно и невозможно скучно там. Я могла выдумывать себе кучу дел, смотреть телевизор, готовить, слушать музыку, делать уроки, болтать по телефону и читать книги, но эта комната и вся квартира стала ассоциироваться у меня со сплошной тоской.

Клавдия Петровна стала придирааться абсолютно ко всему. Не знаю, с чем это было связано, но у меня были сильные подозрения, что это связано с ее бывшей квартиранткой, «чудной, чудной девочкой!», которая вот-вот должна была приехать в Питер и ей негде было остановиться.

Милая старушка завела чудную игру «кто-кого». Она негодовала по поводу моего

позднего прихода, удивлялась моему раннему приходу («Ведь я хотела покрасить волосы, а в такие моменты, я могу ходить голой по квартире, это так неудобно!»), интересовалась, почему я так редко готовлю на кухне, триста раз напоминала собирать свои волосы, вылезая из ванной, хотя меня так и подмывало сказать, что, возможно, оползает тот, кто так часто красится. Она вламывалась на балкон по утрам, просила меня купить по дороге из университета некоторые продукты и давала километровый список, причем разные продукты покупались в разных магазинах, а не в одном, как я могла бы подумать изначально. И все эти разные магазины находились в трех километрах друг от друга. А еще она постоянно советовала мне обогатить мои знания об астрологии сведениями из журнала «Оракул» и потчевала меня историями из своей бурной молодости и жизни ее внучки, постоянно попадающей во всевозможные комичные ситуации.

В первое время меня это все веселило, и я пересказывала эти чудные истории Никите и Мике, но в последнее время мне стало не до шуток. Особенно после третьего подобного похода в магазинчик. В конце концов, я была не служанкой, как она возможно подумала, давая объявление о сдаче комнаты в наем. Быть может, она просто забыла сделать приписку в газете, куда подавала объявление?

А еще она постоянно настойчиво расспрашивала меня о том, не интересовался ли кто у дома вопросиком, в какой квартире я живу. Это было равносильно вопросу: «Хвоста не привела?»

Ну что ж, если милая старушка затаила мыслишку избавиться от меня, мне это, в принципе, только на руку. Вопрос лишь в том, что мои просмотры объявлений о сдаче квартиры или комнаты ни к чему не приводили. Очень сложно было найти какое-либо место на Васильевском острове, то есть чтобы это было достаточно близко к факультету, и при этом меньше всего я бы хотела связываться опять с какой-нибудь старушкой.

Объективно я понимала, что мне просто не повезло, но искать и выискивать свою идеальную старушку не было времени, я ведь не для этого приехала в Питер. А с пожилыми людьми вообще достаточно сложно уживаться, как, в принципе, и с любым человеком.

Может быть, я была неправа, не знаю. Не хотелось бы оправдывать общественное мнение, что молодежь никуда негодна и ни во что не ставит старших. Но, в конце концов, я знаю, что это по меньшей мере несправедливо. Я всегда уступаю место в автобусе пожилым, обожаю свою бабушку, у меня замирает сердце при виде стариков, кажется, мне никого и никогда не бывает так жалко, как их, но не все же пожилые люди одинаковы, и сами они наверно со мной согласятся. Дети становятся взрослыми, взрослые рано или поздно превращаются в пожилых. Так почему же считается, что пожилые люди становятся еще к тому же и ангелами? Как бывают склочные, мелочные, завистливые, жестокие, глупые, пошлые люди, такими могут они остаться и в старости. И не думаю, что говорю какие-то крамольные вещи.

Ладно, у нашего поколения полно недостатков, и молодых в принципе принято судить и проверять на прочность. Но я также знаю абсолютно точно, что нельзя всех загонять под одну копірку. Мы по определению должны высказывать уважение старшим, но неужели мы сами не заслуживаем хоть немного уважения? Я говорю не о том, что к нам надо относиться как к полевым цветам, но и слушать, как меня и моих друзей называют отбросами, я тоже не хочу. За что? Только лишь за то, что мы молодые?

В последние недели эти темы стали уж очень актуальными. Я ждала какого-то разрешения ситуации, потому что было чувство, что без какого-то важного события это

разрешение не состоится.

— Переезжай ко мне, — предложила Мика.

— Ты обалдела? У тебя отец, что он подумает о какой-то приبلудной подружке, которая припрется с кучей вещей? Это неудобно, и вообще... — я теребила замусоленные страницы рекламной газеты.

— Тогда почему бы тебе ни переехать к Киту? Ты что молчишь? — она пихнула Никиту в бок, отрывая его от написания какого-то текста.

— Да?

— Что ты об этом думаешь?

— Вы о переезде? Я давно ей твержу об этом, но она упирается, как баранье!

— А это что за слово такое? — прицепилась Мика.

— Отвали.

— Ага. Ну, и что молчишь? — переключилась она на меня.

— Не знаю.

— Брось, Варька, это даже смешно, — снова оторвался от текста Никита. — У меня двухкомнатная квартира, у тебя взбалмошная бабка с хитроумными планами. Мне же удобней — отец будет сумму в два раза меньше платить и пилить меня перестанет за мои нищенские подработки. К тому же, ты и так у меня чуть ли не ночуешь. Не особо что изменится. Только вещей прибавится, а так...

— Я уже заплатила за октябрь.

— Пусть возвращает хотя бы половину.

— Как же! Она уже все потратила на рассаду, на красу для волос и на тортики для своей любимицы-квартирантки.

— Это ее проблемы.

— Не смей меня, это мои проблемы. — Я постучала карандашом по столу. — Ладно, я подумаю.

Только теперь я по-настоящему оценила родительскую помощь. У меня лежали на карточке средства — деньги, вырученные за время работы в кафе. Они конечно неумолимо истекали, но основная их масса оставалась в целостности и сохранности. Настанет день, когда и эта сумма закончится. С переездом в квартиру Никиты это произойдет быстрее. Но, тем не менее, медленнее, если бы я жила одна.

В общаге я жить не хотела с самого начала. И копила-то в Воронеже для того, чтобы не жить в общежитии.

Сейчас придется срочно искать какую-то подработку, потому что я не хотела много просить у мамы и, соответственно, у графа.

Пусть мама считает, что у меня все относительно устроено. Не буду ее тревожить и теребить по пустякам.

— Ну, ты что задумалась?

— Что? — я отняла взгляд от светильника и посмотрела на Мику, которая ручкой рисовала на моей руке какие-то цветы. — Ты бы лучше лекцию записывала с таким усердием.

— Ну конечно, мамочка. Никиточка вон все запишет.

— А я тебе не дам копию, — шепотом отозвался Кит, тряся уставшей рукой.

— Как говорил один мой сосед, парень простой в поступках и выражениях: «Куда ты денешься, когда разденешься!»

— Очень мудро, — хохотнул Никита.

— Зато коротко и по делу.

— Ну и дела у вас с ним были!

Мика наклонилась, почти легла на парту и отдельно прошептала:

— Отвали, а!

— Ладно, — наконец произнесла я. — Я согласна. Месяц только начался. Скажу Клавдии Петровне — пусть возвращает сумму хотя бы за полмесяца.

— Ну и правильно, что раздумывать? — бросила Мика. — Будь бы я на твоём месте, я бы ни за что не стала терпеть так долго.

— Намекаешь, что я размазня?

— Напекаю, что я невоздержанна на язык. И на поступки... Сколько со мной папашка из-за этого намучался! И не только он, кстати. Первый мой парень бросил меня прямо в больнице, когда у меня была сломана нога. Он сказал, что она у меня костяная. Ну я и долбанула его... костылем. И больно ему было наверно...

— Интересно, — поежился Никита, возвращаясь к своим конспектам.

— Сколько же тебе было лет? — заинтересовалась я.

— 14.

— Это я к тому, что ты сейчас можешь с человеком сделать!..

— Ну, сейчас я руки не распускаю, не оставляю, так сказать, следов. С тех пор у меня и мышцы окрепли и язык оставшихся костей лишился.

— Да зачем они ему... — закатил глаза Никита, не переставая слушать лекцию.

Я смеялась.

— Мика, ты прелесть.

— Правда? А вот папашка упорно зовет меня чудовищем.

— Это наверно от слова «чудо», — съехидничал Никита.

— Послушай, Кит! — грозно зашептала Мика. — Сиди на своей глубине и не высывайся. Ты хоть и огромный, но все-таки рыба.

— Все, не мешайте. Иначе никто не получит конспектов. Вообще.

Клавдия Петровна сдалась почти без боя и даже согласилась вернуть деньги за полмесяца. Видимо, девчоночка уже была на подходе.

Я решила переезжать по частям. Отнесла одну сумку вещей и фотоаппарат. Все равно, действительно целыми днями торчала у Никиты.

Он, кстати, устроился на подработку в кафе официантом на вечернюю смену и теперь целыми вечерами пропадал на работе.

Отец квартиру оплачивал, но и нервы трепал не меньше. Никита решил подсократить родительские вложения в него. Я же решила, что не пойду официанткой. Не могу, не хочу. Нарботалась уже. Все это осталось в прошлом, а точнее, еще в этом году, но уже как закрытая страница. Вернуться к этому значило вернуться к той себе, которой я уже не могла быть. Сменить Воронеж на Питер, чтобы вновь стать официанткой! Никакого развития, одна лишь горизонтальная мобильность.

А вечера нужно было как-то занимать.

«В танцевальную группу Аллы Насмешевой приглашаются девушки и парни, которые любят танцевать и хотят получать за это деньги. Отбор — пятница, суббота, воскресенье, с 17.00 до 19.00. Место проведения уточняйте по телефону. Тел...»

Это было объявление, которое я увидела на дверях журфака.

Интересно... танцевальная группа.

И чем дальше, тем все больше я думала об этом. Танцевальная группа.

Кажется... нет, не знаю, как это прозвучит, но кажется, я снова хотела танцевать.

Сильно. Так же сильно, как в 11 классе.

Еще тогда, когда все было хорошо.

— Прекрати сидеть с таким глупым выражением лица.

— Для начала его нужно хотя бы иметь, — отвлекаясь от своих мыслей, заметила я.

— Вот-вот, — Мика отпила из одноразового стаканчика и тут же переключила свое внимание на кого-то другого. — О, смотри какие люди! А я-то думала, что четверокурсники практически не ходят в универ.

— Ты о ком? — я закрутила головой.

— Тихо, не буйствуй. Вон там столик, видишь? Парень, который только что сел за него...

— Да, — Мика указывала на того самого парня, который окатил меня на своей машине первого сентября.

— Это Артем Стрелин. Красивый парень, правда? Звезда факультета.

— Звезда? — усмехнулась я.

Артем Стрелин объективно был красивым парнем, с этим не поспоришь. Темные волосы, нос прямой, тонкий, скулы высокие, улыбка обаятельная — в общем, полный набор. А еще взгляд из-под сводящихся к переносице бровей был каким-то... не жестким, но с глубиной.

Понятно... У всех у них с глубиной.

— Ну да. У него же целая команда. Со своими однокурсниками и друзьями с других курсов создал... ну, что-то вроде студии. Они организуют всякие праздники на факультете, вплоть до Первокурсника и Студенческой Весны, а также Новый год, день Студента, день... не знаю чего еще. А еще они пишут сценарии и для других факультетов тоже. Ну вроде как на заказ. Снимают для них ролики, брызжут творческими идеями.

— Ясненько. Что ж, на других факультетах некому брызгать?

— Не знаю. Видимо где-то и нет. Соглашаются они, кстати, далеко не на все. А просят их, естественно многие.

— Они уже доросли до того, чтобы выбирать?

— Ну просто, видимо, времени не хватает всем все делать.

— Забавно. А ты-то откуда все это знаешь?

— Слышала. Мы на курсы когда ходили, нам тут некоторые старшекурсники здорово мозги прочищали. Ну в плане того, как тут все устроено. Такая, знаешь, рекламка. Все самое интересное и классное. Смотри, у них там за столом сейчас почти вся их компашка, кстати.

Я снова подняла глаза на их столик.

— Ну может и не все, но самый костяк здесь. Вон и Алла Насмешева. Она обычно танцы ставит.

— Алла Насмешева? — я кинула быстрый взгляд на ребят.

— Та девчонка, что сейчас смеется со Стрелиным. Его подруга близкая.

— Странно.

— Что?

— Да так... просто я сегодня объявление одно видела.

— О танцевальной группе? Я тоже видела. А что, хочешь пойти?

Я пожалала плечами.

— Не знала, что ты умеешь танцевать, — заявила Мика, глядя на подсаживающегося к нам Никиту.

— Кто умеет танцевать? — заинтересовался он.

— Мадемуазель Трубецкая.

Я улыбнулась.

— Вам еще много предстоит обо мне узнать. Я больше десяти лет танцевала.

— Больше... — поперхнулся Никита.

Я смотрела на столик Стрелина. Мика смотрела на меня.

Закованная в три стальных мундира, вооруженная до зубов, все еще садящаяся на шпагат (я проверяла!), я подошла к стеклянной двери в заветную аудиторию.

Было страшно.

Было страшно так, что вспотели ладони, хотя судить и отбирать собиралась такая же девчонка, как я, ненамного старше, хотя, возможно, и намного талантливее. Но боялась я не ее. Себя. И того, как поведет себя мой организм, оказавшись перед незнакомой аудиторией.

Но позвольте... А как же занятия у Смирнитского? Как же выступления на сцене? А как же этот изъедающий мозг спектакль, хореографией которого занималась исключительно лишь ты?

Но тогда все было по-другому. Проще. Теперь же я ни в чем не уверена.

Я смотрела на них сквозь стеклянные двери. Их было немного. Человек 10–12. В основном, девушки.

Ох.

И они выглядели такими дружными. Сплоченной компанией.

Брось, благословенная графиня Трубецкая может и не прийти к тебе на помощь сегодня, но у тебя есть ты сама. Тоже Трубецкая, если кто-то еще не забыл об этом.

Я не забыла.

— Привет.

— Привет, — отвечают вразнобой.

— Меня зовут Варвара. Я... на отбор.

— Привет, — рыжеволосая девушка — та самая, которую я видела в столовой, спрыгнула с парты и модельной походкой приблизилась ко мне. — Я Алла. Ты звонила сегодня?

Я кивнула.

— Вроде все, кто сегодня звонили и спрашивали о месте отбора, здесь. Вас немного, всего четверо. Для начала хочу рассказать.

Я оглянулась на «новичков» — они сидели обособленно, их было сразу видно, да и позы слишком сжатые — и приткнулась на ближайшее место.

В этот момент вошел Стрелин, позвякивая ключами от машины. Алла сказала ему пару слов, улыбнулась и повернулась к нам.

— Ну так вот. Коллективу нашему два года. Я организовала его на втором курсе. Сначала не было ничего серьезного — так, выступления на перваках, участие в концертах на других факультетах, потом всякие городские выступления. Затем мне помогли с залом, и у нас появилось небольшое помещение для репетиций. Нас стали приглашать на банкеты, дни рождения, затем включили в некоторые клубы с постоянной программой. В общем, сейчас, нас уже кто-то знает, у нас есть определенный процент приглашений на всевозможные

мероприятия. Затем те, у кого мы выступали, передают наши контакты по цепочке. Единственная проблема, что у нас за последние два года постоянно варьировался состав. Сейчас нас десять человек, а из прежнего состава осталось, кажется, всего трое. Хотелось бы как-то укрепить уже существующий костяк, поэтому в этом году мы решили устроить отбор в последний раз. И он будет посерьезнее всего того, что было у нас до этого. Потому что наконец появилась реальная возможность что-то заработать. И намного сложнее будет не попасть сюда, а удержаться, потому что график репетиций достаточно серьезный. В общем, если у вас есть желание танцевать и при этом еще и что-то зарабатывать, то добро пожаловать. Думаю, надо начинать.

Это было не очень сложно. Мне так казалось.

Я вышла первой, потому что оказалась с краю. Ну что ж, первой так первой.

Что-то меня смущало в этой обстановке. Никак не могла понять что. Даже сейчас, стоя перед всеми и рассказывая о том, где и как я танцевала, я нервничала.

Я старалась смотреть на всех, не только на одну Аллу, но глаза мои все равно тянулись к ней. Не такая уж чтобы очень красивая, она была невероятно эффектна. И пластична. Это чувствовалось в том, как она закидывала ногу на ногу и как откидывала волосы со лба, как переплетала пальцы.

Услышав про бальные, три девицы, сидевшие за спиной у Насмешевой, переглянулись и зашептались.

Та даже не повернула головы, но, как видимо, оправдала перешептывания девиц.

— И сколько же? Десять лет! Хм... сложновато будет с базой бальных танцев перестроиться на обычные. — Парень сверху почему-то засмеялся. Девицы заулыбались. Я не поняла, в чем дело, но поспешила объяснить.

— Я уже год ими не занималась...

— Ну, это ничего не значит, опыт-то остается, — протянула черноволосая девушка из троицы над Насмешевой.

— Дайте мне закончить, — тихо попросила я. Девица прихлопнула рот. — Я год не занималась бальными, ну и так получилось, что... — не хотелось рассказывать им про мои хореографические заслуги, — мне пришлось принимать участие в спектакле молодежного театра, где я танцевала в десяти танцах. Большая часть из них были современными эстрадными. — Я действительно буквально принимала участие в этих танцах — я же их все ставила. — Так что, я немало нового освоила за этот год.

— А спектакль-то как? — поинтересовался кто-то из девушек. Я не поняла по интонации, это был вопрос с подвохом или нет, но на всякий случай ответила:

— Спасибо, хорошо, недавно вернулись с ним из Германии.

Парень сверху присвистнул.

Я отступила на шаг назад. Ну да, выпендрилась, но уж больно напряженная обстановка складывалась. Точнее, для них конечно не напряженная, а вот для меня...

— Ладно, все это к делу отношения не имеет, — пристально взглянула на меня Алла. — Может быть, ты умеешь делать шпагаты или колеса или что-нибудь акробатического характера?

Зная, что у меня школа бальных танцев за спиной, она могла бы предположить, что «что-нибудь акробатического характера» мне в принципе не должно быть доступно. Но я села на шпагаты, сделала колесо, мостик стоя, и это уже было для меня чем-то вроде небольшой победы, потому что я не делала этого слишком давно.

Стрелин сел рядом с Насмешевой и закинул руку ей на плечо, с некоторой ехидцей во взгляде наблюдая за мной. Это меня тоже немного нервировало. Одна из девиц переместилась сверху и что-то зашептала на ухо Алле, поглядывая на меня. Насмешева засмеялась.

Я не выдержала. Представила себя такую красную, с растрепанными волосами, перед незнакомыми людьми и выговорила, почти на одном дыхании:

— Воспитанные люди не обсуждают других за спиной.

Девушка хмыкнула.

— Мы обсуждали не тебя, — откликнулась Алла и повернулась к остальным как ни в чем не бывало. — Ну что скажете?

— Можно попробовать поставить музыку. Пусть она подвигается, — предложил парень сверху.

— Хорошо. Но пока есть у кого-то соображения?

— Я думаю, ей будет тяжело у нас. Все-таки бальные танцы — это немного не наше. Там люди совсем по-другому двигаются. Она будет белой вороной среди нас.

— Это экзотично, — фыркнул парень сверху.

Я усмехнулась и неожиданно поймала спокойный взгляд Стрелина. И быстро отвела глаза.

Эти ребята не промах. Обсуждают меня так, будто стоя на рынке, решают, стоит ли запечь морского ежа, и тут же презрительно отказываются, потому что у него колючки.

— Могу дать тебе шанс, — медленно повернулась ко мне Алла. — Попробуй, порепетируй с нами. Мы за тобой понаблюдаем.

— И вообще, — неожиданно добавила брюнетка, которой я, видимо, не понравилась. — Ты знаешь что-нибудь про сценический макияж? Мы обычно ярко красимся на выступления. У тебя... не будет с этим проблем?

— С чего ты взяла, что у меня могут быть с этим проблемы? — ледяным тоном осведомилась я.

— Просто ты совсем не накрашена.

— Я не очень люблю краситься. К тому же, я сейчас не на сцене.

— Ну если для тебя это неважно...

— В конце концов, я просто хотела танцевать. Но если тут все так поставлено... я думаю, это вы мне не подходите.

Я развернулась, подхватила свой плащ и сумку и вышла под прекрасный звук абсолютной тишины.

Пока я шла по коридору на улицу, щеки у меня горели.

Мне 13. Я сижу на дьявольском шпагате, одна нога на стуле, другая на полу, секунды тянутся медленно, нога болит невероятно, сползает, не держится. По лбу течет пот, я прижимаю его к прохладному полу, а наш капрал все продолжает свой тягостный термоядерный счет, специально останавливаясь, чтобы заставить кого-то выпрямиться или дать Трубецкой еще пару затрещин. Я ее любимая мишень. До сих пор.

Она села на бордюр за чью-то машину, бросила рядом сумку, достала оттуда зеркальце, посмотрелась: лицо как лицо.... Ну подумаешь, она давно перестала краситься, но глаза у нее голубые, а ресницы темные и длинные, краска им особенно не нужна, да она и не закидывалась на этом никогда.

Закинула зеркальце обратно в сумку, обняла колени руками, глубоко вздохнула и,

казалось, застыла — задумалась.

— Прости... тебе машина не мешает? — услышав чей-то насмешливый голос, я обернулась. И вскочила.

Стрелин крутил брелок в руках, прислонившись к капоту своей машины. Той самой, за которой я сидела.

— Извини.

— Ну и переполох вы устроили, мадемуазель, — слегка поклонился он.

— Правда? — я поморщилась, прикрыла рукой глаза. — Я не хотела.

— Я тебя понимаю. Нет, правда. Сам терпеть не могу участвовать в таких кастингах, это всегда очень... нервно проходит.

— У меня вечно так, — я судорожно закинула сумку на плечо. — Обязательно нужно было ляпнуть что-нибудь под конец, этого-то я и боялась! Надо вернуться к ним и извиниться...

— Не думаю, что это хорошая мысль.

— Почему?

— Они сейчас вряд ли оценят. Да и потом, зачем раскаиваться в содеянном, вряд ли ты испытываешь свою вину. Ну, на самом деле.

Он был прав.

— Я чувствовала себя, как на рынке. Прости, я...

— Да хватит уже извиняться, — он дернул рукой. — К тому же, ты наверно правильно сделала. Они не этого ждали.

— Хочешь сказать, что все это было продуманно?

— Ну... — он замялся. — Скажем, это у Алки такая тактика поведения по отношению к новичкам. Они не знали, что столкнутся с сильным противником.

— Брось.

— Серьезно. Ты просто не видела себя со стороны.

— Ну конечно, — пробурчала я. — Как всегда.

— Что?

Я вздохнула.

— Не обращай внимания. Это у меня вообще больная тема.

— Что именно?

— Танцы. И люди, которые ими занимаются.

— Ясно. Если ты так хочешь танцевать, приходи на репетицию Первокурсника. Я все это организую. Да, кстати, я Артем, — он протянул мне руку лодочкой через капот.

— Варвара, — он сильно сжал мои пальцы.

— Ну что ж, Варвара. Давай подвезу.

— Нет, спасибо. Я... пройдусь.

— Как хочешь, — он опустил очки на глаза. — Приходи на Первокурсник. Я думаю, тебе там понравится. Все, кто попадают туда, уже не могут расстаться до конца учебы.

Я усмехнулась.

— Правда? Ну так я живо изменю традицию.

Он засмеялся, садясь в машину.

Засмеялся.

Интересно, почему, когда я попадаю в какой-то танцевальный коллектив, у меня всегда неизменно возникают какие-то проблемы с людьми? В чем дело? Я же просто хочу

танцевать... Быть может, это такой тонкий намек, что танцевать мне не стоит?

Да, такие мысли на меня все равно не действуют. Это подтвердилось еще раз, потому что я все-таки пошла на репетиции Первокурсника.

Концерт должен был состояться в конце ноября. Работа кипела ключом, потому что некоторые факультеты уже выступали. Среди первокурсников звучали воззвания, что надо бы прокрасться на их концерты и шпионить. Но Стрелин заявил, что лично нам это вредно, потому что сбивает с рабочего лада.

— Блин... какой же красивый парень! — вздыхала Мика во время одного из перерывов — она участвовала в номерах комических. — Поверь мне, такие достаются только как суперприз в лотерее без правил! Как подарок тысячному покупателю! Да и то, если он тебе достанется, не факт, что он будет твоим!

— Да ладно, — насмешливо улыбалась я.

— Вот и ладно. Обычно девки так теряются, получив это сокровище, что сокровище успевает оценить обстановку и смыться. Так что... без шансов, моя дорогая. В эту сторону даже смотреть нечего. Да ты посмотри, как он одевается, как говорит. Принц, блин! На жесты на его посмотри — они абсолютно естественны, а все потому, что отточены годами тренировок. Как он очки снимает, а как улыбается — заметь, каждый раз по-разному!

Я фыркнула.

— Да брось, тоже мне идеал! Просто красивый парень, вот и все. Наверно у него обнаружится какой-нибудь симпатичный недостаток, вроде неприятного запаха изо рта или он тупой, как пробка — тоже распространенный вариант в шкале недостатков.

Мика засмеялась. Но тут же вновь лицо ее приняло прежнее постное выражение.

— Просто красивый парень, Варя?! — поцокала она языком. — Он объективно действительно красивый парень. А уже одно это дорогого стоит.

— А что, моя бабушка в таком случае говорит: с лица воды не пить!

— Посмотрела бы я на твоих бывших — небось по бабушкиному принципу выбирала, да?

— Ммм, нет, — подумав, ответила я.

— Ну видишь, да? — отрезала Мика. — Так что не выпендривайся!

— А что?

— Сиди молча и наслаждайся красотой издали.

Я рассмеялась и полезла в сумку за блокнотом и ручкой.

— И что это? — с любопытством вытянула шею Мика. Я нарочно закрылась от нее листком и по-идиотски захихикала.

«Развенчание мифов. Опрос привлекательных парней № 1. Старшее поколение при поиске своей второй половины руководствовалось принципом «С лица воды не пить». Как вы считаете, актуален ли данный тезис в наше время, и особенно для девушек? Автор: неизвестный корреспондент студенческой газеты».

В конце концов, я протянула листок ей. Она быстро пробежалась по нему глазами.

— И что ты будешь?.. — начала она, в то время, как я сворачивала листок и писала сверху кому. — Обалдела?

— Просто скучно, — ответила я и, пихнув студента снизу, протянула бумажку и прижала палец к губам.

Паптет — а это оказался он, только глаза закатил и начала передавать вниз. Мы с Микой засмеялись.

Стрелин ходил по сцене и ругался насчет каких-то декораций. Тут же бродили его друзья и участвующие в «Первокурснике» студенты.

— И что, интересно, будет? — прошептала Мика.

— Посмотрим, не совсем ли он тупой... — ехидно зашептала я. — Он вообще, может быть, даже ответ не напишет!

— Ну да, подойдет и лично вмажет, — согласилась Мика.

— Я как-то забыла подписаться, знаешь ли. К тому же, он меня не знает.

— Это, мать, как раз и не проблема. Не знает — узнает!

— Ну, точнее, знает, — я вспомнила свои посиделки у машины. С тех пор прошла неделя. — Да. Но уже забыл, сто процентов.

— Так-так-так, — заявила Мика многообещающе.

— Никаких так-так-так, — отрезала я. — Что там у тебя, кстати, с твоим актеришкой?

— С кем? — спросила Мика. — Знать не знаю, кто это!

— Ну и вредина! — протянула я, впрочем, вполне беззлобно. Моя подруга — инопланетное существо — славилась своим непостоянством в выборе парней. Они у нее не держались дольше недели. Не проходили проверку на прочность.

— Зачем ты так серьезно отбираешь? Ты же не Фрекен Бок, которая в борьбе за чистоту спальни Малыша! Ни единого пятнышка — так не бывает!

— Ха! Не понимаю вообще, как можно сравнивать отношения и чистоту спальни. Еще бы Майододыра привела в пример! Откуда еще взяла это... — ворчала она.

— Из счастливого детства! И потом, что это за отношения, которым неделя срок!

— Много ты понимаешь!

— Ну да... Отношения надо выстраивать, между прочим. А так ты хоть имена их запоминать успеваешь?

— Я не могу промахнуться. Мой папашка — человек, безусловно, сумасшедший, но с детства твердил мне простую истину: «Все справедливо в жизни. Везде есть баланс. Ты можешь наделать кучу ошибок — мы все их делаем — но делаем глупо без разбору! Так вот, делай эти ошибки, где угодно: в работе, учебе, в своем диктанте по русскому, но только прошу тебя, не в любви!»

— Какая интересная теория. Ну и как, получается, без ошибок в любви?

— А у тебя? — повернула ко мне голову Мика.

— Сплошные ошибки. Потому и спрашиваю, — заявила я, вставая — Насмешева созывала всех перваков к сцене.

Да, Насмешева и ее команда готовили танцы на Первокурсник. Как и обещались. Но я все равно поперлась туда, как стадо упрямых баранов, хотя и страшно было, что они скажут по поводу того вечера. Алла даже бровью не повела — сделала вид, что ничего не было. Я просто не прошла отбор. Отлично, отлично, все даже к лучшему. Хотя теперь у меня было такое чувство, будто за мной приглядывают и делают какие-то свои выводы. Или я параноик.

Я параноик. Я начинала любить этот журфаковский и такой далекий от него мир с творческими идеями по одной в минуту, с кулисами и стайками «посвященных» в эти тайны, с поздними возвращениями домой и вечерними попытками научить Никиту буйным своим танцам.

Мне нравились эти ребята, которые создавали просто шоу. У Стрелина было все действительно здорово организовано: одна группа отвечала за вокал, другая — за хореографию, третья — за декорации, четвертая — за комические номера, пятая — за

конференс. Сам он был то здесь, то там, выбивал какие-то средства, прослушивал вокал и почти одновременно смотрел танцы, пилил какие-то доски для декораций, внашивал всем спокойствие и умиротворение перед выступлением. Эта была подноготная жизнь факультета, которая завораживала и заставляла гордиться всеми, даже собой. Причастность к делу еще никогда так не возносила вверх. Это была почти студия Смирнитского, только более зрелая, более неоднородная и без Смирнитского.

Тот день был самым обыкновенным днем, и все-таки он был особенным. Мы притащились с репетиции, я забрала последние вещи из бабкиной квартиры и, зайдя в коридор и бросив вещи прямо на пол, объявила удивленным Никите и Мике, сидевшим в кухне:

— Итак, сегодня 16 октября я торжественно в последний раз закрыла дверь на улице Кораблестроителей в доме № 27 кв.15, принадлежащей милой старушке Клавдии Петровне... э-э-э... фамилию не помню. Я перенесла все свои вещи к моему другу, товарищу и брату по журналистике Андриянову Никите, тем самым скрепляя наш жилищный студенческий союз. Да, и я купила бутылку шампанского, которую, я думаю, мы будем иметь честь распаковать!

— В честь чего же? В честь переезда? — насмешливо поинтересовался Кит.

— Например. Ну или в честь моего прошедшего Дня Рождения.

— Да ладно, — едва не осела Мика. — Ты что же молчала, брюнетка глупая!..

Они смеются, называют старушкой, угрожают фейерверком и откупоривают уже вторую бутылку шампанского. И я качаю в руке бокал, чокаясь со звездами на темном судорожном небе, снова отражаюсь в зеркале, и глаза голубые кажутся тоже почти синими. Как когда-то. Преувеличиваешь, старушка, право слово!..

Год прошел, ну надо же, целый год! Они были еще вчера, эти люди, эти вечера, этот Summertime и пальцы Максима на черно-белых клавишах, и сопрано Миши, бесконечно влюбленного в музыку.

Год... это многорукое и многоногое чудовище, и зычный голос Владилены, и улыбка Толи в пузатом запотевшем бокале одного певца, Подлого труса, и пустые коридоры большой квартиры, телефонные разговоры почти до утра и брызги капель дождя с волос Марка; это тягучие дни и ночи зимнего ожидания, Аня и Дмитрий, «Что счастье для меня в ненастный день?», безудержные попытки сбежать в холодность многолюдных вокзалов, все тоже танго, последние письма по электронке, новые родственники, дрожащее пламя свечей и Гумилев на своем Жирафе... Последний спектакль в чужом городе, годовщина прощания с детством. Санкт-Петербург.

— Да нет, я не старушка, — безостановочно смеюсь я уже под утро. — Я еще столько всего не испытала! Моя жизнь скучна! Хотите, я зачту вам мое любимое стихотворение у Пастернака?.. «Мне хочется домой в огромность квартиры, наводящей грусть...».

Нет-нет, не снимайте меня со стола!

Октябрь, ноябрь... они промчались в утренних занятиях и вечерних репетициях, в чтении любовных элегий и «Метаморфоз» Овидия (один сборник на троих), знакомстве с Дафнисом и Хлоей, Прометеем Прикованным и царем Эдипом, Петром и Февронией, а также с кучей других занимательных ребят, с множеством вымышленных и вполне реальных историй, которые соседствовали друг с другом в вагоне метро от Василеостровской до Маяковской, а оттуда до Автово и снова, вверх через Пушкинскую, пока, наконец, не попадали на Гостиный двор. И века смешивались, языки, страны и обычаи переплетались, Петр схлестывался с Дафнисом, а вместе они с хамоватыми уставшими тетками,

нагруженными пудовыми сумками, которым сам Эсхил был не указ.

И мы по-прежнему держались за поручни, чтобы не упасть. И дивились первому снегу и, перемещаясь вдоль Мойки к Исаакиевской, а затем и к гостинице «Англетер» (привет, Маршак!), представляли себе совсем не античность и даже не кельи несчастных монахов, а величественную Екатерину, грозного и жалкого Павла, мудрого Александра и многих других, хороводом танцующих под Пятничную «Неву».

Волосы разлетались в сторону. Мы выдерживали недолго на холодном ветру, но живо вставали эти фигуры, куда свободно могли затесаться и мы с Микой, в пышных бальных платьях, флиртующие с кавалерами, выплетающие тонкую нить интриг. А рядом маячил Кит в пенсне, с кудрявой челкой и умными жалостливыми глазами. И даже там у него почему-то оставались странные вкусы в одежде.

...И Первокурсник пролетел, как во сне. Казалось, и не было этих вечерних репетиций, словно все произошло мгновенно, как сплошная удачная импровизация (хоть раз в жизни!). И стоя на краю сцены перед залом, наполненным первокурсниками, старшекурсниками, выпускниками, родителями и преподавателями, я чувствовала, что начинаю безумно влюбляться в тех, кто стоит по эту сторону со мной. И да, мы, кажется, могли гордиться собой.

— Смотри, — сказала Мика, странно посмотрев на меня, когда я вошла в нашу импровизированную раздевалку за сценой. Вокруг гомонили, поздравляли друг друга, снимали на камеру.

— Что? — у нее было непривычное выражение лица, и я перестала улыбаться.

— Вот. — она сунула мне что-то в руку. Распахнув листок, я увидела старую записку, подброшенную Стрелину еще в октябре. Признаться, я уже давно забыла про нее. На другой стороне, под подписью неизвестного автора стояло, выведенное торопливой рукой: «Contra spem spero».

— Самое интересное, что это лежало на твоих вещах. Как он узнал?

Я пожала плечами.

— А что это значит, ты знаешь?

Я была неуверенна и залезла в Интернет в телефоне.

Contra spem spero — Надеюсь вопреки ожиданиям.

— Это он так издевается? Прибедняется, что ли?

— Скорее, шутит, — заметила я. — Но знаешь, меня это как-то мало трогает. Ответил и ответил. Молодец.

— И все-таки это все странно.

— Правда? Да почему?

И правда, почему?

ОРГ (основы русской грамматики), ОТДЖ (основы творческой деятельности журналиста), История русской журналистики, Теория литературы, История Древнерусской литературы, История Зарубежной литературы, английский язык, техника и технология СМК...

И это далеко не полный перечень экзаменов и зачетов за первый семестр. Родные мои, преподаватели, духовные наставники, учителя... не знаю, не знаю, как еще назвать их... мэтры журналистики и кладези знаний, неисчерпаемые источники мудрости и вечной молодости, в эту первую сессию они преподали хорошую трепку каждому. До дрожи в коленях, до стука сердца, отдающего в ушах, с бешено бурлящей кровью после бессонной ночи, схватив билет, отвечаешь почти налету, выходишь и замираешь. Выдох. Не счастье, не радость, только пустота. Выплеснулся.

Кто-то из преподавателей как-то назвал это процессом торможения и процессом бурления. Главное не расплескать и донести знания. Их так много, как никогда, казалось бы, не было. И страшно, что будет с головой, если положить сверху еще один пласт информации. Но все намного проще. Пласты приминаются, а потом и вовсе измельчаются, но пока до конца сессии ты чувствуешь себя академиком!

Донести бы себя, просила я, просил каждый из нас, перелистывая одни и те же страницы, помеченные чьими-то добрыми руками, заложенные священными закладками прошлых обладателей. И гори огнем все Прохоровы и Тертычные, и их добрые книжки.

Еще только один экзамен, всего один, и я сожгу вас на костре Справедливости, и плевать, что это самосуд, за который библиотекари оторвут голову. Мы совершаем это во имя тех, кто придет на наше место, наивными робкими шагами ступая по факультету. Мы сделаем это за всех тех, кто мечтал это сделать, но так и не смог. Мы сожжем эти книги, и пепел развеем по ветру, и будем танцевать дикие ритуальные танцы на кладбище ваших страниц!

...Но неуверенно, как выздоравливающий, бродя по факультету и цепляясь за знакомые стены, улыбаясь дурацкой улыбкой таким же, как ты, несчастеньким и уже свободным: «Я свой, свой», — мы снова начинали возвращаться к реальной жизни и разумным мыслям. Ладно, пусть еще поживут священные источники знаний.

— Малодушничает, — мстительно шептал едва не завалившийся на последнем экзамене Никита.

Я покрутила пальцем у виска, показала ему язык и отчалила домой. Он махал мне рукой, стоя на платформе.

— Позвони Мике! — крикнула я, входя в поезд. У нее оставался еще последний экзамен — у нас с ней было разное расписание.

Я дома, ну надо же... в последние месяцы, когда жизнь стала кипеть и бурлить, вошла в свою колею, и наступило долгожданное Привыкание, я не хотела домой. Но стоило глупому организму напомнить, что после сессии начнутся каникулы, как меня мучительно поволокло всем существом по знакомым дорожкам-тропинкам, по маршрутам автобусов, которым я обычно предпочитала собственные ноги, по проспекту Революции, сворачивая к величественному «Спартаку».

Я думала, что мне не хватит двух недель, чтобы насладиться родными пенатами, но

стоило как следует выспаться (это было долго!), обежать пустую квартиру — я настояла на том, чтобы переночевать там хоть несколько ночей, прежде чем посету особняк господ Шереметьевых, как до меня быстро и мучительно дошло: вся моя жизнь ушла из Воронежа.

Это был уже не прошлый год, когда жизнь моя делилась между театром и «Армстронгом», не прошлая зима, когда я почти не спала из-за не-пойми-каких-чувств к Максиму. Не было больше бабушкиных и маминых секретов от меня, не было пустого дома, куда я в одиночестве возвращалась каждый день, не было успокоительных ночных разговоров с Марком и безумных вживаний в образы своих героев. Пустая квартира молчала — хранила преданно и верно секреты своих хозяев, все мысли и всплески энергии, катания по полу и ненавистные телефонные разговоры с Андреем. А также и все, что было «до». Все истории, детские игры с лучшим другом, неразделенная любовь, страдания по отцу, ссоры с мамой, оперные песнопения графини Трубецкой. Обо всем об этом молчала квартира.

Я сняла с полки старые любимые в детстве Французские сказки — обложка яркая, оранжевая, с большим цветастым петухом сверху, раскрыла на какой-то странице наобум — и на руку мне выпала ромашка. Ах, старая знакомая ромашка! Хрупкая и нежная, ни в чем не повинная. Пережила того, кто дарил их. Точнее, не то, что пережила.... Но до нее хотя бы можно дотронуться.

Я отдала долги. Я открыла карты.

И потому меня больше никто не ждет.[1]

Ладно, все это были сантименты. Но Воронеж был пуст еще и из-за того, что не было больше всех тех, кто наполнял его воспоминаниями. Не совпал с моими каникулами Марк — у него были другие сроки сессии, не приезжали из Москвы Тоня и Толя, которые писали мне длинные счастливые письма, каждый по очереди, и посылали веселые открытки — единственные чудики, наверно, из-за которых все еще работала почта. Поселилась в собственном доме мама, и некому стало высказывать претензии из-за позднего возвращения. Чтобы перестать думать об этом, я переехала в особняк графа и отправилась с визитами.

Поостроумничала с бабушкой.

— Мне интересно, когда ты бросишь курить и пить?

— Хорошо, что хоть не курить и пить, а! Я может быть и старая, но еще не выжила из ума.

— Ты не старая, не прибедняйся!

— А раз так, значит могу еще устраивать безумные вечеринки, дуть в преферанс со старыми гримзами, пить и, конечно же, курить, — подытожила она, выпуская струю дыма чуть ли не мне в лицо.

Навестила Владилену:

— Бог мой, да это что же делается! Кто это у нас такой красивый появился! А ну-ка шагом марш переодеваться — у нас сегодня аврал! — заявила она, расцеловывая меня.

— Как вы тут поживаете без всех нас, Владилена Аркадьевна?

— Как-как, учу молодежь уму-разуму! Валерий, меня уже достали Битлы, переключи-ка на что-нибудь более вменяемое, pronto! И вообще, смотрите, кого я вам привела — это Варвара, да она стояла у основания этого шикарного заведения! Запомните это лицо, и никогда не пропускайте!

Как всегда громогласная, делающая всех посетителей свидетелями частной жизни персонала кафе, так сказать, впускающая всех в душу, в любимой цветастой юбке и с любимым Вороньим гнездом на голове. Она была потрясающей. Я обожала эту женщину.

Но здесь уже не было Тони, Толи и меня, не было всех, кто почти стоял у основания, как сказала моя бывшая хозяйка.

Остался лишь Михаил. Еще один бывший главный персонаж моей сумбурной несуразной пьесы.

И да, на ум почему-то в последнее время приходили строки из стихов Веры Полозковой. Мы все ей увлекались тогда:

Я играю лишь главные роли —
Пусть они не всегда велики,
Но зато в них всегда больше соли,
Больше желчи в них или тоски,
Прямоты или истинной воли -
Они страшно подчас нележки... [2]

— Тебя просил я, быть на свидании, — запел он, едва я только показалась в зале, — мечтал о встрече, как всегда. Ты улыбнулась, слегка смутившись, сказала...

— Да, да, да, да! Мишка! — я снова, как когда-то, кинулась к нему на шею и поцеловала в щеку.

— Варька! — он ответил мне тем же.

Они навсегда остались моей второй семьей, эти люди.

В том, что все изменилось не только для меня, я находила какой-то даже символизм. Все было правильно, как надо. Время действительно не стояло на месте и люди, соответственно, тоже. Мне нравилось переписываться с ними и перезваниваться, встречаться изредка, но как никогда душевно. Нравилось делить с ними общие воспоминания, нравилось гордиться их успехами и делиться своими. Нравилось, что я могла позвонить да тому же Борису в Москву, рассказать про свое бытие на журфаке, выслушать кучу полезных сведений и посмеяться его студенческим проделкам на журфаке МГУ. Нравилось, что люди в разных городах могли сделать что-то для меня, а я могла по их просьбе сделать что-то в Питере. Нравилось выбираться на вокзал, когда кто-то проездом останавливался в городе, и привозить домашние вкусности или питерский сувенир. Нравилось, что в Воронеже меня тоже ждет свой дом, а значит, есть куда приткнуться, если все полетит в тартарары. Мне нравилось это слово. Дом.

Дом, который не только место. Но и люди.

Она осталась такой же рыжей и улыбчивой, как и несколько месяцев назад, и граф остался таким же, как я снисходительно заявила ему по приезде. Только вот седых волос поубавилось... Краситесь?

Он щелкнул меня по носу.

— Будешь много знать...

— Скоро состарюсь?

— Вот именно.

Мама все смеялась. Смеялась, выпрашивала, рассказывала. Совсем перестала быть похожей на грозную адвокатессу, хоть и не перестала работать на своей дурацкой работе. Ей очень шел этот дом, этот статус, это счастье.

Ей шло это счастье. То самое, о котором я просила для нее все детство. После каждой встречи с отцом — особенно.

— Варька, — пораженно прошептала она, увидев меня на пороге.

— Мы же не будем целоваться, мам?.. Не будем разводить эти сопли, правда? Не

разочаровывай меня!

Мы захохотали, а потом неожиданно обнялись.

Только пожив в Питере, я поняла, как много она делает для меня. Как много....

Эту благодарность нельзя передать словами. Все они кажутся мне пустыми, не выражают, не передают. И я, конечно же, не могла. Ну не могла и все. Слов слишком мало, а те, что есть, слишком фальшивы и употребляются направо и налево.

Поэтому просто так. Лучиться счастьем, глядя в глаза и сидя рядом. Кивая через стол и шурша длинной юбкой.

...Я приехала в Питер успокоенная, уставшая и отдохнувшая, скучающая, обалдевшая, примирившаяся, готовая к дальше. Кит еще не вернулся из Выборга — ему ехать два часа, он еще успеет. Затем бросила вещи, переделалась, подумала над чашкой чая, недолго правда, выложила ненужное, проверила телефон, зарядила плеер, написала пару писем по электронке, закинула на плечо рюкзак и уехала в Тверь.

— Ты не любишь Москву, я не хочу трястись до Питера в обледенелом вагоне, значит, встретимся посередине. Где-нибудь в Твери. — Предложил как само собой разумеющийся факт Марк.

— Отлично, — я почти не удивилась. — В Твери так в Твери. Одевайся потеплее.

...Я выпрыгнула из поезда и закрутилась в поисках знакомого лица. Вокруг шагали люди, одних встречали, другие провожали сами, мелькали чемоданы и сумки — народ спешил, стремясь скорее укрыться от мороза в тепле. Я крутилась на месте, волнуясь.

И на очередном повороте упала в его стальные объятия. Он был все такой же — высоченный, с кудрявой шапкой волос, напоминающий молодого Макаревича на потрескавшихся фото, с теплыми карими глазами и самой обаятельной улыбкой в мире.

Я жутко соскучилась.

— Варварка... — он стащил перчатки, и теребил меня за покрасневший нос и длинные черные пряди.

Я жутко боялась его потерять, когда переезжала в Питер, стоило только вспомнить наше прощание. Стоял август, мы встретились в кафе — он узнал о своем поступлении во МХАТ, я принесла известия о журфаке. Через два дня он уезжал в Москву.

После возвращения из Германии мы мало виделись. Подготовка к поступлению, само поступление да и вообще... Как-то замялись наши отношения после ухода Максима. Как будто каждый из нас служил живым воспоминанием того, что случилось. Мы перестали разговаривать по телефону все ночи напролет, а теперь вот и вовсе разъезжались. Но мы же знали, что так будет. Знали...

Встреча была нерадостная. Она была вся наполнена этим прощанием, которого уже не миновать. У меня вообще выработалось какое-то болезненное отношение к прощаниям. Слишком уж они были отрезающими.

— Я рада за тебя, Марк, как же я рада...

— А я — за тебя, — тепло посмотрел он на меня. Мы замолкали надолго, глядя друг на друга. Зачем что-то говорить, если и так все было ясно! Мы долго шли к этому. Мы целый год, даже больше — два года говорили об этом. Мы изучили друг друга, как облупленных. И прекрасно умели молчать обо всем. Только вот оставался знакомый привкус какой-то недосказанности, терзающий, знакомый, как само молчание. Это был страх. Страх, что все закончится, как заканчивалось с Максимом, с Андреем, с отцом.

В конце концов, он встал.

— Все, пора. Хватит лить слезы, — он замер, глядя в окно. — Мы же увидимся, правда, Варя?

Я посмотрела на него.

— Без сомнения. — Помолчала. И выкрикнула: — Только попробуй, балда этакий, не позвонить в ближайшую неделю!

Он улыбнулся. Я тоже. Он вышел.

Я смотрела на него в окно. Он удалялся быстро; он ни разу не обернулся; он не стал действовать ни как один известный мне герой какого-нибудь романтического фильма или книги. Он просто ушел. А я в этот момент думала, наверно впервые сразу осознавая, что происходит: вот идет он, мой лучший друг, я столько раз видела, как он уходил, но всегда знала, что он непременно вернется. Сейчас, несмотря на все слова, я ни в чем не уверена. Сейчас я знаю только то, что мы вместе дошли до очередной развилки, на которой ему пора свернуть, а мне идти дальше. Еще я поняла, что уже видела эту картину, и совсем недавно.

Тогда уходил Максим.

Тогда мы вместе с Марком смотрели на это, ведь мы все еще шли вместе. И я вдруг поняла, что глядя вслед Максиму, Марк уже, возможно, понимал, что настанет и его черед.

И сколько близких мне людей я еще так потеряю? И сколько человек я не смогу назвать вслух своими лучшими друзьями, боясь вот так же в один день потерять их?

— Ты поедешь в Воронеж?

— Конечно. Вот с тобой наобщаюсь на полгода вперед и — вперед!

— Марк...

— Да?

— Ужасно, что мы обречены видеться раз в полгода, Грозовский.

— Ладно, старушка, не унывай...

Мы сняли комнату на ночь в ближайшей к вокзалу гостиничке с поэтическим названием «Волжанка».

— Я как будто в «Бесприданницу» попала, — призналась я ошарашено, когда через полчаса после заселения мы вышли на улицу.

— Не удивлюсь, если она с тех времен и стоит, — сказал Марк. — Заметила, как подмигивал администратор?

— Еще бы. — цокнула я языком. — Он, видимо, в восторге от твоих перспектив провести эту ночь не с кем-нибудь, а со мной!

Марк захохотал над моим выражением лица.

— Ты могла бы отлично играть на сцене. Знаешь, у нас на курсе есть девчонки, глядя на игру которых я все время вспоминаю о тебе.

Я фыркнула. Мы переходили через дорогу и шли наобум по широким улицам.

— Что, все так плохо?

Грозовский закатил глаза.

— Ладно, а если серьезно... Не жалеешь, что выбрала журфак?

Я насмешливо посмотрела на него:

— Марк, я выбрала журфак еще в десятом классе. Разумеется, я не жалею!

— Я знаю, да, просто...

— Кажется, ни разу за тот год я не сказала, что готова променять свои мечты на сцену любительского театра!

— Да не любительского!

— Какая разница, Грозовский!

— Просто я видел, слышал тебя! Я помню, как у тебя загорались глаза перед каждым выходом на сцену! Помню, как самозабвенно ты репетировала!

— Всего лишь удачное попадание с образом. Если бы мне так не нравилась эта пьеса, я бы просто отказалась, и ничего бы не было.

— Нет. Неважно, что это было, твоя Аня, или «Собака на сене», или «Тартюф», ты все равно играла.... У тебя горели глаза. А загораешься ли ты так сейчас?

Я задумчиво посмотрела на старый потрескавшийся от времени дом.

— Да, — наконец ответила я. — Я довольна. Я ни о чем не жалею.

— Правда?

— Ну конечно. Откуда вообще сомнения?

Марк пожал плечами.

— Пойдем пообедаем? — предложил он, меняя тему. — Я жутко хочу есть.

Мы оказались в какой-то кафешке, мы не запоминали названий. Но сели у самого окна — на любимые места. Конечно.

И тут полилось!.. Нам было чем поделиться. Мы на самом деле почти не общались в эти месяцы. Новые города закрутили, и тут не на кого было обижаться.

Он много и смешно рассказывал. Смешно обычно хочется рассказывать о самых тяжелых вещах. Вот и он также начал. Про безденежную жизнь. Нет, она, конечно, была не так уж чтоб безденежна — все-таки в Воронеже он тоже работал и копил, но деньги тратились, невероятно иссякали.

— Пока у матери не брал и с начала нового семестра хочу продолжить эту практику. Закончатся деньги — пойду работать. Все просто.

Рассказывал об общаговских заморочках, бунтах и бойкотах с вахтершами, о пакетиках Ролтон, которые ссужались голодным студентам, о коте, которого приютили и обозвали Студентом, «потому что кот этот — как по-простецки вздыхал Марк — ничуть теперь не отличался от нас». Голодный, но в тепле. Относительном.

Относительном, потому что хоть отопление и имелось, но окна были не утеплены, и сквозняк ходил жуткий. На собраниях общих решили творчески и по-актерски бороться с возникающими проблемами. Обычные выходы из ситуации не рассматривались. Так, например, один выход из «холодной ситуации» был найден. Ввиду отсутствия тепла, все будущие актеры переезжали в университет, где в «каморке» или учебной театре — так называлось место репетиций курса Марка — можно было репетировать и литрами пить чай. Можно было читать при свете лампадки — маленького светильника — чтобы сторож не «запалил». Можно было уподобиться заговорщикам и сидя тесным кружком рассказывать друг другу стихи.

— Мы и так практически не выходим из университета. И это... здорово, понимаешь? Как будто в студии Смирнитского, но взрослой. Как будто мы перешли на ступень повыше.

— Я тоже недавно думала этими же словами. Что все мы вышли из студии Смирнитского. Как много она дала, просто потрясающе...

— Как Яша?

— Я не застала его — я же была в самый разгар каникул. Он у родителей в Германии.

— Когда же он уже женится?

— А ты что, в кумовья наметился?

Он засмеялся.

— Послушай, так может, мы правда просто поднялись на уровень выше?

— Так и есть, Марк, так и есть. Но я бы не стала этим особо гордиться.

— Почему?

— Ну наверно потому, что мы еще ничего не сделали. Я, по крайней мере, точно.

Пришла моя очередь рассказывать о своей жизни. Я не сплеховала. Не отстала от Марка. Здесь было все — отчаяние и тоска первый дней, бабка, желание плевать в потолок, станции метро, его запах, фотографии, бесчисленное множество, как хобби, потрясающие знакомые каждый день, шарфы и духовные наставники, переезд, Первокурсник, Насмешева, Стрелин и их компания, и напоследок, на сладенькое — Никита и Мика.

Мы выбрались на улицу, купили путеводитель и решили найти Путевой дворец, в котором царская семья жила при путешествии из Петербурга в Москву.

— Вот бы нам такой дворец в постоянное пользование, — мечтательно вздохнула я.

— Да, а еще бы по личной машине с водителем. Сел, когда захотел, и приехал на встречу.

— Нужно уметь мечтать, Марк. Нужно уметь мечтать.

— Они бы тебе понравились.

— Кудрявая челка Никиты и пенсне, хиппи Мика и ее сумасшедший папашка, помешанный на американцах... да нет, вряд ли, — сделал постную мину Марк. Я пихнула его, он расхохотался.

— Чаи на балконах, походы по театрам, самым захолустным в Питере, бессонные ночи, дни, заполненные репетициями...

— Это очень напоминает прошлый год. Только в другом ракурсе.

— Согласна. Как будто картинка сместилась, пропала точка опоры, глаз цепляется не за те детали, а за другие. Только теперь ощущения иные. Невесомость. Свобода. И снова хочется танцевать.

Марк нахмурился.

— В чем дело?

— Я... не говорил тебе, но, в общем, перед самой моей отправкой сюда, вчера, я кое-кого встретил.

Я быстро обернулась, пытаюсь поймать взгляд Марка. Опустила глаза.

— Кого же?

Он помолчал секунду.

— Максима.

Секунды текли медленно, я смотрела на найденный Путевой дворец.

— Отлично, — ровным голосом отозвалась я, наконец.

— Не знаю подробностей, но, в общем, он сказал, что переводится. Мы мало разговаривали — мне нужно было уезжать.

— Откуда переводится?

— Тоже из какого-то московского, я не спросил. Я просто... ну не знаю, растерялся.

— Максим и актер?! — до меня только дошло.

— Да, я тоже был в шоке. Но он не на актерском, и это тоже не менее странно.

— Где?

— Учится на режиссера.

— Да хватит!

— Серьезно.

— Интересно. — Прежде чем я ответила, прошло не меньше минуты, наверно. Не могла собраться с мыслями. — Он же... он не хотел связывать свою жизнь с...

— Я помню, — развел руками Марк. — Но это Максим, ты же знаешь.

— Уже ничего не знаю.

— Пошли по набережной прогуляемся?

— Эту набережную надо сначала найти. И как он выглядит? Как он вообще?

— Отлично. Правда. И так легко со мной заговорил! Я думал, он, ну не узнает меня. точнее, сделает вид, что не узнал. А он обрадовался.

— Ну это же ты, Марк. Его друг. Ты, не я, — замороженным голосом откликнулась я.

— Он мог предположить, что я все расскажу тебе.

— А он... не спрашивал обо мне? — тихо спросила, стало стыдно. Да, Трубецкая, вот чего тебе хочется? Нет, нет, правда. Я не хочу, просто... я, наверно, соскучилась?

Облокотившись на перила, мы смотрели на Волгу. Я погрела руки и надела перчатки. Было холодно, но пока терпимо.

— Нет. Он не спрашивал о тебе. — отчетливо выговорил Марк и как верный голос моей совести, задал следующий вопрос: — А что, ты хотела, чтобы спросил? Зачем?

Я пожала плечами.

— Брось, ты же знаешь, что это не нужно, — тихо сказал он. — Ты сама за это боролась всю зиму.

— Да, знаю.

— Это тогда ты ничего не понимала и все-таки знала, что не полюбишь его. А теперь-то что?

— Да. Все это ясно, конечно, но кроме всего прочего я еще и спала с ним. — Разлепила я, наконец, губы. — И мне стыдно бывает... иногда, но, глядя сейчас на то, что происходило между нами в прошлом году, я понимаю, что все было правильно. И с моей стороны и с его. Нам нужно было пережить этот роман, мне — чтобы вылечиться.

— От Андрея.

— Да. Ему — чтобы перешагнуть через это. Чтобы прийти к тому, что он пришел.

— К этому режиссерству непонятному? — поразился Марк.

— Нет, — я помотала головой. — Знаю точно, он сомневался в себе. Он не знал, чего хочет. Он поступил на юрфак МГУ, потому что так хотел его отец. Но он не знал, чего хочет сам. И, видимо, сейчас он знает, что делает. И хочет этого. Так что... все не зря.

Помедлив немного, я сказала:

— Но мне было паршиво, когда он уходил. И это... естественно. Это было, конечно, не повторение истории с Андреем, но казалось, что я... что мы... совершаем ошибку.

Мы замолчали, прислонившись спиной к парапету моста.

— Пошли выпьем кофе?

— Нет, только не кофе. — Застонала я. — На журфаке я пью только кофе. Там вся атмосфера к этому располагает. А дома ненавижу его всеми фибрами души.

— Глядишь, привыкнешь.

— Ха-ха, это вряд ли.

Мы зашагали по улице к ближайшей кафешке. Я спрятала руки в карманы.

— А красиво здесь, правда?

— Очень.

Последний спектакль. Максим уже ушел. Я знала, что он не вернется.

Я полежу еще немного, правда, я сейчас встану, неужели ты сомневаешься? Как это глупо... Я встану и конечно — что там? — начну собираться, готовиться, наносить грим для последнего спектакля... Ты... не веришь мне? Может быть, это и правильно, я в последнее время все вру так успешно, что порой забываю, где вранье, а где правда. Все дело в сноровке, понимаешь? Это несложно, я тебя научу. Сначала ты заставляешь себя, принуждаешь, говоря, что это все другое, это не ложь, просто ты еще никогда не сталкивался с этими чувствами. Каково, а? Первый шаг сделан. Даже если не нравится. Затем, раз на третий, ты ловишь себя на мысли, что дело идет намного быстрее. Слова — неправды — вылетают мгновенно. Почти мгновенно, ты ведь еще не профессионал. Так постепенно, постепенно вранье становится твоей второй кожей. Ты с ног до головы в этих узах, только распутать себя намного сложнее, чем жить с тяжестью внутри.

И ты не распутываешь.

Ну как, не притомился?

Ты не распутываешь, все правильно. А потом в один миг тебя накрывает так, что тяжело дышать, как если бы заставлял себя нырнуть, прыгнуть со скалы, а потом все же прыгнул и ушел глубоко, так глубоко, что казалось бы все, конец. Но нет, кто-то тянет тебя наружу, делает массаж сердца, искусственное дыхание, и ты с болью, с кашлем, разрывающим легкие, понимаешь, что жив.

Но я... я в том состоянии «между», когда уже нырнул, уже вытащили, но не откачали. Вот я так и зависла.

Да, меня откачивают, почему же так горько до сих пор? Наверно потому что вся та моя ложь и есть правда?

Мы гуляли до ночи, периодически заходя в кафешки, останавливаясь в магазинах, как раньше. Готовы были рассуждать о каждой мелочи, чтобы как можно дольше чувствовать друг друга рядом. Хорошая вещь — плечо друга.

Ближе к полуночи, когда стало совсем холодно, мы вернулись в гостиницу, переоделись и забрались на широкий подоконник, с которого город и Волга вдали, освещенная огнями, открывались, как на ладони.

— А «Волжанка»-то все же ничего.

— О да. Волшебное место, — Марк возился с шампанским, стараясь аккуратно открыть бутылку.

— Знаешь, что я сейчас подумала?

— Что же? — бутылка с негромким хлопком открылась, и шампанское полилось в одноразовые стаканчики.

— Я подумала, как это прекрасно.

— Что именно?

— То, что с нами происходит сейчас. Все это время, эта свобода. Как здорово, что можно сидеть в Твери — городе, который никак не связан ни с тобой, ни со мной. Чистая страница. Можно творить все, что угодно. Бегать по этажам и вопить: «Тверь, я люблю тебя!»

— Да, самое главное, не забыть раздеться, — поддакнул Марк. Я пихнула его в бок.

— Но я не только о Твери, а вообще. Обо всем этом. Жить в чужом городе, выбираться на выходные в другие города, исследовать мир, читать то, что нравится, ходить на ночные сеансы в кино, записаться в покорителей мира, пойти на курсы по изучению китайского, брать уроки по скалолазанию, мечтать уехать в Америку, устроиться на работу, которой

никогда не будешь заниматься в дальнейшей жизни, влюбиться, даже безнадежно...

— Влюбиться? — сделал глоток Марк. — А вот это что-то новое.

— Дурачина. Я просто...

— Да это здорово, Варька, во всем права, только вот влюбиться раньше не входило в твои планы.

Я пожала плечами.

— Все меняется. Я чувствую, как освободилась от каких-то цепей, правда. Готова сейчас кинуться в омут с головой...

Я слезла с подоконника, раскинула руки в стороны:

— Или кружиться, чтобы мир вращался вокруг, как в детстве!

— Ну так кружись! Кто знает, вдруг в прошлой жизни ты была птицей?

— Тогда я и осталась птицей, — не останавливаясь, проговорила я.

...Питер был великолепен. Вот такой, настоящий с ног сшибающими морозами, припорошенный ледяным ветром, укутанный зимним солнцем, он грозно взирал с высоты долговечных статуй, снисходительно замечая, что я-то, мол, и не такое на своем веку повидал.

Истинным наслаждением было зайти в теплую комнату после ледяной улицы. Я и погоду эту любила из-за вот этого ощущения тепла, уюта, дома. Наливала чай в чашку, добавляла лимон и три ложки сахара. Если есть лимон, то можно выпить чаю с сахаром. Только в этом случае. Лимон создает такой привкус, который без сахара оценить ну никак нельзя.

Мой дружок-сосед сидел в холоде кухни, обряженный в два свитера, и читал что-то толстенное, наверняка из истории журналистики. Он в последнее время увлекся этими штуками. Или перечитывает Гиляровского. Он вообще оказался тайным книжным червем со скрытой агрессивностью относящийся ко всем, кто не любил читать.

— Ты обалдел в таком холоде сидеть? — поразила я входя. Отопление было слабеньким, после того, как заклеили окна, ветер не мучил бедных студентов, но комната все равно не прогревалась, как следует. Обогреватель не заводили. Слишком накладно с платой за отопление.

— Да я...

— Да я, — слабо передразнила я, включая конфорку. — Хоть газ-то можно было включить!

— Как здорово, что ты вернулась, Варвара, — простер руки Кит, закрывая книжищу.

— Подхалим, — улыбнулась я, зная, что он один беспомощен и поесть себе не способен приготовить ничего, кроме яичницы.

— Еды, как всегда нет, — заметила я, заглядывая в холодильник. — Ну разве могло быть по-другому?

— Давай яичницу, быстро, а? — подорвался он с места.

— Ну уж нет. Сиди. Сейчас я что-нибудь придумаю.

— Все-таки здорово, что мы вытащили тебя от бабки, — глубокомысленно заявил Кит через пару минут. — Как каникулы?

— Хорошо, хотя половины друзей не было в городе. Многое ясно стало.

— Да, разительные отличия от жизни дома, — согласился он. — Даже комната, в которой просыпался еще несколько месяцев назад, кажется другой.

— У меня — сборник со сказками, — кивнула я.

— Ну да, любимые книжки...

— Да, — помолчав, заметила я, ставя чайник на огонь и принимаясь за чистку картошки. — Мне звонила Насмешева.

— Да ты что? Сама Насмешева?

— Представь себе. — Я сделала воду потише.

— Приглашала в группу?

— Как ты догадался?

— А зачем еще она, собственно, могла звонить?

Ну да. Правильно.

— Воздавала хвалебные оды?

— Совсем нет. Сказала, что им понравилось мое выступление на Перваке. Сказала, не хочу ли я попробовать серьезно заниматься танцами?

— Как будто ничего и не было?

— Да. Но опять снисхождение.

— Брось, Варька. Ты же хочешь танцевать. Тут не до гордости.

— Наверно, — я пожала плечами. — В общем, завтра, после пар они жду меня у себя-с.

Никита хмыкнул.

— Посмотрим, — вздохнула я. — На самом деле, надо уже определиться, наконец, чего я хочу.

— О чем ты?

— Ну вот чего хочешь ты? Очень сильно сейчас.

— Ну...кроме чувства голода, — усмехнулся он. — Я испытываю потребность найти хорошую работу. По профессии. И собираюсь этим заняться в этом семестре. А ты разве не хочешь этого?

Я отвернулась от плиты, чтобы ответить, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Мика. Взъерошенная, замерзшая, совсем не веселая.

— Что случилось? — я быстро втянула ее в квартиру, закрыла дверь. Никита с ломтиком поджаренной картошки выполз в коридор за мной.

— Из дома ушла, — заявила она, садясь прямо в одежде на стул. — Пришла домой с парнем... Игорь, помнишь, из театра? Познакомить с отцом хотела.

— И?

— Он раскричался. Выгнал его. Сказал — где ты таких постоянно находишь? И почему меняешь постоянно?

— А дальше?

— Ну, я тоже...

— Что тоже? — каждое слово приходилось тянуть. Она тяжело дышала, шапка упала ей на глаза — она стянула шапку. Расстегнула пальто.

— Тоже... раскричалась, — она упала лицом в ладони, — Господи, я такого наговорила! Схватила какую-то сумку, какие-то вещи напихала...

Она плакала. Я первый раз видела, как она плачет.

— Да хватит, все в порядке будет. Отдохнете друг от друга — помиритесь! — заметил Кит.

— Нет, нет... мой бедный папа, а он же болеет! Как он без меня? Он же, как ребенок беспомощный, сам таблеток не найдет!

Слезы капали на ее ладони.

— Я никогда не уходила из дома. И мне жалко отца.

— Твой отец не маленький. Он же как-то жил до тебя? И сейчас справится. Напиши ему сообщение. Или позвони, скажи, где ты. И оставайся.

— Правда? — она подняла глаза. — Ребят, можно пожить у вас? Немного, я потом...

— Ладно, хватит, — остановила я поток нытья. — Давай раздевайся быстро!

Мы спали на моем диване. Точнее, спали — сильное слово. Долго не могли уснуть, потом уже и расхотели. Бегали по очереди на кухню по ледяному линолеуму — пили воду, затем поставили чайник, и сидели хлебали чай прямо в кровати, завернувшись в старейшие неподъемные одеяла. Мика рассказала о себе.

— Когда мама... когда ее не стало, отец сменил работу, перестал рисовать — ах, Варька, если бы ты знала, как он рисовал! — Мика садилась на кровати, воспоминания так и мелькали на ее лице, как картинки с прожектора. Она вытягивала руку вперед, будто касалась кончиками пальцев изможденного раньше времени лица отца. — Без этого, я имею в виду без рисования, он потух. Все-таки правильно считается, что люди без творчества гибнут, превращаются в животных. Он, конечно, в животное не превратился, но как он быстро постарел! Из его жизни забрали любимого человека, любимое дело.

— Но он мог бы, наверное, рисовать для себя...

— Для себя. Да, мог бы, если бы для этого время было. И потом, мне кажется, он перестал искать темы. Ему не с кого стало писать. И не для кого.

— А ты?

— Она очень много значила для него, я знаю это. Мы с ним прекрасные друзья, но это все равно не то, понимаешь?

— Понимаю, — от чая становилось жарко. Я разворачивала кокон из одеяла, обхватывала колени, клала голову сверху — любимая поза. — Еще это прекрасно, что ты так все понимаешь, значит, скоро вы непременно помиритесь.

— Да, я знаю это. Мне просто не нравится, что он несчастлив. И говорит о себе так, как будто он уже дряхлый старик и больше у него в жизни не будет ничего хорошего.

— Никто не знает, что будет завтра.

— Да, но и я не знаю, как его убедить что-то изменить в своей жизни. А еще я все думаю о том, что сказал отец. Обо мне и об Игоре. Что он... так себе.

— Он просто волнуется за тебя.

— Но никогда он ни о ком из моих парней не говорил так. Я знаю, у меня папашка может всякое нести, но он никогда не переключался на личности, понимаешь? Обычно упреки достаются мне одной: что это я такая испорченная. А в этот раз он говорил, что это Игорь... что он может любую подлость совершить.

— Он же совершенно не знает его.

— В том-то и дело.

В комнате воцарилась гнетущая тишина.

Чтобы как-то отвлечь Мику, я начала рассказывать о своих каникулах. О Твери, о Марке. Затем с Марка мы как-то переключились на театр Смирнитского, работу в кафе. Прошлый год...

— Боже мой, Варька... ты такая скрытная, — ошарашено проговорила Мика во время передышки.

— Брось, — я отмахнулась, — просто вы не спрашивали, да и не было повода как-то все это рассказывать.

— Но я даже не знала, что ты пропустила год. И что это было твое личное решение — уж тем более. Ты была золотой медалисткой?

— Ну да. Что странно, учитывая мои постоянные разъезды с танцами. Я привыкла жить в постоянном передвижении. А потом как-то нашлось время и на парочку репетиторов и на самостоятельные занятия. Мне кажется, в 11-м классе время превращалось в жевательную резинку Орбит. Мягкий вкус уходящего детства — прощание со школой и время, которое растягивалось, словно по мановению волшебства. И потом... я уже почти не помню 11 класс. Как будто он был в прошлой жизни.

— В той самой, в которой ты была птицей?

— Ну да.

— А что же Марк?

— А что Марк? — спросила я. — Мы просто друзья.

— Да?

— И никогда не будем никем кроме. Ты что, это же Марк!

— А Максим?

— А Максим — это в прошлом. Не дай Бог у нас с Марком когда-нибудь наступит прошлое!

— Надо быть готовой ко всему, — заметила Мика.

— Ну да, а еще держать удар, — согласилась я. — Что-то эти советы мало на кого действуют. Я не хочу думать о будущем! Представлять какие-то мифические картины. Я и с настоящим-то разобраться не могу, а про завтрашний день думаю, как о полнейшей загадке!

— А планы? Мечты?

Я откинулась на подушке. Засмеялась тихонько.

— Если бы ты знала, Мика, на какие струны нажимаешь...

— На струны нельзя нажать, глупенькая девочка, — заметила она.

— В любом случае, это самые интересные вопросы, на которые я постоянно ищу ответы. И что касается планов, то я предпочитаю их не строить. С недавнего времени.

— Почему?

— Потому что могу появиться я, и все испортить! — заметила сонная фигура в дверях, и Мика повалилась рядом со мной на подушку. От хохота. — Леди и леди, не хотите ли хоть немного поспать? Завтра рано вставать, а я только и делаю, что слушаю ваши истории.

— А ты не сиди один, подключайся к нам, — предложила Мика. — И займи нас своей сказочкой. Мы вот даже устроим тебе местечко удобное.

— У нас к рассказчикам хорошее отношение, — поддержала я ее.

— Ну уж нет. Я начинаю слушать историю, потом засыпаю и мне снится продолжение, — Кит приблизился к дивану, завернутый в свое неподъемное одеяло. Он был в очках, которые носил, когда снимал линзы. И видели мы его в очках примерно раз в полгода. — Потом снова просыпаюсь, а там уже новая история, — он зевнул, — и ее продолжение снова снится мне в ярких красках.

— Кажется, он уже здесь заснул, — заметила я, выслушав его монотонную речь на одном дыхании.

— Ну как же, жди, — протянула Мика. И дернула его за руку. — Если так, то тебе, пожалуй, надо прилечь.

Не ожидавший ничего подобного Никита повалился между нами. И резко проснулся.

— Очки, очки! — завопил он. Мы расхохотались.

— Вот, зато потом с полным правом можешь рассказывать в универе истории, как проспал пары, потому что провел ночь с двумя сногсшибательными девушками, — подметила Мика, поправляя одеяло. — Да еще и с брюнеткой, и блондинкой. А это дорогого стоит.

— Как же. Мне не поверят. В универе почему-то считают, что я гей.

— Не преувеличивай, я лишь строила догадки... — начала Мика и тут же осеклась.

— Я не буду с тобой дружить. Или скажу, кто был сногсшибательной блондинкой!

— Ну что, спать? — предложила я.

— Спать! — поддержала Мика.

— Как же, уснешь тут теперь! — проворчал Кит.

— Не ворчи, млекопитающее, — успокоительно отметила Мика.

Мы вступили в новый семестр. Мика поселилась у нас. И это означало конец учебы. Точнее, ладно, на учебе это почти не отражалось. Это отразилось на сне. Его у нас почти не стало.

Теперь вечера проходили под лозунгами: «Студенты — это веселье, а не книжки и очки!»

Очки носил только Никита, и только по вечерам. Мику это нервировало.

— Не превращайтесь в старых дедов! Мы скучаем, а молодость — проходит!

Правда, все эти воззвания были направлены лишь на Никиту, потому что я была не против вечеринок. В омут с головой — я знала, чего просила.

Она познакомила нас с Игорем (я до этого видела его лишь издали). Познакомила с его друзьями. С Друзьями друзей. И так далее, в общем. Теперь у нас целыми вечерами тусовались какие-то полупознакомые люди и рассуждали, рассуждали, рассуждали. О кино и литературе, в каком кинотеатре на премьере можно увидеть знаменитостей, как пройти в театр по благу, кого модно читать, а к кому лучше не прикасаться и проходить полки с книгами, желательно задрав высоко нос, где послушать «настоящий» джаз, когда собраться на литературные чтения, на которые ходят «о-о-очень подающие надежды люди».

— Такое впечатление, как будто у Игоря в друзьях — один бомонд, — заметил как-то Никита, послушав пол-вечера о том, как отличить хорошую литературу от плохой.

— Ага, местного пошива, — заметила я. — Я тоже слушала этот глубокомысленный спор двух профанов от Бога.

Мика расхохоталась.

— Зато какие разные люди здесь бывают! Завтра обещался прийти некий поэт начинающий. Рассказать о перипетиях творчества.

— У-у-у, — восхитилась я. — Напечатали стихотворение в «Мурзилке», а он уже поэт и у него уже перипетии?

— Это же полезные журналистские связи! — заметила Мика. — Кто знает, может, завтра они будут знаменитыми, а нам негде будет достать их телефоны, потому что простым смертным они не будут доступны.

— Кто знает? — скорбно спросил Кит. Я улыбнулась. — Жизнь — это сплошная карусель.

Раздался звонок в дверь.

— Иди лучше открой дверь, карусель! — раздраженно заметила Мика.

— Я открою! — я поспешила ретироваться без потерь. Уходя слышала, как он сказал: — Очередная партия пока еще невостребованных гениев?

Ну все. Держись, Кит. Я подержу за тебя кулаки, хотя мне все равно придется сметать тебя в совочек с пола.

Я боялась, что это соседка. Она уже дважды наведывалась к нам, но по-моему просто от скуки, а не от шума, потому что живя на три этаже выше, она просто не могла слышать музыку, которая и не площадку-то еле попадала. И другие соседи к тому же молчали.

Зато ей понравилось беседовать со мной. Не знаю уж, к счастью или нет.

Нацепив на лицо благостную улыбку, я приготовилась к проповедям. Но, распахнув дверь, обнаружила Игоря с каким-то парнем.

— Варварка! Принимай гостей! Встречал заблудшую душу!

— Пожалуйста, в зал. У нас там битком этих заблудших душ, — заявила я, пропуская гостя и включая свет в коридоре. — Да, и Мика с Китом сейчас подерутся из-за твоих доморощенных гениев!

— Да? Пойду выведу ее на свежий воздух подышать, — быстро раздевался Игорь. — Да и знакомьтесь, это Артем.

Я повернулась в сторону гостя и у меня отпала челюсть. Это был Стрелин.

— Добрый вечер, — насмешливо поклонился Артем.

— Это он пока добрый, — зловеще пообещала я. — А вот посетите-с зал, будьте любезны, непременно измените свое мнение!

— Тогда непременно нужно его изменить. Я давно уже жду недобрых вечеров, — сообщил Артем несколько мрачновато.

Кит всюю любезничал с кем-то из гениев (на деле активно «стебал»), Мика упорхнула на балкон целоваться со своим Игорьком, остальные разбрелись как тени по залу, спальне и кухне. То здесь, то там слышался смех, звон нашей общей посуды, кто-то из ребят доставал гитару — вечер набирал свои обороты. Стрелин как вошел, сразу растворился в толпе — я слышала временами его едкий низкий голос.

Я ушла на кухню. Там меня достаточно долго доставал выпускник МО (факультета международных отношений) со своими долгоиграющими дипломатическими планами. Потом исчез и он. Я хотела спать, фотографировать и на свежий воздух. Ничто из этого, похоже, уже не светило сегодня. Если только спать, но и то нескоро. Фотографировать этот пьяный галдеж невозможно и бессмысленно, а на свежем воздухе у нашего дома сейчас тусуются отнюдь не интеллигенты. К тому же, фонари не горят.

— Чай горячий? — спросили сзади. Я смотрела в окно.

— Вероятно, — откликнулась я, поворачиваясь. Это был Артем. — Из этой бочки так и черпают.

— Я думал, у вас тут черпают совсем из другого источника, — усмехнулся Стрелин.

— В основном, да. Но в последнее время, видимо, мода пошла на безалкогольные напитки — извини, я прослушала лекцию наших гениев на эту тему. Не сомневаюсь, она была содержательна.

— Почему ты зовешь их гениями? — поинтересовался он, наливая себе чай.

— Ну, наверно, потому что они ими не являются. А они вот не замечают подвоха. Я все жду, когда же найдется настоящий гений, который это заметит.

Стрелин рассмеялся. Его снисходительная холодность, отстраненность, невесомость, глаза цвета стали, улыбки и смех, будто бы для тебя, а на самом деле просто так, потому что он сам был весь такой — снаружи холодный с искринками смеха в серых глазах. К этому приходилось привыкать, как нырять в ледяную воду — сразу и безоговорочно.

— Хорошо прошел Новый год?

— Да, спасибо, — ответил он, помешивая чай ложкой.

Я помедлила, сомневаясь, но все же решилась спросить:

— Почему ты разговариваешь, как принц Чарльз?

— Наверно потому что я принц Чарльз? — спросил он сам себя моей интонацией. Я улыбнулась. — Что ты имеешь в виду?

Я пожала плечами.

— Нет, правда, скажи.

— А вдруг обидишься?.. Ладно, не знаю, как объяснить... Твои интонации, обороты, фразы, твое «спасибо» и «пожалуйста» постоянно.

Настала его очередь пожимать плечами.

— Мне кажется, это издержки воспитания.

— Нет, я не имею в виду, что это плохо, просто выделяет! Сильно, — поспешила я объяснить.

— Просто меня воспитывала бабушка. Царица Савская, — добавил он.

— Царица Савская? — я приподняла брови.

— Ты бы ее видела... Вот где манеры и речевые обороты! Ну... я просто так я ее называю, — кажется, он покраснел.

— Нет, я понимаю, — задумчиво заметила я. — Я свою зову графиня Трубецкая.

— Трубецкая?

— Ну... это моя фамилия.

— Красивое сочетание, Варвара Трубецкая.

— Кажется, мне кто-то уже это говорил... — нахмурилась я.

Я задумалась, положив голову на руки и изредка помешивая чай ложечкой. Время от времени кто-нибудь забегал, наливал чаю, выносил остатки еды, и в кухне снова становилось тихо.

Он, наконец, вспомнил, где видел эту девчонку со странными синими глазами. На вокзале. Ну конечно. Он ждал Машку — пришел раньше, как всегда из-за своей дурацкой привычки. Шел дождь, и он забежал внутрь, где всегда было полно народа, а сейчас — в такую погоду — еще больше. Шум, суета, голоса, радостные крики встречающих, голос диспетчера над головой... от такого скопления народа ему всегда становилось неудобно. Но все же он каким-то чудом сразу заметил ее в толпе. Не из-за чрезвычайно необыкновенной внешности, а просто, потому что она странно себя вела, хотя никто больше не обращал на нее внимания.

Она ходила кругами вокруг своих вещей — двух довольно внушительных сумок, и постоянно, примерно раз в полминуты вытаскивала из кармана плаща телефон, смотрела на дисплей, сбрасывала звонок и засовывала телефон обратно.

— Знаешь, — в кухню влетел Кит. — Я тебя везде ищу! По-моему пора мирить Мику с ее отцом!

— Это еще почему? — поинтересовалась я, отнимая голову от стола. — Куда ты так спешишь? Она всего неделю у нас живет.

— Она-то да, а вот ее друзья, точнее друзья ее Игоря будто прописались у нас.

— Давай установим правила. Гулянки только раз в неделю. Меня если честно тоже стало доставать это.

— Отлично. Прекрасно. У нас квартира уже плесенью поросла. И потом эти люди меня

убивают.

— Чем? — заинтересовался Артем.

— Своей гениальностью! — прошептал Никита, убегая.

— Так вы вдвоем живете?

— Ну да. Точнее, эту квартиру снимает Киту его отец. А я подселась в середине октября и доплачиваю половину.

— А Мика и... гении?

— Мика... ну, она, в общем, ушла от отца, а гении — это друзья Игоря.

— Сомневаюсь, что он знает хотя бы половину.

— И я сомневаюсь, — тут же откликнулась я. — Но он очень вписывается к ним... ну потому что они из одной среды, наверно. А ты... не очень, если честно.

— Одни минусы от меня, ну ты посмотри, — заметил Артем. — Если бы мне завтра не нужно было на работу, я бы сейчас зашел в ту комнату, и ты бы через пять минут меня не узнала!

— Нисколечко не сомневаюсь.

— Правда?

— Нет, — засмеялась я. — Но на самом деле, я могу все предположить, потому что все мы не те, кем кажемся.

— Да? Очень глубокая теория.

— Представь себе, — я едва язык ему не показала.

— И даже можешь доказать?

— Изволь, — козырнула я, и Стрелин закатил глаза.

— Взять хотя бы Кита. Вот какое впечатление складывается, когда смотришь на него в первый раз? Знаю, что ты мне не ответишь, потому что боишься оскорбить мои дружеские чувства и все такое, — Стрелин поперхнулся. — Но я скажу. Этаким фальшивый мажорчик, заправляющий брюки в сапожки последней модели, косит под золотую молодежь, хотя камешек в ухе самый что ни на есть ширпотребский. Такие обычно или геи, или косят под них. Метросексуалы — самые настоящие. Еще они думают, что таким легче войти в компанию, поэтому так одеваются. А на деле — ни одной своей мысли, не поймешь, за что друзей приобретает. И прячется в свою кожуру, никогда не показывая, что из себя представляет. Все так?

— Практически, — отозвался Артем. — С различными видами отклонений.

— Допустим, да, — продолжила я. — Но между тем, Никита — самый умный и начитанный парень на курсе. Оставаясь не ботаником, искренне увлекаться всем и любить это, не вынашивая розовые очки последней модели, это дорого стоит. Ненавидеть пошлых, вульгарных, глупых, чувствовать это за версту, уметь смеяться не только над другими, но и над собой. А ведь с первого взгляда всего этого не увидишь. И да, глядя на него, начинаешь думать, что абсолютно плевать, в чем он ходит.

— Хорошо, а Мика? Она подходит под эту тусовку?

— Мика? Тут сложнее. Сложнее, потому что с одной стороны, да. Она такая взбалмошная немного — в хорошем смысле, неординарная, с цветком в волосах, обожает хиппи, обожает театры и литературу — вполне вписывается, не правда ли? Но уверена, что не погнушается самой тяжелой и грязной работы, вроде уборщицы, если ей нужны будут деньги, или потребуются помощь кому-то из близких, при этом, она абсолютно не наивна, хоть и утверждает временами обратное. Втихаря пишет рассказы и прячет их в стол,

смущаясь. И да, не будет пробовать всякую дурь, курить. Даже под влиянием.

— Откуда ты знаешь? Никогда не говори никогда.

— Знаю, — тихо ответила я.

— Ясно, — не стал настаивать на ответе.

Мы помолчали, послушав фальшивые рулады их зала.

— Ну а я?

Я смешалась.

— А тебя я еще недостаточно знаю. Может быть, со временем. Накоплю достаточно информации...

— Хорошо, а ты сама? Что ты об этом думаешь? — помолчав, поинтересовался Стрелин. — Или скажешь, что себя ты тоже не особо знаешь?

— А что если так?

— Просто не хочешь говорить, ну ладно, — он сделал вид, что обиделся.

— Ну, давай уговор. Я скажу о себе тогда же, когда и о тебе!

— Что, тоже подсоберешь информации?

— Буду более объективна, чем сегодня. А то я все-таки успела попробовать вина.

Да, я все-таки осталась в студии Насмешевой. И постепенно... не знаю, то ли это ветер приближающейся весны так повеял на меня, то ли все дело было в сильном желании танцевать, но мне там понравилось.

Нет, когда я в первый день столкнулась с Аллой на пороге их зала, и мы вышагивали по тому коридору, я все испытывала жгучее чувство вины, как будто и не было Первокурсника, а мы встретились буквально на следующий день после моего истерического ухода.

— Да, Ал, не знаю, как это сказать, но, в общем, мне бы хотелось извиниться за тот концерт, который я закатила.

— Ты что, это мы концерт устроили, а не ты. Не волнуйся, ребята уже все забыли давно, ты быстро включишься в работу. К тому же, ты хорошо танцуешь, а это не отнять.

— Спасибо.

Мы улыбнулись друг другу.

Трех парней из коллектива звали Ваню (тот, что похотывал сверху), Сережа (произнося имя, непременно нужно было растягивать «е») и Илья. Илья был новичком. Пришел с последним набором. Оно и видно. Необтесанный какой, ни граммочки пафоса во взоре. Непорядок, друзья, беспорядок...

Здесь все происходило очень быстро — не было времени на растягивания жвачки. Вечер репетиция, следующий день — выступление. Заказы и правда были и за них и правда платили. Я учила все подряд, все по ходу. Дома постоянно повторяла, постоянно танцевала. Это были современные стили, которые в одном танце нередко мешались. Иногда нужно было менять костюмы — по паре раз за танец. На репетициях и это отрабатывалось. Что-то, а фантазия у Аллы была. Как и умение верховодить.

Точнее, нет. Здесь надо употреблять слово «руководить».

Когда я, наконец, выучила все танцы, меня стали ставить ближе, чем в последний ряд первым с краю. И я почувствовала себя почти счастливой. Танцую...

Мы выступали на корпоративах, на днях рождения, на разогревах у некоторых питерских групп, на фестивале рока. У Аллы была разработана целая программа, и она всегда четко знала, какой номер показать на том или ином выступлении. Не знаю, кто помог ей получить зал и первые контакты, но она определенно не упустила свой шанс.

Конечно, с общением выходило труднее. Мы мило общались с ребятами, я постоянно трепала за волосы Илью, и он всегда очень мило краснел, но с девчонками выходило труднее. А я еще удивлялась, познакомившись с Микой, почему у меня так мало друзей среди девчонок. В сплоченном коллективе новичкам никогда не бывает легко, но первыми пошли на контакт именно мальчики. Девочки же настороженно приглядывались, даже после Первокурсника, как будто видели меня впервые. Больше всего я сошлась, если можно здесь употребить это слово, с Аллой, которая относилась ко мне без всяких напрягов, и с девушкой Машей. Я вспомнила ее на отборе. Она не подавала едких реплик, просто смотрела и слушала. Высокая, светловолосая, с очень спокойным располагающим лицом. Когда она улыбалась, становились видны милые ямочки на ее лице, а когда смеялась, то смех ее был настолько заразительным, что никто не мог устоять. С ней мы не раз ездили в одном вагоне — нам было по одной ветке.

Со всеми остальными была стена отчуждения.

— Успокойся, они примут тебя. Дай им приглядеться, — спокойно говорила Маша. Если бы у меня была старшая сестра, я бы хотела иметь такую, как она. У нас с самого начала выработались немного покровительственные отношения, когда я могла спокойно выложить ей все, что творилось со мной за день, а она быстро рассеивала все мои страхи и сомнения.

— Но почему ты пригляделась так быстро, а они нет? Больше всего меня раздражает этот снобизм непонятный! Я же не дома у них без спроса поселилась, я танцую с ними в одном коллективе, вот и все. Ну уж, казалось бы, что тут приглядываться?

— Просто им немного не нравится, как много ты внимания к себе привлекла. Сначала — на отборе. Тебя все запомнили. Потом пришла на Первокурсник — не побоялась всяких пересудов. И потом их уязвило, что ты действительно хорошо танцуешь. Они надеялись увидеть просто выскочку и потешить свое самолюбие, — выложила Маша.

Я помолчала.

— Отлично. Может быть, мне уже начинать прятаться? Тихая ненависть выливается в громкую агрессию.

— Как маленькая, честное слово, — закатывала глаза Маша.

— Естественно. У тебя, конечно, таких проблем не было.

— Ну да. Но лишь потому, что мы основывали этот коллектив с Аллой вместе. Я, Ваню и Алла — втроем остались от прежнего состава.

— Ясно, — тихо откликнулась я.

— Все будет хорошо, поняла? — трясла меня за плечи, внушала она.

— О да, — отмахивалась я, запрыгивая в поезд.

Сегодня была суббота. Репетиция была утренняя и после нее я сразу же отправилась на Финляндский вокзал.

Я уже давно не фотографировала. Хотя... не знаю, вроде бы у меня получалось, потому что все, кому я показывала что-либо — а показывала я лишь преподавателю на парах, Никите и Мике, говорили, что я должна снимать больше.

Недавно купила себе внешнюю вспышку.

Я любила вокзалы. В отличие от поездов. Все эти группы здесь, встречающие и провожающие, лица, эмоции, сумки, прощания, последние слова, волнения, опоздания, прыжки в последний вагон на ходу, уставшие лица проводников без эмоций, поцелуи, объятия, старички, которые едут куда-то вместе, и те, которые едут в одиночестве...

Когда у меня не было фотоаппарата, я приходила на вокзал просто так. Здесь мысли, даже самые тяжелые, приходят в порядок.

Обычно люди не возражали, когда я фотографировала их. Особенно на вокзалах. К тому же, я научилась делать это незаметно, ну то есть не так явно, как раньше.

Замечали, что когдаходишь в автобус или в поезд, или в помещение, где много народу, все взгляды в первую очередь обращаются на тебя? Примерно, в первые полминуты. Потом все переключаются друг на друга и на самих себя. Здесь также. Когда сидишь долго на одном месте, люди перестают обращать на тебя внимание, даже если у тебя в руках фотокамера и ты периодически фотографируешь всех. Они расслабляются и не обращают внимания на вспышку и щелчки, начинают вести себя естественно, как обычно.

И вот тогда получаются лучшие фотографии. Реалистичные, как сама жизнь.

Сегодня я побродила немного по залу ожидания и вышла на перрон. Но руки замерзли и фотографии получались неудачными, или просто это настроение было неудачное для съемок сегодня?.. Меня действительно выматывало это отчуждение на танцах, даже больше, чем я думала.

Досадуя, я повернулась, чтобы уйти в зал ожидания, но тут заметила знакомую фигуру.

Руки, засунутые в карманы пальто, взъерошенные темные волосы, опущенная голова. Гордый профиль, выделяющийся из толпы. Я направила камеру, сделала пару снимков. И тут он повернул голову, будто почувствовал мой взгляд. Меня поразило выражение его лица. Грустные и внимательные глаза, будто всё еще смотрели туда, откуда я его вытащила. Я подняла руку и слабо пошевелила пальцами.

Он подошел.

— Привет. Ты теперь все время будешь вылезать из ниоткуда? — поинтересовался Артем

— А когда я еще вот так... вылезала? — пряча камеру в сумку, поинтересовалась я.

— Ну... у себя дома.

— Ах, дома, — рассмеялась я. — Встречаешь кого-то?

— Кажется, нет, — он оглянулся по сторонам и предложил: — Пошли, посидим? Замерз жутко. Еще и болею.

— Тогда что ты делаешь на морозе? — приподняла я брови.

— Вызываю температуру?

— Вот оно что, — кивнула я. Он открыл передо мной стеклянные двери, пропустил вперед.

— Джентльмен, сэр?

— Да, миледи, — он слегка наклонил голову. Я все еще не могла отойти от его взгляда, который он уже спрятал. Я испугалась... правда. У него был взгляд человека, который вполне мог броситься под поезд.

Нет, я конечно, на самом деле не видела таких людей, просто... что-то подсказало, что дело тут нечисто.

— Что нового в жизни молодежи? — поинтересовался он, вытягивая длиннющие ноги вперед.

— Молодежи? Старичье! — фыркнула я. — Я не так уж и младше.

— Ну сколько тебе? 17–18?

— Девятнадцать, хотя я не обязана была отвечать, — рассмеялась я. — У девушки возраст не спрашивают.

— Правда, 19? И что это значит? Второй раз в первый класс? Второй раз на первый курс?

— Почти, — улыбнулась я.

— Ага, тайна, — заключил он.

— Нет, Стрелин, просто... как-нибудь потом расскажу, когда настроение будет.

— Потом? Что же, будет потом?

Я рассматривала парочку у автомата с напитками и не сразу ответила.

— Если будет такое потом, как вдруг сейчас. Без предупреждения.

— А если нет?

— Тогда стоит лишь надеяться и...

— И молиться, — закончил Артем.

Мы смеялись.

— Я слышал, ты вернулась в студию к Алле?

— Ну да, — улыбка моя погасла.

— И как? — он иронично изучал мое лицо, делая вид, что не замечает его выражения.

— Все хорошо, просто прекрасно... Слушай, скажи мне одну вещь.

— Да?

— Помнишь отбор?

— Весьма смутно.

— Слушай, я серьезно.

— Ладно. Я весь во внимании.

— Когда я рассказывала о бальных танцах, девицы засмеялись. И Насмешева все поняла.

Почему?

— Ну, — Артем помялся слегка. — Просто Алка сама занималась бальными танцами. И тоже довольно-таки серьезно.

— И, зная это, они все едва ли не выставили это моим недостатком? — поинтересовалась я.

— Они же действительно не знали, как ты танцуешь.

— Понятно.

— Слушай, ты что, обиделась? Выброси это из головы. Это же просто...

— Да, знаю, проверка новичков, шутка или что-то там еще, — отрезала я. — Просто непонятно, из-за чего я так переживаю.

— Ну сейчас ведь все хорошо... — начал он.

— Я по глазам твоим вижу, что ты знаешь, как там «все хорошо»! — заметила я, вставая с диванчика.

— Варь, ты слишком близко приняла это к сердцу, — встал Стрелин. — Ты же получила все, что хотела, и сама не знаешь, из-за чего бесишься! Ты танцуешь, ты в коллективе, зачем же придумывать себе...

— Я уйду. Пока, — подернула я ремешок сумки и направилась к выходу. Не стоило вообще приходить сегодня на вокзал в таком настроении. И пытаться что-то сфотографировать.

Я дура, глупая дура. Я понимала, что действую нелогично. Понимала, что это выглядит, как выражение «с жиру бесится» в действии. Но я, оказывается, мечтала не только танцевать, но и почувствовать себя «своей».

И город упадет к ее ногам от одного только желания... Мечтай, как же.

Сначала ты хотя бы разберись, нужно ли тебе их уважение или нет, а потом уже затевай конфликты со всякими Стрелиными, сколько влезет! И ведь он же Аллин друг! Осталось только ей рассказать о моих истериках, и можно смело собирать вещи и валить из города. Здесь уже наследила.

...Я выдержала еще пару месяцев. Сказать, что многое изменилось с тех пор, значило обмануть. Осадное положение продолжалось. Я закрывала на все подколки глаза, танцевала до изнеможения, пытаюсь ни в чем не дать повода, но случайная мысль подтвердилась. Одни танцы ничего стоили, если не чувствовать при этом поддержки от других, если в коллективе кто-то ведет разговоры за твоей спиной, а те, кто не ведут, все равно в курсе всего. Трудно не получать отдачи, потому что аудитория у нас была не так чтоб уж очень постоянная. Но с этим было бы легко смириться, если знать, что ты часть коллектива, а не осколок айсберга. Однако я не чувствовала себя в коллективе.

И я поговорила с Аллой.

— Ты же понимаешь, что другого такого шанса не будет? — спросила она.

— Естественно. Я понимаю, что никто не позовет меня больше где-то танцевать, и мое имя сотрут со всех золотых табличек...

Алла усмехнулась.

— Я-то думала, что ты действительно хочешь танцевать.

— Брось, Ал. Ты же прекрасно знаешь, о чем я. Нечего давить на мои чувства. На них давили два с половиной месяца. Мало просто танцевать. Так бы я и одна могла это делать. Никакой разницы. Дело еще и в том, что весь этот пафос, который должен прилагаться к каждому танцору, ко мне почему-то не прибавается.

— Какой пафос? — ледяным тоном переспросила девушка.

Я представляла, как она меня возненавидит за следующие слова, но мне нужно было вылить накопившееся, и лучше я это сделаю ей, чем кому-то, и эти слова потом передадут в изменившемся варианте.

— Ты знаешь, какой, — и довольно похоже изобразила высказывания и голос некоторых девушек: — Все, кто за пределами круга — не с нами. Только мы танцуем, остальные передвигают ноги!

— И кто это тебе говорил?

— Говорили. Столько снобизма, как будто вы уже клипы собственные снимаете и в Кремле выступаете. Это не стоит того, правда.

Она замолчала, выстукивая ноготками еле слышную гамму. Разговор происходил после репетиции в пустом зале.

— Если бы ты не сказала мне это лично, а распространяла бы сплетни на эту тему за моей спиной, я бы наверно подкараулила тебя в каком-нибудь дворе и убила, — призналась Насмешева неожиданно. — Но мне нравится, что ты всегда открыто все говоришь.

— Ну сегодня я, по крайней мере, не устроила публичной экзекуции.

— Да уж, спасибо. Будем считать, что ты научилась контролировать эмоции.

Мы одновременно прыснули.

— Ладно, — сказала Алла. — Я отпускаю тебя. Видимо, ты чем-то смущаешь наших девушек.

— Хм... смущаю. Я бы выбрала другое слово, ну да ладно.

Я собрала вещи и пошла к выходу. Но у двери обернулась.

— Да, и я приду на Весну.

— Ну что ж, это отличная позиция, щекотать ненавистникам нервы время от времени, — заметила Алла, улыбнувшись.

— Тебя это... напрягает?

— Да нет. Но это напрягает кого-то другого.

Первый курс подходил к своему логическому завершению — к сессии. Пока что это не очень чувствовалось — подготовка к Студенческой Весне, на которой я, уже никак не связанная с коллективом Насмешевой, отчаянно веселилась вместе с Микой. Последняя, кстати, помирилась с отцом и рассталась с Игорем, после того, как ей надоели его друзья-нахлебники, а он встал на их защиту. Никита устроился на стажировку на Питерский пятый канал, и мы закатили грандиозную вечеринку с одногруппниками и однокурсниками, отпраздновав эту первую победу.

Весна вступала в свои права.

Я бегала по Питерским изданиям, пытаюсь найти себе работу или хотя бы подработку, но пока все ограничивалось лишь внештатными материалами. Все вокруг твердили, что еще слишком рано что-то искать, Мика так вообще прочитала целую лекцию о моем поведении.

— Ты что, с дуба рухнула? Не знаешь, чем себя напрячь, где проблемы поискать? — заявила она, вышагивая передо мной, как глава на демонстрации. — Сначала заморочки с танцами, которые вроде бы разрешились, и что же делает наша Варвара? Она ищет себе новых приключений в виде постоянной работы. Потом сессия, а дальше? Какие летние приключения ты хочешь себе устроить?

— Но Никита же устроился, — оправдывалась я, положив голову на руки.

— Во-первых, еще не устроился, а, во-вторых, Никита — достойнейший из всех нас, больше всех влюбленный в будущую профессию. Притом, что, заметь, даже не на телевизионщика учится.

— Это значения не имеет, знаешь же, что все дело в опыте, который он получит там, и который мы никогда здесь не получим! — отмахнулась я.

— Не отворачивайся, мы же не об этом разговариваем, — садясь на парту и закатывая рукава, заявила моя подружка. — И если и существовала такая должность, она должна была достаться не кому-нибудь, а ему! А все остальные студенты, к тому же, вслушайся, первокурсники, ничуть не переживают, что не спешат окружить себя щитами взрослой жизни.

— Складно говоришь, — восхитилась я.

— Варвара, — она постучала по столу, привлекая мое внимание. Я быстро скисла. — Прекрати немедленно.

Все это правда, но в те дни мне все время не хватало какой-то платформы, на которой можно стоять ровно и не качаться в разные стороны. Я искала опоры. Раз, с танцами не получилось, будем искать работу, все просто.

Я помолчала.

— Мы отлично развлекались, Мик. В этом семестре мы только и делали, что веселились, как могли. Почти не спать, с красными глазами бежать к восьми утра не куда-нибудь, а на пару — это дорогого стоит. Жили в бешеном ритме, обрели кучу новых знакомых и все такое... Просто не знаю, после целого года работы мне трудно привыкнуть к мысли, что можно вот так веселиться, прикрываясь слабым оправданием, что я, мол, студент, и значит, мне все должно прощаться. Все время кажется, что за это обязательно должны взыскать по штрафу.

— Значит, привыкай, — тихо сказала Мика. — Большинство студентов и не чешется всю студенческую жизнь. Или ведут жизнь бесконечных подработок. У кого-то же вообще нет возможности работать, и в этом нет ничего ужасного. Ты же все еще учишься. И вообще, нечего в 19 лет вгонять себя в тоску по поводу работы! Наслаждайся жизнью, ты же так проповедовала эти истины в начале семестра. И вообще, после коллектива Насмешевой тебя что-то расклеило. Соберись, ослица!

Я расхохоталась.

— Я обожаю тебя.

— И даже не бешу?

— Нет, — улыбнулась я, кладя голову на руки. — Сегодня нет.

Второй курс... ну надо же? Уже второй. Первое сентября. Год назад была бабка, вредная квартира, неуверенность и новый фотоаппарат. Два года назад было кафе, театр, Смирнитский и тщательно упакованное и спрятанное нитье по Андрею. И все это было как будто вчера. И я была другой словно вчера.

Варвара предстала в обновленном варианте. Недавно она сдала на права, выучилась курить и подстригла свои тяжелые черные волосы, став похожей на очаровательного голубоглазого сорванца, таящего в своих глазах тонкую насмешку над всем окружающим миром. На права сдала, чтобы начать действовать и копить деньги; чтобы был стимул. Курить выучилась неумышленно, но не отличалась постоянством, как, впрочем, и везде. А еще подстриглась... ну, наверно, просто так. От ожидания перемен.

И мне нравилось чувствовать себя другой. Вот только была ли я такой на самом деле?

Я стояла в метро на Горьковской и ждала поезда. Вот двери вагона открылись, и я уже почти шагнула, когда у входа напротив, прислонившегося к стеклянной двери и все такого же высокого светловолосого с полуулыбкой на губах обнаружила... Максима. Это был Максим, действительно он.

И он увидел меня, могу поклясться! И в лице изменился...

Вместо того, чтобы шагнуть внутрь, я отшатнулась прямо в толпу, резко развернулась, наткнулась на кого-то...

— Варя. Варя... — меня тряс за плечи Артем Стрелин. — С тобой все в порядке?

— Что?

— Варвара, посмотри на меня.

Выдохнуть. Еще раз. Поднять глаза.

— Стрелин? Это ты?

— Представь себе, — поддразнил он. — Что с тобой? Ты будто привидение увидела.

Я быстро обернулась.

— Поезд ушел.

— Конечно, ушел. Пять минут назад. Нечего было метаться.

— Я просто... Боже мой, это ты. Поверить не могу, как долго я тебя не видела!

Я обрадовалась. Просто невероятно была рада его видеть.

— Соскучилась, что ли? — засмеялся он.

— Представь себе, — я все-таки не удержалась и показала ему язык. — Все, я успокаиваюсь.

— Да уж, — закатил глаза Стрелин. — Хотя... ты ничуть не изменилась.

— Правда?

— Вот глупая, ты что, расстраиваешься?

— Если бы ты мне через двадцать лет сказал, что я ничуть не изменилась, я бы обрадовалась. А сейчас это звучит не убедительно.

— Так что тебе нужно? Перемены каждый день? Куда ты такая взбалмошная собралась?

— К Мике. Я ее с сессии не видела.

— На пары ты сегодня не собираешься, я так понимаю.

— Зачем? — искренне удивилась я. — Кто ходит на пары первого сентября?

— Вот правда.

— А я помню тебя на прошлое первое сентября.

— Ты же меня тогда не знала, — поднимая очки на лоб, заметил Стрелин.

— Ну да. Но я все равно тебя видела, ты меня облил из лужи у дверей факультета. А потом уже ты меня поймал у своей машины — я в отместку снимала колеса с нее.

— Так вот чем ты занималась? А я-то думал, что ты там притаилась? Истерику устроила и — вперед.

— Разумеется. Хорошо, что ты так все хорошо понимаешь.

Мы продолжали этот бессмысленный треп, стоя на платформе. Приходили и уходили поезда, люди толкали во все стороны.

— А ты, — сказал он неожиданно. — Очень хорошо выглядишь. Тебе идет эта стрижка.

— Так ты все-таки заметил, — ахнула я. — А говоришь, ничуть не изменилась!

— Ты все так же остра на язык.

— А ты? Что ты здесь делаешь? Его Высочество еще спускаются в метро?

— Звезды не ездят в метро! — пропел он, отчаянно фальшивя.

— Вот именно!

— Машина в ремонте.

— Ах, беда.

Он засмеялся.

— Все-таки это невероятно, — выговорил он.

— Что?

— То, как мы встречаемся постоянно.

— В последний раз это было давно.

— И... как-то глупо.

— Это я глупила тогда. Танцы и коллектив твоей Насмешевой... мне было тяжело.

— Понимаю. Но и я хорош. «Что ты так паришься по этому поводу? Попала в коллектив, рот закрой и танцуй!»

— Да уж. Это было мило.

— Я сто раз раскаивался потом.

— А все-таки по поводу этих встреч... Это к лучшему, знаешь. Я не люблю планировать, и у меня бы все равно ничего не получилось.

— Ну... в метро, на вокзале, в квартире и на улице мы уже побывали, что же дальше? Кто знает, может быть, это можно предугадать?

— Хотя сомневаюсь, — сам же сообщил он через пару секунд.

— Да, — я улыбнулась.

Я все-таки села в вагон. Хотя сделала это, как призналась себе уже сидя внутри, с сожалением. Он стоял и смотрел, как двери закрываются, потом развернулся и направился к эскалатору. И пока поезд не въехал в темноту, я видела его спину. Высветленные джинсики, серая водолазка, куртка в руках. Темные волосы, которые он постоянно взъерошивал. Артем Стрелин. Добро пожаловать в мою жизнь.

— Варька! Какая красивая! — Мика была весела и громогласна. Мы обнимались, и она все шутила, что наконец-то будет ходить по Невскому с кем-нибудь «сногшибательным».

— А то, знаешь ли, гулять с Никитой в последнее время стало невозможно. Он вырывается на час, все время смотрит на часы, сбрасывает звонки, улыбается идиотской своей извиняющейся улыбочкой, а потом улетает на работу, едва стрелка доберется до его дедлайна!

— Да, я приехала и так и не застала его.

— Его как приняли, он теперь вообще не показывается на глаза! Боюсь, как бы он не решил доучиваться на заочном. Я выгуливала его тут раз в две недели, а то он совсем потерянный стал. Я даже не знаю, чем он питается! Одни глазюки на лице, — Мика ярко показала, что это было за лицо с одними «глазюками».

— Он хоть к родителям вырвался?

— Кажется, раз после сессии, и потом дня на три. Все.

— А я не общалась с ним с того момента, как он позвонил мне и сообщил, что прошел испытательный срок.

— Мда... ты сама-то что опоздала? Пока я стояла, ко мне тут уже какой-то хиппи-наркоман привязаться успел. Все повторял, что мы с ним с одного корабля! Но я его направила к другой шлюпке — с надписью «Полиция» на синем фоне.

— А, да так, пустяки. Я тут Стрелина встретила. И мы застряли на платформе.

— Стрелина? Артема Стрелина? — вытаращилась Мика, огибая толпу японцев.

— А ты знаешь еще какого-то? Случайно встретились.

— О-о-о-о!

— Что, опять? — я закатила глаза.

— Нет, ничего, просто... У вас какие-то флюиды, да?

— Господи, тебе везде какие-то флюиды мерещатся! Где еще слово такое выкопала?!

— А что ты злишься? Просто... Варька, ты понимаешь? Это же Стрелин! Куда ты смотришь?

— Сама же читала как-то лекцию, что такие достаются, только как суперприз в лотерее без правил! И сбегают, пока ты будешь хлопать глазами от счастья, — хихикнула я.

— Ну кого ты слушаешь? — возмущалась Мика. — Как ты вообще можешь меня слушать?

— Не знаю, — вздохнула я. Неугомонная хиппи подхватила меня под руку.

— Я и не знала, что такое бывает!.. Ну надо же.

— Слушай, — разозлилась я. — Ничего такого нет и не будет, а ты уже придумала целую историю! Вот всегда вы девки такие дурные? Правильно я делала, что всю жизнь с мальчишками дружила.

— Ладно, не ворчи.

— Я не ворчу.

— И потом, как ты можешь говорить, что не будет? Он тебе что, не нравится?

— Нет, почему же... Просто это бессмысленно. С таким, как Стрелин.

— Вот еще новость! Это еще почему?

— Ну как раз потому... что я думаю так же, как ты. По поводу таких парней. Не хочу опять этой ерунды с привязанностями.

— Ах вот как это называется, оказывается. Ерунда с привязанностями.

— Да, именно так это и называется, — удовлетворенно кивнула я, опуская на глаза солнечные очки. — И давай уже сменим тему, надоел этот пустой треп.

Если долго бежать по кругу, то весь мир вокруг тоже превращается в круг, по которому ты бежишь. Как на уроках физкультуры, когда у полоумных физруков весна ассоциировалась с кроссом вокруг школы. 5 км. 12 кругов. Примерно к середине ты все еще думаешь: «как бы побыстрее добежать?!», — а уже к 9-му или 10-му тебе становится все равно, ты

прилаживаешься к этому ритму, к неудобству, ты видишь перед собой этот круг и можешь даже вести посторонние разговоры, не обращая внимания на то, как колет бок.

Я всегда боялась попасть в такой круг в жизни. Но страх в нас живет как-то отдельно от реальности. Только у нас в голове. Потому что в реальности мы чаще всего и встречаемся со своими страхами, и как-то продолжаем жить в их присутствии и приспособливаться. И оказывается, что не так все кошмарно на белом свете, только звучит страшно, а попробуешь и вроде бы даже приятно...

Когда моя жизнь делилась лишь между работой и театром, я была в самом настоящем кругу, но там все было очень гармонично. Меня устраивал этот круг, иногда я не хотела тогда — только усталости от работы, возможности с кем-то разговаривать, возможности думать о вымышленных персонажах больше, чем о себе. Без самокопания, без постоянной рефлексии — а на то ли я трачу свою жизнь?

Сейчас же я чувствовала, что попадаю в такой вот круг, только намного хуже. Нет, я объективно понимаю, что жизнь — она предполагает небольшой круговорот в природе, от этого никуда не деться, и ты не будешь до старости порхать бабочкой с цветка на цветок. Но бывают такие круги, как петли на шею — они ограничивают. Не дают вырваться из рамок, в которые загнала жизнь. Правильная философия — философия твоего ритма жизни. Только так нормально, все так живут, вот и я такой же. Миллионы едут на работу или на учебу каждое утро, сонными лицами обзревая таких же сонных, как ты сам, или досыпая по дороге. Миллионы освобождаются вечером и едут домой, и думают свои скучные обыденные мысли, в которых нет ни одной о работе («Достала!»), а только о том, что купить сейчас в магазине, что одеть завтра на работу, и какой сериал сейчас начнется по телевизору. И общаясь с такими же, как и ты, погрязшими в работе и учебе, еле доползающими к концу дня домой, ты и не пытаешься ничего изменить. Зачем? Все правильно.

Все действительно правильно, иначе все в мире было бы похоже на одну четкую неразбериху. Нужна какая-то система. А то, что есть люди, у которых другой распорядок дня, у которых, возможно и нет никакого распорядка, мы не в курсе. Точнее, быть может мы и в курсе, и среди нас, бывает, и попадаете один-два таких, но так как нас большинство, а их мало, значит, они ведут ненормальную жизнь, а мы нормальную. Значит, те, одиночки, лишь исключения, которые подтверждают правила.

Знаю, знаю, что сейчас начнется после этих слов. Я тут что, склоняюсь в философии хиппи? Ну так это понятно, я же молода, наивна, глупа, в моем возрасте только и надо заявлять о безнравственности систем и взрывать воздушные замки. Кидаться громкими воззваниями, устраивать дебаты и тайные встречи о революционном переустройстве мира! Давай, деточка, тешься, думай, что ты не такая, как все, мы все равно закуем тебя в латы и отправим сражаться не с ветряными мельницами, а с неприступной системой, с офисами и их начальниками, с теми, кто ворочает миллионами, с подлыми главными редакторами и хозяевами жизни (в нашем понимании), пока однажды ты, как и все мы, ни поймешь, что это бесполезно, ни наденешь прозаический костюмчик в тонкую полоску (хорошо хоть, если так), и ни сядешь со всеми в метро, думая о чем угодно, но только не о воздушных замках.

Ладно, пусть все так. И может быть, мой взгляд слишком однокбок, и своему возрасту свое, и радость можно находить в самых рутинных вещах (это же опять-таки страх, который только в голове), и я не знаю, что меня ждет завтра, и бла-бла-бла, и так далее. Но. Я знала одно. Если бы мне дали только найти свое место в жизни, ну то есть найти дело, которое бы я любила и которым могла бы заниматься, я бы не чувствовала рутины и круга, которые все

теснее и теснее со временем. Нет. Я бы согласна была жить в такой системе, подчиняться такому кругу.

И да... почему я вообще заговорила про эти круги? Просто обегая редакции со своими материалами, получая «левые задания», пытаюсь устроиться на работу, и, даже устроившись, наконец, в газету «Вестник Санкт-Петербурга», и, начав уже там, бегать по заданиям, на интервью, заканчивать работу к дедлайну, у меня нет-нет, да и возникала мыслишка, что я занимаю не свое место. Да, сказала.

Когда я поступала на журфак и переезжала в Питер, я думала, что все, счастье само упадет в руки. Начну учиться, работать, жить, и вот она, сказка.

И я обожала свой факультет. Без преувеличения. Здесь я встретила самых потрясающих людей, для которых, как и для меня прежней, нормальность считалась преступлением, здесь мне дали прекрасную школу, вложили в руки сверкающих меч знаний и возможность апеллировать такими словами, как «апеллировать». Но однажды меня все же выпустят на свободу, а разбредутся все еще раньше, когда станут серьезно работать, и не будет этих кухонных безмятежных посиделок с интеллектуальными разговорами на одном дыхании, не будет журфака и ошибок, которые могут простить. Точнее, ошибки-то будут, а вот прощать будет некому. И никто не скажет: «Варя, а ведь мы тебя предупреждали, а теперь-то уже поздно. После драки кулаками не машут!»

И поэтому сейчас я постоянно останавливаюсь, а точнее спотыкаюсь на ровном месте и пытаюсь как-то оглянуться назад. Где-то там, я знаю точно, я допустила ошибку. Надо сейчас понять, пока все не забылось, пока не стало слишком поздно. Действительно поздно.

Мика утверждала, что вредные мысли в моей голове от того, что я живу с Никитой.

— Невозможно жить с человеком-роботом и не думать, что это ненормально, когда ты сам не робот!

— Интересная теория, — откликнулась я, ковыряясь вилкой в салате. Через полчаса мне нужно было бежать на открытие какого-то фестиваля народной песни-пляски и активно фиксировать все происходящее.

— Да это правильная теория! Все-таки мы мазохисты. Мы хотим работать на станках и уставать, как скоты, которые даже имя свое забывают! Вспомни «Мартина Идена». Время, когда он работал на своей прачечной и постепенно понял, что не может думать, не может даже газеты почитать! Лучше уж нажраться в баре и завалиться спать. Так проще.

— Ну что ты разоряешься?

— Быть может, потому что ты меня бесишь? — поинтересовалась она буднично. — У нас постоянное чувство вины. Если кто-то работает до изнеможения, мы задаемся вопросом, а не стоит ли и мне так работать, а то сплошное прожигательство жизни получается.

— А если это правда?

— Кривда! Каждому свое. Поставь тебя мешки разгружать, ты через пару дней свалишься. Не для того ты в университете учишься.

— Наверное, для того, чтобы читатели «Вестника Санкт-Петербурга» смогли узнать, что лучше всего поет группа бабулек из Ярославля! Никому эти бабульки не нужны, кроме них самих, зато я после этого материала смогу называться смелым званием «журналист»!

— Так, Варвара, в чем дело? — останавливая свой пыл, поинтересовалась Мика.

— Да в том, что я завидую Никите не потому, что он так много работает и заваливается домой только ночью, как правило, когда я сплю — а спать я ложусь поздно, ты же знаешь! Я завидую, потому что ему все это нравится. Понимаешь? До одури.

— Так если бы тебя поставили на его место, ты тоже бы прыгала от счастья, когда все остальные падали бы от усталости!

— Да нет. Не в этом дело. В том, что я не загораюсь даже от перспективы быть на его месте. Я на это с ужасом смотрю. Я бы хотела найти что-то такое, от чего можно было бы бегать с такими же бешеными от счастья глазами и в два часа ночи. Я думала, что журналистика даст мне это. Но она не дает. Я просто какая-то неправильная. Занимаю не свое место. С таким подходом мне никогда не стать хорошим журналистом. Здесь нужен огонь в глазах.

— Ну посмотри на меня. Я не работаю нигде серьезно. Я внештатник. Не спешу заковывать себя в постоянную работу! И мне прекрасно живется, потому что я не тороплюсь жить. Хочу порадоваться еще простым вещам и разным увлечениям.

— Все так, Мика. Но ты даже, когда бежишь на свое случайное задание, ты уже так не бесишься — хоть это будет град и зной, и снег. А придя оттуда, ты все время рассказываешь кучу второстепенных веселых деталей! Это твое. — Я помолчала, быстро взглянув на часы, — ладно, наверно я просто с жиру бешусь. Учусь на журфаке, устроилась на работу, а мне еще хочется радоваться от каждого задания!

— Нет ничего плохого в том, чтобы хотеть любить дело, которым занимаешься, — тихо откликнулась Мика. — А тебя губит именно чувство неуверенности в себе. И вины за то, что хочешь получать удовольствие от жизни. А ведь это все твой год работы официанткой. После него ты никак не можешь перестроиться.

Хм... год работы официанткой, говоришь? Может и так. Но этого года бы и не было, если бы...

Я знаю, когда все началось. В одну чудесную июньскую ночь, когда мне сообщили, что я ничего значу, и человек, без которого я не могла обходиться, прекрасно смог обходиться без меня.

— Посмотри на себя со стороны. Просто на миг представь свою жизнь в исполнении другого человека, — говорила Мика. — И ты увидишь, что не так уж и бесполезна, как считаешь. Поймешь, что занимаешь очень даже свое место.

Может, и правда я взялась слишком строго судить себя? Быть может, зря я пытаюсь придумать наперед всю свою жизнь? Глупое занятие, ты же знаешь об этом, Трубецкая! Так что же, пустить все на самотек?

Просто остановись, начнем с этого.

— Слушай, замри на месте, ладно? Просто сохраняй одно выражение лица дольше пяти секунд! Ты же сам сказал, что тебе нужна представительная фотография! В моем понимании, у тебя других фотографий быть и не может, — съехидничала я, опуская руки с фотоаппаратом.

— Вот-вот. Сплошные упреки и сомнения. Мне нужна представительная фотка для моих будущих работодателей, но работать-то я буду не на кладбище.

— Что это за работа?

— Переводчик.

— Серьезно?

— Совершенно. С понедельника официально. «ПитерИнТур», я к вашим услугам. — Стрелин глубоко вздохнул. — Так все, я готов.

Я оценивающе посмотрела на него.

— Ты сейчас как будто ценник повесила.

— Нет пока, колеблюсь. Вот думаю, добавить пятьдесят копеек к цене или не стоит? — я приблизилась к нему и расстегнула еще одну пуговицу на рубашке.

— Может, снять пиджак? — предложил он чарующим голосом. Я расхохоталась:

— Я тебя умоляю!

Я отошла и подняла камеру.

— Нет, без пиджака ты будешь как вшивенький клерк. И вообще, лучше бы тебе переодеться.

— Сейчас домой съезжу... прекрати уже, а!

— Просто слишком ты какой-то... — я не могла подобрать слово.

— Ну какой? — он уже готов был взорваться.

— Принц. — Любезно пояснила я. — Ладно, давай попробуем.

Защелкал затвор, я пробовала с разных ракурсов. Посадила его на стул, сняла пиджак — он ехидничал.

Мы были в фотостудии журфака, где поздно вечером уже никого не было, кроме преподавателя, который тоже куда-то смылся, оставив нас здесь под честное слово. Да и то, мне кажется, потому, что Стрелину здесь все едва ли не в ножки кланялись.

— Расскажи мне о своей бабушке, — попросила я, не переставая фотографировать.

— Бабушке? — изменившимся голосом переспросил он.

— Ну да. Помнишь, ты как-то говорил, что она воспитывала тебя. Царица Савская.

— Ты и это помнишь? — у него и лицо изменилось. Я не останавливалась.

— Я не забываю истории, которые мне рассказывают о людях.

— Ну однажды-то все равно забываешь.

— Нет, — я пожалала плечами. — С самого детства. Могу помнить истории, которые бабушка рассказывала маме о своей приятельницах, хотя мне было тогда семь лет.

— Интересно. Моя бабушка — человек старой закалки. Причем даже не своей — родительской. Царских времен.

— Так сколько же ей лет?

— Семьдесят пять. Она была поздним ребенком у своих родителей и те видели и Николая и все его семью. И многие из моих родственников даже были приближены ко двору.

— Здорово.

— Да, всю жизнь жили в Санкт-Петербурге. Этот город и его атмосфера впитывались в них с молоком матери. И есть даже легенда, поверье, предание, не знаю, как это назвать, что... каждый из нашей семьи, кто уезжает из Питера — вынужден уехать или просто желает этого — все равно однажды вернется сюда.

— Даже если всю жизнь проживет в другом городе?

— Да... Но это же просто поверье. Лично я не верю в это, — достаточно резко закончил Артем.

— Почему?

— Просто не верю. — отрезал он. — Ты закончила?

— Да, кажется. — я удивилась такому внезапному переходу, но ничего не сказала. — Сейчас... посмотри. Перекинем на комп, из этого потом выберем лучшие. Я отредактирую. И — вперед, на новую работу! Ты что?

Я насторожилась, потому что он подозрительно тихо просматривал снимки, не говоря ни слова.

— Что-то не так?

— Да нет. Это просто... это здорово, Варька.

— На себя не налюбуйешься драгоценного? — не выдержала я.

— Нет, я и не про себя говорю. Хотя на моих тоже... там у меня такое непривычное выражение лица. Я вообще... посмотри, какие морщинки у этой старушки, когда она смеется!

— Это подруга моей бабушки. — Я под села рядом, заглядывая ему через плечо. — А это бабушка.

— Красивая, — задумчиво заметил Артем.

— Да, она потрясающая. Бывшая оперная певица, а какие у нее руки! Молодые, тонкие, белые.

— Молодые?

— У женщины возраст выдают руки, только никому не говори, что это я сказала.

— А мужчина... боже, настоящий джазовый музыкант! Я угадал?

— Это Миша. Мишка Подлый трус. Он поет в кафе «Армстронг» в Воронеже. Я там работала в позапрошлом году.

— А эта женщина?

— Владилена. Хозяйка того самого кафе. Сейчас сплошняком пойдут фотографии моих друзей. Ты попал на опасную тропинку.

— Почему же?

— Потому что по этим фотографиям вполне можно прочесть всю мою жизнь.

— Да, видно, что ты любишь этих людей. Такие душевные фотографии, по-другому и не скажешь. Хотя здесь все фотографии прекрасны. Даже те, что со мной — и не сочти это самолюбованием, — он вернул мне фотоаппарат.

— Не сочту. Но... я могу счесть это комплиментом?

— На все 100. — Мы улыбнулись друг другу. Повисло молчание.

— Да, — я поспешно вскочила. — Давно хотела тебе подарить кое-что.

— Мне? — изумился он.

— Не пугайся, это непосредственно связано с тобой.

Я покопалась в своей сумке и достала одну распечатанную фотографию.

— Вот. Это тебе.

Я передала ему фото. И знала, что он видит сейчас. Только вот не знала, что чувствует, потому что помнила его настроение в тот день.

Серенький морозный день, снег на платформе, разметаемый ветром, злые, жгущие точки. Фигура в черном пальто, руки в карманах, голова полуопущена, грустный профиль, точеный подбородок, прямой нос, глаза закрыты. А на заднем плане — люди, которые — уж не знаю, как так получилось — будто выстроенной толпой двигались к этой фигуре. Угроза или надежда?

Не знаю, быть может, я размечталась, глядя на эту фотографию.

Вдалеке идет поезд, рельсы видны. Не знаю, в этой фотографии чувствовалось настроение мрачного предчувствия, даже я это понимала, хоть и взгляд мой был субъективным.

— Боже, Варька, — сказал как-то Никита, увидев эту фотографию среди прочих, распечатанных мною. — Это же шикарно.

— Ты думаешь?

— Совершенно точно. Как тебе удалось все это выстроить?

— Это не постановочный кадр, — заметила я.

— Серьезно?

— Абсолютно.

Никита покачал головой.

— Вот долби тебе не долби, ты все равно ничего не захочешь понять. Но у тебя талант, ты понимаешь это?

— И что я с ним буду делать, шубу сошью? — мило поинтересовалась я, пряча фотографию в сумку. Она была одной из любимых у меня.

— Нет. Но можно организовать на журфаке выставку. Набирай фотографии, Переверзев с руками оторвет это, когда увидит!

Переверзевым звали преподавателя. Один из лучших на факультете, хотя не мне судить, наверно. К тому же, с заслуженным именем.

— Я покажу ему, конечно, покажу, — я давно хотела сделать это.

— После сессии у нас будет распределение по специальностям. Ты уже решила, куда подашься?

— Да, — кивнула я сосредоточенно. Уж хоть в чем, а в этом я была уверена. — На кафедру визуальной журналистики и дизайна периодической печати.

— Я знал, — Никита улыбнулся.

— К тому же, я начала разбираться с версткой самостоятельно... думаю, это то, что нужно.

— Ты меня поражаешь! — закатил он глаза. — А еще стонешь мне по вечерам, что ни на что не годна!

— Да когда ты по последний раз вечером дома был, помнишь? — заинтересовалась я, ставя кружки с допитым чаем в раковину.

— В... сентябре, — засомневался Никита. — Нет, ну в сентябре точно был!

— А сейчас уже октябрь, — фыркнула я.

— Ладно, я опаздываю, — заторопился мой дружок, закидывая какие-то бумаги в сумку.

— Вот-вот.

— Хватит, Трубецкая.

— Конечно, хватит, — ухмылялась я, закрывая за ним дверь.

Я молчала, укладывая фотоаппарат в сумку. Артем тоже. Он долго рассматривал фотографию.

— Я уже и забыл про тот день, — тихо ответил он.

— Про тот день или про то, что я сделала снимок? — проницательно переспросила я.

— Про снимок, — он протянул его мне.

— Возьми себе, — предложила я. — Я себе сделала копию. Ты же хочешь оставить?

— Да.

— Бабушке покажешь.

— Нет, бабушке как раз лучше не буду показывать.

Я помолчала, потом снова села рядом на парту.

— Может, расскажешь, в чем дело?

Он будто очнулся. Потер лоб, спрятал снимок.

— Расскажу. Как-нибудь в другой раз, ладно?

— Конечно, — я пожала плечами.

— Ну что? — он будто заставил себя улыбнуться. — Пойдем в кафе? Я же обещал.

— Да нет, знаешь, я... — я судорожно нацепила пальто. — Мне еще нужно одной нашей студенческой газете с версткой помочь. Так что я наверно сегодня всю ночь буду сидеть.

— Ну ладно, — он оделся. — Но за мной должок.

— О да, — я улыбнулась.

— Скоро Первокурсник. Ты будешь мне нужна.

— Я же снимаю, — коридор, по которому мы шли, был пуст и темен. Мы засиделись.

— Ну да. Я имею в виду репетиции. Я подумал, вдруг ты захочешь помочь нам с танцами?

— Я? — я удивилась. — А как же Алла?

— Она отказывается. У нее работа, выступления. Хотя ей, конечно, жаль. Это же наш последний год. Ну так что?

— Ладно. Я постараюсь.

И уже на улице, раздраженно:

— Стрелин, когда ты уже сменишь машину! Эта же вышла из моды!

Он рассмеялся.

— А ты что, что-нибудь в моде понимаешь?

Сидя в его машине, выкруливающей со стоянки, я вдруг вспомнила прошлое первое сентября и девчонку, которую облил из лужи популярный красавец-парень на этом самом месте.

Кто бы мог подумать, что год спустя он скажет так просто: «Ты будешь мне нужна... Я подумал, вдруг ты захочешь помочь нам с танцами?»

Боже мой, неужели ты влюбляешься в него, Трубецкая?! Да нет, хватит тебе! Спустя столько времени...

А потом началось что-то несуразное. Будто я попала в старый кошмар, точнее нет, не кошмар. Просто неприятный сон с кучей тяжелых воспоминаний.

Одно лишь отличие.

Все это происходило на самом деле.

А началось все с Анжелы. Да-да, моя старая знакомая Анжела. Накануне моего Дня рождения она позвонила и попросила встретиться с ней. Она была в Питере. Просила настойчиво. Сама не знаю, почему, но я не стала отказываться.

Она откидывается на спинку высокого кресла, выуживает длинными пальцами сигарету из пачки, закуривает. Делает глубокий вздох, в бессильном раздражении стряхивает пепел в пепельницу, делает еще одну затяжку. Тушит сигарету.

Встает с места, подходит к окну.

Она ненавидела типичные жесты. А этот жест был типичен с ног до головы — просто как в кино.

...Невысказанные слова подобны напряженным моментам в знаменитом танго Карлоса Гарделя *Pur uno cabeza*. В такие моменты между двумя людьми возникает чувство, которому сложно подобрать название. Нет, название-то подобрать можно, но вряд ли любое из подобранных слов будет полноценно отражать то скопление чувств и эмоций, характеризующих притяжение двух людей.

Ничто так не объединяет людей как танец. Тесные объятия, переплетения рук и ног, быстрые вращения, чувство неотделимости от человека, который ведет тебя в танце...

Недосказанность между двумя людьми также скрепляет двух людей незримыми узами.

Вроде и кажется, что все это бред, но едва человек, зацепивший тебя туманными речами, скроется с твоих глаз, как ты сама (сам) начинаешь искать его в толпе, выглядывая среди стандартных лиц такое же, казалось бы, еще две минуты назад, стандартное, но уже по-своему отличное от простой серой массы.

Невысказанные слова разъедают мозг. Проходит время, и ты думаешь, думаешь, думаешь, и только о сказанном; только о сказанном ЭТИМ человеком.

Впервые мне пришла в голову мысль сравнить танец с невысказанными словами лет в четырнадцать, примерно тогда, когда я получила свой первый жизненный урок.

Я тогда часто танцевала. А еще у меня была любимая забава: я вставала посреди комнаты и начинала вращаться вокруг своей оси — долго, быстро, раскинув руки в сторону. Вращение было даже немного безумным, совершенно не осознающим последствия — в любое мгновение мне могло стать плохо, я могла потерять координацию и рухнуть на пол, и свалить еще кучу людей, но, даже зная это, я продолжала так делать. Мне сложно было объяснить, почему я, уже в общем-то взрослая девушка, продолжала заниматься подобной ерундой, будто мне вчера исполнилось восемь лет.

Я осознавала, что никто не сможет меня понять и сочтет за ненормальную, но и объяснить это так, чтобы стало ясно всем сразу, я была не в силах.

Кружась, я завидовала бабочкам, и чувствовала себя так, будто я и в самом деле была такой вот бабочкой, а потом меня посадили в клетку. Если объяснять это на человеческий, но такой же безумный лад, это было то же, что прокатиться по длинным-длинным перилам своего подъезда. Вот ты летишь вниз по гладким перилам и чувствуешь, что вместе с твоим телом вниз рухнула и душа, только летит она быстрее тела, обгоняя и досадуя, что тело разучилось отрываться от земли и воспарять небесам. Тело уже давно не легко на подъем; оно же втягивает в себя и душу, которая просто не способна на сопротивление в такой ситуации.

Так вот, с тех самых моих четырнадцати лет я больше не кружилась. Бабуля, мамуля и все прочие облегченно вздыхая, покачивали головой и говорили друг другу, что вот, мол, наконец-то, «подросла девка-то, подросла!» И из этих многозначительных возгласов незнакомому человеку можно было сделать вывод, что я не кружиться перестала, а избавилась от пагубного влияния наркотиков. Но на тот момент меня почему-то мало волновали наши семейные причуды.

Итак, кружиться я перестала. Танцы тоже вскоре (не сразу) отошли на задний план. Стиснув зубы, я говорила всем, что пора, наконец, заняться серьезным делом и готовиться к поступлению. Стиснув зубы, я перестала искать связь между танцем (или кружением) и невысказанными словами. Собственно говоря, это стало уже не нужно, а танцы только напоминали о совершенно ненужных вещах.

Так зачем же я думаю об этом сейчас?..

Осознав, что меня ждут, я инстинктивно протянула руки к окну и распахнула его. В комнату тут же ворвался благодатный шум капель по крыше и запах мокрого асфальта.

Я тут же обернулась к своей спутнице, которая навеяла мысли о невысказанных словах.

Анжелика тоже пользовалась этим приемом, только вот, к сожалению, с совершенно непонятными мне целями.

— Всегда любила дождь, — стараясь выглядеть несколько легкомысленней, сообщила я, возвращаясь к столу. Мы сидели в кофейне на Невском.

— Я помню, — усмехнулась она лениво.

Господи, а ведь когда-то я терпеть ее не могла. Мне было ее жалко, и все такое, но она действительно была достаточно неприятной истеричной девицей. И мне казалось, что отчасти она доставляет мне некие неприятности.

Но что же изменилось сейчас, ведь теперь она никакого отношения ко мне не имела?! Да ничего. Я по-прежнему терпеть ее не могу.

Мне вдруг захотелось уйти отсюда, и больше никогда не возвращаться. И если бы не ее просящий голос в трубке, я бы так и сделала, даже не узнав, зачем она приглашала меня. А там, где не гуляют призраки прошлого, репетиция Первокурсника. Актовый зал, шестой этаж, журфак.

Танцоры, взмыленные, сидят на полу, а Алла (которая все-таки согласилась ставить танцы) подгоняет их и говорит, что из-за этих блаженных минут на грязном полу, они упускают шанс завоевать для факультета победу. Ничего не меняется. В прошлом году все было абсолютно также.

Периодически появляется Стрелин проверить, как у нас дела с репетициями, смеется вместе с Насмешевой, а когда замечает мою вспышку и слышит щелчки затвора (я много фотографировала — составляла хронику Первокурсника), тут же строит жалобное выражение лица, чтобы я его простила. Наша общая шутка. Я совсем не обижалась из-за того, что Алла ставила танцы, а он прекрасно знал об этом.

А когда репетиция заканчивалась, мы все долго спускались по ступенькам, чтобы поторчать у окна и полюбоваться на превосходные виды на Исаакиевский. Его было видно и с 5-го, и с 6-го этажа. Именно поэтому мы тащились вниз не меньше получаса, обсуждая все на свете.

На эти репетиции по вечерам собиралась вся компания Стрелина, не только перваки, и в темноте при свете фонарей я фотографировала лица. До такой степени, что кто-нибудь не начинал вопить, что «Трубецкая — въедливый папарацци!»

Со вздохом я вернулась с репетиции в кофейню и посмотрела на Анжелу, подумав, что устала от ее ужимок и прыжков.

Что следует при встрече сказать человеку, которого терпеть не можешь?..

«О, какие люди!»

«Знаешь, а ты совсем не изменилась... Вот только тебе не помешало бы брови выщипать и покрасить волосы, а то корни некрасиво торчат!»

«Простите, а мы что, с вами знакомы? Я вас не знаю...»

А если просто пройти мимо?

Я ненавижу малодушие. Я активно пытаюсь его в себе победить.

Я не знала, как разговаривать с Анжелой, ну а про то, что ей говорить, я даже не подумала — она сама позвала меня.

Я знала, что помимо воли изучаю ее, и я также знала, что она намеренно изучает меня. Или тоже помимо воли?

Мысли грозили утянуть меня за собой на дно. Я быстро подняла голову, встретила с девушкой взглядом и протянула:

— Так ты хотела о чем-то со мной поговорить?

Она, казалось, была совершенно спокойна. Быстро перевела взгляд с моего лица на чашку кофе перед собой, потом снова на меня и проговорила:

— Ты давно видела Максима?

Пожалуй, ни у кого не получилось бы вывести меня из равновесия так, как это сделала Анжела одним своим вопросом.

В голове зашумело, звуки отдалились, я быстро помотала головой:

— Почему ты спрашиваешь об этом у меня?

— Так ты что-то знаешь об этом?

Ага. Перешла к своей излюбленной манере — отвечать вопросом на вопрос. И делала она это не потому, что не хотела отвечать на вопрос собеседника, а лишь потому, что не считала собеседника настолько важной птицей, чтобы слушать его вопросы.

— В последний раз я видела Максима в Германии.

Пожалуй, не стоит сейчас упоминать о нашей, кажется, встрече в питерском метро. Пожалуй, я еще сама не решила, был ли это он или кто-то другой, необыкновенно, необъяснимо похожий. Да нет, конечно, не он!

— А что случилось?..

— Ничего, — буркнула она, уставившись в чашку кофе.

— Ты думала, мы встречаемся?!

— Только не надо говорить, что не знаешь, как он любил тебя!

Я потерла лоб. Выносить ее больше не было сил.

— Анжел, к чему этот разговор? Год, полтора года прошло, как я не видела его, а мы все переливаем из пустого в порожнее. Зачем тебе это, к чему?

— А вот это уже не твое дело.

— Насколько я его поняла, он никого не хотел видеть из воронежской компании.

— Он не хотел видеть тебя!

— Так думаешь, тебя бы он захотел видеть больше?

— Ничего я не думаю, — она смотрела в окно, отчаяние застыло в ее глазах. К чему это...к чему эти самобичевания? Если постоянно ковыряться в ранах, они никогда не заживут. Проверено и одобрено еще в детстве, все знали это!

— Забудь о нем, — наклонившись, посоветовала я.

— Как забыла ты, да? — едко поинтересовалась она. — Ах, зачем же забывать, он же всегда был для тебя пустым местом!

Я выпрямилась.

— Не понимаю, зачем продолжаю сидеть здесь. Какого черта ты поперлась в Питер? — не выдержала я.

— Я не из-за Максима ехала, — признала она. — Меня пригласили.

— Вот оно как. И мимоходом решила выведать о бывшем парне? Ты прекрасно все знаешь. Неужели ты думаешь, что Максим с его гордостью и самолюбием вернется к тебе? Бывшие должны оставаться в прошлом, а ты не теряй достоинства.

Она блеснула глазами.

— Самая умная, да?

— Нет. Просто сейчас я права, и ты это знаешь. И с самого начала знала, что это глупая идея.

— Ладно, успокойся, Трубецкая. Тебе все равно меня никогда не понять. А я просто хотела узнать, что с ним происходит.

Я не видела смысла больше сидеть здесь.

— Знаешь, я очень даже хорошо тебя понимаю, — сказала я, вставая и одеваясь. — Нечего воображать, что ты одна такая глубоко и тонко чувствующая особа. Просто не

заикливайся. Я серьезно. Не воспринимай этот совет, как от меня, обернись по сторонам. Я знаю, что бывает, когда засасывает в трясину, из которой не хочется выбираться.

Звякнул колокольчик входной двери. Я побежала к метро прямо по лужам, под дождем.

Став под навес и спрятавшись за колонну, где меня не толкали люди, я набрала по памяти номер.

— Почему, черт побери все на свете, ты не сказал Анжеле, что Максим учится с тобой?! — я была вне себя от злости. И знала, что он продолжает общаться с Максимом, и достаточно близко.

— Да потому что он попросил меня! Попросил не говорить ей! — Слава Богу, хоть не стал отпираться, что это он дал ей мой номер телефона.

— Она достала меня! Она думает мы с ним встречаемся или что-то там... Почему он не может разобраться с ней нормально?

— Да потому что это невозможно, — достаточно жестко возразил Марк и добавил с заметно спавшим пылом: — Она так и не поняла то, что понял Максим. И должна понять без всяких слов, сама!

— Понять что?

— Что надо отступить! Надо отпустить. Быть достаточно смелым, чтобы первым уйти в сторону, как это сделал он...

— В случае со мной, — тихо вздохнула я.

Я подставила лицо ветру, трубка с голосом Марка казалась тяжелым камнем в руке. Так и хотелось поддаться слабости и разжать пальцы...

— Когда же это все закончится, а, Марк? — прошептала я.

— Не знаю, — честно признался он.

— Спасибо за ответ.

— Ты знаешь, а ведь он сильно изменился.

— Изменился? — севшим голосом переспросила я.

— Да, я его почти не вижу, он устроился на работу, а когда не работает то целыми днями мотается по городу и снимает. У него куча идей, он подружился со сценаристами, говорит, что контакты пригодятся. Поддерживает связь с Яшей, а тот познакомил его со своими друзьями в кино и театрах. Так что он высоко полез. Смеясь, говорит, что никогда не думал, что будет так увлечен. А еще он...

— Да? — подхватила я.

— Он стал... откровеннее, что ли. Раньше мы никогда не разговаривали так много, так открыто. И он доверяет мне. Это здорово, Варька.

— Ты прав, он изменился.

Максим, который открыто все рассказывает о себе и доверяет кому-то... Ладно, хорошо, что он... что все налаживается.

Зал был пуст. Репетиция еще не началась. Я задумчиво прошлась по сцене, бросив пальто на какой-то стул. Мне просто необходим был выход эмоций сегодня и это мог дать только танец. И не просто какой-то танец. Тот, что я не танцевала уже почти два года.

И тут я услышала шаги.

Он замер на краю сцены, скрестив руки на груди, окинул пространство вокруг грозным немигающим взглядом.

— И что тут происходит?

Я пересекла сцену и оказалась напротив него.

— Замри. Сегодня мы будем танцевать.

— Естественно. — Усмехнулся он. — Только вот где все?

— Это неважно. Ты не понял. Танцевать будем мы с тобой. Танго.

— Что? Ты обалдела?

— Куртку бы я на твоём месте все-таки сняла. — Я отвернулась от него, боясь не выдержать этого взгляда, и пошла к музыкальному центру. Стрелин, конечно, был упрям, но и я сегодня сдаваться не собиралась.

Мне во что бы то ни стало нужно сегодня танго.

Я знала, что в Алиной коллекции есть все, что угодно. А как бывший танцор бальных танцев, она должна была иметь в своей коллекции и этот сборник.

Ну где же он?.. Да. Я поставила диск и комнату огласило знаменитое *Por una cabeza*.

Он все еще глупо стоял посреди зала.

— Я вышвырну тебя с репетиций. Они сводят тебя с ума, — мрачно заявил он.

— Снимай. Или помогу.

Я почти стянула с него куртку. Швырнула в сторону.

— Эй, ты знаешь сколько она...

— Помолчи, пожалуйста.

Критически обойдя его со всех сторон, я встала прямо перед ним и взглянула ему в глаза. Для этого пришлось поднять голову.

— Я не умею, Трубецкая!

— Руки вот так. Не так низко. И осанка — не полы мыть собираешься!

— Ох, спасибо, а то я...

— Больше слушай и делай!

— Я не умею, ты понимаешь?! — взмолился он.

— Я-то все понимаю. — Мрачно процедила я. — Но здесь не нужно быть гением. Надо просто почувствовать музыку. Вот слушай...

Мы замерли, обняв друг друга. Артем поднял голову, прислушиваясь.

Гардель ни на секунду не подвел. Вот опять припев — тот, от которого по телу бежали мурашки. Музыка, от которой почему-то всегда хотелось плакать.

Я поставила диск еще раз, вернулась к Артему.

И мы начали...

Он не врал мне. Он не умел танцевать. Абсолютно. Просто потому что не танцевал никогда. Но все когда-нибудь бывает в первый раз.

И мы не сразу смогли станцевать наш полноценный танец. Но все было проще, легче, естественнее, чем я могла ожидать.

— Ай!

— Что?

— Ничего, не обращай внимания. Что-то опять ногу кольнуло.

— Это я, да?

— Не льсти себе. Просто медведь мимо пробежал.

Андрей в этом плане всегда был великолепен. Технически точен, профессионален — мастер своего дела, ни разу не наступивший мне на ноги. Но он не дарил себя. Не растворялся в чувствах. Он не терял контроля, и разум всегда был его помощником в танце.

Максим? Максим был хорош. Он прекрасно танцевал танго. Но не для меня. А для той мифической девушки — образа — что витала в его голове. Он самый настоящий актер. И он

дарил тебе всего себя без остатка, но лишь затем, чтобы потом забрать все назад и подарить кому-то еще.

А Артем... Этот богатенький, уверенный в себе и в завтрашнем дне парень, поминутно дергающий меня, злящийся, переспрашивающий, наступающий мне на ноги, совершал еще множество ошибок, но... был естественен, как никто. И мы станцевали именно то танго, которое было мне нужно в тот день и час. Да и вообще, в любое время суток это было мое танго. То, которое полностью подошло мне.

Мы совсем забыли о времени. Остановились только когда раздались аплодисменты, и мы обнаружили вокруг себя толпу — танцующих первокурсников и друзей Стрелина.

Но мы просто замерли. Он не отпустил мою руку. Мы стояли, улыбались, смеялись, подшучивали, прощались, разговаривали, ждали пока все переоденутся, и при этом все время стояли рядом. Было легко не замечать свою руку в его руке. Было тяжело не замечать свою руку в его руке. И когда мне пришлось вырвать эту проклятую руку, я встретилась взглядом со взглядом Артема.

Подарив мне тепло своих глаз, он слегка выпрямился, вскинул голову, насмешливо улыбнулся и... испарился.

И я осталась одна посреди сцены.

А дома меня ждал сюрприз.

Я открыла дверь своим ключом. Совсем разучилась звонить — Никиты почти никогда не было дома. Но на пороге услышала голоса из кухни. И подумала сначала, что ослышалась. Трепался о своей работе Никита, в перерывах жалуясь на запущенную учебу, а ему поддакивал и вставлял свои веселые комментарии со смешинками в каждой фразе...да нет, не может быть.

Но вот я шагнула в кухню и не поверила своим глазам:

— Грозовский! Это ты? — почему-то шепотом осведомилась я.

— Я, — Марк покрутился во все стороны, чтобы я могла как следует его рассмотреть.

— Да хватит тебе, этого не может быть! Я же с тобой два часа назад разговаривала по телефону.

— При мне это было. Все при мне, — поддакнул Никита, жуя яблоко и внимательно обозревая сцену на его глазах.

— Так это правда ты? Марк! — я всегда так по нему скучала, что все замирало, когда я его видела.

Мы прыгали по кухне, как ненормальные, обнимались и теребили друг друга, едва не свалив холодильник. Никита чуть не подавился от хохота.

— Это мой сюрприз к твоему Дню Рождения.

— Подожди, ну а если бы дома никого не было? Как ты вообще один добрался?

— Его встречал я, — поднял руку Никита.

— А откуда он узнал твой номер телефона?

— Я стащил его из твоего телефона, — скромно потупил взор Марк. — Еще летом.

— Он позвонил мне, и я решил, что ради такого дела, можно забыть и о телевидении.

— А я решил, что ради такого дела можно забыть и об учебе, — подхватил Грозовский.

— А вы спелись, я смотрю.

Эти двое переглянулись и рассмеялись.

— И вообще, Варька, с наступающим.

— Заранее не поздравляют.

— Так осталось-то всего часа два.

Раздался звонок в дверь, и ввалилась Мика.

Я встретила ее на пороге.

— Ох, я опоздала, — заявила она раздосадовано, встряхивая мокрый зонтик и входя в коридор.

— О чем ты? — невинно поинтересовалась я.

— Так я не опоздала? Где Никита?

— Я здесь, — отозвался он и из кухни послышался новый виток смеха.

— Черт, я опоздала! — топнула она ногой. — Дорогу развезло, на мосту авария! Ох!

— Ладно уж, заговорщики! Входи.

Марк галантно вскочил при появлении Мики.

— А когда я вошла, никто так не вскакивал!

— Так у тебя же День Рождения, — рассмеялась Мика, глядя на Марка.

— Ах, вот оно в чем дело, — закатила я глаза, садясь рядом с Никитой и наблюдая за интересной картиной.

Грозовский поклонился и поцеловал моей подружке руку.

— Фу ты, ну ты, какие церемонии, — заметила я Никите. — Я еще такого никогда не видела. Хотя...на свиданиях я на его ни разу не присутствовала.

— Так вот он, тот самый Марк, о котором я столько слышала.

— Так вот та самая Мика, о которой столько слышал я.

— Ты поосторожнее, Мик, он же все-таки актер, — заметил Никита.

Грозовский осторожно показал Киту кулак.

Мы рассмеялись.

— За что люблю своих друзей, так это за самые неожиданные подарки. Знаете, ребят, возможно, вам всем стоит открыть контору, которая будет организовывать Дни Рождения. Ну, там, сценарии расписывать, исходить из тайных желаний клиента.

— Будем считать, что если не найдем себе работу по профессии, то займемся этим, — откликнулась Мика.

Я наплевала на занятия, и мы весь следующий день бродили с Марком по Питеру. Дождя не было, но осень всю уже вступила в свои права. На моей любимой Университетской набережной мы задержались. Я фотографировала. Ветер разметал осенние разноцветные листья. Они обгоняли прохожих, падали в воду и грустно светились в темной воде Невы, от которой шел влажный холодный воздух.

Время от времени наш неспешный разговор о том о сем нарушался звонками с поздравлениями. Мама, граф, бабушка, Тоня и Толя — одновременно крича в трубку и прерываясь смехом, Борис, Смирнитский, однокурсники, Маша и Ваню из коллектива Насмешевой, Стрелин, кое-кто из бывших одноклассников, Мишка, Владилена...

И даже Андрей написал сообщение. Со звонками, видимо, решил не рисковать, ну что ж...

Я рассказывала о репетициях Первокурсника, о вечерних огнях, замираниях на шестом этаже, студентах на полу, танцах, как успокоении, и работе в газете, с которой собралась уходить.

— Что-то в голосе твоём мало радости, Варька, — сказал Марк, когда мы ехали в метро Невский встречаться с Микой и Никитой.

— С чего ты взял? — встрепенулась я. — У меня все нормально.

— Не знаю, просто должно быть не нормально, а хорошо. А у тебя все как-то... неярко очень.

— Просто осень. Хотя это глупости, конечно, никогда не испытывала хандры из-за времени года.

— Вот-вот.

— Не знаю, Марк. Я уже думала об этом, поверь мне. Но решила пустить все на самотек. Время покажет, что так, а что нет. А сейчас я не знаю, чего хочу.

— Может быть, в этом вся и проблема? Ты ведь такой жизнерадостный человек. Ты в сто раз оптимистичнее любого оптимиста!

Я рассмеялась.

— Да нет, это правда. Но сейчас ты не такая.

— Может быть, дело в том, что я хочу слишком многого? И танцевать, и работать, и фотографировать, и учиться, и...

— И жить, любить. — Закончил он, поднимая брови. — Я знаю, понимаю тебя. Но правда жизни в том, что нельзя хотеть слишком многого. Каждый человек хочет именно столько, сколько может осилить. Столько, сколько у него способностей, планов, талантов и... не знаю чего. Ты не так уж и многого хочешь. Поверь мне. И в любом случае, это неплохо.

— Знаешь, все так говорят мне: разберись, посмотри на себя со стороны, открой глаза... Но это же непросто. Нельзя просто захотеть решить проблемы и тут же решить их. Тогда никто бы не говорил, что жизнь сложная штука. Поэтому, наверно, я хочу пустить все на самотек. Быть может, это как раз тот случай, когда ответы на вопросы приходят во сне, — закончила я с улыбкой.

Марк улыбнулся и положил руку мне на плечи.

— Я люблю тебя, Варька.

— А я тебя.

Мы сидели напротив пустого места и могли спокойно видеть свои лица в темном окне поезда.

Черноволосая девушка с торчащими во все стороны кудрявыми волосами в синем свитере и черном пальто и худощавый парень с копной Макаревича, завязанною в хвост, с теплыми шоколадными глазами, в светлой жизнерадостной куртке и желтых перчатках.

Чего они ждут? О чем мечтают? Да все о том же. Все мы одинаковы в своих желаниях. Но найдут ли это? В конце концов, не может быть, что были счастливы все; чтобы все получили то, что хотели. Так зачем же пытаться заглянуть в будущее, если оно может нам совсем не понравиться?

— Знаешь, все это неважно, — сказала я, улыбнувшись, и парень в темном окне напротив посмотрел на черноволосую девушку. — У нас есть сегодняшний день, и я рада, что сегодня ты рядом, а не в Москве, рада, что мы оба в Питере, рада, что сегодня мой День Рождения! А то, что будет завтра, будет только завтра.

Марк долго смотрел на меня, потом улыбнулся черноволосой девушке в окне:

— Здравствуй, Варвара Трубецкая.

— Здравствуй, — ответила она.

Я дотянула до конца экзамена по зарубежной литературе, сдала заполненную зачетку, а потом свалилась с головной болью. У меня бывало такое — редко, но метко — голова

начинала болеть, как будто кто-то бился в нее изнутри. Как ехала домой, помню смутно, в автобусе и в метро старалась сидеть с закрытыми глазами — как только открывала, «стук изнутри» становился сильнее. Дома таблетки я не нашла. Подумала, что до аптеки мне уже не дойти и медленно, контролируя каждое движение, легла на диван. Но легче не становилось. Позвонила Никите, старалась говорить спокойно, но видимо он уловил что-то странное в голосе, потому что серьезно (а это с ним бывало нечасто) осведомился у меня, что случилось.

Видимо, голос мой действительно меня подвел, потому что до дома он добрался в рекордно короткие сроки.

— Слушай, как бы ты не заболела, мать. У тебя температура, — он принес холодное полотенце — положить мне на лоб — и предусмотрительно перед этим пощупал его.

— Глупости какие, — я попыталась сесть, но перед глазами закружилось. — Просто голова болит, сейчас пройдет. И все.

— И все. Как же! Как бы билет не пришлось сдавать.

— Ты что, с ума сошел? Какой билет! Я хочу домой, вот и поеду! Сейчас голова пройдет, подхватчу сумку и поеду.

— Ты смотри, знаешь ли, не переусердствуй! А в поезде сломаешься? Так там не будут спрашивать — просто в больницу ближайшего населенного пункта увезут и привезут!

— Слушай, — у меня даже получилось выдавить что-то вроде смеха, — ну что ты выдумал мне здесь целый ужастик. Бывает, что у меня голова болит, но скоро пройдет. Подумаешь, важность! У тебя, что ли, не болит?

Никита махнул рукой и сел в ногах дивана.

— Глупая какая... — начал он, но тут раздался звонок в дверь.

— Вот-вот, дай мне полежать спокойно.

Он вышел и прикрыл за собой дверь, но в коридоре стали раздаваться что-то уж чересчур оживленные голоса. Потом дверь открылась, и вошел Никита, а следом — Микин папа, которого я видела всего раз. Это был немного потрепанный годами, но довольно крепкий мужчина. Сейчас у него была небольшая отросшая борода, которой не было прежде, и красные воспаленные глаза.

Я рывком села на диване, держась за полотенце на голове.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте! — угрюмо кивнул он. — Ее здесь нет?

— Кого нет?

— Я же вам сказал, что нет, — сдержанно и мрачно откликнулся Никита.

— Мне надо было посмотреть лично, — рывкнул он в Никитину сторону. — Варвара, когда вы в последний раз видели Мику?

— Вче... нет, позавчера. В университете.

— Точно?

— Конечно.

— И она не говорила вам, что собирается куда-то поехать или у кого-то пожить? — на последнем слове голос его дрогнул.

— Нет, конечно. А что случилось?

— Она пропала позавчера. Точнее...

— Вы поссорились? — догадалась я.

— Просто повздорили! — рывкнул Микин папа в сторону. — Эта девчонка вообще

перестала меня слушать! Совсем! Как будто я не горбачусь на нее!

— Я не знаю, где она. Но может быть она у кого-то из друзей?

— Не знаю... я не знаю всех номеров ее друзей.

— Может быть, мы с Никитой попробуем обзвонить, кого знаем, а одноклассников, может, попробуете вы?

— Я попробую, конечно, но...

— Она найдется, уверяю вас, — заметил Никита. — Сколько раз она уже уходила из дома и ночевала у друзей.

— Скорее всего, она у того парня! — высказался ее отец.

— У какого? — мы насторожились. Мика уже давно (по ее меркам) ни с кем не встречалась, и это стало своеобразным предметом шуток.

— Когда мы... поссорились, она, кричала, что теперь-то уж нашелся повод съехать от меня и выйти, наконец, замуж. Что она как раз присмотрела кандидата.

— Она так сказала?! — широко открыла я глаза. Она ничего нам ни про кого не рассказывала. Я переглянулась с Никитой и поняла, что он думает о том же.

Мика всегда рассказывала обо всех своих парнях. У нее эта информация совершенно не держалась в тайне. Ее веселило обсуждать свои похождения и своих парней. Наверно, потому, что она ни в кого еще серьезно не влюблялась. Как правило, разочарование происходило очень быстро, и, смеясь, она говорила: «Сегодня расправляюсь с еще одной жертвой! Пожелаем ему удачи».

И то, что сейчас она не стала рассказывать о своем очередном увлечении, было очень странно. Почти невероятно. Скорее всего, она это лягнула, чтобы позлить отца.

Но мы с Никитой благоразумно не стали ни о чем говорить. Одновременно мы принялись уверять ее отца, что тогда она скоро должна сама объявиться и даже нечего волноваться.

— Скоро устройте ей хорошую трепку, когда объявится! — ляпнул Никита. Я поперхнулась словами, которые хотела произнести, а Микин папа, кажется, уже не слушал нас.

Едва дверь за ним закрылась, я вскочила с дивана.

— Это очень странно. Очень странно. Она ничего тебе не рассказывала, точно?

— Да нет.

— Мне не нравится это, — я села на диван, потом посмотрела на часы и снова вскочила.

Больная голова уже проходила, а время отбытия в родной городишко приближалось.

— Я по дороге попробую обзвонить ее неуниверситетских друзей, а ты займись ее одноклассниками, ладно?

— Только вот почему она нам ничего не сказала? — тихо заметил Кит.

Я натянула до конца свитер, взяла сумку и повернулась к нему.

— Но это ведь ничего не значит, так? У нее полно друзей.

Никита не отличался таким оптимизмом.

— Не знаю.

Все звонки мои упали в никуда. Никто ничего не знал. В поезде, едва я только зашла и отошла от мороза, у меня снова заболела голова. Хорошо, что Никита переключился на Мику, хотя... вряд ли он смог бы меня остановить.

Но дело могло бы и дойти до слез, если бы пришлось остаться одной в Питерской

квартире.

И вообще, я не заболела, ну что за глупости! Я в последний раз сто лет назад болела. У меня крепкий иммунитет. И плевать, что горло болит, только у дураков оно не болит зимой!

...Когда я в следующий раз открыла глаза, за окном было светло. Я лежала не у себя, а в зале — не хотелось болеть в своей детской комнате. Я в те дни только и делала, что спала, проваливаясь в мутный сон без лиц, от которого потом оставались лишь неприятные воспоминания и мокрая подушка. Периодически выплывало лицо бабушки, которую я умоляла не рассказывать ничего маме. Потом бабушка исчезала, я встряхивала одеяло и ворочалась с боку на бок. Но все тело болело, глаза страшно было поднять, а голова не отрывалась от подушки. Кажется, у меня была высокая температура. В квартире было пусто, и я скучала по всем сразу: по маме, Марку, Никите, Мике, и даже по Стрелину. Часто я выключала у телевизора звук и смотрела на картинки. Не хотелось забивать себе голову никакими мыслями, не было сил. Я выбилась из сил уже давно, я устала так, как будто бесконечно бегала пять километров, круг за кругом, даже во сне.

...Я подумала, что схожу с ума, когда увидела его в дверях своей комнаты. А он был вполне реален, мне захотелось даже протереть глаза, чтобы убедиться, что это не сон.

— Привет, болящая, — широко улыбаясь, сказал он. Надо же, и улыбка была вполне реальной — та самая, которую я привыкла видеть.

— Бог ты мой, — сиплым от ангины голосом проворчала я, — Неужели ты тащился в это захолустье из Питера? Даже джинсики выветленные свои любимые нацепил! И свитер... неужели это все ради меня?

— Ты бредишь! — расхохотался он, входя в комнату и подтаскивая стул ближе к моей кровати, чтобы усесться на него. — К тому же не такое уж у вас захолустье, ты преувеличиваешь! Классный город и большой.

— Величина — это у нас теперь показатель крутости, — протянула я скептически, — Как мило. Хотя... я всегда недооценивала Воронеж, это правда.

— Как ты себя чувствуешь? — он слегка сжал мои пальцы, лежащие поверх одеяла.

— А как может чувствовать себя человек с температурой 38? — вопросом на вопрос отреагировала я. — Хоть глупости-то не говори!

— А по-моему ты здорова, — покачал он головой. — Узнаю твою манеру поведения.

— Да, я как всегда мила, не спорю. И я рада, что ты приехал... Хоть и не представляю, сколько времени и бензина ты угрохал, чтобы доехать до меня.

— Тоже мне, — усмехнулся он, — Неужели ты думаешь, что я попрусь к тебе на машине? Да легче новую поддержанную купить...

— Вот она. Горькая правда вылезает наружу, — в преувеличенном неодобрении закатила я глаза. — Откуда ты узнал? Что я болею, где я живу, и вообще, тебе что, нужно было в Воронеж по делам?

— Так. Я заехал к вам, Никита сказал, что ты больная потащилась в Воронеж, я узнал у него адрес, и вот... И вообще, никаких дел у меня здесь нет, ты что, глупая? — сердито выдохнул он.

Я боялась поверить своим ушам.

— И ты не отвечаешь на звонки, на сообщения, — продолжал атаку Артем. — В чем дело?

Я закрыла глаза.

— Телефон разрядился, а зарядку я не смогла найти. Возможно, я мало, где искала, мне

голову еще вчера было тяжело поднимать, а ты мне про поиск зарядки что-то говоришь.

— Это ты говоришь, не я, — примирительно заметил Стрелин.

Мы помолчали, боясь, что сказали и услышали слишком много.

— Я решил остаться до завтра, раз уж я здесь оказался, — улыбнулся он.

— Оставайся у нас, — тут же предложила я. — Одна комната все равно пустует. Мама в квартире этой не появляется, да и, по правде говоря, она завтра улетает с графом в Египет. Ну так что, согласен?

— Вообще-то я собирался снять номер в гостинице, да и как-то неудобно...

— Глупости. — Бросила я. — Ненужные церемонии. У тебя что, куча денег?

— Уговорила, — рассмеялся он. — Мамочка.

— Вот свинья, — вскинулась я, вынимая из его руки свои пальцы. — Провернул все так, чтобы я сама могла тебя уговорить!

— А ты оставила меня, только потому, что тебе было скучно, — не остался в долгу он. — Мы квиты!

Он попробовал пощекотать меня, но, в конце концов, у меня опять начался приступ кашля, я поднялась на руках и села, облокотившись на спинку.

— Ты очень бледная. Сделать тебе чаю? — забеспокоился он. Встал и направился на кухню. Я услышала, как чайник бухнулся на плиту, потом стукнула какая-то дверца.

— Где у тебя варенье? — закричал он из кухни.

— В шкафу, слева от плиты. А вообще-то, ты не боишься заразиться от меня?! — бросила я со своего места.

— Ничего, значит, будем болеть вместе!

— Ага, — усмехнулась я вредно. — Ты надеешься, что я к этому моменту уже выздоровею и буду с тобой нянчиться!

— Я надеюсь, что ты не оставишь друга в беде... — заявил он, входя в комнату с неизвестно где раздобытым старым подносом, уставленным вареньем в пиале, горячей чашкой чая и лимоном в тарелочке.

Это был довольно странный вечер. Но все же удивительный. Артем приехал с вином, без которого, по его словам, мое выздоровление было невозможно.

Мы сидели на моей кровати — у меня даже не поднималась температура — потягивали вино и болтали.

После третьего бокала меня потянуло на воспоминания.

— Мама приходит сюда только на выходные, — поделилась я доверительно, покачивая бокал в свету настольной лампы.

— А... она знает, что ты болеешь?

Я покачала головой, ужасаясь, что было бы, если бы она узнала.

— Ты совсем больная? — поинтересовался он у меня. — Почему ты не сказала?

— Ну, у нее эта поездка в Египет с ее графом, я не хотела, чтобы она отменяла ее. И тут я такая вся из себя — «Алло, мама, я заболела, приезжай!» Понимаешь, получилось бы нехорошо.

— А если бы ты тут загнулась? И я бы не приехал?

— Да ладно, можно подумать, какой супермен выискался, — насмешливо протянула я. — Мне бабка помогала. У меня с ней договор. Она меня лечит, и матери ничего не говорит. А я не буду рассказывать маме про бабкино очередное увлечение, постепенно перерастающее в манию.

— Раньше ты мало говорила о себе, — немного последив за бокалом в моей руке, проговорил Артем задумчиво.

— Раньше кто-то мало спрашивал обо мне, — я слегка склонила голову на бок, не желая встречаться с ним взглядом.

Он сейчас начнет расспрашивать, подумалось мне тоскливо. Хотя, в принципе, рассказывать-то было и нечего. Даже если хорошенько поразмыслить.

— На самом деле, моя жизнь никогда не была очень интересной. Глупость за глупостью — вот это больше похоже на правду.

— Как и у всех, — задумчиво заметил он. — И ты прибедняешься, сто процентов. Потому что я видел те снимки, ты забыла?

— Тогда, — мне пришла в голову идея. — Я не буду ничего говорить. Я покажу тебе этих людей. И сам решишь, интересная моя жизнь или нет. Мы же в Воронеже, помнишь?

— Уж я-то помню, — рассмеялся он.

— Ты был здесь раньше?

— Нет. Меня в последнее время все больше по «за границам» тянет.

— Ну кто бы сомневался! — закатила я глаза.

— Я знал, что ты скажешь это, — он улыбнулся.

— Для того и ляпнул это, ведь правда, Стрелин?

— Нет, если серьезно, то с тех пор, как я устроился на постоянную работу в «ПитерИнТур», меня постоянно высылают за рубеж переводчиком.

— Я думала, ты только в Питере переводчиком работаешь.

— В прошлом году так и было. Пока я был не на постоянной работе. Теперь же я сопровождаю группы туристов, желающих познакомиться с иностранной действительностью, отдельных лиц на переговорах, бывает, приставляют меня еще и гидом. Австрия, Франция, Германия, Англия, Дания.

— ...

— Что?

— Смотрю и думаю, откуда вот это все? Наверное, от бабушки?

— Возможно, — рассмеялся он. — Два языка я знаю благодаря ей. Французский и немецкий. Английский выучил в школе.

— У меня слов нет. Как тебя еще с руками не оторвали? Завидный жених!

Он пожал плечами. Облокотился на спинку, положил мои ноги в одеяле себе на колени. Я наблюдала.

— Подозреваю, что такое легкое пожатие плечами означает, что от невест-то как раз отбоя нет, но принц все колеблется, — заметила я скептически.

— Это ты предположила, не я, — улыбнулся он, доливая остатки вина в бокал.

— Тогда тем более странно, что ты сидишь на моем диване, — серьезно ответила я.

— А на этот счет у тебя предположения есть? — заинтересовался он, внимательно глядя на меня.

— Даже боюсь что-то ляпнуть сейчас. — Отступилась я. — И потом, знаешь, у девиц после болезни и вина не выпытывают ничего такими флюидными способами.

— Ну и словечко!

— А ведь в духе наших бабушек, неправда ли? — подмигнула я.

Я с трудом размотала кокон из одеяла и встала. Захватила свой бокал, прошла к окну.

— Все, хватит. А то я правда еще что-то скажу такое, о чем потом буду жалеть.

Он усмехнулся невесело.

— А если я все жду, кто же из нас скажет первым что-то такое, о чем можно будет жалеть?

— К чему ты это? — я посмотрела на него. Он уперся локтями в столик возле дивана, взъерошил пальцами волосы.

— Ну наверное, чтобы подтвердить для себя, что нам действительно есть, что сказать друг другу.

В комнате воцарилось молчание.

— И ты сейчас уже говоришь больше, чем хочешь услышать, — заметила я.

Занавес, дамы и господа!

И как ты мне предлагаешь реагировать на это? На все это! Ты приезжаешь ко мне в Воронеж из Питера. Из Питера! От иных этого и в период отношений не дождешься, а ты делаешь это сам, добровольно! Хорошо еще не на своей тачке! Ты тратишь уйму сил, устаешь, как собака, вваливаешься ко мне в дом! У тебя улыбка Джона Траволты, у тебя такой взгляд, от которого хочется сбежать подальше, потому что мне и во сне, бывает, снится этот стальной блеск с мутноватым подтекстом на глубине! Ты постоянно улыбаешься, но не мне, а когда смотришь на меня, то будто спрашиваешь о чем-то. Твои слова уже разрушают все мои мысли, так что я полгода ищу, чтобы такого позаковыристее ответить тебе, только лишь бы ты не подумал, что я идиотка. И это только слова (!), в глазах же я читаю еще больше и боюсь услышать потом, что я не умею читать!

Кажется, у меня снова поднималась температура...

— Дай, пожалуйста, градусник, — попросила я, отрываясь от подоконника. — Я, пожалуй, лягу спать.

— Что, плохо? — вскочил он с места.

— Нет, не суетись. — Я села на диван. — Но лучше бы нам не начинать всего этого.

Он посмотрел на меня с высоты своего роста, запихнув руки в карманы джинсов.

— А ты, оказывается, трусиха.

Я не хотела спрашивать, почему. Почему я трусиха?

Потому что я действительно боялась услышать ответ. Потому что я знала, что он скажет.

Ты трусиха, потому что прекрасно знаешь, что мы давно уже все начали...

На градуснике стояло: 38.3

На следующее утро я уже была в состоянии вставать на ноги, хотя мой заспанный сосед утверждал совсем иное. Но я практически не слушала, что он там бурчит — во всяком случае, я уверена, что не пропустила ничего важного, потому что болтал он одну ерунду, что, мол, долечись, а потом выползай на мороз. Я решительно одевалась под его жужжание — все нескучно, почти как радио фоном.

Он естественно тоже не забывал одеваться и, когда он справился с этим нелегким делом, я велела ему идти за мной.

Увидев его машину у подъезда, я присвистнула и сердито обернулась к его невинной физиономии.

— А сам сказал, что машину дома оставил.

Он похлопал длинными ресницами и заметил:

— А тебе что-то не нравится?

— Еще бы. — Но пояснять не стала, наблюдая за тем, как он снимает машину с сигнализации и открывает передо мной дверь.

— И не думай тащиться в свое место пешком, поняла несчастная? — пригрозил он.

— Простудиться боишься? — поддразнила я, впрочем, вполне беззлобно.

Я легко направляла его по старым знакомым улочкам. Последний раз я была здесь почти полгода назад, летом. И я искренне надеялась, что здесь все осталось по-прежнему.

Все-таки некоторые вещи не должны были меняться никогда.

Я знала, куда привезти его. Это тебе не фотографии рассматривать! Владилена громогласно представила гостя посетителям (насколько я знала, здесь было много постоянных, поэтому выходка никого не удивила, кроме Стрелина, конечно) и поволокла к барной стойке, поминутно спрашивая Артема о реалиях жизни, Питера и его самого и, не дослушав, рассказывая о себе.

Баром теперь заведовал, конечно, не улыбочивый солнышко-Анатолий, а некий Иван, тоже приятный весьма парень, но, сидя на своем любимом месте и наблюдая за передвижениями бармена, я все равно скучала по своему другу и по тем временам. Владилена еще даже не вошла во вкус, как следует, потчуж Артема горячим шоколадом и расспрашивая о его жизни, как торжественно вплыл Миша. Перемигнулся с некими барышнями за столиком, «поручкался» с кем надо, расцеловал меня в обе щеки и переключился на Артема, отеснив с поста Владилену. Та замахнулась на певца полей полотенцем и ушла разбираться с поварами, которые что-то разбили на кухне.

— Милейший, — вкрадчиво поинтересовался Миша, потягивая кофе, — А любите ли вы джаз?

Хм, здесь нужен был правильный ответ. Ответ «нет» — пинок под зад и до свидания, ответ «да» — медленная мучительная смерть. Кровоизлияние предусматривается.

Стрелин почему-то бросил на меня взгляд и выбрал мучения.

— Я начал заниматься музыкой в пять лет!.. — о да тут не просто медленная мучительная смерть, но и пережитая два, а то и три раза, потому как, если Михаил начал со своей биографии, он планирует завершить как раз к вечернему выступлению!

Я ехидно поглядывала на Стрелина, заказывала себе еще любимого напитка, болтала с Иваном и жмурилась, как кошка на весеннем солнышке. Истязания над Артемом доставляли мне почему-то удовольствие. Хм, почему бы это?

Время от времени я все же возвращалась к истории Михаила. Мда, десяти минут как ни бывало, а мы еще не уехали дальше десяти лет! Но Стрелин вроде держался, да еще и расспрашивал — а вот это он совсем зря! — и все это, конечно, потому, что он не знает, сколько еще его ждет дальше!

— И ты знаешь, отец мне как-то включил пластинку с записями Луиса Армстронга, и сказал: «слушай, Мишутка, вот это вот джаз!». И я, понимаешь, просто пропал! С тех пор, когда к отцу приходили музыканты — ну, знаешь, они выступали, импровизировали, а потом долго сидели в зале, что-то наигрывали мелодичное — фоном — курили сигары и рассказывали, рассказывали... Ну так вот, я в те дни, спускался в одной ночной рубашке в зал — незаметно прокрадывался, и слушал их истории! До сих пор помню, как зябко было ступням на холодной плитке. А музыканты все рассказывали, и отец все вспоминал, как к нему в бар зашел сам Луи! Представляешь?! Я этого, конечно, не видел, но...как они рассказывали, боже!

— Подождите, но почему же вы вернулись в Россию?

— Мама настояла. Наступили благополучные времена, и мы вернулись. Мне было тогда 15 лет. Но... я не забыл. Я помню все. Все их истории. И музыку, которую искал потом

много лет. Все, что они любили наигрывать, сидя в баре моего отца.

Что-то такое, знаешь, — Мишка вскочил на сцену, поднял крышку пианино, вступил с проигрышем, отщелкал на пальцах до пяти — зал замер, посетители настроились — и заиграл.

У Артема было слегка ошарашенное лицо.

Я расхохоталась.

На шум выбежала Владилена.

— Так, — голосом Табакова возвестила она. — Началось. Жаркие истории. Концерт по заявкам. Часть 1.

— Да это же здорово! — откликнулся Артем.

— Вот, Владушка! — Мишка отстал от пианино и вновь подсел к Стрелину. — Вот человек, который оценит, наконец, по достоинству мой талант.

Они продолжали препираться, Стрелин же смотрел на них и улыбался.

Улыбайся, Стрелин, улыбайся. Ты опять улыбаешься не мне. Хотя... даже если мне, какая разница, вчерашняя шутка ведь все равно не удалась, так что зачем зря напрягать мышцы лица? Все равно я уже несколько месяцев не могу смотреть на твою улыбку. Все равно это лишь какая-то игра. И снова добро пожаловать в мою жизнь, слово «игра»! Давно не виделись, как поживаете?!

Успокойся, презрительно ответила я самой себе. Ты становишься смешна. Что за рулады и пафосные воззвания, веди себя прилично! Стрелин прав, ты просто трусишь!

Хм, да кого ты слушаешь? Парня, вокруг которого эти девицы толпами роятся, даже старая подруга Насмешева и та, кажется, не прочь!.. А куда полезла ты? Решила снова влезть в дерьмо по самые уши, лишь потому, что кто-то забыл предупредить, что не строит серьезных отношений вообще?!

Забудь, с тобой бесполезно разговаривать.

Ну уж нет. Ты выслушаешь до конца! Ты не только смешна и глупа, ты еще, к тому же, бесполезна и непригодна! У тебя же семь пятниц на неделе! Ты уже два года не можешь решить, что делаешь на журфаке! Собираешь друзей? Так их много все равно не бывает. Через несколько лет вы и лиц друг друга не вспомните! А все друзья будут при делах, потому что пристроятся к журналистам и заживут припеваючи. И не будут каждый день напрягать извилины: «зачем да почему»?! А что станет с тобой? Материалы в газетах, никому ненужные завтра? Танцы по выходным на площади 3 на 4 съемной квартиры? Фотографии Питера твоей усталости? Хочешь вот такую твою усталость, как сейчас, сделать привычкой? Понравилось, да? Опомнись, детка, куда ты катишься?

— Варя, Варя!.. А я ей, между прочим, говорил, что еще рано тащиться куда-то, к тому же в такой мороз!

— Так мы ей сейчас чаю с медиком и с лимоном сделаем! — Владилена убежала на кухню.

— Трубецкая, ты невозможна!

— Господи, Стрелин, какой же ты зануда! Я теперь понимаю, зачем тебя в переводчиках держат, — я потерла лоб рукой.

— Ты же горишь вся!

— Все в порядке. Пойду — подышу свежим воздухом.

— Еще чего, — стул начал пропадать подо мной, а потом я оказалась над землей, а совсем рядом были стальные, темные глаза Стрелина.

- Ты обалдел?! — прошипела я, хватаясь за его шею.
- В этот раз уж точно нет!
- Знаешь, Владушка, а мне нравится этот парень!
- Миша, о чем ты только думаешь! Артем, звоните, если что понадобится!

Он злился. Пока вез меня до дома, злился невероятно.

Остановился возле моего дома, выключил двигатель.

— Сама дойдешь? — поинтересовался он мрачно. — Или придется вытаскивать тебя?

— Стрелин, я справлялась с функцией хождения много лет.

— Я вижу, — протянул он неопределенным тоном и посмотрел на меня. — Я уеду сегодня вечером.

— Отлично, — бесцветно ответила я, глядя в окно.

Он вздохнул. Покачал головой.

— Ладно, пошли.

Меня трясло. Я правда рано вылезла на улицу.

И сегодня впервые за несколько лет я рыдала и не могла остановиться. Все началось еще у машины. Потом в лифте. Я стояла, прислонившись спиной к стенке, и слезы текли по лицу. Глаза и голова сразу заболели, нос стал красным. У меня резко подскочила температура.

Артем носился вокруг с таблетками и не знал, что предпринять. Глядя на его прыжки, я вдруг едва ли не захихикала. стакан воды затрясся у меня в руке.

Мда... ну и барышня... Редкой историчности у вас барышня, просто конфетка!

Стрелин вдруг как-то резко успокоился, отобрал у меня стакан и отвесил пощечину. Несильную, но достаточно ощутимую. И вернул стакан обратно. Я растерянно приняла его. Смех и слезы прекратились.

— А теперь ложись, быстро. — Дождался, пока я приму таблетку, забрал стакан и ушел на кухню.

Его не было долго. Я чувствовала, как успокаивается то, что еще минуту назад дрожало и звенело, как натянутая струна.

Я лежала с закрытыми глазами, слышала, как он вошел и замер на пороге.

— Прости меня.

— За что? — отозвался он.

— Ну, ты приехал, а я тут истерики закатываю.

— В концов, откуда ты знаешь, быть может, я ради них и приехал.

Мы одновременно рассмеялись.

— Да и...

— Что?

— Твои Владилена и Миша... они просто шикарные.

— Я знаю.

— Неужели ты целый год работала там?

— Да. И там было еще много прекрасных ребят. Параллельно я играла в молодежном театре.

— Помню.

— Откуда? — я открыла глаза.

— Ты рассказывала, помнишь, на первом курсе, на отборе у Насмешевой!

— Ты это помнишь?!

— Я не забываю истории, которые мне рассказывают о людях, — поддразнил он меня.

— Печально будет проваляться так все каникулы.

— Зато выздоровеешь.

— Да... но я еще не знаю, что там с Микой... Она пропала, ты ведь в курсе? Отец ее говорит, что она с каким-то парнем сбежала, но...

— Да нашла твоя Мика, нашла! — выдохнул Стрелин.

— Как, где? — я резко села на кровати.

— В Москве. Правда, с каким-то парнем сбежала.

— Подожди, а откуда ты узнал?

— Мне Никита сказал.

— А почему он мне не позвонил?

— Так у тебя же телефон разряжен.

— Черт! — я хлопнула себя по лбу. — Но с каким парнем, у нее в Москве нет друзей?!

— Ты уверена?

— Конечно.

— Она с ним вроде бы недавно познакомилась. И он тоже не москвич...

— Так где они познакомились тогда?

— В Питере, — я хотела еще что-то спросить, но Стрелин предупредительно поднял руки. — Ничего больше не знаю. Честно. Да и Никита тоже вряд ли. Хотя, судя по его лицу, когда он мне это рассказывал, он что-то знал, только говорить не хотел.

— Но...почему? — я уставилась в одну точку, и очень-очень быстро ко мне пришло осознание.

Мысль была абсурдна, но ничего другого я и не ожидала.

Я спрыгнула с дивана и побежала за зарядкой. Пока включала телефон, пока приходили сообщения о входящих звонках, я нетерпеливо постукивала ногой.

Потом быстро набрала номер по памяти.

И выдохнула.

— Да? — ответил знакомый голос несколько настороженно.

— Грозовский, привет, как дела?

— Все...хорошо, — отозвался Марк.

— Правда? А может быть, отлично?

— И это тоже, — заметил Марк.

— А ты в Воронеже покажешься?

— Сложно сказать, у меня тут сессия еще...

— Ясно. Так может быть, ты тогда передашь трубочку Мике?

— ...

— Такая, знаешь, подружка моя безголовая. Блондиночка. Весело смеется, пишет рассказы.

— Она пишет?

— Представь себе. Марк! — прикрикнула я на него.

— Варя, я...

— Ладно, с тобой я позже поговорю. Дай мне ей трубку.

— Алло? — жизнерадостно откликнулась Мика.

Ответила так, как будто одним словом выпорхнула из клетки.

— Мика, у меня нет слов, правда...

— Варька, а что у тебя с голосом? — испуганно поинтересовалась она.

— Болею. Ты... лучше расскажи, как все это вышло.

Она помолчала.

— Не знаю. Странно говорить об этом по телефону.

— А отец твой знает хотя бы?

— Да, я уже позвонила ему. Он, конечно, в шоке! Не знаю, что будет, когда приеду домой, но на самом деле и не хочу об этом думать, — весело закончила она.

— Я тебя немного не узнаю, — сказала я.

— Да. И я себя тоже, если честно, — беззаботно отозвалась она.

Мы помолчали, и я вдруг почувствовала себя старой тетушкой, которая из-за неустроенной собственной личной жизни лезет в чужую до такой степени, что становится отвратительной всем.

— Но я хочу тебе кое-что сказать, — внезапно вклинилась Мика в ход моих мыслей. — Знаешь, Варька, я много раз твердила тебе всякую ерунду, говорила... да, говорила, что ты глупая, потому что даже не пытаешься кого-то искать, смеялась, не верила тебе, что любовь невозможно найти, она сама находит! Я сделала столько ошибок, и самые страшные в любви, и это было хуже диктанта по русскому за 3-ий класс! А сейчас, слышишь, да? — я прижала трубку крепче холодными пальцами — Мика почти шептала. — Слышишь? Я счастлива, Варька, я счастлива...

Счастлива... выдохнуть. Нажать на паузу, перемотать, еще раз: «Я счастлива, Варька, я счастлива...»

Я положила трубку, взглянула на Стрелина, который восседал на стуле верхом и листал какую-то книжку.

— Что с тобой? — поинтересовался он.

— Ты знаешь, я сейчас почувствовала себя какой-то старой, а еще самой настоящей эгоисткой.

— Почему? — он удивленно приподнял брови, отбрасывая книгу.

— Потому что я завидую своей подруге. Она встретила Марка и... Марк, он же прекрасный парень, я всегда немного завидовала той, которой он достанется. Они отлично друг другу подходят... — я не знала, как объяснить, чтобы было понятно, что это не просто глупая зависть. — И это такое явное счастье, которое даже я вижу со стороны, которое я практически ощущаю, потому что знаю обоих. Так здорово, когда люди находят друг друга.

— Да, но... что тебя так смущает?

— Просто неприятно узнавать, что ты можешь одновременно испытывать и добрые чувства и какие-то... мерзкие. Зависть — это ужасное чувство.

— Да, но ты же по-доброму ей завидуешь.

— Все равно, — я пожала плечами.

— Нет, это не одно и то же. Это нормально, а не аномально испытывать такие чувства. А в двадцать лет как-то особо остро хочется счастья.

Я усмехнулась.

— Счастья хочется в любом возрасте, Стрелин. Этому желанию нет срока годности. Вот ты, я просто уверена, все бы сейчас отдал за такую возможность.

— Испытать счастье? Не знаю, я как-то не особо горю желанием испытать чувство, о котором знаю лишь понаслышке, — тихо заметил он.

— Правда? — я помолчала. — Тогда ты еще больший трус, чем я, Стрелин.

Я впервые со вчерашнего вечера затронула эту тему и не хотела развивать ее. С другой стороны Артем прав: зачем гнаться за чем-то мифическим, которое, быть может, на самом-

то деле ничего не обозначает? Слово без смысла.

Хм... но неужели Стрелин ни разу в жизни не был счастлив?

Остаток каникул после отъезда Артема я сидела на репетициях у Смирнитского (тот, кстати сказать, поведал мне, прячась за стеклами своих очков и чувством юмора, что собирается жениться! Расперло всех на отношения!). Когда Смирнитский выставлял меня прочь, я плелась к Владилене в кафе и угрюмо напивалась вместе с Мишей. Ну, не так чтоб уж совсем напиваться, но мы были достаточно веселы оба. Владилена возносила руки к небу и называла нас олухами царя небесного. В эти мрачные-веселые вечера мы лениво переругивались с певцом полей и рассказывали друг другу всякие небылицы. В частности, он поведал мне, с каким-то превосходством, что знает, почему меня раздражает всеобщая влюбленность.

— Да? И почему же? — я перекидывала шарф за спину и жаждала услышать ответ.

— Да потому что ты сама влюблена! — хихикал он, но вполне серьезно грозил мне пальцем. — Влюблена, и тебе кажется, что не взаимно.

— Что значит, мне кажется? — мрачно поинтересовалась я, глядя на пустую бутылку, которой словно и не бывало.

Миша сделал непонимающее лицо, пожал плечами. Ах, гад!

— Давай-ка еще вина! — предложила я. Так просто такие новости не переваривались.

— Иван, шампанского нам! Ну то есть, еще бутылку! А, нет! — остановил он бармена щедрым жестом. — Сейчас. Сейчас.

Он бодренько слез со стула и выбежал из кафе. В окно мы с Ваней наблюдали, как он перебежал через дорогу и скрылся в магазине.

Через пять минут вернулся с двумя бутылками дорогущего вина, которые хитро достал из внутренних карманов пальто, не переставая оглядываться по сторонам.

Ну конечно же, никто ничего не видел.

— Миш, ну... — красноречиво протянул бармен, глядя на бутылки.

Я постучала по лбу.

— Балда, тут же со своим нельзя!

— Это ты балда, — ласково сообщил он мне и обернулся к бармену. — Иван, а помнишь, как я тащил тебя через весь город!

— Миш, ты что?

— И Владилена до сих пор думает, что ты болел!

— Давай сюда свои бутылки! — обреченно протянул руку бармен. — когда эту допьете, отдам вторую.

Потом... потом было что-то еще. Помню, как Миша орал: «Бросай свою бестолковую работу! Про бабок и я тебе кучу очерков напишу! Ты что, обалдела спускать талант в дыру! Обалдела, скажи?!»

И... кажется, в тот вечер я все-таки сделала решительный шаг в своей жизни и картинки о том, что я орала в трубку: «Я увольняюсь, да, вы правильно поняли меня! Так и запишите: у-в-о-л-е-н-а!», — были реальностью. И подтверждение этому я нашла на утро в своем телефоне в исходящих звонках.

— В конце концов, — как заявлял мне на другой день Миша. — Ты сделала то, что должна была сделать! И не говори мне, что собираешься по возвращении в Питер просить у них прощения!

— Ну я еще не сошла с ума, — расхохоталась я.

— Вот-вот. — На прощание целуя меня, подтвердил Миша. — Интересно, только мне видно, что ты думаешь о себе хуже, чем ты есть на самом деле?

— Ну... разнылся! — прикрикнула я. — До встречи.

— Вот-вот.

Питер был горд собой. Определенно. Нетронутый пушистый снег. Исаакий золотился куполами. Даже люди в метро казались будто натертыми этим пушистым нетронутым снегом.

Когда я подходила к дому, раздался звонок телефона.

— Ты знала, что по сведениям ученых Адмиралтейская набережная поднимает настроение?

— И тебе добрый вечер, Стрелин, — со смешком отозвалась я, открывая дверь ключом и входя в дом.

— Добрый вечер. Так знала?

— Нет. Не знала.

— Значит завтра. В восемь вечера. На адмиралтейке.

— И что мы там будем делать? Поднимать настроение?

— И это тоже.

— И на что это будет похоже? Поднимем друг другу настроение и разойдемся?

— Хм, не берусь утверждать, но надеюсь, что это будет похоже на свидание.

— На свидание, Стрелин? Это будет свидание? — не поверила я и даже остановилась на темных ступеньках под тусклым светом лампочки.

И поставила сумку на площадку. И взялась рукой за перила.

Он помолчал. Потом заговорил, тихо, осторожно подбирая слова.

— Я мог бы просто наговорить тебе кучу ненужных слов и расписать, как все будет, но я не знаю, потому что так уж вышло, что с тобой никогда нельзя загадывать наперед. Я не могу даже предположить, что ты ответишь мне в следующую минуту и вдруг считаешь полным дураком! Я попытался что-то сказать, — в Воронеже — но не стал продолжать, как не решаюсь сделать это уже несколько месяцев. Но если ты еще не уснула, — я засмеялась осторожно. Нервно, — и до сих пор не считаешь меня зажавшимся позером, то возможно, ты оказала бы мне честь и пошла бы со мной завтра на свидание?

— В какой-то степени, Стрелин, я всегда буду считать тебя зажавшимся, — я перехватила трубку, потому что она выскальзывала из пальцев. — Но несмотря на это и даже на то, что я едва не уснула от твоей шикарной речи, я приду. Если ты, конечно, не передумаешь.

Потом еще долго стояла на площадке, уставившись в потрескавшуюся стену. Вдыхала запахи улицы, через форточку.

Придя домой, закурила — нечем было занять руки.

...Ни с того ни с сего я притащила раньше! Ну, конечно, иного придумать не могла! Раньше на 15 минут. Почувствовала себя законченной идиоткой, на которую пялились счастливые парочки и сумасшедшие цветочницы. Хотя возможно, такого и не было, все были заняты только собой и цветами, но чувствовала я себя все равно премерзко — волновалась.

Ба, Трубецкая, волнуешься перед свиданием? Когда ж с тобой такое было в последний раз? Уж лет-то не сосчитать!

Ладно, не преувеличивай! Не сосчитать! В школе плохо училась?

Школа у меня была хорошая, а вот математику я всегда у Андрея списывала...

Ну вот все и ясно стало, родная моя.

Отвали, а, какая я тебе родная?!

Я увидела его издали. Он так и замер пораженно — не знаю, что уж его так поразило — несомненно, мой ранний приход, хотя он и сам пришел раньше времени...

— Я пересекаю эту набережную за 258 шагов! — сердито начала я, едва он приблизился. — Ни шагом меньше. А знаешь, как я это узнала? Я просто тихонечко бродила тут в ожидании некоего принца, Стрелин...

Он расхохотался. Сделал два шага вперед и поцеловал меня, сразу прикрыв все возражения.

Я нырнула. Воздух сразу перестал быть холодным — точнее, холодно было по-прежнему, но внутри стало так тепло, будто растаяло солнышко.

Он оторвался от моих губ.

— Артем. Привет.

— Привет, — тихо ответил он и, словно прицелившись, поцеловал снова.

— Целоваться с парнем, который обрызгал меня на своей шикарной тачке, обычно не в моих правилах, — оторвавшись от него, заметила я, — Но что не сделаешь ради мести!

Стрелин расхохотался.

— Вот ты сама и раскрыла свой секрет.

— И заметь, это только один из многих возможных.

— А что, их еще много?

— Кто знает, кто знает, — смеялась я. — А вообще, отлично ты начинаешь свидание. Мне кажется, я поняла, на что ведутся толпы девушек.

— Правда? А что, если у меня индивидуальный подход?

— Ах, Ваше Высочество, вы набиваете себе цену! — томно провозгласила я, приставив руку ко лбу и изображая готовность к обмороку.

— Страшно, представить, чем ты закончишь свидание!

— Все будет наоборот. К концу я, пожалуй, спрошу твое имя, — улыбнулся он.

— Потрясающе, потрясающе... это оригинально, не могу не признать...

— Что ты там бормочешь? — засмеялся он осторожно, — Иди сюда...

Он обнял меня, и мы пошли по набережной.

— Что, если я рискну пересчитать эти шаги?

— Даже если при пересчете будет другое число, — хладнокровно заявила я, — я скажу, что ты слишком широко или мелко шагаешь, потому и цифры другие!

Это был странный вечер — кажется, совсем недавно я уже говорила это? — и таких еще не было в моей жизни, это я знала точно. Мы вели себя так, будто это было не первое наше свидание, будто бы мы уже давно были парой, только вот долго не виделись и встретились после разлуки, и волновались при этом, как в первый раз. И я чувствовала себя легко, необыкновенно уютно. Было тепло, вы что, какой мороз! Мы едва не уронили в Неву мой телефон, который я в порыве достала, чтобы ответить на звонок; мы спустились посидеть и погреться в метро, и оттуда нас согнал какой-то бомж — оказалось, что мы заняли его лавочку; мы брали интервью у женщины, продающей цветы в павильоне, которая рассказала, как она «дошла» до такой жизни. Мы разговаривали друг с другом так, будто познакомились вчера и при этом знали друг друга давно. Мы затеяли ссору на тему моего любимого Сэлинджера, и Артем утверждал, что невозможно в 20 лет сознательно любить «Над пропастью во ржи», считая его подростковым произведением. Мы ели мороженое,

облокотившись на перила, и народ, проходящий мимо, едва ли не крутил пальцем у виска. А нам было все равно. Вот, правда. Почему я не могу есть мороженое в десятиградусный мороз, если внутри у меня все горит так, что одно-единственное мороженое не погасит этот огонь? Мы зачитывали наперебой стихи (интеллигенция, блин!), между делом рассказывая о своей жизни.

— Вообрази-ка, Стрелин, наше свидание так, как будто мы видимся сегодня с тобой во второй раз. Как будто... ну не знаю, мы познакомились с тобой на подготовке Первокурсника. Ты, к примеру, был настолько очарован моими внешними данными, что тут же подошел и пригласил на свидание. Сделал бы ты свой этот эффектный жест с поцелуем, как сегодня?

— Я удивляюсь, — протянул он, иронично разглядывая меня. — Как ты умудряешься говорить с таким ехидным видом и с таким... постоянным подтекстом самые простые фразы?

— Разве?

Он покачал головой, рассмеявшись, и на мгновение бросил взгляд на Неву.

— Ладно, ладно... Хочешь услышать это? Я бы не стал целовать тебя при встрече, просто потому, что не знал бы тебя так, как сейчас. Но я бы подумал, что с тобой надо держать ухо востро. Надо быть готовым ко всему, постоянно. Потому что такие, как ты, — и их не так уж много, поверь мне, — не прощают ошибок. От таких держись подальше, потому что в них легко влюбиться. Легко погрязнуть не в легкую поверхностную влюбленность, а оказаться на самом дне, растоптанным. Я бы все это понял заранее, — и я понял, поверь мне, наверное, поэтому тянул так долго. Когда отступить стало невозможно.

Я прислонилась к парапету, разглядывая далекие огни на Неве.

— Откровенно, кажется...

— А что ты рассчитывала услышать? Такие вопросы задаются, чтобы услышать откровенный ответ, — пожал он плечами.

— Я не набивалась на... комплименты или на признания, просто не могла предугадать.

— А что ты бы подумала, если бы после первого дня знакомства я пригласил бы тебя на свидание? — перевел он тему.

— Я бы подумала, что это ошибка, — рассмеялась я. — и что ты перепутал, или пошутил...

— Почему? — удивился он.

Я искоса взглянула на него.

— Только не надо делать такой непонимающий вид, Стрелин!.. — закатила я глаза. — Все эти толки вокруг тебя, эта факультетская популярность, эта преподавательская любовь... Буквально живая звезда идет по факультету.

— Ну на самом деле, я не делал ничего такого, за что нужно было такими толками меня окружать, — пожал плечами Артем.

— Просто ты стал частью великолепной атмосферы журфака... И потом, скорее всего, здесь действительно нет твоей заслуги, но людям всегда нужен какой-то кумир, они и выбрали тебя!

— Вот! — Стрелин даже прищелкнул пальцами от восторга. — Опять эти твои тонкие фразочки!

— Я не замечаю, извини, — с улыбкой протянула я.

— Ладно, Трубецкая, ладно. Так уж и быть, скажу... — понизил он голос до шепота.

— Что? — я не заметила, как сама понизила голос вслед за ним.

— Мне ты нравишься и такой.

Я расхохоталась, стукнула его по руке, которой он обнял меня, наклоняясь поближе.

— Ну а если серьезно, — помолчав, сказала я. — Почему вдруг ты начал заниматься Первокурсниками и Студенческими Веснами? Зачем тебе это? Я бы не подумала, что ты такой активист...

— Да? А кто же я?

— Нет, подожди, правда. Расскажи мне...

Он глубоко вздохнул, наградив меня задумчивым взглядом серых глаз.

— Не знаю... Просто мне всегда нравилось то, что происходит на сцене. Закулисная жизнь, обстановка, чувство причастности к какому-то интересному делу. Но мне больше нравилось это создавать, организовывать, а не участвовать, не исполнять. Точнее, исполнение тоже играло свою роль, но организация привлекала меня больше. Ведь это похоже на пазл, картинку, которую собираешь из мелких кусочков по деталям, чтобы в конце получилось небольшое завораживающее чудо. Понимаешь?

— Да, — я кивнула. — Смирнитский — мой руководитель в театральной студии — всегда говорил, что детали складывают целое.

— Правильно, ты начинаешь с основной идеи, набрасываешь план, выбираешь людей, среди которых разделяешь те или иные обязанности. И потом начинаешь идти семимильными шагами, вырабатывая, отшлифовывая каждую частицу, чтобы в конце все это сложилось в одну целую картинку. И потом, говорят же, что путешествие — это то, что происходит с тобой в дороге, а не в конце пути. Это самое главное. И то, что мы вынесли из этих подготовительных моментов — все эти слезы победы или поражения, все эти совещания и разработку деталей, подборку костюмов и подготовку декораций — это было намного важнее. Мы нашли друзей, которых не смогли бы обрести во время просто учебы, потому что это были ребята с разных курсов, и все абсолютно разные.

И потом, это только частица того, что мы делали. Сообща писали сценарии для мероприятий, помогали другим факультетам, придумывали свои ролики, свое ТВ. Это была настоящая студенческая жизнь с ссорами и примирениями и постоянным поиском, и всего этого мне будет очень не хватать. Как и другим, я думаю. Мы все сейчас работаем, у всех уже давно своя жизнь, мы редко собираемся, но это абсолютно не значит, что мы стали меньше друг друга любить.

Но заканчивается целая эра в моей жизни, и сейчас сложно искать причины и задавать вопросы, зачем и почему мы это начали.

— Ну а я, на самом деле, редко встречала людей, которым нравится быть в гуще процесса, но не участвовать, а организовывать. Чаще всего, люди боятся ответственности, а если и берутся, то делают это для самих себя, чтобы покрасоваться, чтобы все говорили, какой он крутой. И мало кто готов отвечать за все свое руководство.

— Ты будешь смеяться, но это все опять же моя бабушка, — усмехнулся Артем. — Я думаю, все началось, когда она вдруг стала активно водить меня по выставкам, музеям, в оперу, в балет, в театры, где у нее было много знакомых. Она водила меня лет до 15, пока я, наконец, не закатил бурную подростковую истерику и не потребовал свободы от ветхости. Но она прекрасно видела, что, несмотря на все мои высказывания, я уже так глубоко погряз во всем этом, что никакой подростковый бунт из меня этого не вытянет.

Назло ей, я спрятал все книги по искусству и не прикасался к ним года два. Но, кажется,

на поступление, я достал их и понял, как соскучился по всему этому, и главное, по тем временам, когда она «выгуливала» меня. У входа в метро она всегда покупала мне мороженое — я до сих пор его дико люблю — и, усаживаясь с ней в поезд, я знал, что сейчас начнется. Долгие истории из литературы, театра, кино, перемешанные с рассказами и воспоминания о своей жизни и жизни нашей исторической семьи. Об одном лишь она старалась не рассказывать.

— О чем? — спросила я, поворачиваясь к нему.

— О ком. О моих родителях.

Я ждала продолжения, но Стрелин не отводил взгляда, от прохожих.

— Почему? — спросила я, наконец.

Он посмотрел куда-то мне за спину.

— Пойдем, посидим где-нибудь? Жутко холодно стало.

— Пошли.

В ближайшей кофейне мы уселись в самом темном углу.

— Знаешь, моя бабушка живет в Лиговском переулке. Там еще рядом памятник Пушкину. Потрясающий район — два шага от Невского, и в тоже время, тихо и спокойно — закрытый двор, вокруг — сплошь интеллигенция. Так вот, там прошло мое детство. Я уже года три снимаю квартиру — бабуля сама настояла, хотя я упорно сопротивлялся — мало ли что. Но, если честно, я и сам хотел съехать оттуда — слишком счастливые и одновременно слишком тяжелые воспоминания. Сейчас бабушка в этих несчастных огромных трех комнатах одна, а когда-то мы жили в этой квартире вчетвером — бабушка, я, мама и папа. И там, поверь мне, даже в двух было бы не тесно. Высокие потолки, лепнина, огромные комнаты...

— Но... зачем платить огромные деньги за старую шикарную квартиру и плюс еще внушительную сумму за съемную, если вы можете жить там вдвоем? Или сдавать комнаты?

— У тебя практический взгляд, — усмехнулся Артем, — и я с тобой согласен, но бабуля будет до последнего преподавать французский и немецкий репетиторством, только бы не отдавать семейное достояние под любопытные взгляды чужих людей. Хотя на самом деле, мой отец высылает ей деньги и оплачивает квартплату. Пытается таким образом искупить свое отсутствие. Ему тяжело возвращаться в Питер.

А я... Совсем скоро, после выпуска закончится срок моего съема квартиры, и, возможно, хотя я не знаю точно, но я не буду вносить новую сумму хозяину, а съеду к бабушке. Не знаю, как это будет, мне, если честно и навещать ее тяжело, но... В общем, квартира. Квартира вместе с дачей в Петергофе были частью дедушкиного наследства, заботливо накопленного в течение жизни. И папа привел когда-то маму в эту квартиру, и они уж точно собирались заполнить эти комнаты не скандалами, ссорами и упреками, а детьми. Но... так вышло, что других детей, кроме меня у них не было, хотя я упорно просил у них братика или сестричку. Но вместо этого мама застучала отца с его секретаршей — очень прозаичная история в духе начала 90-х. И это стало последней каплей. Мама подала на развод, и они начали дележ имущества и что там делается в подобных случаях. В общем, они продолжали ссориться, скандалить, самозабвенно делить Петергофскую дачу и квартиру, но тут вылезла вперед бабушка и проявила всю свою научно-профессорскую активность, чтобы напомнить дорогим родителям, что я еще тоже существую в природе и что она не позволит отдать дедушкино наследство, лишь потому что у кого-то выиграли гормоны на десять минут. Так, родственники поостыли и отец заплатил матери отступных, чтобы она не

претендовала на имущество.

— А... твой отец, он кто? — поинтересовалась я, когда официантка расставила все на нашем столе и ушла.

— Сейчас продюсер, смешно, правда? Живет за границей. А в 90-е он был успешным новым русским, и бабушка смотреть на него не могла, говоря, что он позорит семью и фамилию, и все в таком роде. Все-таки человек из семьи интеллигентов и вдруг новый русский. Это не вязалось в ее глазах. С этим потом она хоть как-то смирилась, но тут этот развод, позорище.

В общем, она отобрала меня у родителей — не знаю, как ей это удалось, помогли давние связи, видимо, и стала воспитывать сама. Но насколько я понял, хотя бабуля всегда это тщательно скрывала и только раз проговорила, на меня кроме нее никто особо и не претендовал. Мама вскоре вышла замуж за какого-то иностранца, папа поругался с бабушкой окончательно и тоже перебрался за границу. Так с тех пор там и живет.

И у меня началась новая жизнь. На самом деле я смутно помню родителей — так, какие-то воспоминания, ощущения, не более того, но бабушка говорит, что первое время после отъезда родителей я постоянно рыдал, все ждал, когда они появятся. Мне было пять лет. Меня никогда с ними не разлучали. Но самое паршивое, что они так и не появились и ни разу не позвонили, пока мне не стукнуло 15.

— Но... как же так? — поражено бросила я, помешивая чай.

Артем пожал плечами.

— Это очень интересный вопрос. Но прошло то время, когда я ждал их или просил молчаливый телефон зазвонить.

Точнее, телефон звонил. Но это были не они. Да, пока мы жили в этой квартире в Лиговском переулке с бабушкой вдвоем, я был счастлив. Это было... счастливейшее время моего детства. Я забыл родителей, это правда, как они забыли меня. Бабушка посвятила мне всю себя. Она выучила меня всему, что я знал, по крайней мере, до поступления в университет точно. Она привила мне вкус к книгам и фильмам, к классике, к искусству, любовь к языкам; она учила меня готовить в перерывах между моими хоккейными тренировками. Она никогда не ругала меня из-за оценок, но могла задать трепку за драку с девочками.

«Не смей поднимать руку на женщин! — выговаривала она. — И оскорблять их не смей, не теряй себя! Ты же мужчина, а не размазня!» — Стрелин осторожно засмеялся. — Только с ней у нас были общие игры, какие-то тайны и секреты. Из-за ее историй о нашей семье, я полюбил историю вообще — это был мой любимый предмет в школе. И я готов был защищать ее перед всем светом, но... я не знал, что безоблачность не бывает вечной. Потом она все испортила.

— Бабушка?

— Мать. Она позвонила за две недели до моего пятнадцатилетия. Стояла весна, снег растаял и в город только-только пришли солнечные дни. Я бежал домой с тренировки по хоккею и... не знаю, у меня словно было в тот день предчувствие, что что-то произойдет. И бабушка почему-то улыбалась все время и взволнованно смотрела на часы. Но вот я поужинал, еще раз два спросил, что происходит (она махнула рукой), и тут-то как раз и раздался звонок телефона.

— Зачем она звонила? — тревожно спросила я.

— Сказала, что приедет на мой День Рождения. Прилетит из Праги специально. Не

знаю, то ли совесть ее замучила, то ли еще что, но она пообещала и лучше бы она вообще ничего не говорила! А у меня еще был такой возраст, понимаешь, я постоянно спрашивал о родителях и с особой тщательностью вслушивался в бабушкины рассказы, лишь бы услышать хоть какой-то намек на них, хотя бы отголосок их жизни. И самое главное, что бабушка тоже во все это поверила. Она возрадовалась, готова была простить все, лишь бы мы, наконец, встретились. Поняв, что встреча состоится вот-вот, она все-таки приоткрыла завесу тайны и начала выкладывать истории, которых я так ждал. Папино детство, школа, институт, их встреча с мамой, мое рождение, общие праздники, прогулки на речном трамвайчике каждую весну, открытие и закрытие сезона на петергофской даче, смешные истории, забавные фотографии... Видимо, в те дни она самой себе позволила вспомнить все то, что так упорно забывала. И естественно после такого звонка, после этих рассказов я до ужаса ждал ее приезда. Я не верил в воссоединение семьи — я все же бы не настолько наивен и глуп, но я думал, что, возможно, она заберет меня с собой или останется пожить с нами. Я так ее ждал, Варька... И накануне пятнадцатилетия я не спал всю ночь. Это был не День моего Рождения, нет, это был день приезда мамы.

Я не позволил бабушке провожать себя, я поехал на вокзал один. Я один хотел пережить эту встречу. Я знал, как она выглядит — она послала фотографии — и ждал ее, разглядывал в толпе, как идиот, в бабочке, которые не носил в жизни, и с букетом цветов.

И что же... ты уже догадалась, правда? — Стрелин закурил. — Она не приехала. Объявили прибытие ее поезда, я стоял на платформе и безнадежно смотрел на встречи близких друг другу людей. Я дважды сбегал в справочную, по десять раз все переспросил про поезд, уточнил, не будет ли еще одного сегодня? Глупые тетki смеялись. Они сказали, что следующий поезд из Праги прибудет через три дня, и еще прибавили: «Надо было уточнять дату приезда!»

Я отвернулся от окна, бросил букет в мусорку, сорвал бабочку и тоже куда-то швырнул ее. Я сразу понял, что нет никакой ошибки, она просто не села в поезд.

Бабушка уже все знала. Едва открыла дверь и взглянула на меня, сразу все поняла. Это было нетрудно. И самое главное, что эта госпожа позвонила буквально через полчаса после моего возвращения с вокзала. Как будто знала, понимаешь? Как будто рассчитала время, которое я буду выжидать ее там, метаться от справочной к платформе и добираться до дома. Она не могла сказать мне раньше, она могла вообще не обещать мне ничего, но она сделала это. «Родной, понимаешь, мой сын заболел, я не могла приехать...»

Я больше не слушал ее. Кинул трубку бабушке и заперся в своей комнате. Ее сын заболел, понимаешь? У нее новая семья, сын, о котором я ничего не знал, и он заболел. Поэтому она не приехала. Вот так просто.

Телефон в нашей квартире стоит в коридоре, но стены такой толщины, что невозможно ничего услышать. Я сбегал в свою комнату, заткнув уши, чтобы успеть добежать до нее, пока бабушка ни начнет говорить. Нет, она не кричала. Но... полагаю, сказала что-то такое, отчего через несколько дней в Питере объявился мой отец. Бабушка почти потеряла связь с отцом, но мать, видимо, ее поддерживала время от времени.

Так вот, я запер дверь, я не стал разговаривать ни с кем, я не ходил в школу дня три. А потом бабушка пришла ко мне и сказала:

«Я не буду жалостливо уговаривать тебя встать и вести с тобой дружеские слезливые беседы о том, что, значит, так суждено и все еще будет хорошо. Ты не услышишь этого от меня. Но я тебе скажу, что ты сейчас делаешь — ты сдаешься. Ты признал, что тебя достали,

что с тобой могут делать все, что угодно, даже твои родители. И теперь, как слабак, лежишь на кровати и ждешь, пока тебя утешат и скажут: «ах, бедняжка, он так страдает!». Глупости какие! Никому нельзя показывать, что тебя ломает, нельзя позволять кому-то управлять собой, понял?! Тебя затопчут. Ты можешь делать в своей жизни все, что тебе заблагорассудится, к тому же это твои родители и тебе решать, как относиться к ним, но никогда нельзя сдаваться. Надо смотреть всем обидчикам прямо в глаза, гордо держа голову. Потому что или ты, или тебя. Иного не дано».

— И... ты встал?

— Конечно. Я поломался еще для вида и решил, что пора все менять. Я начал перемены с бабушки. Я устроил бунт и перестал ходить в театры и музеи, отчасти потому, что я больше не хотел слышать никаких историй. Я встретился с отцом и сказал ему в первую же встречу, что если он делает это для очистки совести или потому, что ему позвонила мать, то пусть катится ко всем чертям. С тех пор он приезжает раза два в год и каждые две недели обязательно звонит. Или мне, или бабушке. Он предлагал мне пожить у него и поступить в университет за границей, он готов был это спонсировать и все такое... Но я решил никогда не принимать от него таких «подарков». Не хотелось за все это потом расплачиваться.

— А мама?

— Что?

— Ты еще когда-нибудь видел ее?

— Нет. Она пыталась звонить после этого случая, но кроме «привет, у меня все нормально» — она не слышала ничего. И, знаешь, я думаю, что даже после того, что произошло, а точнее, не произошло, я бы дал ей еще один шанс, но она не приехала. И она не сломала меня, конечно, нет, но она... сделала из меня такого эгоиста. Хотя и довольно сентиментального. Каждый год, когда тяжело, я всегда прихожу на вокзал. Ненадолго. Это успокаивает, правда. Я вспоминаю обо всем и снова начинаю чувствовать, что все смогу. Со всем справлюсь.

А тогда был период юношеского максимализма, я винил всех. И во всем. И даже бабушку — за ее истории. Я решил, что никто не стоит такого и не мог себя заставить кого-то полюбить. Какое-то время даже думал, что и бабушку я тоже разлюбил. Но это было неправдой, разумеется.

— И ни разу не влюблялся? — заинтересовалась я.

Он пожал плечами.

— Нет, — еще мгновение он смотрел на меня, потом опустил глаза. — Пока не появилась одна девушка.

— Она красивая? — подхватила я, хоть и с трудом понимала, что именно он хочет сказать.

— Да, только она... — он подбирал слова.

— Что?

— Ваш счет, — официантка положила папку на стол. Я откинулась на спинку стула. Момент был упущен.

И когда мы выходили из кафе, и Стрелин придерживал передо мной дверь, он произнес, глядя мне прямо в глаза:

— Ты все про себя знаешь, Варвара.

И до моего дома мы больше не произнесли ни слова.

Почти два года неверия в себя и разочарованности в своих силах, почти два года стенаний, тыканий носом в стенку, бесполезных материалов и набирания опыта в интервью, одна попытка работы в газете и сотни сделанных фотографий, и вот тебе говорят: «Ваши работы прекрасны. Они достойны отдельной выставки на журфаке!».

И вот ты, не веря в этот раз собственным речам и звуку собственного голоса, рассуждаешь о том, как расположить фотографии на весенней выставке, и какие лучше бы убрать, потому что катастрофически не хватает на все места.

И ты спокойно и торжественно выплываешь из фотолаборатории и начинаешь прыгать, как ненормальная и чуть ли не визжать от восторга. И вокруг тебя тут же собирается небольшая, но внушительная толпа однокурсников, которые слышали твой разговор с преподавателем, и начинают поздравлять, а все, кто проходят мимо, улыбаются, потому что догадываются, что значит тот факт, что одна ополоумевшая второкурсница прыгает около фотолаборатории.

И да, после зимних каникул начинается распределение по специальностям, и я выбираю кафедру «Визуальной журналистики и дизайна периодической печати», что на деле добавляет мне знакомства или углубленного изучения таких дисциплин, как фотожурналистика, билд-редактирование и дизайн периодических изданий. Я, наконец, разобралась, чего я хочу хотя бы от журфака и весенняя выставка становится лишь последней каплей в море моей радости. Я жажду поделиться этим с друзьями, но Никита на работе (кто бы мог сомневаться), а моей подруги Мики как-то непозволительно долго не было на факультете.

И тогда я набираю ее номер и в ответ слышу ее тусклый голос. Такой тусклый, какого я не слышала никогда.

— Что случилось? — тихо спрашиваю я, забиваясь в какую-то аудиторию. — Отец?

— Нет, нет, с ним все в порядке.

— А что тогда? — теряюсь я в догадках. Но Мика молчит. — Хорошо, тогда я сейчас же звоню Марку и выпытываю все у него.

— Нет, нет, не смей! — просыпается Мика.

— Тогда рассказывай.

— Я... не знаю, как начать.

— Я сейчас приеду.

— Я не дома, — и правда, я слышу шум машин, отдаленные разговоры.

— Тогда быстро к нам домой, нечего скитаться по морозу! — велю я.

Выглядела она и правда неважно. Грязные волосы, упакованные в непривычный пучок, синие тени под глазами, которые особенно видны на ее белом бескровном лице, заплаканные глаза. И одета...

— Вы расстались с Марком? — спрашиваю я, когда мы проходим на кухню.

— Нет, но мы расстанемся с ним.

— Ты что? Почему? Он знает?

— Он еще не знает.

— Почему вы с ним расстанетесь?

— Отец хочет, чтобы я вышла замуж, — произносит она и долго смотрит в окно. Но я не даю ей уйти в свои мысли.

— Мика, излагай, все равно ведь придется!

— Он в Москве, я в Питере. Ему учиться еще два с половиной года, потом

распределение по театрам. Он не поедет ко мне в Питер. Он терпеть его не может. За эти годы сто раз все изменится, а отношения на расстоянии только все убьют. Лучше расстаться сейчас, пока не зашло дальше.

— Мика... — я в растерянности, я не знаю, что сказать. Не каждый день твои лучшие друзья сообщают такие новости. — Ладно, ладно, допустим, расстаться, хотя я бы и поспорила насчет расстояния... Но зачем же выходить замуж?

— Отец хочет, чтобы я поскорее вышла замуж и не моталась по парням. Он говорит, что я превращаюсь, — Мика глубоко вздохнула, — в шалаву, которая от одного парня к другому, из одной койки в другую.

— Но это же не так...

— Но он-то думает по-другому!.. Варька, у него больное сердце, он говорит, что не хочет больше каждый день волноваться, где я, в каких закоулках, в каких городах! Мы поссорились, снова, я хлопнула дверью, ушла, бродила по улицам, а потом... потом вернулась. Хватит, набегалась, пора взрослеть!

— Но почему ты должна расставаться с Марком, попробуйте встречаться на расстоянии, расскажи ему все, он поймет! — я начала что-то говорить, а потом вспомнила Андрея и то, как я с самого начала решила оборвать все отношения на расстоянии. Но тогда все было совсем не так. Андрей не любил меня, и это было сплошным мучением для меня. Сейчас другая ситуация. Мика любит Марка. А он — ее.

Мика лишь качала головой.

— Говорю же, лучше оборвать все сейчас. Сейчас расстанемся, он быстро забудет меня. И к тому же, давай говорить начистоту: он актер! Если он не устроится по профессии, он не сможет прокормить семью. Профессия неперспективная абсолютно. Вкупе с моей неперспективной профессией, мы умрем от голода скорее, чем закончим университет.

— Разве тебя когда-нибудь останавливало раньше отсутствие перспектив? — мрачно сдвинув брови, спросила я. Я не узнавала Мику.

— Варька, это ты такая неисправимая мечтательница, а в реальности придется повзрослеть, и быстро! Я долго думала. Надо устроиться на работу, оборвать все контакты с другими городами, надо уже начать встречаться с одним парнем и не одну неделю...

— Это говоришь не ты, — покачала я головой.

— Прекрати! — она зажала уши. — Я не хочу тебя слушать! Ты понимаешь, как мне тяжело, зачем сбиваешь какими-то сказочными мечтами?!

— Да чтобы ты, дурища, не сказала через несколько лет, когда будешь окружена нелюбимым мужем и детьми, к которым сейчас не готова, что сглупила, когда послушалась отца! Слишком дорогая цена, чтобы отец успокоился на полгода. Потом он найдет новый повод для придирок, например, почему ты несчастна с мужем, которого он тебе навязал!

Мика некоторое время смотрела в окно, за которым сгущались ранние сумерки.

— Зато я забочусь и думаю о своих родных и не только о себе! А ты, когда последний раз говорила с матерью? Ты думаешь, не нужна ей, потому что у нее теперь есть муж? Боишься, что тебя заменили и отступаешь? Не нужна, и ладно, обойдусь без вас, пусть и потеряю человеческий вид! Буду как мрачный насупленный сыч!

Я откинулась на стуле, молча уставилась на подругу.

— В чем дело, Мика? Ты...

— Нет, Варь. Ты вроде бы и правда взрослая, рассудительная, язвительная и все такое. На все готовые ответы, ко всему готова, но на деле, в своей жизни ведешь себя, как кролик,

потерявшийся в трех соснах. Не нравится работа — разочаруюсь в себе, мама вышла замуж — отлично, я не нужна, ну и вы мне не нужны, на Стрелина все девки вешаются — плевать, отойду в сторону! Нельзя так жить...

— Как?

— С закрытыми глазами, вот как. Бороться, только когда подпихивают! Мечтать и сбиваться на первом шаге!

Я встала резко и шагнула к окну. Я могла бы сказать ей кучу всего в оправдание, доказать, что это не так, но не стала. Почему? Чувствовала, что все в ее словах — сплошная правда? Или сделала скидку на ее состояние?

И то, и другое. Хоть одному я научилась. Признавать правду.

Дверь захлопнулась. Мика ушла. Ну и ладно. Одумается, охладится, пожалеет о словах, как и я. Ей нужно нормально подумать о себе. Ей действительно нужно подумать, что делать. Все не так просто, как кажется на первый взгляд.

И Марк... Боже мой, Марк.

Он ведь ничего не знает. И мне не по себе, честно, от того, что я знаю, как ему будет плохо через несколько часов.

Я достала телефон и набрала по памяти номер.

— Варька?

— Привет, мам. Ну как у вас там дела?

Я неуверенно поднималась по высоким чистым ступенькам и ныла. Стрелин шел сзади, подпихивал меня и смеялся, дурак.

— Так, ладно, выкладывай, что тебя беспокоит!

— О... а не рано ли мы идем знакомиться с родственниками?

— Не рано, — уверенно отозвался он.

— Она же самый важный человек в твоей жизни, вдруг я ей не понравлюсь?!

— Понравишься!

— Ох, — я закатила глаза. — Ты так самоуверен, что меня тошнит!

Он притянул меня и чмокнул в щеку. Ему весело, ну надо же.

— А ты всех своих девиц сюда приводишь?

— Каждую неделю новую, — тихо отозвался он, нажимая на кнопку звонка.

— Что?! — я округлила глаза, но Стрелин дернул меня за руку, и я понизила голос.

— Привет, ба. Познакомься, это Варя!

— Да вы войдите сначала внутрь. Не на пороге же знакомиться.

— Здравствуйте, Софья Львовна!

— Таких красавиц здесь, пожалуй, еще не бывало! — рассмеялась женщина. — Но я, признаться, последний раз общалась с молодыми девушками годов так... много назад.

— Врать нехорошо, бабуля! И это говорит человек, который каждую неделю читает лекции по художественной культуре малолетним студентам.

Я смотрела на эту женщину (не старушку, нет!) и просто не могла сдержать улыбки. От восторга, от вдохновения, от любопытства, от... в общем, не знаю, от чего-то еще радостного.

И ей 75? Да вы шутите!

Нет, у нее, конечно, были седые волосы, но это нисколько не мешало говорить, что ей нет семидесяти пяти. Она была красива и сейчас, а в молодости, видимо, просто покоряла и ослепляла. Понятно, в кого пошел Стрелин!

И еще, да. Она напоминала мне мою бабушку. Не внешне, а... статью, энергией, внутренним огнем.

У Софьи Львовны были длинные седые волосы, собранные в мягкий волнистый узел. Глаза светлые, серые, даже серебристые, большие. У Стрелина были точно такие же. Губы пухлые, нос прямой, длинная лебединая шея, белая блузка, с V-образным вырезом, в который падал янтарный кулон, похожий на капельку росы, юбка до пят, ноги — на шпильках! В доме.

— В чем дело? Вы так рассматриваете меня, милая, как будто где-то видели! — поинтересовалась женщина, пока Стрелин вешал нашу одежду.

— Вы очень красивая, — произнесла я искренне.

— А, — Софья Львовна с улыбкой взяла меня под руку. — Пойдемте, моя дорогая, в столовую, пока этот обормот ставит чайник! Слышишь, Тема?

— Да, — откликнулся Стрелин, исчезая в кухне. — Мы тебе конфет принесли, Варька, вручи.

— Вечно он командует, — беспечно пожаловалась Софья Львовна, ведя меня по длинному коридору. — Вас это не напрягает?

— Нет, главное вовремя осадить, а то корона свалится, — заметила я мимоходом. Бабушка Артема засмеялась.

Все было, как описывал Артем. Длинные полутемные коридоры, высокие потолки, а в столовой — мамочки мои, лепнина! Самая настоящая. Еще здесь был старинный шкаф, огромное зеркало в суровой оправе на двух тонких изящных ножках и круглый обеденный стол, уже заставленный вазочками с конфетами, маленькими воздушными пирожными и круглыми бутербродами, а также расписными чашками и кокетливым заварочным чайничком.

Из окна на стол падало огромное солнечное пятно, придавая картине гордый и светский вид.

— Завтрак русской интеллигенции.

— Да уж, не английское чаепитие, — высказалась Софья Львовна, — Усаживайтесь, деточка, где вам больше всего нравится.

— А мне везде нравится, — засмеялась я.

— Ну уж на четыре стула у тебя сесть вряд ли получится, — высказался Артем, заходя. — Ба, а что у тебя там еще варится-кипятится? Я сделал потише, но...

— Боже мой! — Софья Львовна прытко вскочила с места, хотя еще секунду назад с гордым видом королевы покручивала свои перстни на руках, и унеслась, мелко стуча каблучками.

— Привет, Темка! — улыбнулась я.

— О, нет! — Стрелин закатил глаза. — И что же я ее не предупредил?

— Насчет чего? — невинно поинтересовалась я. — Очень милое имя, по-моему! Тема, ну надо же...

Он показал мне кулак, собираясь что-то сказать, но в этот момент вернулась бабушка.

— Крайне вежливо, Артемий! Как будто тебя не здесь воспитывали!

— Именно поэтому я всего лишь показал кулак, — состроил гримаску Артем. — Ну все, давайте уже покончим с этими формальностями. Пришли, сели, можно и поесть!

— Нахал, — улыбнулась бабушка. — Чайная церемония не подразумевает торопливости. Как можно оценить аромат чая, если выпиваешь кружку на ходу?!

— Вот, а говорите, что у нас не английское чаепитие! — заметила я.

Софья Львовна подозрительно перевела взгляд с меня на Артема.

— Эх, ладно, так уж и быть! Пьем чай!

Мы перепробовали все бутерброды: «Ах, милые мои, я даже уже и не помню, что я туда положила, я импровизировала!», полакомились безе: «Прекрасные и воздушные, как и музыка!» и обсудили культурную отсталость населения: «Моим студентам не хватает розог!»

На последней фразе мы с Артемом замерли и переглянулись, а пожилая дама расхохоталась. «Ладно, успокойтесь, чего испугались-то?»

Между делом я отвечала на вопросы. О Воронеже, школе, семье, друзьях, планах и мечтах и все дальше, в самое сокровенное.

— Хм, для вашего поколения это достаточно странный выбор, насколько я понимаю — выбрать Санкт-Петербург, а не Москву местом учебы. Что вас сподвигло?

Я откашлялась.

— Здесь много причин. — Я пожала плечами. — Во-первых, я с детства очень люблю Питер. Сюда меня несколько раз возила мама. Мы останавливались подолгу у родственников и, кажется, это было лучшее время в моей жизни. Во-вторых, как это ни глупо и пафосно прозвучит, но... я не люблю Москву. У меня с ней не очень хорошие воспоминания. Точнее, ощущения.

Я помолчала. Софья Львовна внимательно смотрела на меня, да и Стрелин прислушивался, так что я продолжила:

— Моя мама училась на юридическом факультете МГУ, влюбилась там в моего отца, а потом... он ее бросил. Она не могла там больше оставаться, да и негде было. К тому же, одна бы она не прокормила меня, без помощи, даже моральной. Она вернулась в Воронеж и осталась там, хотя всю юность мечтала вырваться из родного города. Причина номер два, по которой я не люблю Москву, это как раз мой отец. Когда мне было 14, он нашел меня и попытался восстановить отношения, — я старалась говорить ровно. — Но я... мстила, не знаю, как еще это назвать, глупила, пока однажды он ни погиб в Москве в автокатастрофе.

Я замолчала, вдохнула глубоко, посмотрела на свои руки и только потом на Артема. Тот внимательно смотрел на меня.

Часы-ходики мерно отбивали секунды. Софья Львовна сплетала и расплетала пальцы рук.

— Извините, я... сейчас, — проговорил Артем, вставая.

Я посмотрела ему вслед.

— Простите, я, наверно, сказала лишнее?

— Нет, милая моя. Вы сказали все правильно, — приветливо отозвалась бабушка. — Просто... вы же знаете историю семьи Артема?

— Да, он мне рассказал недавно, — кивнула я. — Еще тогда я заметила, что в какой-то степени, наши семьи похожи. С одной стороны.

— У Артема потрясающая сила духа, — задумчиво протянула бабушка. — Еще тогда меня поразило, как быстро он справился с собой, как быстро установил отношения с отцом.

— Да, но он считает это вашей заслугой, вашим влиянием, — улыбнулась я.

— Правда? Приятно. Он всегда был благодарным мальчиком. Я знаю, что его по-прежнему тревожат его отношения с отцом, хоть он и делает вид, что нет. Поэтому ваша история, она...

— Поучительна, — подобрала я слово.

— Нет, ну что вы... — заторопилась бабушка. — Но здесь нужно другое слово. Я не думаю, что ваш отец не знал о ваших чувствах к нему. Он все чувствовал. Иначе бы не ездил постоянно.

— Наверно, — я пожалала плечами. — Мы оба приняли это, попросили друг у друга прощения. А история эта все равно поучительная.

Артем не возвращался.

Старая дама начала собирать со стола.

— О, подождите, я вам помогу. — Мы отволокли на кухню пустые тарелки и чашки.

— Комната Артема в конце коридора, — шепнула Софья Львовна доверительно. Я улыbnулась ей. Стрелин в любом случае бы не услышал наших голосов, так что шептать было вовсе необязательно.

В комнате было темно. Из окна падал слабый свет, и силуэт Артема вырисовывался на фоне освещенного участка. Он сидел на столе, положив на колени телефон.

Я села рядом.

— Ну что ты? — спросила я.

— С работы звонили. Через три дня снова лететь куда-то, — заметил он, беря меня за руку и ладонью снизу подбивая мою ладонь.

— Все в порядке? — я спрашивала не о работе.

Он перевел взгляд на меня.

— Конечно, — и улыbnулся. Поднял вверх наши сцепленные руки и поцеловал мою ладонь.

— Не обязательно всегда казаться сильным в глазах окружающих.

— Я не пытаюсь казаться, — пожал он плечами.

— Это тебе так кажется. На самом деле пытаешься.

— Ох, зачем я с тобой вообще разговариваю? — раздраженно спросил он, повышая голос.

— Не знаю, — я улыbnулась. — Пошли к бабуле. А то она еще подумает невесть что!

— Это все ерунда, мало ли что кто подумает. Главное, что мы заставляем себя ждать! — Артем усмехнулся.

— Ах, это ваше чертово джентльменство, Стрелин!

Потом были еще фотографии в толстенных семейных альбомах с длинными пояснениями к каждой фотографии.

— А это мой троюродный дед Иван Карлович, — переворачивала страницы Софья Львовна. — Видел молодого императора Николая, состоял при дворе. Любил охоту и возглавлял эти царские выезды. Жуткий балагур был, как говорили. Весь двор просто в предвкушении замирал, когда он появлялся в поле зрения...

— Это обязательная часть программы на знакомствах — показывать фотографии семьи, начиная с обезьяны, — ворчал Стрелин, пока мы рассматривали альбом. — Варя теперь подумает, что мы дурацкие аристократы, которые до сих пор кичатся своими...

— Успокойся, Стрелин, я уже все такое подумала, — усмехнулась я.

— И вообще, — подхватила бабушка. — Перестань выражаться. Что за дурацкие аристократы? Надо гордиться...

— Да, да, да, ну конечно! — сложил руки на груди Стрелин и обреченно уселся с нами рядом. Он уже третий раз так садился и вскакивал.

— Какой он суровый! — высказалась я.

— Да что вы, Варенька! Добрейший души человек был мой дед, правда все незнакомые с ним люди тоже так думали, — наморщила лоб Софья Львовна.

— Что-то все эти родственнички мало похожи на меня, — высказался Артем, разглядывая статных дам, бравых мужчин, детей на деревянных лошадках, и целый семейный выводок, судя по всему, на пикнике.

— Похожи-похожи. Посмотри на форму лица, черты, фигуры, — присмотрелась я.

— А вот глаза у тебя, как у меня, то есть как у моей мамы, — заметила Софья Львовна мимоходом.

— Кстати, Стрелин, если познакомишься с моей бабушкой, тебя ждет вот такой же альбомчик. Так что не ной о каких-то там впечатлениях. Я вечно ругаю свою за эти аристократические разговорчики, которые она со мной проводит.

— Вот, в некотором плане все семьи одинаковы, — вздохнула Софья Львовна.

Мы прощались в коридоре.

— Спасибо за чудесный вечер, Софья Львовна, — улыбаясь сказала я.

— Да, ба, спасибо, и все такое, — подхватил Стрелин. Бабушка неожиданно схватила его за волосы, притянула к себе.

— Ах ты, нахал!

Стрелин хохотал.

— Очень рада была познакомиться с вами, Варя! Наконец-то он познакомил меня с вами, а то все трепался...

— Правда?

— Ба!

Мы произнесли это одновременно.

— Ну все, давайте, нечего разводить антимонии! — проводила нас Софья Львовна, улыбаясь. Тяжелая дверь за нами захлопнулась.

Мы постояли на площадке, глядя друг на друга.

— Ничего не говори, — предупредил Артем.

— Да я и не говорю, — пожала я плечами и первая начала спускаться. Но он подхватил меня на руки и разок подбросил. Я визжала и смеялась. Вырвалась и первая затопала по высоким ступенькам вниз. Он не отставал. Мы подняли жуткий шум на весь дом.

На пороге я неожиданно поскользнулась на тающем мартовском льду. Артем подхватил меня.

— За то, что ты видела и слышала, придется тебя убить... или съесть, — целуя меня, заявил он.

— Стрелин, я не верю, что это ты, — тихо сказала я, куда-то ему в шею.

— Конечно, а ты сомневалась? — улыбнулся он.

— Иногда я и правда боюсь, что это шутка.

— Поехали ко мне? — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Тоже мне, воспользовался признаниями бедной девушки!

— Ах ты, бедная моя девушка, — притянул он меня к себе.

— Поехали, — выдохнула я.

Возможно, это было связано с появлением Артема, с наступающей весной, с будущей фотовыставкой или еще с чем-то, но еще никогда, казалось, я так четко не представляла, что должна делать дальше.

В последних числах февраля я нашла объявление о работе. В газету «Литературный Петербург» требовались верстальщики. Подозреваю, что им нужны были люди постарше и поопытнее, но пришла я.

— Вы по какому вопросу, девушка? Нам сейчас практиканты не нужны, — осторожно заявила пожилая женщина в очках-половинках. Я встретила ее на пороге редакции.

— Я знаю, да, я по поводу работы. По объявлению.

Женщина оглядела меня с ног до головы.

— Пойдемте, я узнаю, — она повернулась и повела меня в редакцию, где стоял настоящий бедлам и было накурено, как... как на журфаке и в приличном издании.

— Марин, а мы разве давали объявление о наборе журналистов? — перекрикивая галдеж, с порога прокричала женщина.

— Нет, — встрепанная девушка лет двадцати пяти, не останавливаясь, печатала что-то со скоростью света.

— Извините, вы не поняли. Объявление было о наборе верстальщиков, — вмешалась я.

— Вы? Верстальщик? — женщина в очках-половинках шикарно развернулась, едва не пролив на меня кофе.

— Да. А что такого?

— А в газете верстальщиком уже работали когда-то?

— Нет, — я смущенно улыбнулась. — Только на факультете... Вот уже второй год верстаю на заказ университетские газеты, — я заторопилась, потому что женщина продолжала смотреть недоверчиво. — Я владею программой Adobe In Design практически в совершенстве.

— А она самоуверенна, — откликнулась сидящий поблизости от входа журналист. И кисло улыбнулся, увидев, что я смотрю на него. «Прости, детка, каждый за себя»

— Я могу доказать. Я принесла последние из моих макетов, — я полезла в сумку. — Да, и дайте мне немного времени, я сверстаю вам хоть полосу, хоть две. Прямо сейчас.

Пожилая журналистка просматривала макеты, «самоуверенный» журналист подключился к просмотру, стоя за ее спиной.

— Забавно сейчас обстоят дела на журфаке, — усмехнулся он. Пожилая женщина пихнула его в бок, внимательно изучая.

— Там разные макеты. Есть шуточные газеты, есть те, которые освещают только журфаковские мероприятия. Есть литературно-критические... Какая разница, что за издания в конце концов. Это не ко мне претензии.

— Да нет, это были не претензии, — поднял обе руки журналист.

— Правда? — усмехнулась я.

— Игорь, — женщина резко повернулась к нему. — Ты что, уже был на мероприятии?

— Ухожу сейчас, — откликнулся тот.

— Вот и уходи.

— Пожалуйста, — заявил Игорь, надевая пиджак и шарф. — Оставляю вас, и можете даже воспользоваться моим компьютером. К молодым талантам мы — со всей душой!

— Ладно, посмотрим! — женщина сунула мне макеты обратно. — Садись и правда за его компьютер. Ты видела нашу газету?

— Конечно.

— И... мысли есть? Что не так? Я имею в виду внешнее оформление.

— Мне кажется... а я действительно могу сказать, что думаю? — несмело

поинтересовалась я.

— А для чего, ты думаешь, я тебя спрашиваю? Веду опрос? — усмехнулся женщина.

— Ладно. Мне кажется, газете с названием «Литературный Петербург» не подходит детский желтый цвет в оформлении. Слишком много желтого цвета. Если оставить его для отбивок и колонтитула, то будет в самый раз. Но сейчас его многовато. Нужно что-нибудь посолиднее.

— Хм. И что же? Ты, кстати, не первая говоришь об этом.

— Я бы выбрала синий. — мгновение подумав, заявила я. — Такой, знаете... не голубой, а глубокий синий. Но не темный. Чтобы не сливался с черным, а то получится официальщина.

— Интересные мысли излагаешь. Но вот наши старые читатели, привыкшие к желтому цвету, не откажутся ли покупать наши газеты из-за таких резких перемен?

— Сомнительно, — пожалала я плечами. — Можно аргументировать это как-нибудь. Или прорекламирровать на последней полосе в уголке. И написать, что оформление меняется, а содержание остается.

— Хм, — женщина усмехнулась. — Ладно, до этого еще далеко. Тебя как зовут, кстати?

— Варвара.

— Я Надежда Михайловна, главный редактор.

— Повезло мне, сразу к главному, — выдавила я.

— Да уж. Хорошо, Варвара, садись за компьютер. Через час мне нужна от тебя первая сверстанная полоса. Можешь посмотреть наши прошлые выпуски, вон там у входа. Работай.

Надежда Михайловна развернулась и нырнула в гущу событий.

А я... ну в общем, через час я получила это место.

Отлично, Трубецкая. Первая вершина взята.

Когда я выходила с журфака, зазвонил телефон. Мика.

— Ты мне не скажешь, почему в последнее время, мы общаемся только по телефону? — поинтересовалась я, натягивая перчатки.

— Не знаю, — ответила она с ноткой удивления. — Стали не совпадать...

— Да.

— Мы все еще в ссоре? — проговорила она внезапно.

— А мы все еще в ссоре? — повторила я.

— Нет. Кажется, нет. Надеюсь, нет, — поправилась она. Мика блуждала в лабиринте сомнений. — Да, я что звоню... Ты прости меня за то, что я наговорила.

— Ладно, Мик, хватит. Никогда не слышала, как ты извиняешься, и лучше не начинай!

— Почему это? — удивилась она.

— Слишком траурно ты это делаешь. Ладно, все нормально, правда. Особенно если учесть, что ты права.

— Что?

— Хоть кто-то мне сказал это.

Мы помолчали.

— Да, видела сегодня утром твои фотографии. Поздравляю! Второкурсница на стенах журфака!

— Это уже становится нормальным. У нас сейчас не фотографирует только ленивый!

— Да, но это не значит, что у всех также получается! — сердито откликнулась она.

— И правда, не значит.

Мы рассмеялись. Я стала узнавать старую Мику. Правда, это все равно была уже немножко не она и я бы все отдала, чтобы ее вернуть, но не знала, как это сделать. Правда, не знала. В серьезных вещах мы допускаем самые тяжелые ошибки, но вынуждены серьезные проблемы чаще всего решать в одиночестве. Я была ей не помощником здесь. Она должна сама разобраться со своим отцом.

Я могла бы лишь подсказать ей... Но она не принимала советов, считая самое тяжелое свое решение правильным.

— И да, слышала я сегодня, слышала, — внезапно заявила Мика.

— Что?

— Факультет гудит, как потревоженный улей!

— Опять клише, Мика! Избавляйся от них!

— Прекрати, — это были обычные журфаковские шутки, которые не понимал никто, кроме нас. — Ради той новости, что я узнала, можно в каждой фразе использовать хоть десять клише.

— Что же за новость? — я остановилась, пропуская машину, а потом полетела на красный свет со всех ног. Мне не хотелось стоять на месте.

— Стрелин и ты! Ты и Стрелин! В столовке вот только об этом и разговоров!

— Да уж, — хмыкнула я. — Тупые девки! Девчачий факультет!

— Да, а некоторые парни тоже обсуждают это!

— Ну если такие парни, как бабы...

— Ей смешно, ну надо же! Нет, поверить только, ты и Стрелин! Я сразу почувствовала

что-то неладное между вами! Еще на первом курсе!

— Начинается! — я закатила глаза. — Так ты считаешь это неладным?

Мика усмехнулась.

— Это самое ладное в жизни. Только больше никому не рассказывай, а то отнимут, — шепотом заметила Мика.

Из голоса ее вмиг пропали веселые нотки. Отлично...

— А что там у тебя, Мика? Как дела?

— Я рассталась с Марком. — Бухнула она.

— Ты...

— Все, Варь. Да, рассталась. И никаких больше комментариев, ладно?

— Ладно. Но и поздравлять я тебя не буду, ладно?

— Ну, конечно, он же твой друг.

— Нет. Не только поэтому. А потому что ты еще моя подруга!

— Все, Варь, — повторила она.

— Все. Больше ты не услышишь от меня ни слова. А что там с замужеством?

— Убедила отца отказаться от маразматических планов. Я согласилась познакомиться с тем самым молодым человеком и обещала не отказываться от него так сразу. Но про всякие замужества... И, в общем, он признал, что погорячился. Ему пока хватило нашего с Марком расставания. Да, и еще моего обещания, что я больше не буду менять парней.

— Мик, ты...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Что я не я, что жизнь одна, что отец не при чем... но я на все согласна, лишь бы он не болел. Его забрали в больницу, с сердцем, Варь. И в этом виноват мой побег. Но я больше не хочу таких потрясений для него. Все. Устраиваюсь на работу, хожу прилежно на занятия, встречаюсь с положительным мальчиком.

— А у него что, своего мнения нет, у этого положительного мальчика? — выдавила я.

— Видимо, он был еще не в курсе этих коварных планов. И повезло ему, что отец ему не сказал. Он избежал маразма.

— Но ведь все это временно, да? Я имею в виду этого парня?

— Отец очухается и забудет про него. Но сейчас... — у нее внезапно изменился голос. — Нет, Варь, с Марком все останется по-прежнему. Даже не думай.

— Да я и не думаю. — Буркнула я. Меня всерьез беспокоил ее голос.

— И все у меня будет хорошо.

— Конечно, Мик, — с преувеличенной уверенностью проговорила я. Ну не могла я ей желать счастья в том, в чем она заведомо не согласна была быть счастлива! Быть может, я была плохой подругой?

Она почувствовала фальшь.

— Ладно, я пошла. Встретимся завтра на журфаке?

— Конечно.

Я зашла на работу, потом в магазин, застряла на полчаса с фотоаппаратом возле трех кошек, которые облизывали сосульки, доползла до дома, поговорила по телефону с Артемом, проверила почту, неожиданно обнаружила там предложение о работе — заняться дизайном сайтов. Я задумалась — с этим я еще была пока слабо знакома. В университете мы только одной ногой ступили в это болото, а самостоятельно я тоже пока что практически ничего не освоила. В последнее время стало катастрофически мало времени. На все.

Прошла от комнаты до кухни, поставила чайник, скорчила рожу в зеркале, написала

ответ — спросила, что за сайты, какой тематики и устраивает ли их мой небольшой опыт в этом деле. Будь что будет. Ответят, что устраивает, займусь. В конце концов, можно попробовать. Просто опыта немного. А его-то здесь я и поднаберу. Я решила отказаться от своих случайных факультетских заработков в виде верстки — хотя бы постепенно, не вызывая бурю эмоций. На факультете полно увлекающихся дизайном. Подойдешь и попадешь.

В разгар моих мыслительный операций ввалился Никита. В прямом смысле этого слова.

— Все. Финита ля комедия.

— Что? — я повернулась к нему на вертящемся стуле.

— Я уволился.

— Ты что сделал?..

— Точнее, это меня уволили.

— За что?

— За... за очное отделение факультета журналистики. Сказали, что их это не устраивает.

— Но ты же работал там как-то год!

— Как-то! — усмехнулся Никита, бессильно падая в кресло. — Я им сказал тоже самое. Но они сказали, что занимаются серьезными делами, а я хочу и там успеть и тут. Так не бывает. Что-то будет страдать. Им проблемы не нужны со мной. И потом, в июне надо будет лететь в Германию на чемпионат, а у меня сессия. В общем, они мне давно предлагали перевестись на заочку, но у нас заочные места только на договорной основе. Получать зарплату и раздавать ее пополам — за квартиру и за учебу, которой-то особо и не будет — я не согласен. В общем, я объяснял им это, объяснял, но нет... Но знаешь, у меня шеф-редактор шикарный мужик, он написал мне отличные рекомендации, сказал: «Это тебе прощальный подарок, чтобы не загубить молодой талант». И в общем, до лета я перекантуюсь, а летом попытаюсь еще что-то найти. Не пропадать же...

— Но ты по-прежнему будешь на очном отделении. — Заметила я, положив подбородок на колени. — и каждый раз, когда тебя будут спрашивать, почему ты ушел с шикарного места работы, ты будешь говорить о своем дневном. Не думаю, что кому-то из работодателей это действительно понравится.

— Придумаю, что-нибудь, Варька. Быть может, появятся бюджетные места на заочном отделении. В любом случае, у меня теперь будет какой-то опыт. Это в первый раз мне чудом повезло.

— Да.

— Все получится. Все к лучшему, я вот верю.

— К тому же, тебе действительно надо отдохнуть. Я вот вообще до сих пор удивляюсь, как тебе удалось сдать две сессии и не умереть. При том, что дома и на факультете ты не бывал, и практически спал на работе...

— Я уже и забыл, что такое мир свободных людей. Пойдем, выпьем чаю, и ты расскажешь мне, что происходит в реальном мире.

— О, это будет долгая история. Хотя, ты знаешь... — я на секунду приостановилась, — Атлантиду так и не нашли.

— Вот черт! — хлопнул ладонью об ладонь Никита. — Некоторые вещи остаются неизменными.

— Вот уж правда, — сказала я, а сама подумала, что это явно не наш случай.

Я долго думала, прежде чем набрать номер.

Телефон лежал на столе и раздражал мое внимание. А время будто специально остановилось и отбивало такт часами, висящими на стене. У меня дома в кухне тоже висели часы. Часы с котенком, который хвостом и глазками отбивал стройный ритм. Иногда я задумывалась о чем-то и ловила себя на мысли, что не могу отвести от котенка глаз.

Сейчас моими часами с котенком был телефон. Он гипнотизировал, приманивал к себе. Я кусала ноготь и боялась набрать номер.

В конце концов, внизу на улице запиликала какая-то сигнализация, я подскочила на стуле, схватила трубку и быстро набрала номер. В ответ мне полились долгие заунывные гудки. И так было уже в третий раз. Марк не брал трубку, я сходила с ума от беспокойства.

Я не знала его друзей, я не была у Марка в общаге и даже примерно не представляла, кому могу позвонить, чтобы спросить, что там сейчас у него происходит. Нет, вполне возможно, что он на репетиции в учебном театре, но я же не знала этого наверняка. Мне нужно было просто услышать его голос, понять, что все нормально, можно жить дальше, почти так же, как раньше.

Еще неделю назад он расписывал мне их с Микой приключения, и я не переставая улыбалась, потому что такого восторженного, радостного, влюбленного голоса я не слышала у Марка никогда. Но это было тогда. Целых семь дней назад. Целая жизнь прошла с тех пор.

Я дозвонилась через три часа с пятой попытки.

— Алло. — Голос тихий, почти неслышимый, почти неузнаваемый.

— Марк.

— Да, — не меняя интонации, ответил он.

— Как... дела? — я глубоко вздохнула и сфокусировалась на каком-то предмете. Электрический чайник. Отлично. Я старалась убрать эти болезненные нотки из голоса. Все нормально, не усугубляй ситуацию! Если не можешь сдержаться, представь, что твой голос звучит по радио.

— А почему ты спрашиваешь? — бесцветно спросил Грозовский.

— Просто хочу узнать, как у тебя дела. Мы давно не разговаривали, балда! Я соскучилась! — сердито откликнулась я.

— Так ты все уже знаешь? — напрямую поинтересовался он.

— О чем?

— Отлично, Трубецкая, пять баллов! А теперь давай представим, что мы не в студии Смирнитского. Ты все знаешь, да?

— Да. Ну и... что? Это что-то меняет?

— Да нет.

— Где ты?

— Это так важно?

— Мне интересно.

— Интересно? Ну что ж. Я сижу в комнате со сползающими обоями и загнивающими цветами.

— Прекрасно. И что там еще?

— Окна тяжело открываются, поэтому в комнате постоянно стоит сигаретный дым. Такое чувство, что находишься в тумане.

— Отлично. Ты можешь почувствовать, каково было ежику, — с какой-то даже энергией отозвалась я. Он начал составлять такие длинные предложения, а значит, еще не

все потеряно.

— О да. Тебе это нравится? Здесь еще постоянно толкутся какие-то неизвестные люди, некоторые из них довольно устрашающе выглядят. А хозяина квартиры я не видел уже дня три.

— Ты там уже три дня?

— Это ничего, возможно он потерялся в тумане, сейчас я сяду в свое каноэ и отправлюсь на его поиски!

— Марк, успокойся.

— Я спокоен, абсолютно спокоен.

— И что вы там делаете? Напиваетесь до одури?

— Бесконечно чувствуем себя лучше.

— Лучше, чем когда?

— Лучше, чем всегда, — Марк вздохнул. — Варька, если бы ты знала, как я не настроен сейчас разговаривать!

— Я понимаю, — тихо откликнулась я. — Но ты же тоже понимаешь, что не можешь до бесконечности сидеть в этом тумане? Я не говорю ничего про все будет хорошо и про то, что жизнь не закончена, но, пока ты там, очень легко выйти за черту. Пообещай мне выйти сегодня из этой квартиры. Просто куда-нибудь. Не сиди в этой берлоге, а если каноэ не найдется вдруг, плюнь на это и иди пешком.

— Ладно, — твердо сказал он. — Посмотрим.

— Я позвоню тебе завтра. — Сказала я и положила трубку.

Я позвоню тебе завтра. Я не позволю тебе сидеть в этой яме. А я знаю, как в такие минуты хочется там сидеть! Никто не трогайте меня, пожалуйста, дайте спокойно загнить, прошу! Я не отстану, пока ты не выберешься на поверхность.

Но я далеко. Мне нужны его друзья. Кто еще, кроме меня?

Ответа ждать и не пришлось. Максим.

Но... нет.

Нет, да. Как найти Максима?

Старый номер не обслуживался. Отлично. Посмотреть «В контакте»? Да он там не бывает. С кем же еще общается Максим?

Везде какие-то сплошные обрывающиеся цепочки!

«У него куча идей, он подружился со сценаристами, говорит, что контакты пригодятся. Поддерживает связь с Яшей, а тот познакомил его со своими друзьями в кино и театрах».

Так когда-то говорил мне Марк. Не так давно, кстати. Я схватила телефон.

— Яков Андреевич, здравствуйте. Вы заняты? Мне нужна ваша помощь.

...Каждый день после университета я иду на работу, знакомлюсь с еще одни верстальщиком Гришей, шучу с журналистом Игорем, вношу свои предложения Надежде Михайловне, получаю задания, учусь у Гриши ловкости в работе и скорости подачи идей, осваиваю еще одну программу для верстки... Это чудо, что меня взяли, один Гриша стоит двадцати таких, как я, но одному ему тяжело и первое время я боялась, что ничем не помогаю, только мешаю. Но эта работа мне нравится намного больше, меня увлекает процесс, я перестаю бояться, потому что это действительно мешает делу. Не нравится — переделаем, не проблема.

По вечерам я хожу в «Академию танца», где занимаюсь с разными преподавателями и

осваиваю разные виды современного танца. Давно пора было серьезно взяться за дело. Я все еще смутно представляю, что из этого выйдет, но не перестаю мечтать. Я не хочу оставить это просто увлечением. Это сильнее, чем просто вечернее развлечение. После танцев я приползаю и падаю в кресло, выслушивая от Никиты последние новости (он повадился держать постоянно включенным свой родимый канал, с которого ушел). Ну да ладно, это все мелочи. Чем бы дитя ни тешилось...

Главное, что он так увлекается рассказами, что готов делать все, что угодно. Принести чаю — пожалуйста, не прекращая болтать. Сделать бутерброд? Нет, он правда нормальный, Варь, попробуй, не бойся! Это даже оригинально.

Вдоволь обсудив все и вся, я садилась за дизайн сайта, на который подписалась. Работа шла медленно, часто приходилось сверяться с помощником, но к концу пятого дня я стала, наконец, работать быстрее.

К концу недели приезжает Стрелин и все выходные я провожу у него. В кои-то веки ощущаю прелесть поданного кофе в постель, дразню его за очки, которые он, оказывается, носит, когда сидит за компьютером. Когда я начинаю его теребить, тормошить и взьерошивать ему волосы, он отвлекается не сразу и первые несколько секунд его слегка рассеянный взгляд вызывает умиление, которое испытывал последний раз в детстве при виде маленького бездомного котенка.

В воскресенье я ловлю его на увлеченном просмотре диснеевских мультфильмов, и это становится шуткой на день. Правда, Артем любит добавлять, что не прошло и пяти минут моих подколов, как я сама с радостью уставилась в экран телевизора.

Весь день мы гуляем и попадаем в музей-квартиру Пушкина, а, выходя оттуда, встречаем Аллу Насмешеву, у которой улыбка сползает с лица при виде наших сцепленных рук. И хотя она включается в милую и веселую беседу, но я вижу, что она напряжена и старается поскорее попрощаться.

Мне не дает это покоя и, поприставав к Стрелину, я выясняю, что она долго пыталась начать с ним встречаться, но у них ничего не получилось.

— Почему? — допытываюсь я.

— Мы были друзьями, и в этом плане меня нисколько к ней не тянуло.

— Но она согласилась терпеть эту роль, которая ей была нисколько не нужна. Смотреть на твоих девиц, ждать, когда ты позвонишь ей, чтобы вывести на прогулку, повесив табличку «друг» на шею!

Он иронично посмотрел на меня.

— Меня всегда поражает, как образно ты умеешь выражаться...

— Я серьезно, Стрелин!

— Все было не так просто. Мы подолгу не виделись, я уезжал к отцу в Англию и потом, когда приезжал, все становилось на круги своя.

— Это лишь потому, что она тебе ничего не говорила? — закатила я глаза.

— Нет! Она серьезно влюблялась, я не интересовал ее совершенно.

— А сейчас, видимо, все вернулось...

— Я думаю это еще из-за того, что ее мучает, что с того момента, как мы с тобой начали серьезно общаться, я практически перестал видеться с ней. Уже в начале этого последнего учебного года все было не так, как раньше. Она потому и в Первокурснике не хотела принимать участие.

Я задумалась, облокотившись на него. Согласилась бы я на такую же скромную роль?

Да, пока эта роль была главной. Но я уже отказалась раз, когда все позиции изменились.

Вечером я учу Стрелина танцевать вальс, сальсу и ча-ча-ча, и обещаю углубиться еще в меренге и пасодобль. Он сыплет проклятиями и поминутно оступается, но все же танцует, и я обещаю ему мировую славу или, по крайней мере, занесения в книгу рекордов Гиннеса, как первого человека без слуха и вкуса в музыке, который отлично танцует бальные танцы.

— А еще сияет ослепительной улыбкой, — почему-то смеялась я, валяясь на диване.

— Я скоро параноиком стану, — мрачно обещает он. — Как только включается какая-нибудь латина, у меня сразу глаз дергается!

— Ну ладно, Артемка, не злись! — садясь ровно, заметила я. — Садись вот рядышком, сейчас начнется «Мулан» по Первому каналу!

Он не выдерживает и пяти минут и пускает свое главное оружие — щекотку, которой я боялась до ужаса.

От щекотки он плавно переходит к стягиванию с меня кофты и, увы, просмотром Мулан сегодня насладятся другие детишки.

Я ловлю детали, замечаю, что он такой... знаете ли, очень прямой. Это касается как слов его, так и поступков. Во всем, что он делает, всегда есть какой-то смысл. Он прямо излагает свои мысли, честно, точно. Он делает то, что хочет и то, что ему нравится. И когда смотришь на него, понимаешь это так же ясно, как и видишь его лицо: прямой нос, губы, растянутые в легкую, немного детскую улыбку; причудливый изгиб бровей, слегка сходящихся к переносице; темный, наполненный чем-то тревожащим взгляд серых глаз; темные взъерошенные волосы со спадающей на лоб челкой, — его руки с сильными пальцами и легкими бугорками мозолей, его костюмчик явно не с ближайшего рынка: выветленные джинсики — его любимые, водолазки, пиджаки, рубашки с закатанными рукавами.

У него отвратительный вкус в музыке — он слушает все подряд, гнушается, пожалуй, лишь шансоном; читает он что попало, но предпочитает классику, а еще — вот это пассаж! — любит мультфильмы и до ужаса обожает мороженое.

У нас с ним общее чувство юмора — именно оно и сплотило нас, за ним прячешься, как за каменной стеной. У него очень заразительный смех, а заставить его говорить о чувствах, можно лишь привязав, оглушив и напоив. Но при этом о них он говорит как-то так, что не можешь потом забыть ни одного слова. Он разбивает девушкам сердца — куда уж без этого! В конце концов, все привлекательные парни кому-нибудь да разбивают сердца, вопрос лишь в количестве. Он может довести тебя убийственными репликами, а потом иронично и спокойно изучать твое лицо со следами гнева и ждать соответствующей реакции. Удивить его можно, лишь проявив несоответствующую реакцию. С абсолютно каменным выражением лица он будет говорить такие вещи, от которых будешь лежать под столом, с надорванным от смеха животом. Он жуткий эгоист и ужасно себя любит. Но черт знает почему я полюбила в нем даже это. Как и все остальное.

Впервые, после Андрея.

— Все, пора заканчивать с переводами. — Сказал Артем решительно.

— Что? — я рассеянно оторвалась от лекций по профессиональной этике журналиста, по которой меня через десять минут ожидала контрольная, и посмотрела на Стрелина.

Мы сидели в столовой. Был понедельник, вокруг толпился праздный люд, который восседал в столовой всегда с проникновением весеннего солнышка в окна. Только здесь начинал понимать, что на факультете учится достаточно много людей. На парах не было и

половины этого народа. Здесь можно было встретить студентов, которых видел в последний раз разве что на первом курсе 1-го сентября.

— Надо же, а тебя не отчислили? А мы все переживали, что больше не увидим тебя!

— Почти отчислили, но я, как видишь, еще с вами! Я тут просто тихонечко сидел, вот меня никто и не обнаружил!

Я глубоко вздохнула, закрыла тетрадь и откинулась на спинке стула.

— Так. Почему ты решил увольняться?

— Потому что я не чувствую никакого роста.

— Ты всего полгода там работаешь.

— Знаю, но ничего и не изменится! Я устал просто мотаться по городам, смотреть на эти постные иностранные рожи и переводить уже на автомате, улыбаясь где надо и не надо.

— Пфф, он устал мотаться по заграничным городам, подумать только! Другие за счастье считают хоть один раз поехать за границу!

— Варя, ну ты же все понимаешь! Не для того я учился на журфаке, чтобы пропадать в этой фирме. Туда, между прочим, полно желающих и некоторые выпускники факультета иностранных языков очень даже мечтают попасть туда. Зачем я буду занимать чужое место!

— Ты еще обвини бабушку в том, что она вложила в твою голову два языка, а то недалеко до этого осталось.

Мы помолчали.

— Ладно, признавайся, тебе что, предложили альтернативу?

Он улыбнулся.

— Как ты догадалась?

— Очень уж резко ты передумал, — пожала я плечами.

— Предложили поработать в информационном агентстве «СП-Новости».

— Правда?

— Я когда-то практику на ТВ проходил, там у меня отличный редактор был, который сейчас работает в этом агентстве. В общем, я недавно его встретил. Он уже два года там работает с начала создания «Новостей».

— Это здорово. Получишь опыт, в конце концов.

— И еще. Они предлагают мне быть спецкором. В другой стране.

— Правда? — я нахмурилась. — Но спецкоры же живут в той стране, чьи новости освещают.

— Да... — Артем кивнул. — Но у этого информагентства другая практика для новичков. Выездные корреспонденты. Выполняем задание и возвращаемся.

— Что-то не верится, — промямлила я.

— Все так и есть. По крайней мере, мне так расписывали.

— И... ты уже согласился.

— Я пойду на собеседование на этой неделе, все подробнее узнаю. Ну что ты расстроилась?

— Я не расстроилась, — я отвернулась.

— Я же вижу.

— Артем, — я повернулась. — Я очень рада. Правда. Все, ухожу, контрольная.

Я кидала вещи в сумку, а Стрелин следил за мной напряженным взглядом.

— Увидимся, — бросила я, удаляясь.

Я удалилась, чувствуя поступивший к горлу ком. Какая-то дурацкая и глупая женская

интуиция не предвещала ничего хорошего от этой новой его работы.

— Я решил покончить со всем этим! — пафосно провозгласил Марк. Но настроение его было совсем не пафосным. Он был зол.

— С чем именно? — переодеваясь для репетиции, поинтересовалась я. Девчонки шумели в раздевалке, и я вышла в коридор.

— С Микой и ее... папашей!

— Марк! — возмутилась я.

— Варь, я не хочу иметь ничего общего с человеком, который своими же руками лишает себя...

— Грозовский, у нее тяжелая ситуация и ты прекрасно это знаешь. Отца только недавно выписали из больницы, он болеет. Ты хочешь, может быть, чтобы она опять к тебе сбежала? Решила, так сказать, все проблемы разом?

— Не смешно.

— В обще-то, да. Скажи, ты можешь предложить ей какой-то выход из ситуации? Отец категорически против ваших отношений. Ты, с его точки зрения — я подчеркиваю это, человек неблагонадежный, потому что не работаешь по профессии, пока. И потом, нет гарантий, что ты будешь востребован. До этого, по крайней мере, надо расти и расти. Ты даже не москвич, если не будет работы, ты отправишься в Воронеж. И что? Все? Никакой семьи!

— Но зачем обязательно сейчас выходить замуж и жениться, я не понимаю?

— А как, поматросить и бросить? Так этого добра у нее и Питере навалом. Так что даже лучше, коли все так!

— Жестоко, Варька, — оторопел Марк.

— Это всего лишь правда, Грозовский! Ты сам сначала разберись, чего от нее хочешь.

— Я всего лишь не хочу, чтобы она садилась на поводок к своему отцу. И этому парню, за которого он ее замуж выдает!

— Он не выдает. Она хочет создать видимость отношений, чтобы отец перестал за нее переживать, — откликнулась я.

— Как бы не так!

— Когда ты разговаривал с ней?

— Сегодня. Можешь сама с ней поговорить, если не веришь.

— Да я верю, верю. Просто, знаешь ли... мы с Микой несколько отделились друг от друга, — мрачно высказалась я.

— Почему? Так тебе тоже не нравится то, что она делает?

— Конечно, мне не нравится, — я потеряла лоб. — Но она немного изменилась, что ли. Она вбила себе в голову, что сама наказана за свои побеги из дома. Ее мучает чувство вины перед отцом. Она сейчас ухаживает за ним, пытается найти какую-то работу и ей, уж поверь мне, ни капли удовольствия не доставляют ваши стычки.

— Я сказал ей все честно, — высокомерно отозвался Марк, и я просто почувствовала его высокомерие в трубке. — Как и она мне.

— Честно, — подхватила я недобрый голосом. — И наверняка довел до слез.

— Нет, — Марк неуверенно затих. — Но она обозвала меня придурком и бросила трубку. И меня бесит, как легко она рассуждает о свои установках! О новом парне, о «правильной» жизни! — в слове «правильный» так и скользило презрение.

— И что же ты ей сказал? — настороженно поинтересовалась я.

— Что люблю ее, — спокойно ответил Марк, и я вдруг прислонилась к подоконнику, возле которого стояла. — Что это самое главное в жизни, хоть нам всего и по 20 и все, что мы произносим, должно считаться заведомо наивным. И если она так не думает, то я ошибся в ней. Я сказал ей, что, то, что она пытается с собой делать, похоже на какую-нибудь сказку, в которой фигурируют мстительные возлюбленные, драконы и наивные и чистые герои. Что ей только кажется, что она стала делать свою жизнь реальнее. На самом деле ее отец может однажды умереть, а она останется с нелюбимым мужем, нелюбимой работой и детьми от чужого человека. И спросит саму себя: «Зачем я все это сделала? К чему меня это привело?» И что отца-то она и будет винить в этом прежде всего.

— Марк, она просто рассталась с тобой. Она еще не собирается выходить замуж и растить малюток от нелюбимого мужчины, — заметила я. — А ты уже нарисовал перед ней мрачные картины будущего. Так вот, чтоб ты знал, оно по-прежнему туманно для каждого из нас.

— Я ничего не знаю про будущее, — откликнулся Марк. — Но я прекрасно вижу, что это не Мика принимает сейчас свои великие решения. Сгоряча она ничего и никогда не решит верно. Эту — что сейчас стонет, ноет и что-то задумывает разрушить в самой себе — я не знаю. Вот и все. И давай не будем больше о Мике!

— Давай, — помолчав, ответила я. Два барана. Два упертых барана! Я взглянула на часы: — Боже мой, я уже половину репетиции пропустила!

— Ладно, созвонимся. Кстати, знаешь, что?

— Да?

— Нет, потом, сейчас некогда и ничего еще не ясно...

— Но это хорошее?

— Да. Очень, если получится.

В голосе Марка было как-то мало энтузиазма.

Я побежала на репетицию, но танцевать нормально уже не могла. Я все думала... не знаю, наверно, это было обычной моей фантазией, но я все думала о той девчонке в длинном платье с цветной лентой хиппи в длинных светлых волосах, которая под села к нам с Китом в столовой, так смешно сморщив нос, прежде чем спросить: «Ребят, вам арбитр не нужен? А то я могу!».

Я помнила заразительный переливчатый смех этой девчонки, вздорную способность громко отстаивать свое мнение, писать втихомолку рассказы и смущенно протягивать их, повторяя: «Это, конечно, бред, но так, почитай на скучной лекции, вспомни старушку Мику добрым словом!»

У той Мики не было этой холодности в глазах, четкой решимости во всем, даже в ошибках; той Мике не нужна была веселая шутка, чтобы рассмеяться; та Мика не забирала волосы в скучный утянутый хвост; та Мика не ходила в черном. Та Мика вообще была не этой.

Если это взросление, то лучше я навсегда останусь ребенком. Наивным глупым мечтателем. Это вообще бесценно за возможность не превратиться в такую....

У входа в «Академию танца» стояла знакомая машина. Знакомая фигура прислонялась к капоту, сложив руки на груди. На лице было знакомое выражение — ироничное, на глубине серых глаз плескалось что-то новое и странное.

— Какой приятный сюрприз, Ваше Высочество.

— Хм, сомневаюсь, что он приятный, — заметил он, открывая передо мной дверцу. —

Садись.

— Что-то случилось? — спокойно спросила я, а сердце мое стучало, как ненормальное.

— Нет. Но есть разговор, — ответил он, садясь за руль.

— Да?

— Я был сегодня на собеседовании, — заявил Артем, выезжая на шоссе.

— И... как?

— Они берут меня на испытательный срок. Через неделю — когда будут улажены все формальности — я полечу в Прагу. Давай... просто постоим, — внезапно заметил он, съезжая к обочине. Из бардачка он достал сигареты и закурил. За все время знакомства с ним я видела его курящим всего второй раз и потому забеспокоилась по-настоящему.

— Артем, в чем дело?

Он искоса взглянул на меня, открыл окно и стряхнул пепел.

— На собеседовании мне сказали, что если я вработаюсь, то со временем, быть может, уже через полгода меня отправят жить в другую страну. Сделают специальным корреспондентом с условием поселения в той стране, чьи основные события я буду освещать.

Я глубоко вздохнула и отвернулась к окну. Этого я и боялась с самого начала.

— И... что? — выдохнула я, собравшись. — это же здорово!

Я боялась поднять на него взгляд.

Он помолчал, глядя в свое окно, и быстро посмотрел на меня.

— Варь, я думаю, нам надо расстаться.

Как легко он это произнес, одним жестом стряхивая пепел в окно!

— Что?

Он будто не замечал, ему нужно было поскорее все выложить и смыться на свою новую работу! Меня как будто ударили.

— Знаешь, наверно, нам лучше будет остановить все сейчас, пока не стало слишком поздно, — глядя в сторону, сказал Артем. — Я буду работать, постоянно мотаться из страны в страну. Я редко буду появляться здесь. И ненадолго. Ты в Питере, у тебя здесь своя жизнь. Зачем тебе постоянно ждать парня, который приезжает домой на два дня? Так что лучше...

— Лучше? — ровно поинтересовалась я.

— Спокойнее, удобнее. Не заводить все в такую глубину, когда начнутся постоянные звонки и обиды, скандалы, а я все равно ничего не смогу сделать.

Я усмехнулась.

— Спокойнее и удобнее, значит? Знаешь, Стрелин, ты такой эгоист!

— Я?!

— Ты понимаешь, что ты делаешь? Ставишь меня перед фактом! Если ты просто сам больше не хочешь никакого продолжения, так и скажи! Но не прикрывайся якобы благородными мотивами.

— Я не вру тебе. — Он отвернулся.

— Но сейчас, сейчас ты работаешь абсолютно в таком же режиме!

— Но я не остаюсь в другой стране на две-три недели! — он посмотрел на меня, точнее, не на меня, а куда-то выше моей головы. — Ты сама не знаешь, на сколько тебя хватит.

— А если мне плевать? — поинтересовалась я.

— Вряд ли ты так думаешь на самом деле, — мрачно откликнулся он.

Он ни разу не взглянул на меня. Как будто боялся. Чего?

— Стрелин, посмотри на меня.

Он повернул голову.

— Смотрю.

— Нет, ты не смотришь.

— Зачем тебе это?

Я откинулась на спинку, отстегнула себя от ремня безопасности.

— Отлично. Тебе незачем — сиди и наслаждайся своим гордым одиночеством, возделывая шикарную карьеру!

Я вывалилась из машины, хлопнула дверью. Артем выскочил за мной.

— Варя!

— Ну уж нет. Ты все высказал, можешь ехать, куда собирался. Свою миссию ты выполнил, — я вышла на тротуар и зашагала к остановке.

— Да стой же, глупая! — Артем схватил меня за руку. — Как ты не понимаешь, что потом будет только обиднее, больнее и несправедливее. Я не хочу... не хочу постоянно ссориться с тобой по телефону и метаться, зная, что не могу тут же все тебе объяснить! А что если слова о переводе — полная туфта, и я так и буду мотаться между странами?

— Тогда просто уйдешь с работы, — успокаиваясь, заметила я. — Стрелин, в этом-то вся и прелесть, что невозможно сказать, как все повернется завтра. Но, в любом случае, я не смогу сейчас и сразу оценить свое счастье, ты пытаешься предугадать всю свою жизнь, вплоть до моей реакции!

— Я просто не хочу тебе все усложнять.

— А по-моему, жизнь еще никогда не была такой простой и легкой, как сейчас, — улыбнулась я. Он посмотрел на меня искоса, усмехнулся.

— С тобой-то уж точно.

— Как ты не поймешь! — тихо произнесла я, и он с удивлением посмотрел на меня. Наверное, впервые с начала разговора. — Я хочу ждать тебя, хочу беспокоиться за тебя, разговаривать с тобой вечером по телефону, встречать тебя в аэропорту. Я знаю это так же точно, как то, что ты стоишь передо мной. Но по отдельности нам уже никак, понимаешь? Все уже зашло слишком далеко, и ты это прекрасно знаешь, только почему-то не хочешь в этом признаться.

Он помолчал. Потом притянул меня к себе, обнял. Обеими руками за шею, как маленький.

— Я тоже. Тоже хочу знать, что кто-то меня ждет. Хочу быть уверенным, что если мне нужно будет поругаться с кем-то, то можно позвонить тебе...

Мы одновременно засмеялись.

— Варька, переезжай ко мне.

Я медленно отстранилась. Посмотрела повнимательнее. Он не шутил.

— Вот оно! Начали за упокой, закончили за здравие! — усмехнулась я. — Ты правда этого хочешь?

— Конечно.

— А вся эта великолепная операция — лишь часть плана? Оглушить противника и медленно его размораживать потом!

— Это сиюминутное желание, а не обдуманное решение, — покачал он головой. — Но поверь мне, до того, как мне предложили эту работу, я постоянно думал об этом.

— Я согласна, Стрелин. Раз уж ты принимаешь такие решения необдуманно, то и мне

можно не брать время на размышление.

— Как удобно, правда? И не надо ни на кого нагонять тоску своими мыслями.

— Вот уж точно, — засмеялась я.

Была середина марта, когда я переехала к Артему. Мне нравилась его квартирка, которую он снимал уже два года. Небольшая, двухкомнатная, она выходила окнами на Крюков канал. Это была квартира старого типа, с широкими подоконниками и деревянными полами. Правда, с тех пор хозяин сделал неплохой ремонт, но широкие подоконники и огромные окна все еще создавали ощущение... свободы.

Стены были выкрашены бежевой краской, но они отнюдь не казались пустыми и голыми, потому что Стрелин вешал туда что ни попадя. Нет, он правда постарался. Памятные снимки, волнующие материалы, картины друзей, автографы именитых журналистов (со времен практики на телевидении и в журналах), фотографии друзей и открытки из разных стран. Я пополняла эту коллекцию своими фотографиями времен года, а когда Артем стал регулярно уезжать, я привыкла вешать по фотографии клена, что рос у окон квартиры, в день его приезда из командировок. Была весна, листья росли с оглушительной скоростью, и на каждой фотографии листочки клена, щедро падающие на наши широкие подоконники, становились все больше и больше.

К его приезду я что-то готовила — нельзя сказать, чтобы всегда удачно, но это уже стало своеобразной традицией. Он уезжал на 2–3 недели. Каждый раз по-разному. Время сузилось до этих несчастных двух-трех недель ожидания, а дни его пребывания в Питере становились плотками свежего воздуха. Как будто неделями сидишь в комнате без окон, а потом тебя выводят на свет и ты робко, не успевая привыкнуть, ловишь эти солнечные лучи лицом, улыбкой, руками.

Приезжал он, как правило, под утро. В такие ночи я обычно не могла уснуть и ездила встречать его в аэропорт, хотя он не раз уговаривал меня не мотаться по городу ночью. Я не слушала. И что было делать, если все равно не можешь уснуть?..

Садилась в его машину с расчетом, что на обратном пути он сядет за руль, и гнала по пустынным (отчасти) дорогам.

И не было и не могло быть ничего лучше этих встреч. Он уговаривал, ожидая, что я не буду встречать его, но каждый раз, появляясь в поле зрения, оглядывался по сторонам. Просто на всякий случай. И тут видел меня. И улыбался. И едва не швырял свою сумку, уставший, одичавший, с обросшей щетиной. И утыкался носом в шею, и обнимал, и отрывал от пола, так что кости едва не трещали.

И говорил:

— Варька, люблю тебя...

— Тебя ужасно долго не было, Стрелин, — чувствуя себя безродным щенком, повторяла я. — Как смел ты так долго не являться?

— А ты, что ты делала тут без меня?

— Я?

Дел было много. Университет и приближающаяся сессия, помощь Никите с переездом (узнав, что остается один, он решил найти себе вариант попроще), дополнительный заработок в виде дизайна сайтов, с неизвестно откуда берущимися клиентами, работа в газете, куда я недавно написала парочку рецензий, которые Надежда Михайловна с некоторым удивлением приняла, повторяя, что «взяла на работу сплошной сюрприз»,

фотографии по вечерам, посещение несравненной Софьи Львовны и «Академия танцев». С «Академией» я, кстати сказать, к июню завязала. Преподавали там базовые навыки, а их я освоила давно. И, подумав, решила после сессии нанять преподавателя, который будет давать индивидуальные. Остальное время — для самостоятельных занятий. Мне просто необходим был преподаватель, чтобы заручиться поддержкой для того, что я собиралась сделать.

В начале июня, сдав сессию досрочно, неожиданно уехала на все лето Мика.

Она пришла ко мне попрощаться накануне. Быстро обошла квартирку, осмотрела стены, поулыбалась фотографиям и протянула задумчиво:

— Это хорошо, что вы вместе.

Мы сидели на моем любимом широком подоконнике, любовались заходящими лучами солнца в воде канала. Задумчиво потягивали вино, больше молчали.

— Так что это все-таки за место, куда вы едете? — решила добиться ответа я. До этого Мика говорила все неопределенно, больше уходя от ответа.

— Ох, я не вдавалась в подробности, куда-то на Черное море. Краснодарский район. И то, мы там на полмесяца. Потом еще куда-то отправимся. — И добавила, поймав мой удивленный взгляд: — С Вадимом, его геологами.

Вадимом звали того парня — сына знакомого Микиного отца, которого он все прочил ей в будущие мужа.

— Так вы все-таки, вы... встречаетесь? — запнувшись, проговорила я.

— Нет, мы просто друзья. Стараемся быть. Он забавный. Пригласил с собой. Мне сейчас только этого и хочется, если честно.

Она потянулась и засобиралась домой.

— Мика, — остановила я ее на пороге. — Скажи, ты как? У тебя все хорошо, ты счастлива?

— У меня все хорошо, — кивнула она. — А по поводу счастья... Знаешь, я теперь не очень-то ищу его. Я не понимаю, что это такое. За чем нам всем предлагается гнаться?.. Оно не очень-то стоит этого. А все потому, что я поняла кое-что: детство — это время, когда за счастье не надо расплачиваться. Поэтому счастье было у нас на каждом шагу, сочилось со всех сторон. Но я выросла... И больше нет смысла по этому поводу напрягаться. Не хочу.

— Ну, давай, — она легко улыбнулась, махнула рукой и скрылась.

И дверь закрылась за ней. И будто отголосок той Мики остановился на мгновение на пороге, взметнув светлыми волосами. Он не помчался за его нынешней обладательницей. Остался со мной.

— Так что вы там говорили про Воронеж? — прогремел вопрос.

Я заправила за ухо выпавшую прядь волос и перестала обмахиваться рукой, заглядывая в глаза спрашивавшему — худощавому мужчине лет тридцати со змеиной усмешкой на губах. Он сидел с видом человека, который прекрасно знает, какую роль надо играть в этом зале, обставленном зеркалами. Даже в вопросе его чувствовалось это пренебрежение к тем, кто пришел на кастинг. За последний месяц я перевидала таких, как он, достаточно. Виктор Викторович Кригер.

— Я 11 лет занималась бальными танцами в «Школе бального танца» в Воронеже.

— И что же, за все годы ни разу не поменяли хореографа?

Меня немного удивил вопрос.

— Нет. А что, должна была?

— Ну, это часто встречается, — протянул мужчина, пожав плечами. — И до каких же категорий доросли?

— Молодежная категория класса А, — откликнулась я на автомате.

— Интересно... Варвара, правильно, да? — Кригер поцокал — то ли уважительно, то ли удивленно. — Класс А — это весьма неплохо. У вас, судя по всему, был высокий потенциал! Что же дальше не стали развиваться? Зря остановились...

— По личным обстоятельствам.

— С партнером проблемы были? — усмехнулся Кригер. С каждой минутой он все больше меня раздражал, знаменитый и прославленный танцор всех времен и народов!

— Да. — Лаконично откликнулась я. — Личные обстоятельства на то и личные, чтобы о них не рассказывать подробно.

Кригер взглянул на меня поверх своих бумажек. Подержал на прицеле полминуты и отпустил. Девушки в одном ряду со мной захихикали. Я слышала, как они шептались перед кастингом — Кригер им не нравился.

Я продолжила:

— Дальше не было смысла искать нового партнера — я хотела попробовать другие виды танца. Расти дальше. Занималась современными танцами в Воронеже. Затем в Санкт-Петербурге. Осваивала джаз-модерн, джаз-фанк, контемпорери, хип-хоп, вог. Последний мой преподаватель — Марина Яковлевна Старостина.

— Старостина?! — Кригер вмиг выпрямился, с интересом посмотрел на меня. — И сколько же вы у нее занимались?

— Почти полгода.

— Ну что ж... Старостина дает прекрасную базу. Я думаю, сегодня вы показывали ее результат тоже.

— Конечно, — заметила я кисло.

— Хорошо, Варвара, — Кригер кивнул вбок и девушка, сидевшая рядом с ним, что-то быстро записала. — Мы вам позвоним, когда примем решение, что вы прошли в следующий тур.

— Спасибо...

Я вздохнула и направилась за своими вещами, валявшимися у зеркала.

— Не расстраивайся! — шепнула мне Яна — мы познакомились перед каким-то

кастингом пару недель назад. — Это еще ничего не значит...

— Ну да, фраза «мы вам позвоним» уже звенит в моих ушах и днем и ночью! — усмехнулась я.

— Они действительно в большинстве случаев не принимают решения сразу.

— Я знаю, но тебя-то сразу взяли! — я перекинула сумку через плечо и собрала пожитки — одежду, наушники, выпавшие из сумки, и телефон.

— Это уж вообще что-то невиданное. — Покачала она головой, поднимаясь и тоже забирая свои вещи. Мы разговаривали шепотом, потому что перед столом Кригера еще стояли девушки, с которыми он вел собеседование. — Я несколько месяцев ждала эту работу!

Мы молча вышли из зала, затворив бесшумно дверь. В раздевалке все еще галдели девушки, обсуждавшие кастинг. И можно было, наконец, разговаривать в полный голос.

— Да уж, «Французское шоу»! Об этом говорит весь Петербург.

— Весь танцевальный Петербург, — поправила меня Яна. — Всегда мечтала участвовать в каком-то маскараде! А здесь... я как-то видела их — они бесподобны! А то, как профессионалки переодеваются по пять раз за программу! Начинают с девушек кабаре и дальше, то возносятся до герцогинь, а потом снова падают до служанок... Жизнерадостность, мечты и сломанные надежды!

— Почти как моя жизнь, — покачала я головой, и мы расхохотались.

— Сначала нас, конечно, не пустят дальше массовки, но я думаю, со временем количество костюмов для переодевания за программу увеличится! — мечтательно говорила Яна, когда мы уже шли по улице.

Я усмехнулась. В эйфории она повторила эту фразу уже раза три.

— Я рада за тебя, правда! Ну что ж, пойду дальше в бюро добрых услуг. Может и в моем кабаре однажды будет маскарад!

— Не просто маскарад, Варвара! Королевский бал-маскарад!

Мы махнули друг другу и разошлись — Яна в метро, а я решила пройтись.

На работу сегодня не идти, домой не хотелось. Что там делать — Кита как всегда нет, а сидеть в четырех стенах — кутаться в свои гнусные мысли — больше не было сил.

Я долго шла по каким-то дворам, пиная оранжевые и красные листья. Сентябрь подходил к концу, настроение было ни к черту. И мифическая осенняя депрессия была не при чем.

Вот уже 24 дня, как я ушла от Стрелина. Нет, я не считаю дни, подобно сопливой барышне, просто сегодня как раз 24-е, а ушла я утром первого сентября.

У нас с ним прямо какие-то трогательные отношения с этой датой. Каждый год что-нибудь веселенькое да происходит.

Мы всю ночь накануне ругались... нет, не ругались, все ссоры закончились раньше. Я встретила его тарелкой, которой с наслаждением хотела запустить ему в голову, но вместо этого разбила об пол.

— С ума сошла? — спокойно поинтересовался он, проходя в кухню. И этот его вечно спокойный дурацкий тон и ироничное выражение лица — ну-ка, посмотрим, насколько у тебя хватит терпения — доводили меня до белого каления.

— Ты помрешь одиноким стариком на своем рабочем месте, а не дома в окружении семьи, — пообещала я мрачно, когда закончились силы орать. стакан с водой дрожал в моей руке, и я тяжело поставила его на стол.

— Многообещающе, — отозвался он, уходя из кухни. И я видела лишь его прямую спину и чувствовала это долбанное самообладание, исходившее от него волнами.

— Можешь объяснить, в чем дело?

— Пожалуйста, я даже список составила.

— Что, правда, что ли?

— Нет! — крикнула я. — Тебя никогда нет! Последние два месяца ты постоянно переносишь дату прилета, откладывая почти на неделю и сокращая пребывание в Питере, как будто я даже не стою того, чтобы освободиться ко мне раньше.

— Ты же знаешь, что это моя работа, — развел он руками, разгружая свой саквояж с вещами. — Мы сто раз с тобой говорили об этом, я предупреждал тебя, в конце концов, чем это может обернуться!

— Какой молодец, он предупреждал! Даже расстаться предлагал, предусмотрительный наш, а потом я его уговорила, нет, заставила! — руки все еще дрожали, и я не знала, куда их засунуть. — Заставила жить со мной! Навязалась, перевезла свои вещи...

— Варь, не говори ерунды, — он на секунду оторвался от чемодана и посмотрел на меня. — У нас просто тяжелое время, вот и все. И на работе постоянные напряжения...

— Я тебе уже все сказала про твою работу, — заметила я. — Твоя работа тебе дороже всего. И это правда, не отпирайся. Тебе приятно приехать сюда на три дня — есть куда и к кому, трахнуть меня, позвонить бабушке по телефону, потому что заехать ты опять же из-за работы не успеваешь, и улететь назад с очередным заданием! А ты еще и даты постоянно переносишь.

— Ты знаешь, что я люблю тебя!

— Ты думаешь, можно это брякнуть и бежать дальше с чувством выполненного долга? Сказал и исчез, как здорово, тещься, Варвара!

Мы посмотрели друг на друга.

Он отвернулся.

— Ты неправа.

— Я ухожу от тебя, — сказала я быстро.

Он резко повернулся, толкнув чемодан. Тот раскрылся, теряя остатки вещей.

— Что?!

— Может нам стоит отдохнуть друг от друга? Может... так что-то прояснится!

— Ты действительно этого хочешь? — он взглянул мне в глаза.

— Да, — я не дрогнула. Я действительно этого хотела. Избавиться от наваждения. Освободиться от постоянного ожидания какой-то катастрофы.

Я сама создала эту катастрофу.

Он долго вглядывался в меня, то ли ожидая продолжения, то ли подвергая мои слова сомнению.

— Ну что ж, — он отвернулся. Подошел к стенке и зашарил там, не меняя тона и не глядя мне больше в глаза. — Если ты этого хочешь... Может быть, ты и права.

— Эгоистичная скотина, Стрелин! — не выдержала я.

— А что? — он вроде бы даже удивился. — Останавливать я тебя не буду. Не привык действовать против чужой воли.

И ушел на балкон, достав припрятанную пачку сигарет.

А ведь как он хорошо изучил меня! Или просто всех женщин? Я ждала, конечно, ждала, что он остановит, запретит, закроет все двери на замки, обнимет, привычно протянет: «Ну

что ты выдумала, глупая моя?..»

Но едва он вышел, как я поняла, что это даже к лучшему, что он не остановил.

Я была дико зла. Я накапливала в себе злость все время до его приезда — не хотела высказывать по телефону, да он и не так уж чтоб очень часто звонил в последнее время.

И потом, у меня была еще одна причина, чтобы уйти. Она раздражала меня весь последний месяц, тянула на дно, мешала спать, за неделю истратила все сигареты в моей пачке, припасенной на месяц. Разговор. Разговор в предпоследний приезд Стрелина. Я думала о нем, даже когда Артем был в Санкт-Петербурге, думала ночью, глядя на его загорелую спину и лицо, повернутое ко мне...

Пока я собирала вещи, Стрелин курил на балконе. Ни разу не вышел оттуда. Много скурил, наверно, больше, чем за весь год. Было четыре часа утра. Я вызвала такси и уехала к Никите.

...Я не собиралась останавливаться. Я знала, что мне нужно. Танцы. И сейчас. И всегда. Слишком долго я не танцевала. Слишком долго. То, что было в театре Смирнитского, не считается. Так, разминка, работа, требовавшая от себя слишком много сил — сложнее было все это поставить, поэтому я не ощущала эйфории от танца. Тогда я, помнится, вообще не ощущала никакой эйфории. Протянуть бы день до вечера — и ладно. Все на шаг ближе в Питеру.

Питер был избавлением. Так я думала. Но на самом деле избавлением был весь тот путь, что я прошла. Работа, отношения в семье, театр Смирнитского и самое главное — Максим.

Я пыталась танцевать в коллективе Насмешевой несколько месяцев, но, признаться честно, это тоже нельзя принимать во внимание. Так, жалкие попытки снова выбраться на сушу.

Это было сродни возвращению в полузабытый детский мир, откуда был изгнан с позором. Я заново открывала для себя его, с неожиданным восторгом и изумлением встречая каждую попадающуюся на глаза знакомую деталь. На каждом кастинге я с неясным чувством входила в комнату, где переодевались и растягивались, разминаясь, десятки юношей и девушек, которые тоже были или хотели быть частью этого мира.

Когда-то Смирнитский был прав, сказав, что однажды мне все равно придется вернуться к этому. Но тогда это было как откат назад, сейчас я готова была идти дальше.

...Я облокотилась на парапет и бросала в Фонтанку подобранные во дворе листья. Желтые, оранжевые, красные. Они расправлялись в воде, и ветер тут же уносил их куда-то вперед, готовых к долгому плаванию. А ведь вполне возможно, что какой-то из этих листов увидит много всего интересного. Другим же суждено навсегда утонуть или уткнуться в каменную стену.

Что готов показать Санкт-Петербург тому, кто хочет увидеть?

У преподавателей из «Академии танца» я нашла телефон Марины Яковлевны Старостиной. Той, при одном упоминания о которой, сегодня разошелся Кригер.

Это была девушка лет 25, темноволосая, с быстрым и уверенным взглядом карих глаз, энергичная и влюбленная в танец. Также в прошлом занималась бальными танцами, была чемпионкой Европы. Потом решительно подалась в жанры уличных танцев и полностью переключилась на них.

Мы вспомнили боевое бальное прошлое, своих преподавателей, и почти тут же подружились. В последнее время Старостина все любила повторять, что я очень похожа на нее, а еще чтобы я не раскисала, а моталась, как ненормальная по кастингам, чтобы стало

легче.

Но она зря агитировала. Мне было абсолютно нормально, я-то как раз и разгорелась желанием действовать.

Очень долго я не понимала, чего хочу. Я привыкла все виды деятельности, которыми занималась, считать просто хобби, не стоящими внимания. Танцы, фотография, дизайн — все это было здорово, но не для студентки факультета журналистики, которая так долго готовилась туда попасть. А в итоге выяснилось, что все, что я считала пустячками, приносит пользу. И не только мне, вот что главное. Людям действительно нравились мои фотографии. Они действительно заказывали мне верстку своих изданий и дизайн сайтов.

И в один миг мне пришел в голову вопрос: почему и танцы не могут оказаться в той же категории, где фотография и дизайн? Да, сейчас я просто обожаю танцевать, а почему бы не заниматься этим постоянно?! Ведь об этом я и мечтала — найти дело, которым могла бы заниматься всю жизнь!

Это было просто. Слишком просто, поэтому и не приходило мне в голову!

И как-то так выяснилось, что танцы затмили в моей голове все: и журналистику, и дизайн, и фотографию. Это было «над». Как бы объяснить?

Я помню, с каким непередаваемым чувством всегда смотрела на Никиту, когда он работал на ТВ. И даже сейчас так смотрю. С каким воодушевлением он бежал на работу, зная, что вернется домой ночью, уставший, погрязший во всем этом, и спать ему отведено всего несколько часов, потому что потом снова — интервью, студия, текст, монтаж. Я смотрела на него и считала себя бездарем и ничтожеством от журналистики. А потом мне пришло в голову, что это все оттого, что это «не мое» дело. Это его. И я мечтала однажды найти что-то такое, в чем без зазрения совести и без всякой задней мысли, можно было бы погрязнуть.

И оказалось, что я давно нашла это дело.

Иногда я просто усидеть на месте не могу — так мне хочется танцевать. И вообще, неважно, что когда-то я бросила танцы, они остались со мной, во мне. Постоянно. Эту привязанность не вырежешь ножом, не выгрызешь зубами... я люблю танцевать, потому что в этом суть моя. И действительно все равно, сколько человек перед тобой сидит и видит ли тебя вообще кто-нибудь. И я завидую тем, кто занимается танцами постоянно и не потому что они часто появляются на сцене.

Есть в этом что-то необыкновенное или наоборот, такое обычное, что кажется странным, как все оказывается просто. Это ведь так легко и прекрасно. Это сродни возвращению домой. Ты называешь музыку, под которую танцуешь, своим лучшим другом, каждое движение рождает не твое тело, а твоя душа, но тело в этом самый верный помощник.

Признание?.. Хм... мне кажется, это неважно. Черт возьми, да это вообще ничего не значит, когда твои тело и душа настолько близки с музыкой! Признание может помочь разочаровавшемуся в своих силах танцору сделать первый шаг к познанию своего величия. Ты и только ты творишь это, вот, посмотри на себя!.. В конце концов, можно даже поставить перед собой зеркало. Но признание не поможет бездушному, автоматически исполняющему свой долг танцору познать чувство окрыления, полета, счастья, в конце концов!

Что такое? Варвара Трубецкая, облокотившаяся на парапет, разметавшая кудрявые короткие волосы во все стороны, стонет, как в плохом фильме?.. Не будьте строги, те, кто морщатся сейчас, слушая ее. Когда-то она была в ваших рядах. Не бойтесь, она и осталась

там. Но, в отличие от вас, закатывающих глаза и мечтающих покровсать весь этот пафос, она знает кое-что, что вам пока неизвестно. И ваше счастье найти это хоть однажды, избежав круга. Того самого, из которого не вырваться.

Счастье — это когда тебя понимают...

Подумать только, фразе столько лет, а она еще переживет всех завзятых циников!

— Какие люди! Медитируем, депрессируем, наслаждаемся чудной... хм... погодкой? — по плечу меня хлопнула тонкая ладонь и рядом очутилась Мика.

— Наслаждаемся жизнью, — любезно ответила я улыбаясь. — Вот так и приходится встречаться, как судьба пошлет!

— В этом есть что-то... ммм... взрослое? Старое?

— Ну уж нет! — возразила я. — Куда ты?

— В свою любимую редакцию за заданием, потом на радио!

— Радио «Эрмитаж»?

— Да уж! — усмехнулась она. — Сплошное веселье и свобода! Зато чаем напоят. Но постоять с тобой и помедитировать я еще минут пять вполне могу.

— Это весело, присоединяйся. Только если совсем ни о чем не думать.

— Что-то случилось? — настороженно проговорила Мика. — У тебя же сегодня был кастинг? И как?

Я пожала плечами. Мне не хотелось об этом говорить.

— Никак. «Мы вам позвоним!» — передразнила я елейный голосок Кригера.

— Ну... подумаешь! — преувеличенно бодро заговорила Мика. — Это у тебя какой по счету был?

— Я не считаю их. Не хочу превращаться в параноика.

— А все-таки? — деловито поинтересовалась подруга.

— 9-ый, — буркнула я. И выпрямила плечи. — Но это все фигня. Беспокоиться можно только, когда перевалишь за 20-ый отказ. Пока же все хорошо. Набираю очки.

— Или теряю... — заметила Мика. И я будто видела, как пропали зачатки ее буйного настроения.

Зачатки — это к той, маленькой прежней Мике, которая сейчас сидела внутри этой загорелой, собранной, улыбчивой красавицы.

Такой она вернулась с Черного моря вместе с геологами и Вадимом. Вроде бы уже не та, что была весной, но и не та, что была «до». Она вернулась и сразу нашла работу, даже две — на радио «Эрмитаж» и в журнале «Time Out Петербург», который освещал культурные события. За вторую работу держалась и уже любила ее горячей студенческой любовью, перекидывая всю свою буйную, сидящую глубоко энергию на нее.

Но она по-прежнему была этой закрытой дверцей, к которой вышеупомянутому Вадиму никогда не подобрать ключа. Настоящее Мика спрятала глубоко, очень глубоко, и лишь мы с Никитой видели его до сих пор, точнее, знали, что именно его скрывает там Мика. Именно поэтому она до сих пор общалась с нами непозволительно по прежним временам мало. Мы это настоящее выдергивали наверх, поближе к теплу и нормальным людям. А она замыкалась в себе и ощетикивалась, как еж.

— А мне Вадим предложение сделал... — быстро выговорила Мика, когда мы молча смотрели на буйную воду.

— Что?! — я резко обернулась и едва не стукнула ее сумкой. — Что? Когда?

Да, еще одна новость. Она начала встречаться с ним там, на юге. Не вынесла душа

поэта....

Он не то, чтобы нам с Никитой не нравился, хороший парень, интересный... временами. Но не ее. Абсолютно. Вежливый, приятный, даже слишком (наверно, поэтому так тошно от его присутствия), когда мы с Никитой видели его, всячески старался «соответствовать».

Ужасное слово «соответствовать». Амебность какая-то, а не слово!

— Вчера, — откликнулась Мика спокойно. Я поражалась и тихо бесилась.

— Отец знает?

— Нет, конечно, я же не сумасшедшая! — закатила она глаза. И я на мгновение улыбнулась прежней Мике, помахававшей мне рукой и подмигнувшей осторожно. — Я еще не знаю, что мне с этим делать...

— Если не знаешь, то тогда выход один — отказать! — решительно заявила я.

Она покосилась на меня.

— Ну да. Но он... он хороший, — выдавила она. — Интересный.

— У меня в последнее время появились подозрения, что у слова «интересный» есть синоним «никакой», — высказалась я. Наверно резко, но слишком зла была.

— Варвара!

— Прости, он не «никакой». Он просто другой, — откликнулась я.

— В общем, я все поняла. Но не требуй от меня ответа, никакого, вообще. Мне надо подумать.

Я вздохнула. Это надежды не внушало.

— Приходи сегодня к нам, а? Кит обрадуется. Мы давно не собирались все вместе! Устроим грандиозную пьянку!

Она посмотрела на часы, с сомнением выслушав мое предложение, залезла сумку, посмотрела в телефон, и только потом призналась, подняв глаза:

— Я соскучилась по Киту.

— Ну вот. Отлично. Мы тебя ждем!

Мы одновременно шагнули на тротуар и прежде чем разбежаться, Мика спросила:

— Как там, со Стрелиным?

— Никак.

Что-то не помню, когда мы в последний раз так напивались.

Через два дня позвонил Марк.

— Ну вот, соизволил-таки, — проворчала я. Мы практически не виделись летом. В Воронеж я приезжала всего раз, после сессии, на две недели. Он приехал под конец, и провели мы вместе от силы дня четыре. Затем я навестила его в Москве в конце июля. Он много работал и таскал меня по своим друзьям-актерам. И друзьям-не-актерам тоже.

Я была расстроена. Это был... немного не тот Марк, которого я любила. Он как-то сторонился меня, нет, волновался, чего-то, постоянно куда-то спешил, лишь бы не оставаться со мной наедине, знакомил с друзьями и буквально навязывал им.

«А вот этого видела? О, да я вас сейчас познакомлю! Это Коля Пархоменко! Он на курс старше, потрясающий парень!»

Я быстро уехала и перестала звонить ему — все никак не могла отойти. Но он позвонил первым, будто ни в чем не бывало, и по телефону был тем же привычным Марком.

В последнее время у меня поднималось чувство обиды на всех своих близких друзей, для которых я будто стала инквизитором, приезда которого ждут и боятся.

Ну что ж, эти два дурака пусть сидят по своим городам, еще один дурак пусть вообще

вечно пребывает в другой стране, а я, пожалуй, займусь танцами. Если вы не возражаете, конечно.

— Варя!

— Да!

— Ты спишь?

— Уже нет. Ладно, рассказывай.

— Что рассказывать? — хитренько поинтересовался Грозовский.

— Что там у тебя за секреты были, о которых ты мне намеревался рассказать, если все получится. Получилось?

— Да. — Марк тянул паузу.

— Ну...

— В общем, меня взяли сниматься в рекламу...

— Да ты что?!

— И я снялся... и все.

— Что и все? — растерялась я.

— Включайте телевизор и смотрите! — провозгласил Марк. — А можете ролик в Интернете глянуть!

— Правда? А что за реклама?

— Мобильных телефонов. Мою шевелюру ты разглядишь невооруженным глазом. Она будет еще светиться на солнце!

— Ладно уж, гляну, — рассмеялась я.

— Мне уже мама звонила, похоже она считает, что я теперь знаменитость... И все родственники, конечно, уже тоже в курсе!

— Но это здорово, Грозовский! Глядишь и куда-нибудь посерьезнее пройдешь.

— И это еще не все, — торжественным тихим голосом поведал Марк.

— Да ладно, — не поверила я.

— В общем, недавно я снялся еще в короткометражке.

— Правда? Кто режиссер? Как ты туда попал?

— Исключительно по благу.

— Серьезно.

— Серьезно. Максим — режиссер. Они с друзьями придумали какой-то проект. Такая еще тема простая... молодежь или студенты или что-то вроде этого. В общем, о буднях нынешней молодежи. Университеты, провалы, мечты. Все там. Они хотят сделать несколько роликов и пропихнуть это куда-нибудь, к знакомым потыкаться... Может, и выйдет что-то.

— Они хотят сделать из этого серию?

— Ну что-то вроде этого. Хотят предложить это как проект.

— Это же должен все кто-то спонсировать... — посетовала я

— Вот в этом-то вся и проблема... — вздохнул Грозовский. — Варька!

— Что?

— Хватит придуриваться!

— Я придуриваюсь? — с улыбкой в голосе спросила я.

— Естественно. Это ведь ты подговорила Максима.

— Что я сделала?! — поразилась я.

— Отлично играешь, — поцокал языком Марк. — А теперь правду, пожалуйста.

Я вздохнула.

— Марк... это было просто не лучшее время для тебя и... я решила, что тебя надо вытащить срочно из этого состояния... — тема была щекотливая, даже без упоминания некоторых имен.

— Но как ты связалась с Максимом? Вы же... уже два года не разговариваете!

— Через Яшу. Позвонила и попросила передать — ты же сказал как-то, что они общаются! Вот я и объяснила все и знала, что Смирнитский передаст все лучшим образом. Да и Максим не дурак — сам, я думаю, к тому времени сообразил, что это будет нелишним.

Мы помолчали.

— Как странно поворачивается все иногда... — подумал вслух Марк. — Это был действительно отличный план. Спасибо.

— Ну Грозовский, — улыбаясь, протянула я. — Давай без стонов, а?

— Хорошо, — проворчал он. — Расскажи лучше, как ты там? Что у вас вообще... вообще новенького?

— Нормально. Завтра кастинг очередной. Сейчас сезон — надо на них ходить. Получать отказы уже не так тяжело.

— Варька, ты отличный танцор, я всю жизнь тебе это говорю!

— Марк, таких танцоров сейчас пруд пруди, понимаешь? Ты бы видел, какая толпа ходит! Многих я уже узнаю, здороваюсь. Мы уже почти не конкуренты здесь... так, старые друзья.

— Трубецкая, ничего не выходит сразу. — Убеждал Марк. — А если и выходит то, это надо уметь удерживать! Но у тебя все выйдет, я в этом не сомневаюсь! Ты же не просто одна из толпы, ты сама по себе, Варвара Трубецкая!

— Спасибо, Грозовский. Я знаю, что однажды получится. Просто иногда... даже не знаю...

— Я понимаю. У всех так бывает. И вообще, ты же знаешь, сегодня не вышло, выйдет завтра!

— Да... — усмехнулась я и вздохнула. И помолчала в трубку. И решила все же сказать: — Марк, а ты знаешь, что Мике ее Вадик сделал предложение?

На том конце воцарилось молчание.

— Марк. Марк!

— Тот самый... папочкин? — изменившимся голосом осведомился приятель.

— Да.

— И что она ответила? — казалось, он даже дыхание затаил там.

— Она думает, — шепнула я. — Но...

— Я все понял, — буркнул он. — Пока.

И, не дождавшись ответа, бросил трубку.

Кому-то покажется, что я сделала это специально? Ну что сказать, в конце концов, меня же не заставляли молчать!

И потянулся дождливый безнадежный октябрь. Некуда спастись, некуда. В такую погоду и вставать-то не хочется, а приходится бегать на ногах весь день. Люди стали неотделимы от своих зонтов и плащей, узнать кого-то в этом мокром потоке казалось почти невозможным.

Я не хотела праздновать свой День Рождения. Те, кого бы я хотела видеть там, совсем теперь не сочетались вместе, поэтому этот день я провела в университете, редакции и

танцевальном зале Старостиной, куда она, пресекая мои запреты, принесла бутылку шампанского. Мы открыли ее под стук дождя в крышу. В полутемном зале было тепло и сухо, дождливые полосы растекались по стеклу.

И казалось, как это бывало и раньше, что мир сузился до этой комнаты, до этого стука, до этих капель.

...Мы столкнулись в начале ноября в «Доме книги». Мы не виделись два месяца.

Стояли рядом у одного вертящегося стеллажа, я с одной стороны, он — с другой. Стеллаж повернулся, я шагнула за ним и столкнулась с Артемом нос к носу.

— Мир тесен, — усмехнувшись, заметил он, ставя книжку на место. — Привет.

— Привет, — ответила я.

Он сунул руки в карманы, вскинул подбородок.

— Как дела, Варька?

— Хорошо.

— Я рад.

Мы стояли как два дурака посреди прохода. И молчали. Какие-то школьницы, пробегая мимо, посмотрели на Стрелина и захихикали. Я проследила за ними взглядом и шагнула к высокому светлому окну.

— Да, Стрелин, популярность твоя, я смотрю, все так же на высоте.

— Что?

Я обернулась на него и засмеялась. Он как всегда ничего не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Одно и то же.

— Не думала, что можно застать тебя в Питере.

— Послезавтра... улетаю, — он посмотрел на меня и быстро отвел глаза.

— Как Софья Львовна?

— Прекрасно. Недавно переехала с дачи.

Мы не знали, как заговорить друг другом. Любой разговор ломался и съезжал с катушек.

— А знаешь...

— А знаешь...

Мы начали одновременно. Пересеклись взглядами и умолкли на полуслове.

...Посмотрите-ка на них. Да-да, смелее. Посмотрите повнимательнее, чтобы запомнить двух дураков, которые ходят вокруг да около, сбиваются лбами и сами выдумывают себе проблемы! Они кретины, потому что не ценят то, что находится у них прямо под носом и пытаются искать то, сами не зная что! Судьба подарила им уже столько уникальных шансов. Неизвестно почему, но она продолжает возиться с ними, как с маленькими детьми, забыв про несчастных, действительно несчастных с их проблемами, действительно проблемами! Она постоянно сталкивает этих глупцов, делает им неожиданные подарки, но они продолжают играть в свои игры, испытывать друг друга на прочность, обрывать реплики на половине и включать гордость там, где следует и где не следует! Но на этом все... Судьба умывает руки. У нее вообще-то полно подопечных, так что пусть эти двое справляются сами. Отныне и навсегда!

Судьба ушла, покачивая головой, пока Стрелин — вообще умный, уверенный в себе, решительный парень, а не тот пентюх, что стоит сейчас и то краснеет, то бледнеет, как 15-летний школьник! — думает свои невеселые мысли, глядя на Варвару.

Почему ты так смотришь на меня? Чему ты вечно готова смеяться? Убери хоть раз, сотри хоть на мгновение эту свою улыбочку, прекрати прятаться за ней, прятать за ней все,

что так давно хочешь мне сказать! А ты ведь хочешь, я знаю, ты ведь и правда не думаешь, что за два несчастных месяца что-то могло измениться? Да нет, конечно, не думаешь, я-то знаю это точно. Ты можешь морочить голову кому угодно и кто угодно поверит, но не я. Потому что я ждал тебя слишком долго... Больше двадцати лет.

Не помню, говорил ли я тебе, что ни в кого никогда не влюблялся? Говорил, кажется. Никогда. Ты была первой, и я знаешь, сразу тебя узнал, только вот засомневался в первое мгновение. Но это быстро прошло. И я все удивлялся, помнится, как ты меня нашла? Такая, смешливая, недоверчивая, уверенная в себе и вечно в себе сомневающаяся (раньше я не думал, что это возможно), цепляющаяся за свои воспоминания — за все, плохие и хорошие, наблюдательная, мечтающая изменять мир и изменяться, и еще черт знает какая!

Я думал, мне достался такой приз, который каждый день будет перед глазами, за который не нужно будет расплачиваться! Но я ошибся. А ведь я мог до бесконечности смотреть и слушать, как ты улыбаешься, шутишь, называешь меня принцем, показываешь язык, фотографируешь все подряд, умиляешься над бездомными кошками и собаками, придумываешь историю жизни каждому человеку, сосредоточенно рассуждаешь о попсовости и высокомерности арт-хауса; запихнув в рот сигарету, назло мне куришь, ожидая моей реакции; сворачиваешься в позу эмбриона и укрываешься пледом, когда грустно; потягиваешь вино и делаешь еще кучу вещей — смешишь, злишь, радуешь, обижаешь, извиняешься....

Теперь тебя нет, я уже неделю дома, и мне даже не с кем поделиться этой неожиданной радостью. Я пробовал испечь пирог, который ты всегда пекла к моему приезду, но прогорел. Бабушка уже трижды отказывалась со мной разговаривать, потому что я позволил тебе уйти тогда. Она сказала, что моя гордыня никому не нужна и хватит мучить людей и обвинять во всем свою мать! В конце концов, заявила, что я непорядочен и бросила трубку. Она была зла, серьезно. А я весь вечер думал лишь про Крюков канал, в воде которого мы так любили отражаться, и про того самого 15-летнего мальчика, что метался по перрону, ожидая маму. Ему, такому гордому, строившему по ночам планы по завоеванию этого мира и спасению бабушки, тайком убегавшему из дома, чтобы поработать грузчиком, нужно было всего лишь знать, что его любят.

На самом деле я думал, что долго оставался тем 15-летней, много лет, пока ни встретил тебя.

— Знаешь, на работе уже начали готовить бумаги по моему назначению...

— Правда? — по моему лицу, он, видимо, понял, что сказал что-то не то. — И... куда тебя отправят?

— Пока планируют в Австрию.

— Да ты что? Ну, поздравляю.

— В любом случае, это будет только через пару месяцев.

— На самом деле, это не так уж много, — осторожно заметила я.

Ха, Трубецкая, «не так уж много», да ты прекрасно теперь знаешь, что два месяца — это ужасной длинный срок, у этого времени нет границ, он за гранью привычных рамок! Ты... у тебя ведь не осталось больше сомнений, что ты сделала все правильно, да?

Нет, Варя, ты сделала ужасную ошибку и даже несмотря на то, что твои страхи подтвердились! Ты ведь знала, что делала, собирая вещи! Ты ведь знала, что все так и будет, потому что ты слышала тот разговор в аэропорту, слышала! Именно он не давал покоя, разбивал мечты, мешал планам, лишал сна! А теперь ты хочешь сказать, что тебе плевать?

Мне не плевать. Но прошло уже два месяца, а пройдет еще два, прежде чем он уедет, и теперь ты точно знаешь, что ничего не изменится, как не изменилось за все это время без него. Это был дурацкий правильный план, как и все продуманное в нашей жизни! В твоей жизни, Трубецкая! Планы и ты — слова несовместимые.

Солнце заливало здание аэропорта — очень красиво. Свет шел из стеклянных дверей, пронзал толпу и даже, кажется, затмевал голоса. У света не было имени, он лился со всех сторон и был самым значимым персонажем того дня. А ты летела встречать его. Ты вошла, нет, влетела, роняя поминутно то телефон, то ключи от машины, то сумку... Ты опаздывала. Рейс Стрелина уже прибыл и почему-то тебе стало вдруг страшно, что сегодня все будет не как всегда. Всегда ты уже стояла и ждала его, когда он проходил таможенный контроль. И ты видела его первым, а он тебя нет, и ты следила за его выражением лица, и издалека гадала, что за новости он привез, что за мысли роятся в его голове, изменился ли он или остался прежним! И первым, кого он видел — тебя. Всегда. А в тот день ты опоздала. Ты долго стояла в пробке, а перед этим долго собиралась, и, как выяснилось, еще не сразу смогла закрыть ключом дверь — замок заедал.

Так что ты страшно опоздала — ты так думала — и когда влетела в сверкающий, заполненный светом зал, пассажиры со Стрелинского рейса всюю уже обнимались со встречающими. Ты завертела головой, разыскивая его, и не увидела, нет, услышала голоса за своей спиной. Знакомый голос принадлежал Стрелину, незнакомым был голос его начальника, к которому он обращался по имени отчеству. И Артем не сразу заметил тебя, именно потому что свет бил ему прямо в глаза. А ты боялась повернуться и лишь слышала, как они обсуждают скорый — скорый! — переезд в другую страну. Да, Австрия определенно прозвучала в том разговоре! Так вот, они обсуждали, разговаривали про формальности, договаривались временно об этом молчать и ждать часа.

А ты... сердце твое пропустило пару ударов точно! Пока жизнь прямо на глазах катилась под откос, ты понимала, что теперь тоже обречена ждать часа. И ты ждала, и гадала, и не спала, и копалась в себе... и в общем, об этом все ясно.

Поэтому сейчас лучше... ну как бы, не строить иллюзий, только потому, что он стоит напротив и о многом молчит, и ты так соскучилась по нему, что темнеет в глазах от одной мысли, что лучше не прикасаться и не брать его за руку...

Все правильно.

Твое молчащее «ты» застынет во мне своей несокрушимой массой и под этой тяжестью я уже не смогу сдвинуться с места. Бесполезно.

И я знаю, поверь мне. Пока я мучаюсь и пытаюсь справиться со всем этим, ты продолжаешь жить. Ты живешь в своем мире. Каждый день куда-то бежишь; знакомишься с новыми людьми; смеешься в кино с друзьями; боишься не успеть на задание; забываешь поливать цветы на окне и мечтаешь завести рыжего кота; пропускаешь телефонные звонки от бывшей девушки; ловко отвязываешься от новой, когда у тебя плохое настроение; вместо посиделок с друзьями выходишь из дома и бродишь часами по улицам лишь потому, что во время ходьбы тебе лучше думается; находишь новые интересные книжки на развалах; возвращаешься как-то утром из командировки; всю ночь смотришь старые советские фильмы; просыпаешь все на свете; мчишься по делам, не разбирая дороги; забываешь снять чайник с плиты, оставляешь ключи в замке; запрыгиваешь в автобус на ходу, растерянно смотришь на себя в зеркало и думаешь (в который раз за месяц), что пора подстричься и все дальше, дальше, дальше. Ты так и живешь. И твое молчащее «ты», даже если ты об этом не

думаешь, живет вместе со мной. И я все также буду думать, ты не беспокойся, но со временем все меньше и меньше, пока однажды ни проснусь с мыслями о чем-то своем, вполне обыкновенном, а не о тебе. И так будет правильно. Станет правильно.

Все наконец, на свои места.

— Я всегда любила танцевать. Это было занятие, знакомое мне с детства. Не было и не могло быть ничего проще и естественнее, чем танец. Здесь не надо быть гением, нужно лишь уметь слушать. Как уметь слушать других людей — не просто звук их голоса, но и то, что они говорят — так и музыку, то, что она пытается передать нам. Наверно поэтому все хорошие танцоры очень внимательны к другим людям.

Но я сама не считала себя хорошим танцором. Очень часто стала думать, что, возможно, начинаю терять навыки? Но все было не так. Я начала терять лишь уверенность в самой себе. — Я вещала, остановилась на секунду, обвела глазами четверых человек, сидящих передо мной и, глубоко вздохнув, продолжила. Трудно было начать говорить по-английски, но, начав, я уже не могла остановиться. Наверняка, я допускала ошибки, но важнее мне было передать, что я думаю. — И однажды я пришла на танцы, и все про это поняла. Знакомство с современными танцами я начала давно — в любительском театре. Я ставила там танцы в спектакль, времени было мало, и я самостоятельно осваивала разные виды танцев. И только переехав в Санкт-Петербург, я занялась танцами у профессионалов. Сменила несколько школ, а теперь уже полгода занимаюсь у преподавателя.

Собеседование мы проходили по одному. Я попала в группу, которая прошла во второй тур кастинга. Это было не очень сложно, я подозревала, что самое сложное только впереди. Сегодня было человек сто. Да нет, конечно, меньше, но не намного. Нас разбили на группы по двадцать человек и велели танцевать выученный только что кусок. Упавших, оступившихся, сбившихся, убирала сразу. В итоге отобрали как раз двадцать человек.

Теперь собеседование. Еще одно испытание.

А ведь прием на первый тур идет уже не первый день, и окончится только дня через три.

На этот мюзикл, который продюсировали какие-то американские шишки, был безумный кастинг! Оно и понятно — он пользовался безумной славой в Америке среди детей и взрослых, его развезли по некоторым странам Европы, поставили в Москве только недавно, вот теперь дошла очередь до Петербурга! Это была сказка «Рапунцель». Волнение стояло страшное.

Ходили слухи, что с отобранными заключат контракт на полгода, и платить будут так, чтобы можно было смело утверждать, что продюсеры — точно американцы.

Старостина готовила меня за месяц. Она говорила, да и сама я объективно понимала после стольких отказов — нам нужно было, наконец, прорваться. Опыта мы набрались, растанцевались, держаться уверенно научились — можно и к действиям переходить.

Мы практически не вылезали из танцевального зала.

И вот, сегодня, пожалуйста.

Я сразу поняла, что лучше обратиться к блестящим, уставшим, перешептывающимся американцам лично, хотя среди них и сидел переводчик.

Но что-то меня толкнуло, и я заговорила.

Их было двое: один невысокий, юркий, постоянно куривший, готовый в любую минуту вскочить и вместе с другими танцорами запрыгать по залу, показывая как надо; другой — высоченный, пожалуй, слишком бледного, болезненного вида, но с умными живыми

глазами, периодически негромко останавливающий своего чересчур эмоционального коллегу. Они мне нравились, хоть и оттачивали периодически резкие фразы, будто штамповали их. Но говорили они по делу и еще никого не выкинули просто так, без причины.

Я устала, пот катился градом, но это был настоящий драйв — и танцевать и говорить. Волнение прошло, я, как и когда-то в студии у Смирнитского, подходила достаточно близко и ничего не боялась.

Рассказывала о преподавателях, бальных танцах и детстве, когда я боялась танцев больше всего. И что удивительно, они слушали и задавали все новые вопросы, хотя за мной оставалось еще человек пять. А еще, когда я не могла подобрать нужное слово они, добродушно смеясь, помогали. Потрясающие люди.

Наконец, я замолчала и посмотрела вопросительно на переводчика, хореографа и режиссера, который выступал в качестве русского представителя. Они, кажется, слегка обалдели от состоявшегося только что разговора. Переводчик, лишенный работы, переглянулся с режиссером и налил себе стакан воды.

Американцы о чем-то шептались. Потом привлекли хореографа и режиссера, и еще пошептались минут пять. Я смотрела в окно.

— Ну что ж, — возвестили они, договорившись. — Можем вам сразу сказать, Варвара, — это звучало, как «Барбара», — что вы переходите в третий тур. Заключительный. Если и там все пройдет успешно, то можно будет считать, что вы уже в составе труппы.

— А... когда третий тур? — слегка ошалев, спросила я. Они еще никого не перевели в третий тур сразу.

— В пятницу. В 11 утра. — быстро сказал маленький юркий.

Я помолчала.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Пожалуйста, — неожиданно по-русски ответил американец. Правда, это прозвучало довольно потешно, но все равно акцент был не очень сильный.

Все, сидевшие за столом мужчины, посмеялись. Я неуверенно подхватила. Затем помахала рукой на прощанье и ушла.

У меня было чудесное настроение.

...Пока не позвонил телефон.

— Алло, кто говорит, слон? — я дурачилась, потому что на дисплее высветилось, что звонит Мика.

— Спасибо тебе большое, Трубецкая! — откликнулись на том конце провода любезно.

— Большое пожалуйста. А в чем дело? — растерянно поинтересовалась я.

— Зачем ты сказала Марку про предложение?

— Про какое предложение? — я сразу поняла, о чем она. Но уж пусть будет доброй и объяснит.

— Не корчи из себя идиотку! Про то, что мне Вадим предложение сделал!

— А это была тайна? Вы и жениться собирались тайно, чтобы никто остановить не успел?

— Варвара!

— И что, собственно, может изменить Марк, если уж ты захочешь выйти за Вадима?

— ...

— Нет, ответь, правда!

— Я хотела сказать ему все лично! Как-то, ну не знаю, обсудить с ним...

— Ты хотела лично сказать любимому человеку, что выходишь замуж за другого? Или ты хотела спросить у него разрешения? — поразилась я. — Мика, что ты делаешь, опомнись! Зачем тебе это? Потому что папочка думает, что вы любите друг друга до потери пульса?!

— Да нет, не так!

— А как?

— Я запуталась, — тихо призналась Мика. — Я очень благодарна Вадиму, он постоянно был со мной, возился, когда я только рассталась с Марком, он сказал, что все равно будет рядом, даже если я пока не готова быть с ним...

— Какой-то тряпка, а не парень! — в сердцах воскликнула я.

— Да нет, ты не понимаешь.

— Я понимаю, все понимаю. Но Мик... из-за чувства благодарности не выходят замуж. А даже если и выходят, то долго вместе не живут. Ты же на моих глазах ведешь себя как какая-то истеричная глупая дура, как в сериалах, которая сама не знает, зачем совершает глупости, но делает это и еще с пафосом в голосе говорит, что будет страдать, потому что это ее долг!

— А что ты мне предлагаешь делать? Отказать Вадиму, только потому что Марк — напыщенный, пустоголовый мальчик, у которого гуляет ветер в голове, — тогда сможет возрадоваться и успокоиться?!

— Нет, не поэтому... Мик, Марк — напыщенный, пустоголовый мальчик? У него ветер гуляет в голове? Ты ли это говоришь?

— Да, — голос Мики слегка дрогнул в трубке. — Потому что он позвонил мне и наорал, как будто я провинившаяся школьница перед учителем! Я еще и слова ему не сказала про то, что Вадим сделал мне предложение, а он уже разразился тирадой, что я ненормальная, что Вадим — идиот, которому я и в подметки не гожусь, что я иду на поводу у своего папаши! И в общем, я не буду это повторять! Ему легко говорить, сидя в Москве...

— Я не думаю, что ему так уж легко.

— Да? Я не увидела никаких его страданий и переживаний, что я выхожу за кого-то там замуж, я слышала лишь, что я ненормальная и что я иду на поводу у своего папаши! И все на меня накинулись, хотя я даже сказать не смогла, что я не буду выходить за Вадима! А теперь... что ж, раз Марка это так бесит, посмотрим, что будет, когда я на самом деле выйду за Вадима замуж!

Я остановилась в какой-то арке, так и не выйдя на улицу. Обернулась по сторонам и ничего не увидела.

— Подожди, Мика. Ты не собиралась выходить за Вадима?

— Не собиралась. А теперь я уже и не знаю.

— Ты блефуешь! Ты не выйдешь замуж назло.

— Хм.

— Мика!

— Я никому не нужна. Кроме отца и Вадима. Так что... почему бы и нет?! — зло выкрикнула она напоследок и бросила трубку.

Я слышала лишь сигнал отбоя и как дура осталась стоять с телефоном в руке.

— Серия первая. Как нормальная девушка превращается в законченную глупую истеричку. — просигнализовала я, вбежавшей в арку собаке. — Ну и сериал!

Воспоминания действующего лица

Качели были большие, а Мика на них — маленькая. Ей было шесть, она почти ничего не весила и ростом к тому же была весьма мелковата. Качелей она боялась до ужаса. Как только ее начинали раскачивать, она бросала едкие прутья, оставляющие на руках холодные красные отметины, и закрывала ладонями лицо. Ей казалось, что унести ее может любое сильное раскачивание. Папа смеялся.

Он смеялся, каждый раз подхватывал ее с качелей, когда она пугалась, и высоко подкидывал. Тогда Мика начинала визжать и смеяться на весь двор вместе с отцом. У отца на руках она ничего не боялась: ни высоты, ни ветра, ни огромных качелей.

И тогда отец садился вместе с ней, и с ним ей там было уютно, она хватала его широкую теплую ладонь и клала себе на голову. Лбу сразу становилось горячо. Папа отталкивался от земли ногами, и постепенно качели начинали раскачиваться все быстрее и быстрее, быстрее и быстрее, пока Мика не начинала визжать и стонать от восторга. Такого шума в ушах, таких эмоций она не получала больше никогда, даже на самых страшных каруселях.

...Когда мамы не стало, отец пришел с ней на те качели в последний раз. Они больше не смеялись, не визжали, не подпрыгивали и не качались. А Мика перестала бояться. Это же всего лишь качели... что такого может случиться? Есть намного больше вещей, которых стоит бояться, а качели — это счастье. Сплошное счастье — то самое, за которое не предъявят счет.

...Мика открыла глаза и прислушалась. Из соседней комнаты не раздавалось ни звука. Отец спал. В начале декабря у него вдруг начался грипп, и Мика ухаживала за ним, как за маленьким ребенком. Несколько дней держалась высокая температура, которая сегодня уже начала потихоньку спадать.

Но он по-прежнему много и крепко спал — набирался сил.

Сейчас он поспит, думала Мика, наблюдая за движением секундной стрелки в часах, а потом я сделаю ему любимого чая с лимоном и бергамотом, большую кружку, с четырьмя ложками сахара — послаще. Я принесу ему чай, про который он всегда говорит, что тот поднимает настроение, и поговорю с ним. На выздоравливающий лад, на хорошее настроение, на будущее...

Мика резко развернулась на живот, отворачиваясь от часов, которые гипнотизировали, и закрыла глаза. Но перед глазами вновь появились знакомые глаза Вадима, и Мика тут же схватилась за голову и помотала ею — прогнала видение. Нет, только не Вадим, пожалуйста. Ну сколько уже можно?!

В последнее время она стала ловить себя на мысли, что ее раздражает в нем все — от светлых волос, до загорелой кожи и манеры смеяться над самыми несмешными шутками. Он только открывал рот, а ей уже казалось, что она знала, что он хочет ей сказать.

Она начала отговариваться работой и учебой, отменяя свидания, наваливала себя делами, важными и не очень, лишь бы не пришлось врать и оправдываться.

И все началось на последнем свидании, когда ему пришла в голову мысль устроить романтический ужин, до конца которого она еле досидела. Он жутко суетился, чуть не уронил свечу на пол и старался поддакивать, как и всегда, когда она начинала какой-то рассказ. Потом был полумрак, который сам Вадим считал очень романтическим, уютным, располагающим к... Ну в общем, он перестарался. Полез к ней целоваться, задрал юбку и сам, кажется, испугался своей смелости — как и всегда, впрочем. Чуть ли не до извинений дошло.

Его милое до тошноты «заняться любовью» — как он это произносил с придыханием, потные руки и поспешные движения сделали свое дело — она вскочила с кровати, как только все закончилось, и заперлась в ванной, склонившись над раковиной. Ее тошнило. Сильно. Она включила воду, которая оказалась огненной, обожглась и осела на полу ванной комнаты, рыдая и закрывая рот руками. Потом встала, цепляясь за стены, сменила горячую на холодную, умылась и, протерев запотевшее стекло, взгляделась в свое отражение.

Светлые волосы висели паклей, лицо было красным.

— Во что ты превратила свою жизнь? — спросила она отражение. — Вот до чего дошло твоё вранье, идиотка!

Она плеснула в зеркало водой, прогоняя страшил, и отвернулась.

Пора заканчивать с этим спектаклем, непонятно для кого разыгранным. Давно пора.

...А вчера после разговора с Марком и Варварой, она неожиданно набралась смелости, позвонила Вадиму и назначила встречу, чтобы, наконец, расстаться с ним, а не ответить согласием на предложение, как она сгоряча кричала друзьям. Но Вадим не пришел. Извинился, что не может вырваться с работы, и все перенес. И Мика решила поговорить сначала с отцом.

Именно с отцом для начала нужно было расставить все точки над «и». С ним, а потом уже с Вадимом.

... - Папа, я... папа, ты слышишь меня? — она поставила чай на столик и села в ноги к отцу.

— Да, Мишка, конечно. — Отец звал ее Мишкой с детства.

— Давай поговорим, — внимательно посмотрев на него, предложила девушка.

— Конечно. Что-то случилось? — отец отпил из кружки и даже зажмурился — это был его любимый чай.

— Нет, нет. То есть случилось, но очень давно.

— Что-то серьезное? — забеспокоился отец.

— Не очень. Не настолько, чтобы ты начинал беспокоиться, — она положила руку на одеяло и улыбнулась отцу. Тот, привстав было, улегся назад. Мика попробовала его лоб — пока горячий. Но она насыпала лекарство, которое скоро должно было подействовать и сбить температуру.

— Папа, ты знаешь, что Вадим сделал мне предложение...

— Да, он звонил мне и спрашивал разрешения — такой хороший парень, этот твой Вадим! Ты держись за него, Мишка.

— Да, я как раз об этом и хотела поговорить, — Мика отвернулась, взглянула в окно. Произносить это, глядя на отца, не получалось. — Я... Только не кричи и дай мне сказать до конца — я не выйду за него. Отвечу ему отказом. Просто... не удивляйся! И я тебя очень люблю, папа. Но выходить замуж за Вадима, только потому что он тебе так нравится, я не буду. Я уже пробовала встречаться с ним и все было не очень хорошо. Он совсем не мой человек, точнее он хороший парень и все такое, наверно, любит меня, по крайней мере, он так говорит... Но мне неинтересно с ним. То есть абсолютно. Я подумала, — она выдохнула, — ну зачем мне сейчас выходить замуж? Мы же с тобой, вдвоем, нам нескучно! Я пока учусь, я не очень-то хочу замуж! Я, если честно, и встречаться сейчас ни с кем не хочу. Я думаю, ты сможешь это понять, ведь ты всегда говорил мне... и потом, ты так любил маму — не думаю, что ей бы понравилось то, что сейчас происходит в нашей жизни! Папа... — она повернулась, чтобы узнать, какую реакцию произвели ее слова, и увидела, что

ОН СПИТ.

Лекарство подействовало. Он вообще много спал — восстанавливал силы.

Спит, ну надо же! Мика едва не рассмеялась, но потом быстро успокоилась, поняв, что так и до истерики недалеко. Встала и подошла к окну. Первый раз, когда она собралась так спокойно все объяснить без криков и скандалов, он уснул!

...За окном все было завалено снегом и две вороны прыгали по нетронутому снежному настилу, перекликаясь и оставляя треугольные следы лап. Вдалеке слышались детские голоса — снеговика лепят, наверно, или крепость строят. Мика приоткрыла форточку, оглянувшись на спящего отца, и высунула ладонь, которую тут же обожгло холодным огнем. Это ее слегка отрезвило.

Слезы стекали по ее лицу, она быстро шмыгнула носом и закрыла форточку.

— Я все равно сделаю это, — прошептала она, закрывая лицо руками. — Все равно.

В зале стоял страшный галдеж. Точнее, это был, наверно не зал, а огромное необжитое помещение, холодное и внушительное. Первый этаж «Дворца молодежи», закрытый уже лет 15 назад. Именно здесь, после серьезного ремонта, будут показывать мюзикл «Рапунцель». Правда, сколько пройдет времени, прежде чем этот ремонт свершится, еще неизвестно.

— Обещали три месяца на все работы, — поделился высокий парень, рядом с которым я разминалась перед кастингом.

— Три месяца? — удивилась я, садясь на шпагат, подбирая под себя одну ногу и массируя ступню. — То есть и премьера спектакля состоится где-то через три месяца?

— Ну да, плюс-минус месяц, — откликнулся парень. — Надо же еще разобраться с декорациями, костюмами, светом, и так далее. А набрать работников сцены, осветителей, гримеров, костюмеров — работка еще та! Но, говорят, американцы ребята напористые. Поставили такой срок и постоянно торопят. С ними не забалуешь, — подытожил парень.

Я неожиданно улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

— А ты сам-то откуда это знаешь?

— А мой дядя — режиссер этого мюзикла. Он был на первом кастинге.

— Ну да, — я искоса взглянула на парня. Он поймал мой взгляд.

— Что ты так смотришь? Думаешь, тут для меня все по благу?! Я, между прочим, наравне со всеми прохожу кастинг, мне дядя сказал, чтобы я и на глаза ему не показывался!

— Все вы так говорите, — усмехнулась я и, поймав его выражение его лица, заторопилась. — Не подумай, что я наезжаю, но я бы на твоём месте тоже чувствовала себя уверенно, даже если бы дядя мне сказал, чтобы я и не совалась к нему на глаза. Все-таки не так тревожно, когда знаешь кого-то из этой угрюмой толпы, перед которой мы танцуем.

— Так мне наоборот не по себе, потому что если я провалюсь, мне потом дома все темечко пробьют, что я никто и ни на что не способен, — заметил парень мрачно. — Скажут: вали на нормальную работу, нечего глупостями заниматься который месяц подряд! Теперь-то уж точно... И между прочим, если хочешь знать, окончательный вердикт принимают американцы. Наши представители только для виду тут сидят.

Мы помолчали каждый о своем.

— Меня, кстати, Дима зовут, — со вздохом признался парень.

— Варвара, — вставая со шпагата, откликнулась я. И улыбнулась.

— Погоди... Варвара? — парень удивленно замер.

— А что?

— А это не ты случайно была сходу принята на следующий тур в прошлый раз?

— Я. Откуда знаешь? Дядя?

— Не только. Между нами все толки ходили на первом кастинге — мы же на день позже проходили. И там слушок был, что одна девушка сразу понравилась продюсерам. Вроде и опыта у нее не так чтоб уж очень. И не училась она нигде профессионально, а понравилась на собеседовании. Чем-то сразила! Я и не верил, если честно, а потом мне дядя рассказал, что да, была такая. И имя твое назвал. Ты еще балльными танцами долго занималась, да?

— 11 лет, — кивнула я сосредоточенно. — А современными года три всего.

— Ну надо же... поздравляю. — Покачал головой Дима.

— С чем? — усмехнулась я. — Самое сложное только впереди. Гляди сколько народу!

— Ну сейчас на первом танцевальном конкурсе половину отметут, — нервно оглянувшись по сторонам, заявил парень.

Я только хрустнула пальцами. Номерок «34» на моей руке неуверенно дернулся.

Практически тут же появились члены жюри и американцы. К продюсерам, режиссеру и главному хореографу сегодня прибавилось еще три человека. Кажется, я была права, что все еще впереди.

Для начала 70 оставшихся со всех кастингов человек разбили по десяткам и заставили станцевать выученный кусок. Пока одна десятка танцевала, остальные сидели по краям. От каждой десятки откололи еще по два-три человека. Осталось чуть больше пятидесяти. Затем, нас заставили петь!

Дали на подготовку 15 минут и выгнали из зала на второй этаж. Никто, естественно, был не готов и не ожидал ничего подобного.

— Зачем нас заставляют петь? — поинтересовалась я у мрачного Димы, подойдя к окну возле которого он стоял.

— Потому что это мюзикл. Вряд ли от нас требуют какого-то супер-пупер исполнения, но петь мы должна уметь. Выступать в качестве массовки. Быть может, они сразу подбирают замену в случае чего. И отбирают еще и второй состав.

— И среди танцоров? — поразилась я.

— А если на первой репетиции кто-то ногу сломает? Или со сцены упадет с непривычки в новых костюмах?

Об этом я не подумала.

— Ладно... а ты-то сам не знал?

— Нет. Честное слово! Хотя мог бы догадаться! Но у меня с этим делом беда, если честно, — он мрачно вздохнул, глядя в потолок.

— Что, вообще слуха нет?

— Да нет, не так печально.... Но чтобы нормально что-то исполнить, мне нужно тренироваться долго и упорно.

— Исполни что-то простенькое. Без особых голосовых усилий.

— Легко сказать, — парень обнял ладонями голову и что-то забормотал. Это было забавно и одновременно пугало. Потому что всем нам сейчас хотелось закрыть вот так же голову и забормотать. Правда, это все равно не помогло бы.

Вокальный конкурс шел долго. Мы стояли в линиях по десять человек, выходили вперед, называли себя, показывали номер и пели. Кого-то слушали полминуты, кого-то три, кого-то просили исполнить песню до конца.

Я пела одну из песенок, которую исполняла в том самом спектакле Смирнитского. Все вдруг начало напоминать мне тот спектакль и даже среди жюри, казалось мне, сейчас блеснут очки моего любимого режиссера.

Американцы вроде как улыбались. Один из них точно узнал меня. Высокий с живыми глазами слегка кивал, когда я пела. А второй весь день много курил и постоянно давил окурки в пепельнице от переизбытка эмоций. Сидевшая рядом с ним женщина-хореограф то и дело неодобрительно на него косилась.

Следующим после меня шел Дима. Он трясся едва заметно и старался не смотреть в ту часть стола, где сидел режиссер. Он пел и правда не очень хорошо, но вполне мило и обезоруживающе наивно как-то. Песенка была детская, из мультика «Остров сокровищ».

— Мани, мани, мани, мани, мы не просим каши-манны! Мы достаточно гуманны и нежны — выводил он, дергая плечами и подмигивая, чем вызывал просто оглушительный смех среди всех конкурсантов и некоторых членов жюри.

Юркий американец смеялся, как всегда чересчур эмоционально, вытирая слезы на глазах.

После вокального конкурса напряжение слегка поутихло, но, впрочем не надолго. Выкинули еще 15 человек. Нас осталось чуть меньше сорока.

И я, и Дима, так поразивший членов жюри, прошли в последний тур. Мы ликовали, поняв, что остались, но правда, весьма недолго.

— Теперь будет самый щепетильный конкурс, — вздохнул Дима.

— Почему щепетильный?

— Потому что последний. Они теперь со всей скрупулезностью будут выбирать, поверь мне. Чтобы оставить уже окончательный состав.

В последнем конкурсе мы делились по парам и за полчаса готовили танец под песню. Мы с Дима выбрали поразившую всех «Мани, мани» и подготовили под нее пиратский танец с поддержками и ужимками. Так как были пары, состоявшие только из девушек, то наши поддержки оказались в выигрыше. Когда напоследок я подскочила и с кличем прыгнула на руки Диме, а он подхватил с дьявольским выражением лица, кто-то из состава жюри захлопал.

Затем, после последнего выступления всех собрали и объявили, что о результатах сообщат по телефону через неделю. Все тридцать с лишним человек, переволновавшиеся, красные, напряженные, уставшие, ожидавшие прямо сейчас окончательного вердикта, застонали. Еще неделю жить в напряжении было сложно.

На самом деле, на последнем конкурсе я была почти уверена в положительном ответе, но за неделю все могло измениться. И впечатления у жюри тоже могли немного поистрепаться.

И ничего, кроме усталости я, как и всегда после тяжелого напряженного дня не чувствовала.

...Мике пришла в голову мысль собрать всех желающих и отметить Новый год вместе. Поначалу идея казалась глупой, потому что у всех были свои планы и свои компании, все стонали и отказывались. Но потом кто-то заразился этой идеей и решили: «а почему бы нет?»

Набралось неожиданно много народа. Подсчитали количество человек, учли все пожелания и заказали зал в кафе. Разделили сумму на всех — и даже студенческой общиной смогли осилить вполне легко.

Я все удивлялась, что от Мики исходила эта идея — кажется, такие идеи раньше генерировала прежняя Мика, но, подумав, я решила, что подружка «возвращается». По-прежнему все неясно было в их отношениях с Вадимом — перед Новым годом у нас было слишком мало свободного времени, чтобы это обсуждать — и накануне мне в голову закралась интересная и пугающая мысль, что, возможно Мика все это придумала, чтобы объявить на общем собрании о своей свадьбе?

Я отпихивала эту мысль, как могла, но она упорно не шла из моей головы, и я не знала, как это предотвратить. Но если такое и правда было в ее планах, то предотвратить это уже вряд ли было возможно.

Был вечер 31-го, я шла к кафе, получая по телефону поздравления и пытаюсь дозвониться сама, и в итоге, едва не упала на льду у самого входа. Кто-то быстро подхватил меня, подбирая выпавший из моих рук телефон и сумку, и, оглянувшись, чтобы поблагодарить, я обнаружила, что передо мной стоит Стрелин.

— А это ты... — растерянно сказала я. — Спасибо.

— Не за что, — ответил он, протягивая мне мои вещи. — Вот...

— Ты что же, тоже празднуешь с нами? — подозрительно поинтересовалась я.

— А что, ты против? — широко улыбнулся он.

— Да нет, что ты... — я вырвала вещи. — Мне все равно.

И шагнула внутрь. Даже спиной я чувствовала, что он насмешливо улыбается. Черт бы его побрал!

Народу действительно набралось много. И около половины я, разумеется, не знала. Я отыскала Мику в этой поздравляющей друг друга толпе и прошипела, оглядываясь по сторонам:

— А зачем ты пригласила Стрелина?

— Стрелина? — она похлопала глазками.

— Ми-ка! — отдельно выговорила я.

— А что, только тебе, что ли, можно в чужую личную жизнь влезать? — засмеялась она.

Я стукнула ее по руке.

— Зачем ты это сделала?

— Потому что, раз уж на то пошло, ты не меньшая дура, чем я.

Я усмехнулась.

— А ты что думала? Я его для себя пригласила? — улыбнулась Мика.

— Ничего я такого не думала, — отмахнулась я. — А что, так и есть?

— Иди ты, Трубецкая! И чем дальше, тем лучше! — посоветовала Мика.

— Ты по случаю Нового года такая веселая? — поинтересовалась я.

— И да, и нет, — лукаво улыбнулась она.

— И что это значит?

— Ты все узнаешь. Обязательно узнаешь, — пропела она, повернулась и скрылась в толпе.

Она еще не успокоила меня окончательно. Но Вадима в толпе я так и не заметила.

— Разливайте шампанское! — закричал кто-то. До Нового года оставалось пять минут.

Счет пошел на секунды. То и дело хлопало, открываясь, шампанское, передавались бокалы, и шел отсчет.

Послышались звуки гимна, постепенно переходящие в разрозненный смех. Мика подскочила, поцеловала в щеку и чокнулась с моим бокалом. Засмеялся Никита, когда мы

придвинулись к нему с двух сторон и поцеловали в щеки.

— Слышишь, Варька, уже середина, — заметил он, почему-то грустно косясь на меня.

— И мы уже третий год знакомы, — подхватила я. — Не волнуйся, Кит, на нас еще хватит времени.

— Постой, я не ослышался? Ты назвала меня Китом? — поинтересовался он.

— Я сдаю свои позиции, — призналась я.

— А я, по правде сказать, думаю отказаться от этих детских кличек.

— Ну, пожалуйста! — заныла я, — не отказывайся сейчас, когда я только так привыкла к этому милому прозвищу.

— Ладно уж, — усмехнулся он.

— А давай-ка, друг мой, Никита-с, напьемся, а? — предложила, заманчиво блестя глазами Мика.

— А почему ты Варьке не предлагаешь?

— А да потому что она все равно напиться не будет! Я ж ее знаю.

— Какая милая у нас подружка, эта Мика, — закатила я глаза.

— Варя, можно тебя пригласить на танец? — раздался рядом знакомый голос.

— Ну вот, я же говорю, — развела руками подружка. — Пошли, не упрямясь!

Положив руку Никите на плечо, она уволокла его к столам.

Я обернулась с резиновой улыбкой.

— Так вроде никто не танцует, Стрелин!

— Зато никто про нас не скажет, что мы повторяем за другими, — улыбнулся Артем, подавая руку.

Я приняла ее.

— Сейчас осталось еще включить что-нибудь сопливо-романтическое! — заметила я скептически, выходя в центр зала, и будто в ответ моим словам полилась небезызвестная Уитни Хьюстон.

— Прелестно! — подражая попугаю, засмеялся Стрелин. — А не против вальса?

— А осилишь? — скептически покосилась я на него.

Вместо ответа он повел меня по знакомому кругу.

— Ну надо же, — приятно удивилась я, — только не вздумай все испортить, наступив мне на ногу! А то ты ведь можешь, я знаю!

— А ты также очаровательна, как и всегда, — покачал головой Стрелин, поражаясь моим репликам.

Я смущенно улыбнулась. Мы замолчали.

Как, он и предполагал, на площадку тут же полезли и другие парочки. В смысле, что значит «и другие»? Просто парочки. Да.

Ну же, расскажи, чем живешь? А я в ответ, быть может, расскажу, как живу я...

Рассказать? И снова впустить его в этот круг, который будет постепенно сужаться вокруг нас двоих? Да с чего ты вообще взяла, что ему это будет интересно? Он уже и забыл про все...

И от того, что танцевали мы молча, это стало еще тяжелее, чем если бы мы разговаривали непрерывно. Он, кажется, тоже почувствовал это, потому что, взглянув на меня, задумался, и как только мелодия закончилась, повел назад.

За столом Мика — уже достаточно веселая — разговаривала с Никитой.

— И в конце концов, Андрианов, как-то так выходит, что лучше, чем я, тебе пары не

сыскать! — заметила она, глубоко вздохнув. Никита тоже вздохнул, как будто подчиняясь своей горькой судьбине.

Мы, с интересом переглянувшись со Стрелиным, сели рядом.

— О, а вот и они! — посмотрела на нас Мика. — А знаете ли, ребята, как вы мне нравитесь? Точнее, нет, как вы мне нравились, а? Нравились, пока не стали вести себя, как и прочие дураки, вроде меня! Вы отлично сочетались вместе, да, вот только почему-то решили закатить себе проблемку и теперь крутитесь в этой своей проблемке, подражая героям мыльных опер... Ну да ладно, это уже неважно, хотя я, признаться, и была разочарована!..

Мы переглянулись со Стрелиным снова, но в этот раз оба опустили глаза.

— Да, Никит, послушай хотя бы ты, раз ни до кого не доходит... А может это и бесполезно что-то говорить, потому что никто все равно не слушает! И поступает по-своему, и делает свои ошибки... Вот мой папа любил говорить об этом. Об ошибках. Он говорил, что люди всегда совершают ошибки, они же не застрахованы от них... Но самое главное не сделать ошибок в любви, они самые... Неважно, все уже неважно, — она потянулась к бокалу.

— Мик, может уже хватит экспериментировать! — с досадой заметил Никита, отнимая бокал.

Атмосфера этого большого шумного кафе сгустилась до пределов круглого стола, за которым мы сидели вчетвером.

— Ладно, Кит, ладно! — Мика скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула. — Просто... мы же дураки все! Зачем мы общаемся с друзьями, смотрим телевизор, читаем книжки, если все равно выходим потом на улицу и делаем все по-своему?! Мы упускаем свои шансы, не верим в свои силы, делаем кому-то назло, хотя получается, что только себе, мучаем близких людей, избегаем серьезных разговоров, и все это для того, чтобы было какой интерес в жизни ощутить! Мы уже так поступаем, хотя нам всем лишь 20 лет. Ну 21, 22, 23 — все равно! Хотя у всех у нас уже случались действительно проблемы, которыми не хотелось жаловаться и тешить публику. У всех у нас было что-то реальное и не придуманное, что-то действительно серьезное, что уже, казалось бы, должно было научить нас хоть чему-то. Ну например, тому, что надо держать близких людей рядом с собой, а не закатывать им истерики и скандалы. Что надо не бояться любить или верить. А мы лишь прилюдно смеемся над «соплями», над пафосными словами, вроде «любви», «веры», «дружбы», а в глубине души... такие же. Абсолютно...

Мы молчали, я чувствовала на себе взгляд Стрелина и забивалась глазами под стол. Никита тоже не находил, что сказать.

— Как она так быстро напилась? — наклоняясь к своему соседу, поинтересовалась я.

— Она немного выпила, просто...

— Наверно ничего не ела, или устала... — предположил Стрелин мрачно.

— Устала, — прошептала я.

— Вот я, к примеру, всегда смеялась над этими словами. И слушать никого не хотела — только отца. Да и то, только потому что виноватой себя считала. — Продолжала Мика на своей волне. — Но чувство вины — штука бесполезная. Только хуже тебе делает, а от проблемы не спасает. И в итоге я осталась одна. И хуже нет, чем понимать в 20 лет, что одиночество — ужасная вещь. Представляете, в 20 лет, как будто я уже старуха древняя! — Мика вздохнула, заканчивая свой монолог, и повернулась к нам. — Что вы такие невеселые ребята, а? Вы меня, что ли, слушаете? Да нет, наверно, когда мы друг друга слушаем...

Никит, пошли, потанцуем? Нет, мне что-то плохо, простите... — она, держась за спинку стула, медленно поднялась с места и, сориентировавшись, направилась в сторону женского туалета.

Я вскочила и почти побежала в противоположном направлении.

— Я сейчас.

Среди огромной кучи вещей я нашарила свое пальто и выбралась на улицу. Я не могла больше там находиться. Среди окурков, дыма, бокалов, смеха, еды, музыки, шума, танцев, рядом со Стрелиным и среди Микиного монотонного голоса! Только не это, пожалуйста.

Выбравшись на улицу, я глубоко вдохнула морозный воздух. В голове сразу что-то прояснилось и стало понятно, что все, что есть в этой жизни, не сходится только на Микиных уставших словах. Нет, все намного шире, проще, сложнее, глубже и тоньше одновременно.

И будто завесу с глаз сдернули, так стало легче смотреть по сторонам.

Сегодня ведь и правда Новый год! — дошло до меня.

Сквозь стеклянные двери я увидела, как Кит ведет Мику через зал, и спустилась на несколько ступенек вниз. И тут увидела. Непередаваемое зрелище.

Марк. С букетом. Растрепанный. Без шапки. В расстегнутом пальто. Увидел меня и замахал отчаянно букетом. Я вскочила на ноги, подалась к нему, еще ничего не понимая, и тут он, не дойдя до меня двух шагов, упал. Прямо в раскroшившийся по дороге снег лицом.

— Марк! — я прыжками добежала до него и наклонилась. — Ты что?! Марк!

Я перевернула его.

— Шел к Мике, — заплетающимся языком заявил он, пытаюсь встать. — Она сказала, что выйдет за этого полудурка! А я... накричал на нее...

— Марк!

— Он пьян, оставь его, — раздался рядом спокойный голос. Ну конечно, Стрелин.

— И он так и будет валяться здесь, скажи мне? — я повернула к Артему рассерженное лицо, и тут, заглушая всего его дальнейшие слова, все полыхания и грохот фейерверков, все крики «с Новым Годом!», раздался громкий Микин крик:

— Марк! — она вырвалась из Никитиных заботливых рук и добежала до него за две секунды. И села прямо в снег. И попыталась его поднять.

Кажется, она сразу пришла в себя. Полностью. Я отошла на несколько шагов.

— Ты что, напился? — словно великое открытие произнесла Мика.

— Мика, как хорошо, что ты пришла! — весело, пытаюсь подняться, заявил Марк. Мика вмиг вскочила на ноги.

— Обязательно было приезжать в таком состоянии?

— Нет, приехал-то я нормальный, — перебил ее Марк, не оставляя попыток вскочить так же легко, как и Мика.

— И что мне теперь с тобой делать? — чуть не плача, поинтересовалась Мика.

— А где он, интересно, остановился? — поинтересовался стоящий рядом Артем.

— У нас, — ответил Никита и виновато взглянул на меня.

— Что?!

— Ну ты бы не разрешила ему приехать, вот он и...

— Опять сюрпризы, да? И ты ему позволил выпить, пользуясь, что я не вижу и занята на кастинге, да?

— Нет! Он пошел за цветами и подарком! А я сказал ему адрес и поехал сюда...

— Все ясно! Вот и иди теперь и помогай Мике. Иди заказывай такси, доставляй его к нам! — бросила я.

— Варь, ты злишься?

— Нет, — любезно откликнулась я, — Я предлагаю тебе все уладить!

Никита, все еще виновато косясь на меня, достал телефон и набрал номер такси. И ушел подальше от нашей буйной компании.

Я оглядела картинку. Пьяный Марк, валяющийся лицом в снег, едва ли не рыдающая Мика, то ли от переизбытка чувств, то ли от незнания, что делать, виноватый Никита, циничный Артем, растерянная я, на заднем плане толпа, орущая «С Новым Годом!», и все это приправлено буйными фейерверковыми залпами!

Мда...

Артем будто бы прочитал мои мысли.

— А все-таки наступивший год должен быть прекрасным, — иронично заметил он, пока мы ждали на морозе такси возле Марка и Мики под синим звездным небом.

— Ты думаешь? — неуверенно оглянулась я на него. Пар вырывался из рта, слова казались нереальными.

— Просто уверен, — твердо сказал он, глядя мне прямо в глаза.

...Я не знаю, кто первый из нас начал. Кто первый переступил эту черту, которую мы сами провели вокруг себя? Что подтолкнуло? Микины призывы или картинка, развернувшаяся ночью на улице?

Его красноречивый взгляд, наши недосказанные друг другу слова, которые можно было бы услышать, лишь перейдя через эту черту... И все это было глупостью. Изначально.

Все эти фразы, взгляды, насмешки, ироничные лица, колкости, раздражение, качание ногой, вопросы о бабушке, воспоминания, пригорелый пирог, крюков канал и прочее, было лишь частью искусной игры, в которой «Я не зря ушла от него!» и «Мне теперь лучше без тебя» — ведущие фразы. Все это лишь, чтобы правда не лезла в глаза, отвратительная, глупая, едкая, но правда, из которой ясно, что мы — два идиота, а я — особенно.

Четыре месяца впустую, без него, только для того, чтобы закрыв за Никитой, Микой и Марком дверь такси, Артем развернулся, притянул меня к себе и поцеловал. Так, что я опять будто нырнула в теплую воду из холодной, успев вдохнуть полные легкие воздуха. Так, что потемнело в глазах, а руки покрылись мурашками.

— Тёмка... — прошептала я и выдохнула: — Поехали.

Мы оказались в машине Стрелина и на безумной скорости погнали по пустым дорогам. Мы не разговаривали, а он гнал так, как будто я могла выпрыгнуть на ходу в любую минуту.

Он выдернул меня из машины, едва закрыв дверь, и в лифте поцелуи продолжились. В лифте и потом у входной двери и в квартире, куда мы ввалились, словно спасались от кого-то.

Мы и правда спасались.

Будто слова Мики дернули за какую-то невидимую струну. Завтра все могло закончиться и не надо протестовать и говорить, что такое невозможно, когда люди любят и бла-бла-бла...

Вот он, пример Марка и Мики перед глазами.

Если не ценить сегодня, у завтра нет шансов. Всего одно слово, всего один поцелуй, одно обещание, одно объятие, один взгляд, — но этого малого, и этого не замечаешь, когда это становится обыденностью. А потом... потом сидеть и подсчитывать крохи? Ну уж нет...

И сейчас лучше нырнуть и вынырнуть с удушающей молотьбой в бок, с чувством, что живешь... Не оглядываться на прошлые ошибки и глупости, все это исчезнет и забудется, только это останется...

Как скидывали одежду, продвигаясь в комнату, как почти упали на кровать, правда, зацепившись ногой за ножку, как торопились, будто все это было в последний раз, как замерли на последнем вздохе...

И секунды, протянувшиеся потом, казались сладкой вечностью. Все... выдохнуть... перемотать и снова: «Счастлива!..»

Лежали рядом, в темноте, под неясным светом интеллигентного фонаря, освещающего лишь часть нас самих, держались.

Головы, плечи, руки. Рядом.

— Как я люблю тебя... — прошептал он в темноте.

— Я знаю, — сказала я и засмеялась тихонько. Он вторил, потом вздохнул глубоко и перевернулся со спины на бок. — Я люблю тебя, Стрелин, — тихо произнесла я, пробуя слова на языке. Как легко можно было это произносить. Как легко можно было говорить то, что и так было известно обоим.

Артем сел ровно, закинув подушки за спину.

— Если бы ты знала, как я хотел выйти с балкона в ту ночь и убить тебя! Убить или закрыть двери и выкинуть все ключи, чтобы ты не нашла. Так и хотелось сказать: «Куда ты тащишься опять, куда лезешь?! Зачем устраиваешь концерты, потом же первая пожалеешь». Но...

— Но не сказал, — улыбнулась я, приподнимаясь и кладя голову на его ноги.

— А ты, конечно же, ждала, — усмехнулся он. — Потому и держался. Разозлился жутко, решил, что не буду бегать, умолять, вырывать вещи. Ты должна была понять всю глупость своих доводов сама.

— А я решила ни в коем случае не возвращаться! Раз уж ты держал марку и не останавливал меня и еще так иронично усмехался, я решила тоже включить старушкугордость...

— Идиоты, — вздохнул Стрелин.

— Дураки, — поддержала я.

— Но... шутка затянулась.

— Да. И ты решил, что я не вернусь...

— Да.

— А я решила, что тебе все равно. Особенно, когда мы столкнулись в ноябре.

— И потом ты поняла, что тебе вряд ли станет все равно, — тихо заметил он.

Я приподняла голову и посмотрела на него внимательно.

— Ты же слышала тот мой разговор с Лапиным, да? — поинтересовался он. Лапин — фамилия начальника.

— Как ты догадался? — прошептала я, садясь ровно рядом с ним.

— Догадался... Боже мой, Варька, у тебя же все на лице написано! Каждый раз, когда я заводил об этом разговор, у тебя делалось такое выражение... И я специально сказал об этом тогда, в книжном. — Он неожиданно обнял меня за плечи и протянул жалостливо: — Варька, ты просто трогательно-беззащитный ребенок, который взрослее многих моих великовозрастных друзей и знакомых!

Мы помолчали, я не нашлась, что сказать, а Стрелин продолжил, мельком взглянув на

меня:

— И я решил покончить с этим!

— С чем?

— Ухожу с работы. Нечего мотаться. Хватит! Питер ничем не хуже всяких заморских городов. Уж моих амбиций для этого точно хватит!

Я так и подскочила на месте.

— Не смей! — я почти кричала. — Не смей, слышишь?

— Ты что? — обернулся он. — Ты же... ты так ненавидела все это. Я ненавидел уезжать от тебя, ты...

— Я все это знаю, Тём, — я села и взглянула ему в глаза. — Но это не лучше. Поверь мне.

— А завтра... что ты скажешь завтра? Когда меня отправят в Австрию? — внимательно посмотрел он.

— Я скажу... — я посмотрела на одинокий фонарь, который дружелюбно светил мне. — Скажу, что это будет трудно, но мы справимся, потому что вместе. Поодиночке мы вряд ли что смогли бы, а теперь мы вместе и больше не совершим тех глупостей. Расстояние не помеха, потому что ты будешь знать, что я всегда приеду и всегда рядом, а я буду знать, что тебе есть к кому ехать. Что ты будешь хотеть этого, вот что самое главное. И это не самовнушение и не самоубеждение. Мы уже прошли через это раз. И после этих четырех месяцев... не знаю, как объяснить, но я чувствую, что теперь нет никаких помех, кроме нас самих, понимаешь? И если вдруг что-то повернется не так, меня утешает, что это, по крайней мере, будет зависеть не от меня.

— Но я не хочу больше так разлучаться. Страшнее всего было заходить в квартиру и знать, что ты ушла из нее. И знать, что не вернешься, потому что это все я и моя работа!

— Я останусь с тобой. В любом случае. Но я не хочу, чтобы ты терял такую работу. Давай... подождем. Поездим — ну и что с того?

— Вместе, — улыбнулся он.

— Вместе, — подхватила я.

Мы еще полежали, и я выдохнула:

— И кто знал, было бы сейчас все это, если бы я не села за чужую машину?..

Стрелин рассмеялся.

— У тебя был непередаваемый взгляд!

— Это все потому что, я узнала в тебе парня, который меня обрызгал первого сентября. Все-таки я увидела тебя первой.

— А вот и нет.

— Что?

— Я видел тебя раньше, — проговорил он, и слова его в пустой темной комнате казались словами из сна или из сказки — вот-вот прозвучат и испарятся, как будто и не было.

— Что? Как это? — изумилась я.

— Ты сидела на вокзале в кресле с таким красноречивым выражением на лице, что я не мог не запомнить.

— Но я...

— Ты была чем-то расстроена. Сильно. Телефон звонил, но ты не брала трубку. Я понял это по тому, как ты постоянно выуживала его из кармана, всматривалась в дисплей и

запихивала назад. Ты почему-то все никак не могла отключить его.

— А потом?.. — напряженно поинтересовалась я.

Мне тоже вспомнился тот день.

Серый вокзал, серое питерское небо над головой. Маленькая, но чрезвычайно уверенная в себе девочка уверяет себя, что поступает правильно и пытается заглушить внутренний голос, уверяющий ее в ту самую секунду, что это ошибка. Маленькая провинциальная девочка не прогадала, но долго ли будет длиться еще это равновесие? А вдруг снова наступит время, когда придется сбежать, оставив позади все? И хватит ли сил, чтобы пережить это в очередной раз?

Но сейчас... этих призраков больше не было. Все, что казалось страшно важным еще вчера, сегодня обратилось в труху. Из-за Стрелина.

— Знаешь что? — сказал он, когда я отвела взгляд от фонаря.

— Да?

— По-моему я был прав.

— Насчет чего?

— Насчет наступившего года, — с улыбкой в сонном голосе заметил Стрелин.

— А что?

— Прекрасное начало, — протянул он. И мы расхохотались.

Как раньше. Вместе.

Воспоминания действующего лица.

Веселое зимнее солнце упало на пол и постепенно разрослось, охватывая всю комнату: старые глубокие кресла, диван, на котором спал кудрявый юноша, письменный стол с ноутбуком и длинный стеллаж от пола до потолка, забитый книгами.

В одном из глубоких кресел, почувствовав упавшее на глаза солнце, проснулась светловолосая девушка.

Мика потянулась с закрытыми глазами и плед, которым она укрывалась, свалился на пол.

Сразу стало холодно, и Мика открыла глаза. И с удивлением села ровно. Комната была Никитина, на диване спал Марк. Ей это все приснилось?!

Пришлось со вздохом признать: вряд ли...

Ну конечно, тот пьяный бред, что она вчера несла и бешеные скачки к упавшему Марку по сугробам — это все было на самом деле!

С ней всегда так и просто присниться ей это не могло.

Она постояла мгновение, задумавшись, а потом быстро шагнула к дивану и села. Ночью она была в твердой уверенности, что уже не уснет. Но под утро это произошло само собой. Какая странная Новогодняя ночь! Пожалуй, самая странная в ее жизни. Она думала об этом, глядя, как поднимается рассвет за окном.

Теперь еще и Марк... И что ей теперь делать?

На ум лишь лезла фольклорная присказка, любимая всеми сказками: слушай свое сердце...

Мда, докатилась.

Она рассматривала Марка, запрокинувшего лицо вверх, и понимала... Понимала, что ничего уже не понимает.

Он пошевелился во сне, а потом, видимо, все-таки потревоженный светом солнечного

луча, проснулся. Мика не успела и сдвинуться с места, как он уже открыл глаза и быстро сел на диване.

И улыбнулся ей.

— Мишка.

Когда-то давно, точнее, не очень давно, всего год назад, когда она приехала к нему в Москву в первый и последний раз, она рассказала ему о прозвище, которое дал ей папа. Рассказала, хотя никому об этом никогда не рассказывала. Даже Варьке и Никите.

Мишка... Мишка... Мишка...

Одно дело, когда это привычное с детства имя произносил отец, совсем другое, когда оно звучало из уст Марка — словно случайно ворвавшаяся в комнату птица, которая, побившись о стены, находит дорогу на свободу.

— Мишка, — снова повторил Марк и улыбнулся. — Привет.

— Привет.

Она лишь покачала головой. Встала.

— Зачем ты приехал?

— Поговорить с тобой. Поговорить с твоим отцом. — Улыбка сползла с лица Марка, как будто ее там и не было. В этом знакомом, незабываемом ни на минуту лице с добрыми щенячьими глазами, было что-то тревожащее, что хотелось запомнить навсегда так, как есть сейчас.

— Что?!

— Хочу убедить его, что это ужасная ошибка — выдавать тебя за твоего Влада!

— Вадима.

— Неважно, — он торопливо одевался. — Где мой свитер?

— Марк, не надо. — Тихо сказала Мика, садясь в кресло.

— Что?

— Я рассталась с Вадимом.

Он остановился, так и не натянув свитер.

— И ты... тебе грустно от этого? Плохо?

— Марк, нет. И ты это прекрасно знаешь! — она даже рассердилась от того, что он заподозрил ее в каких-то чувствах к Вадиму.

Он развернулся к ней.

— Я знаю?! Я весь год пытаюсь поговорить с тобой нормально! Но мы... мы только ссоримся друг с другом и доводим до бешенства! Я не могу вырваться к тебе, потому что ты чуть ли не умоляешь меня не делать этого, потом звонишь и заявляешь о своем новом ухажере, потом уезжаешь с ним назло мне на какие-то раскопки! И что мне было делать? Попытаться тебя убедить? Приехать и убить твоего Вадима? Поговорить с отцом? Украсть тебя? А если ты изменилась? Если я... и все мои слова, действия выглядят лишь как жалкие попытки, и теперь я не нужен тебе? Если, сообщая о Вадиме, ты на самом деле говорила, что счастлива, что я... какое-то временное никому ненужное образование, существо, которым легко попользоваться и выкинуть?! Я, может быть, приехал лишь убедиться, что ты так счастлива, как пытаешься показать!.. Но ты ты та же Мика, и не пытайся меня уверить, что стала другой за этот год.

— Иди сюда, — неожиданно для себя сказала Мика и притянула его за рукав свитера к себе. Грозовский шагнул вперед и сел на корточки прямо перед ней.

— Да?

— Да, Марк. Ничего не изменилось, поверь мне. Но я... да. Я повзрослела.

— Это не взросление, Мика. Это какое-то... старение. Ты уже не веришь, что все возможно, понимаешь? — с сожалением протянул Марк. — Как раньше. Точнее, ты бы хотела верить, но боишься. И я читаю этот страх в твоих глазах. Это самое страшное — засомневаться в себе, особенно если раньше не сомневался. А сомнения — это не взросление. Уж точно.

— Нет.

— Да. И ты это прекрасно знаешь. Не сомневайся во мне — со мной все также. Я здесь я приехал к тебе. Потому что ты мне нужна. И я готов спать под вашей дверью, но добиться у твоего отца разрешения... быть со мной.

— И как? Как ты это представляешь? Даже если он и даст такое разрешение, что это значит для тебя? У меня университет и у тебя...

— Университет, — насмешливо закончил Марк. Он почему-то был в превосходном настроении. — Это все можно решить, это не такая проблема! Можно ездить друг другу, видаться по несколько дней в месяц, было бы желание! Я заканчиваю в следующем году, я уже подрабатываю съемками в рекламе, хожу по кастингам...

Мика молчала. Смотрела на него и не могла сказать ни слова.

Как всего лишь один человек, с которым провел вместе всего лишь неделю, мог так запасть в душу? Один человек? Одна неделя? И целый год наизнанку.

— Назови мне хоть одну пару, которая выдерживала бы отношения на расстоянии?

— Варька и Артем. — Не раздумывая, заметил Марк.

Мика с сомнением посмотрела на него.

— Поверь мне, — протянул он. — У них-то все далеко не закончено...

Со своего места Мика сделала то, что давно нужно было сделать — поцеловала его. Он обхватил горячей рукой ее затылок, притягивая к себе. И лицо его, и волосы, и глаза, и губы — все это снова было близко, до странности близко, непозволительно близко.

Как один человек?..

Вот как.

Она прервала поцелуй и встала. Подошла к окну. За окном все было до странности обычно и совсем как и должно быть первого января.

Рыхлый снег с тучей из следов, остатки фейерверков и отсутствие людей на улице. Для первого января было непозволительно рано.

— Не обязательно чувствовать себя виноватой перед отцом всю жизнь, — заметил Марк тихо.

— Нет. И мне никогда не отблагодарить его за то, что он для меня сделал.

Он будет счастлив. Будет. Я это чувствую. Нет. Знаю.

Марк собрался с духом и задал тот единственный вопрос, на который ему хотелось бы получить ответ:

— Ты поедешь со мной в Москву, когда я поговорю с твоим отцом? Хотя бы на неделю.

«От ошибок, Мишка, родненькая, никто не застрахован. Ни царь, ни Бог! И все мы их совершаем в своей жизни, и немало. Но больше всего оберегайся ошибок в любви, потому что нет ничего хуже. Пройдет много лет и все успехи и неудачи — в работе, в учебе, в налоговой, с вредными работодателями, хамоватыми продавщицами и диктантом по русскому за третий класс — забудутся. Останутся только твои сказанные или утаенные слова, последняя встреча, последний звонок, последнее письмо — и все то, что еще хотелось

бы переписать, пересказать, набрать не тот номер. Не тот и не так. И если это осталось с тобой, если только это ты и вспоминаешь, значит, дело твое труба. Ничего не исправишь. Уже никогда. Так что, Мишка, родненькая, прошу, не делай ошибок в любви».

...Снег уже заметал следы прошлой ночи: и остатки фейерверков, и пустые бутылки, и шаги тысячи толп... Только две черные вороны перекликались, бродя по подмерзшему настилу. Вороны-счатливицы, густыми басами перекликались, реально оценивая эту жизнь. Хоть кто-то.

Ты поедешь со мной? Поедешь?

— Мика.

Он стоял сзади. За спиной. Она чувствовала его дыхание, тепло, руки, которые не решались дотронуться до нее, глаза карие с тревожащим душу выражением.

Мика смотрела в окно на ворон, предчувствуя, как обернется и увидит его совсем близко. И улыбалась.

Эпилог

...Воронеж утопал в зиме. Снегом было завалено все, а деревья на центральных улицах светились еще к тому же и разноцветными огоньками гирлянд.

Я строила рожи своему отражению, а Стрелин оттаскивал меня от зеркал с крайне возмущенным видом, и все это было такой игрой, в которую мне, наконец, захотелось играть.

Мы приехали в начале января на свадьбу Анатолия и Антонины — так было написано в приглашениях.

Владилена, услышав об этом событии, повелела праздновать у нее, в «Армстронге».

— И без разговоров! — отрезала она, и, смягчившись, добавила: — Ну если уж ты так хочешь, Анатолий, котик, я даже разрешу тебе непрерывно крутить твоих любимых битлов.

Эти двое только смеялись. Они приехали высоченные, красивые, уверенные в себе, расцеловали меня в щеки и начали выпрашивать — нормально мы с ними не общались уже наверно года два. За ними приехали родители Анатолия — неуверенно оглядываясь по сторонам, будто монархи заехали в беспробудную российскую глубинку. Мы со Стрелиным мастерски научились изображать их, сидя за стойкой в кафе.

До свадьбы оставался один день, и мы проводили его в «Армстронге» всей компанией. Я ждала Марка, который должен был приехать и рассказать, что там у них происходит с Микой, когда у меня неожиданно зазвонил телефон. Номер был незнакомый, и я вышла на улицу. Официальный голос осведомился, имеет ли он честь беседовать с Варварой Трубецкой. Я подтвердила, что имеет.

И... меня взяли! Мне позвонили, чтобы сказать, что я зачислена в труппу мюзикла «Рапунцель». Просили явиться через три дня в офис — подписать контракт.

— На какой срок будет заключен контракт? — осторожно поинтересовалась я.

— На год, — охотно откликнулся голос.

Я вернулась в кафе несколько... ошарашена, взволнована, приподнята, взбудоражена! И это только малая часть чувств, что охватила меня. Участвовать в мюзикле, танцевать и даже, как сказал голос, петь! Будто все детские мечты, выстроившись в рядок, бросали в меня конфеты и конфетти!

Быть частью этого действия — готовить сказку, которая потребует много хлопот, репетиций, подготовок, зависаний в зале, примерок...

— Что у тебя с лицом? — одновременно произнесли мы со Стрелиным, глядя друг на

друга.

— Мне позвонили...

— И мне... — подхватил он.

Мы в молчании уставились друг на друга.

— Стрелин...

— Через месяц я уезжаю.

— А я заключаю контракт на год.

Посидели рядом, как два нахохлившихся воробья. Маленькая деталь в идеальном плане.

Маленькая ложка дегтя в бочке меда.

Большая ложка дегтя в маленькой бочке меда.

Потом он выпростал руку и обнял меня за плечи.

— Но это же ничего не значит, правда?

— Конечно, — улыбнулась я. — Значит, остался месяц?

— Месяц. — Он мотнул головой, а потом быстро наклонился и поцеловал меня.

Он быстро глядел зал.

— Пойдем отсюда?

— Пошли, — я решительно сползла со стула, пока никто не прицепился с разговорами.

Мне вдруг захотелось побыть с ним вдвоем, как будто счетчик уже начал мотать время, увеличивая плату.

Но... попытаться скрыться незамеченной, когда ты этого так хочешь?! Я и забыла, что такого никогда не бывало. У входа нас поймал Миша.

— Я пойду пока машину прогрею, — улыбнулся Артем, которого Подлый трус в последнее время достал своими историями.

— Я тебя еще поймаю! — прокричал Мишка ему вслед и повернулся ко мне.

— Слышал, ты прошла некий кастинг? — вкрадчиво осведомился он.

— Откуда ты знаешь? Мне самой только что сообщили! — поразилась я. Наконец-то ему удалось меня ошарашить.

— Неважно, проверенные источники, — подмигнул певец. — А вот я буду участвовать в конкурсе джазовых исполнителей в Москве. Три тура. Последний — в Париже.

— Это что же, европейский конкурс? — удивилась я.

— Отбор пока русский. Если пройду его — поеду в Париж на европейский конкурс... — заметил он. В его голосе не было слышно обычной бравады и гордости собой. Он просто сообщил. Почти не как Мишка Подлый трус, лучший джазовый исполнитель, которого я знаю уже наверное лет триста.

— Тогда чего ты такой грустный? — поинтересовалась я. — Я думала в таких случаях, ты прыгаешь до потолка!

Он посмотрел на меня искоса.

— Ах, Варька, если бы ты знала, как долго я ждал такой возможности! Этого конкурса. Если я выиграю его... Нет, — он мотнул головой, так что едва не свалилась шляпа. — Я выиграю его, этот чертов конкурс, и отвезу, наконец, Гришку и Аленку в Америку!

— Я знаю, что выиграешь, — уверенно сказала я. Видимо что-то промелькнуло в моем голосе, потому что он как-то по-новому взглянул на меня.

— Почему ты так думаешь?

Я подхватила его под локоть и заговорщицки прошептала, наклонившись к самому его уху:

— Потому что сам Луи Армстронг захотел бы спеть с тобой! И это дорогого стоит, Мишка. Эта мечта просто не может пропасть! Ты уж мне поверь...

Певец мгновение смотрел на меня.

— Знаешь, а ведь маленькая девочка, вечно роняющая поднос, исчезла. Она мне сразу понравилась. У нее был такой взрослый и теплый взгляд, а говорила она всегда с таким оптимизмом, что во всю эту чертову жизнь хотелось верить. И даже в то, что она однажды справится с этим подносом... Я рассмеялся, помнится, а она с таким снисхождением спросила: «Ты что, не веришь мне?», — как будто заранее знала ответы на все свои вопросы и удивлялась, как хоть кто-то может их не знать. И в том момент я ей поверил. Она справилась с подносом, а затем и со своими проблемами.

Я улыбнулась.

— А ты думаешь, той девочки уже нет? А ведь она по-прежнему роняет поднос временами.

— Самое главное — не делать этого постоянно, — назидательно заметил Мишка. — И верить, что в следующий раз поднос не упадет.

— Так мы же все только этим и занимаемся, Мишка. Верим.

...Стрелин стоял у машины, прислонившись к капоту.

— Давай пройдемся пешком? — спросил он, протягивая руку.

— Давай, — я подхватила ее.

Мы шатались по улицам, забредали в парки.

— А знаешь, я тут недавно занялся переводом слов из твоего любимого танго... *Por uno cabeza*, ведь так?

— Да, — удивленно сказала я. — Не знала, что ты еще и испанским владеешь...

— Ну, это был вольный перевод.

— Ах, вольный, — я закатила глаза. — И что же там в словах?

— А ты не знаешь? — он посмотрел внимательно.

— Нет, — невинно заметила я.

— Припев там самый знаменательный, на мой взгляд:

Por una cabeza

si ella me olvida

que importa perderme,

mil veces la vida

para que vivir... — тихонько запел он.

— Отлично, — похвалила я.

Он усмехнулся.

— Я еще не начинал.

— А я заметила.

— Итак, по строчкам. *Por una cabeza* — Проигрываю голову. *Si ella me olvida* — Но что мне за дело до того? Дальше... *que importa perderme* — Когда она меня забудет, *mil veces la vida* — тысячу раз готов расстаться с жизнью, *para que vivir...*

— Зачем мне жить? — закончила я быстро.

Он посмотрел на меня.

— Так ты все знала, да?

— Это мое любимое танго, Стрелин.

Проигрываю голову.

Но что за дело до того?

Когда она меня забудет,

тысячу раз готов расстаться с жизнью,

Зачем мне жить?

...И это лишь один из переводов.

Мы прошли еще пару метров, когда Артем заметил со вздохом:

— Не удался сюрприз.

— Нет, Тёмка, спасибо, правда. Для меня еще никто танго не переводил! — засмеялась

я и Стрелин, закруживший меня на руках, засмеялся тоже.

— *Su boca de fuego, otra vez, quiero besar.* — Протянул он.

— Я вновь хочу гореть в её огне. И в твоём, — добавила я.

— А вот этого в переводе не было, — усмехнулся он.

— Теперь есть.

— Это потрясающе, Варька... Бывают минуты, когда я просто до ужаса, до невозможности, до бурных истерик рад, что все только начинается. Сейчас. Каждый день. Можно начать заново и еще, и еще раз. Пока есть ты, пока есть мечты и планы, пока можно ошибаться и совершать необдуманные поступки. Искать и находить или сворачивать с пути и открывать что-то совершенно новое... А еще верить.

— Верить? — я быстро посмотрела на него.

— Конечно, верить. Что все возможно. Что мы на все способны. Что на нас еще хватит идей, людей и детства. Верить, что тебя любят.

— Знаешь, я думала об этом. Только что. О... Марке. О нем и Мике.

— Да?

— Я думаю, что Мика тоже. Тоже постоянно верит.

— Верила. — Поправил меня Стрелин.

— Почему верила?

— Потому что уже наверняка знает точно.

— О чем ты? — я остановилась и посмотрела на него. — Опять ты что-то знаешь, чего не знаю я?

— Нет, правда, — он сунул руки в карманы. — Но думаешь, почему Марка так долго нет, хотя он должен был приехать еще позавчера?!

— Ты думаешь он...

— А ведь Мика тоже не отвечает на звонки?

— Я не проверяла.

— И не надо. Просто представь, каково это... ехать в поезде буквально в никуда. Нет, в определенное место, в Москву, но... что оставляя позади? Ссоры, конфликты, попытки измениться, чужие проблемы, себя другую, старую или новую, неуверенность?

— Неуверенность?

— Неуверенность. И все-таки ехать вперед. И знать, что это не зря, хоть там позади намного больше, чем впереди! А все потому что она верит. И знает. Все-таки не зря, я думаю, у этих слов один корень: самоуверенность-неуверенность-доверие-вера.

Самоуверенность-неуверенность-доверие-вера. Четыре похожих слова. И такие разные жизни, смотря что поставить во главу...

— Так ты думаешь, они там? Вместе? — прижимаясь к его плечу и глядя в сторону заходящего солнца, размышляла я.

— Хотелось бы верить, — усмехнулся Артем.

— И мне. В конце концов, есть ошибки, совершив которые сейчас, практически невозможно исправить в будущем.

Завтра — штука неразгаданная. Нет ничего проще, чем сегодня. У сегодня есть я и все, кто рядом со мной. Есть Артем, Марк, Мика, Никита, Миша, Владилена и другие. Есть мама бабушка, граф, Борис, отец... даже неощутимо, но есть.

Есть люди, в которых нуждаюсь я, и которые нуждаются во мне. Есть Воронеж, Санкт-Петербург, Москва, а скоро будет и какой-то городок Австрии. Так что завтра, несмотря на то, что может случиться сегодня, все равно присутствует, пусть и незримо, рядом. И даже если что-то пойдет не так, сломается, обнищает, будет уготованным на слом, изменится под влиянием нескольких слов или одного поступка, мое сегодня не пошатнется ни в коем случае. Потому что сегодня я как никогда уверена.

И да, я снова начала мечтать, строить планы и верить.

Самоуверенность-неуверенность-доверие-вера.

В конце концов, подумалось мне снова, все мы только этим и занимаемся. Верим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net